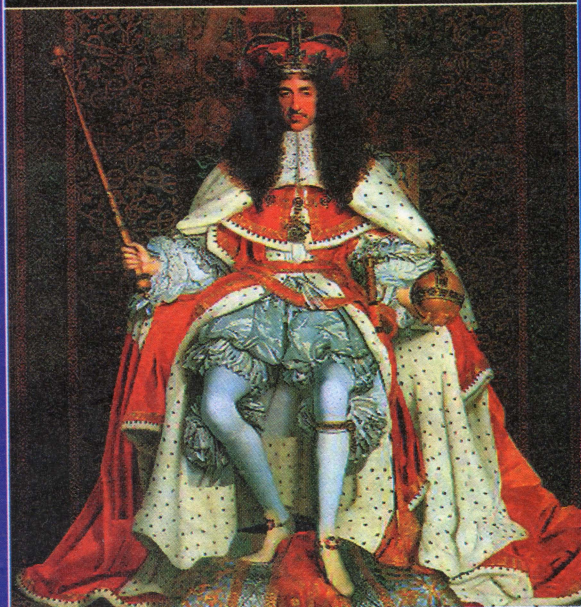

Стивен
КУТ

Августейший мастер выживания.
Жизнь Карла II

Жизнь Карла II — удивительная история, в которой причудливо переплелись предначертанность и необходимость, мир и война, интрига, нищета и власть.

Стивен КУТ

Августейший мастер
выживания.
Жизнь Карла II

УДК 94(410)(092)
ББК 63.3(4Вел)-8
К95

Sean By Vitautus

Серия основана в 2001 году

Stephen Coote
ROYAL SURVIVOR
A LIFE OF CHARLES II
1999

Перевод с английского Н.А. Анастасьева

Серийное оформление С.Е. Власова

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
David Higham Associates Ltd. и Synopsis.

Подписано в печать 27.02.04. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 23,52. Тираж 5000 экз. Заказ № 652.

Кут С.

К95 Августейший мастер выживания. Жизнь Карла II / С. Кут;
Пер. с англ. Н.А. Анастасьева. — М.: ООО «Издательство АСТ»;
ЗАО НПП «Ермак», 2004. — 446, [2] с.: 16 л. ил. — (Историческая библиотека).

ISBN 5-17-022734-5 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9577-1147-0 (ЗАО НПП «Ермак»)

Карл II.

Король, хорошо известный нам по роману «Десять лет спустя»
Александра Дюма...

Но — каким он был не в книгах, а в действительности?

Покровителем наук и искусств, при дворе которого творил Ван Дейк
и работал Ньютон?

Любимцем женщин и человеком, ловко использующим своих
легендарных фавориток в дворцовых интригах?

Весьма посредственным военачальником, выигравшим тем не менее
множество сражений?

Наконец, единственным из королей Англии, чей двор затмил роскошью
и изысканностью даже легендарный Версаль?..

УДК 94(410)(092)
ББК 63.3(4Вел)-8

© Stephen Coote, 1999
© Перевод. Н.А. Анастасьев, 2004
© ООО «Издательство АСТ», 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед вами — биография властителя, привлекающего к себе особо пристальное внимание. Карл II является одним из трех популярных исторических персонажей (а помимо него, можно назвать королев Елизавету I и Викторию), чьи жизни ярко расцвечены в мифах, ими же и навязанных. Карла II, прозванного современниками «Веселым монархом», обычно представляли этаким длинноногим эпикурейцем, либо вышагивающим рядом со своими собачками, либо тайно проводящим долгие часы досуга с многочисленными любовницами. Мифы изображали его, как правило, обаятельным, но несколько зловещим женолюбом — нечто вроде голландского дядюшки XVII века. Завершающим штрихом к портрету, придающим необходимую пряность, стало тысячекратное тиражирование его изображения на стенах пабов, которое напоминает посетителям о самом знаменитом приключении короля: он прячется от солдат Кромвеля в листве дуба в Боскобеле, а те, подслеповато щурясь, пытаются заставить его спуститься.

Несмотря на схематичность изображения, оно содержит в себе зерно истины, но, как выяснилось, подлинная картина все-таки богаче и интереснее. Карл, которого я попытаюсь правдиво представить на этих страницах, совсем не безалаберный плейбой; скорее всего он битый жизнью политик: хитрый, изобретательный, циничный, сумевший выстоять в ок-

ружающем его враждебном мире. Это подтверждается всем удивительным ходом его жизни, и одно из самых замечательных удовольствий при написании этой книги заключалось для меня как автора в том, что я сосредоточивался на крутых и внезапных поворотах судьбы героя, на повествовании и сюжете. При этом первейшим долгом историка я считал пересказ событий; жизнь же Карла — это как раз та удивительная история, в которой причудливо переплелись предначертанность и необходимость, мир и война, интрига, нищета и власть.

Таковы условия, сформировавшие эту личность властителя, но какова же была сама личность, пытавшаяся повлиять на события? Возвратившийся в 1660 году на трон король приучил себя быть человеком-загадкой, одновременно доступным и непроницаемым. А это далеко не всем могло понравиться. «Многие ставили ему в вину, — писал современник, — скрытность, нежелание поделиться своими мыслями». Моя задача биографа как раз и состояла в том, чтобы, приподняв хотя бы частично завесу тайны, попробовать обнажить душу героя. Только приступив к решению этой задачи, я понял одну существенную истину. За живым умом Карла, его любовью к развлечениям, верностью религиозным воззрениям и умением стать выше их скрывалась твердая убежденность политика в том, что самое главное — это английская монархия, которую следует беречь как зеницу ока и, поелику возможно, демонстрировать ее мощь. Представляясь порою праздным гулякой, Карл неизменно все-таки оставался королем.

Именно это свойство объясняет все остальное, оно же привносит некую систему в такое по-человечески непоследовательное поведение Карла. Прежде всего он был бесстрашным мужчиной. Даже в мальчишке, грозившем врагу пистолетом во время сражения при Эджилле, угадывался юноша, поднявший шотландскую армию в тщетной

надежде отвоевать трон. Мужество, проявленное Карлом под конец этой кампании, бесспорно, хотя само по себе не является еще нравственным достоинством. Бесстрашными бывают и люди высокой чести, и настоящие мерзавцы, а поведение Карла по отношению к своим шотландским союзникам свидетельствовало скорее всего о том, что ради завоевания власти он был готов буквально на все.

В свою очередь, любитель макиавеллиевского толка, каким Карл показал себя во время пребывания в Шотландии, обнаруживается в короле, вернувшемся на трон в 1660 году. Дальние цели и текущие раздоры, возникшие сразу после возвращения Карла, сохранятся на протяжении всего его царствования. При малейшей возможности король будет уходить от влияния тех, кто вернул ему власть, не превратится в марионетку английского дворянства, не станет королем всего лишь церковного прихода и сквайров. Карл был преисполнен решимости возвысить монархию, и вместе с Реставрацией возвратилось старинное право английских королей созывать и распускать парламент, приостанавливать его работу, назначать пэров, епископов и судей, определять церковную политику, объявлять войну и заключать мир.

Именно здесь следует искать ключ к тайнам поведения Карла на английском троне. В этой книге я пытаюсь показать его как монарха, утверждающего свою власть, чего бы это ни стоило. Политический облик этого властителя отличается совершенно головокружительной рисковостью, что и объясняет его неувядающее обаяние; в то же время силы, стоящие к нему в оппозиции, образуют соединительную линию между его веком и нашим. И последнее. Именно этой борьбе обязана книга своим названием, ибо на протяжении всей незаурядной биографии Карл прежде всего демонстрировал практически неиссякаемые источники силы. Он был поистине августейшим мастером выживания.

Глава 1

СМУГЛЫЙ МЛАДЕНЕЦ

Новость настигла короля в молельне. Он и бровью не повел, но когда служба закончилась, едва не рухнул от горя: его фаворит герцог Бэкингем был зверски убит. Покушение совершил некто Джон Фелтон, полубезумный, вечно обиженный на судьбу армейский офицер, считавший, что ему выпала великая миссия избавить Англию от человека, ведущего ее к гибели.

Готовясь к покушению, Фелтон направился в район Тауэра, где приобрел нож с длинным лезвием. Улицы Лондона, которыми он пробирался, были насыщены атмосферой озлобленности. С кафедр, сооруженных на открытом воздухе, священники посылали на герцога проклятия, и в сознании Фелтона их слова странным образом смешивались с его недовольством теми, кто упорно отказывал ему в продвижении по службе. Возбужденные парламентарии спешно формулировали резолюцию, провозглашавшую герцога «причиной всех бед, постигших королевство, врагом народа». Именно это выражение вместе со словами короткой молитвы Фелтон нацарапал на листке бумаги и зашил в шляпу. Если в суматохе, которая неизбежно последует за убийством герцога, ему суж-

дено будет пасть от руки кого-нибудь из его слуг, мотивы поступка не должны остаться тайной. Он, Джон Фелтон, воплощает собой переполнившуюся чашу гнева английского народа, гнева на вельможу, который вверг страну в серию разрушительных войн, заставил короля жениться на правоверной католичке — французской принцессе и даже сейчас, в этот самый момент, собирает в Портсмуте еще одну большую армию, чтобы помочь французам, осажденным в Ла-Рошели войсками кардинала Ришелье. Насильственный призыв этого разношерстного воинства вызвал ропот горожан, вынужденных заботиться о солдатах, так что душевное состояние Фелтона вполне накладывалось на настроения времени.

Фелтон отправился из Лондона пешим ходом. Портсмута он достиг в субботу 22 августа 1628 года, около девяти утра, и сразу же пошел к дому, где остановился герцог. Слуги навели на Бэкингема последний лоск, прилаживая ему парик, опрыскивая его духами, поправляя жемчужное ожерелье, которое он всегда носил поверх камзола. В герцогских покоях толпились местная знать, офицеры армии и флота, а также без умолку тараторящие французы, упрямо настаивающие на немедленной отправке экспедиционного корпуса. Фелтону предстояло дожидаться благоприятного момента.

Герцогский туалет подошел к концу, и всю шумную компанию оповестили, что завтрак готов. Бэкингем поднялся и направился к двери. Раздвинулись пышные портьеры, и Бэкингем, переступая через порог, повернулся к одному из своих приближенных. Тут-то и пробил час Фелтона. В воздухе мелькнуло длинное лезвие. Оно с силой вонзилось в грудь герцога. Этот мощный удар заглушил даже голос Фелтона, взывающего о спасении души своей жертвы. Смертельно раненный Бэкингем сделал еще несколько шагов и бессильно рухнул на обеденный стол. Умер он почти мгновенно.

Убийство задело всех, и пока лондонский люд зажигал на улицах фейерверки, а охваченный отчаянием король беспокойно ворочался в постели, свой шанс постаралась не упустить королева Генриетта Мария. Ее брак с Карлом I с первых же дней был омрачен вспышками ярости с обеих сторон, а через шесть недель фактически распался: супруги встречались только чтобы излить друг на друга очередную порцию яда. Генриетта Мария нашла мужа холодным и замкнутым; к тому же он оказался заикой. Но больше всего ей не нравилось, что супруг практически во всем послушен герцогу. Карл со своей стороны быстро убедился, что его жена — всего лишь избалованная пятнадцатилетняя девчонка, заслуживающая соответствующего отношения. Но усмирить дочь Марии Медичи и Генриха IV было не так-то просто, к тому же от природы она была наделена некоторым хитроумием. Юная королева, живо сообразив, что свалившееся горе может поставить мужа в зависимость от нее, принялась всячески его обихаживать.

Предполагаемая уловка, однако, обнажила правду сердца. К обоюдной радости супругов, вскоре обнаружилось, что убийство фаворита устранило многие помехи и барьеры, и уже в самые ближайшие месяцы двор заметил, что угрюмый, замкнутый Карл и его бойкая женушка все сильнее влюбляются друг в друга. В королевском доме наступил мир. Стоило Генриетте Марии занемочь, как Карл немедленно оказывался рядом и часами оставался подле нее. А выздоровление жены он отмечал участием в рыцарском турнире, где выказывал себя в полном королевском великолепии.

Вскоре стало ясно, что королева забеременела. Это были времена чрезвычайно высокой детской смертности, и преждевременно родившийся младенец «ушел из этого мира, едва увидев его свет». Но королева, наслаждавшаяся в ту пору домашним уютом, лишь написала, что, благода-

рение Богу, опасность миновала, а «об утрате хотелось бы поскорее забыть».

Генриетта Мария отправилась в Танбридж-Уэллз, чтобы окончательно оправиться, а заодно попринимать ванны, известные своим благотворным воздействием на женщин, желающих иметь детей. Впрочем, скучая по супругу, королева вскоре решила перебраться в Оут-Лендз-Пэлэс, неподалеку от Уэйбриджа, где внезапно появился и Карл; именно там, в восторге от долгожданного свидания, был зачат следующий их ребенок. К концу 1629 года Генриетта Мария вполне убедилась в новой беременности, и весть об этом быстро распространилась по королевству. Авгур на пророчил, что она родит сына — «крепкого мальчика». Король, в свою очередь, признавался, что «эта новая надежда, которую дал нам Бог», дарит ему настоящее счастье. Неделя проходила за неделей. Талия королевы все более округлялась. В октябре люди видели, как кто-то из ее слуг бегал по всему Лондону в поисках мидий, которых ей вдруг страстно захотелось отведать.

Нетерпеливые ожидания возрастали. Мать королевы послала дочери портшез и ограненное алмазами сердечко на шею, а также письмо, содержавшее множество советов. Красивая безделица сделалась в глазах Генриетты Марии буквально залогом будущего счастья: стоило ей вдруг забыть надеть алмазное сердечко, как ее сразу же начинала бить крупная дрожь. Роды приближались. Во Францию послали королевского карлика и учителя танцев за знаменитой акушеркой. Многих это покорило: разве не добрые английские, протестантские руки должны помочь появиться на свет наследнику английского престола? Однако вскоре ропот сменился радостью: незадачливых эмиссаров захватили пираты. Но эта радость была недолгой: из Франции прибыла целая группа братьев-капуцинов, и при

дворе это восприняли как чрезвычайно зловещий признак — мол, снова римская католическая церковь плетет свои гнусные интриги, причем на сей раз направленные в самое сердце власти. Отсюда такая тревога.

Было решено, что Уайтхолл не вполне подходит для родов, взамен выбрали место потише — Сент-Джеймский дворец. Именно здесь, в одной из комнат неподалеку от Цветного двора, было приготовлено роскошное ложе, убранное зеленым шелком, и именно здесь около четырех утра 29 мая 1630 года, когда на черном небе ярко сверкала Венера, начались родовые схватки. Они продолжались почти восемь часов, и вскоре после полудня королева разрешилась крупным смуглолицым мальчиком — Карлом Стюартом II. Младенца сразу же передали кормилице, а король отправился в собор Св. Павла вознести благодарственную молитву. Качать королевскую колыбель были отобраны шесть женщин, чье протестантское вероисповедание не вызывало ни малейших сомнений.

Звонили церковные колокола, в воздух вновь взлетали петарды, и люди напряженно ловили малейшие слухи о наследнике престола. Видные иностранцы описывали в посланиях домой мельчайшие подробности происходящего. Посол Венеции, тщательно обхаживая королевских сиделок, получил возможность информировать сенат безмятежной республики о том, что будущий английский король «всегда держит ладони открытыми, не сжимает кулаки». Это, как ему удалось выяснить, добрый знак: Карл II станет «исключительно либеральным монархом». Подобные сплетни кумушек, несомненно, интереснее предсказаний, над которыми трудолюбиво корпели астрологи. Крупный малыш, уютно свернувшийся в своей колыбели и посасывающий большой палец, вырастет, вещали они, в мужчину с редкой бородой, пронзительным голосом и «семенящей

походкой». Пока не вполне ясно, доживет он до 108 или до 66 лет, но его «счастливая будущность и преуспеяние, достигнутое в результате удачной женитьбы и войны», не подлежат сомнению. Эти радужные ожидания оправдались лишь в одном отношении. Карл II, как и предсказывалось, стал сметливым, практичным королем, которому «особенно милы были математики, моряки, купцы, ученые, живописцы и скульпторы».

Пока сплетницы и астрологи занимались гаданиями, священнослужители готовились к крестинам новорожденного принца крови. Это был первый шаг на его пути к будущему положению главы английской церкви, к тому, чтобы стать заступником подлинной, то есть протестантской, англиканской веры. Дело было исключительной важности, и король настоял на проведении подобающей церемонии протестантского толка. Братьям-капуцинам счастливый отец велел «не отягощать себя заботами о крещении сына, он сам этим займется». Далее король попросил своего друга, епископа Лода, провести церемонию, состоявшуюся 27 июня в частной молельне Сент-Джеймского дворца.

Комнаты, через которые несли младенца, были увешаны новыми гобеленами. Все дары отличались исключительной роскошью. Герцогиня Ричмондская преподнесла принцу бриллиантовое кольцо стоимостью 8000 фунтов. Отцы города — золотую чашу «в ярд высотой». Лорд-мэр Лондона — серебряную купель; ее установили на возвышении посреди прохода так, чтобы всем было видно: крещение осуществляется по англиканскому обряду. Выбор крестных тем не менее породил некоторые трудности. Семью королевы нельзя было оставлять в стороне, между тем Мария Медичи и Людовик XIII воплощали в глазах большинства англичан все ужасы римско-католической церкви. Назначение католички, графини Роксбургской, придворной дамой принца также вызва-

ло ропот (вскоре она была удалена), особенно в кругу протестантов-фанатиков, иные из которых тайно надеялись, что королева окажется бесплодной. Несмотря на все усилия короля, церемония крещения принца была окутана далеко не англиканской атмосферой, и когда все закончилось и с башен Тауэра прозвучала канонада, один пуританский священник обмолвился, что радости во всем происшедшем мало, ибо «нельзя с точностью сказать, какую именно веру будут защищать дети короля, учитывая, что их мать — правоверная дочь римской церкви».

Сама же мать, не отрывая глаз от младенца, впадала то в экстаз, то в смущение. Прежде всего слишком уж он был велик: в четырехмесячном возрасте вполне мог сойти за годовалого. Свои габариты младенец скорее всего унаследовал от ширококостной бабки-датчанки по отцовской линии. Но если и так, то другая особенность маленького принца явно противоречила его скандинавскому происхождению. «Он такой смуглый, — писала королева, — что мне становится даже стыдно». Цвет кожи Карл явно позаимствовал у своих итальянских предков, у Медичи, и это настолько бросалось в глаза, что его даже прозвали «черномазым». Было очевидно, что принц не только крепок телом, но и на редкость смышлен. В четыре месяца у него уже начали резаться зубы, и горделивая мать писала мужу, что «размерами и упитанностью малыш не уступает своей же красоте. Неплохо бы тебе взглянуть на этого джентльмена, ибо наш ребенок явно особенный. — И пророчески продолжала: — Он такой серьезный, что, мне кажется, уже сейчас гораздо умнее меня».

Покои принцу отвели в Сент-Джеймском дворце. По роскошно обставленным комнатам здесь деловито сновали, создавая подходящую атмосферу изобилия, от двухсот до трехсот человек обслуги — гофмейстеры, пажи, ле-

кари, адвокаты, швеи, судомойки. Казне они обходились в 5000 фунтов ежегодно. Самой королеве не полагалось нянчить сына, однако некоторые педагогические наклонности у нее все же были, и именно по настоянию матери на младенца надевали свободные рубашечки из светлого шелка, а не пеленали его. В семимесячном возрасте малыш, по свидетельству врачей, отличался отменным здоровьем. В конце 1631 года его официальной гувернанткой назначили графиню Дорсетскую. Она заменила прежнюю кормилицу на миссис Кристабеллу Уиндэм, которая оставалась при Карле четыре года и которой предстояло сыграть немалую роль в его юные годы. Между тем, пока принц забавлялся сахарными куколками и сладкими тянучками и проявлял «странное, необъяснимое пристрастие к деревянным чуркам, без которых не выходил на улицу и не ложился спать», королевский дом разрастался. Когда Карлу исполнилось 18 месяцев, на свет появилась принцесса Мария, а еще два года спустя родился любимец матери, голубоглазый Яков, герцог Йоркский. Из других детей уцелели, дожив до зрелых лет, Генрих, герцог Глостерский (1639), и принцесса Генриетта Анна (1644).

Серьезным испытанием для природного здоровья принца стали неизбежные детские заболевания. В 1633 году, накануне отъезда отца в Шотландию, Карл подхватил лихорадку. Весь день, до самого заката, он играл с королем в Гринвичском парке, а после настоял, чтобы ему позволили смотреть на отца в распахнутое окно, да к тому же без шапки и с неприкрытой шеей. На следующий день у принца появились все признаки простуды. Жар увеличивался, и его личный врач забеспокоился. Он собрал консилиум, на котором порешили, что болезнь вызвал фурункул, образовавшийся на шее мальчика. Были испробованы различные средства. Но ни мазь, ни прохладительные напитки не помогали, организм

ребенка их просто отторгал. Тогда восемь специалистов в окружении массы придворных постановили применить крайнее средство — молочную клизму, долженствующую «промыть кишечник и умерить боли». В результате у принца началась рвота с кровью. Срочно был затребован куриный бульон с ревенем и александрийским листом. Однако к этому времени начало сказываться врожденное здоровье принца. Хотя его по-прежнему тошнило и кровотечение временами возобновлялось, жар сошел на нет. Принца заставили проглотить еще несколько ложек бульона, но на сей раз «с отличными результатами», а уже неделю спустя он, пусть и хныкая, ел с отменным аппетитом. Мальчик поправлялся на глазах и к возвращению отца в Гринвич уже был вполне способен приветствовать его своей «очаровательной невинной улыбкой».

Домашние радости резко контрастировали с событиями, происходившими за стенами дворца. После смерти Бэкингема король намеревался продолжать политику своего фаворита, но наступление на Ла-Рошель, не имевшее поддержки в народе и вызвавшее приступ ярости у убийцы герцога, кончилось позорным поражением. С этой занозой в сердце король был вынужден летом 1629 года предстать перед сессией парламента. Он и раньше не очень-то симпатизировал этому институту власти; теперь же скепсис сменился глубоким недоверием. Король не мог забыть того, что в подкладку шляпы убийцы герцога Бэкингема была зашита бумага со словами, взятыми из резолюции парламента, направленной против королевского фаворита. Кроме того, авторы этого документа, известного как Петиция о праве, покушались еще и на королевские полномочия, ибо король запрещал как тюремное заключение без предварительного слушания дела в суде, так и налогообложение «без общего согласия, закрепленного парламентским актом».

Петицию король вынужден был принять, но про себя твердо решил, что не позволит палате общин ограничивать свои священные временем прерогативы; к началу сессии эта решимость стала уже уверенностью в том, что некоторые из народных избранников — злодеи, покушающиеся на самые основы государства.

На сессии сразу же начались разногласия. Король отстаивал свое право собирать давно установленные налоги с каждой тонны и каждого фунта веса продукции, а парламентарии-пуритане претендовали на участие в обсуждении финансовых и религиозных вопросов.

Венецианский посол отмечал, что противостояние «усиливается с каждым днем и все боятся взрыва». Взрыв не замедлил произойти. Карл, чувствуя, что теряет контроль над работой парламента, потребовал объявить недельный перерыв в работе сессии. Под крики «Нет! Ни за что!» спикеру не дали уйти, и заседание продолжилось. Под барабанный грохот кулаков — в запертые двери ломались королевские офицеры — сессия приняла резкие акты, направленные против католицизма и произвольного налогообложения. Затем сессию наконец объявили закрытой. Король немедленно собрал срочное заседание Тайного Совета, на котором был одобрен курс действий, определивший политику не только остававшихся одиннадцати лет его собственного царствования, но и сына — в том виде, в каком она строилась в его юные годы.

Свое заявление король обставил весьма драматично. К залу заседаний палаты лордов он подъехал при всех регалиях и, демонстративно нарушая древнюю традицию приглашать членов палаты общин присутствовать при речи короля, заговорил с высшей знатью о делах, казавшихся ему самыми существенными. Он стал утверждать, что сформировалась группа заговорщиков, покушающихся на фунда-

ментальные основы королевства. Затем Карл I сказал, что «владыки отчитываются в своих действиях только перед Всевышним», но он полагает уместным рассказать своим «возлюбленным и верным собратьям» о направленной против него интриге. Тем, кто действительно предан королю, бояться нечего. И поэтому, не желая далее терпеть опасных новшеств и неподчинения, он принял твердое решение «блюсти древние и справедливые права и свободы своих подданных и править без опоры на парламент». По свидетельству очевидца, домой Карл возвращался с таким видом, будто только что сбросил с себя тяжелые цепи. Таким образом, Вестминстер заставили замолчать, и все детство принца Карла прошло при его крайне смутном представлении о парламенте как институте, жестко противостоящем устремлениям его отца.

Король же, вступив в единоличное правление, стал переезжать из дворца во дворец. Главным среди дворцов оставался Уайтхолл, и именно здесь, среди внушительного и беспорядочного скопища строений, разбросанных на территории более чем 20 акров, юный принц приобщался к традициям королевской жизни в Англии. Сам дворец располагался на северном берегу Темзы, между зданиями суда в Вестминстере и шумным коммерческим центром города. Бурная жизнь столицы достигала его стен и даже переклестывала через них, ибо внутриворцовая дорожка была естественным продолжением главной городской магистрали. И хотя в обязанности начальника охраны входило препятствовать проникновению на территорию дворца нежелательных лиц, а также следить, чтобы поблизости никто не строил хибар, маленький, одетый во все шелковое принц мог видеть ряды, в которых торговали рыбой и иной снедью. Толпы людей, шум, запахи вездесущи, и даже королевская семья, обитающая в Уайтхолле, не могла укрыть-

ся от них. По идее, охранники должны были присматривать за всеми, кто входит на территорию дворца, и заворачивать одетых «не должным образом», а тем более имеющих оружие. Однако несмотря на все меры предосторожности, внутрь нередко проникали грабители; если же их удавалось поймать, то местом казни по приговору королевского суда становилась виселица у Гольбейновских ворот. Болтающиеся тела служили грозным предостережением потенциальным нарушителям, а в глазах принца Карла становились свидетельством могущества его отца.

По другую сторону этого беспокойного и нередко жестокого мира протекала пышная дворцовая жизнь. Во время многообразных церемоний, происходящих во дворце, принц лучше узнавал своего отца — замкнутого, утонченного человека с печальным взглядом, «величественного и недоступного», как говорили современники. Король был одержим идеей порядка и иерархии, ибо только так мог убедить себя самого в том, что власть способна породить достоинство, которого он столь сильно жаждал. Уже в самом начале своего царствования Карл I освободил позолоченные, созданные в ренессансном и готическом стиле залы дворца от «толпы глупцов и распутников, лицедеев и юных педерастов» — всех тех, кто бражничал в Уайтхолле во времена правления его отца, Якова I Стюарта. Всем на обозрение теперь были вывешены правила внутрдворцового распорядка. При короле постоянно находились 58 дворян, круглосуточно его охраняли 210 йоменов. Здесь же всегда можно было встретить тех, кого обессмертила кисть Ван Дейка, — напомаженных, облаченных в шелка придворных красавиц, цвет кожи которых эффектно подчеркивали роскошные жемчуга, юных надменных красавцев, лениво демонстрирующих свои длинные ноги и изящные руки. Этот же мир изображен и на картине Ван Дейка, безусловно во-

площающей самый образ венценосного детства, — на этом полотне одутловатый, болезненного вида семилетний Карл в окружении братьев и сестер внимательно смотрит на зрителя темными, все замечающими глазами, поглаживая покорную, но настороженную собаку.

Особо запоминающиеся уроки этикета мальчик получал во время трапез при одном из самых утонченных королевских дворов Европы. К обеду (начинавшемуся в полдень и завершавшемуся к двум часам) и ужину принцу полагалось являться в шляпе. Во время молитвы, которую произносил капеллан, Карл снимал шляпу, а затем, усаживаясь за стол по правую руку от короля, надевал ее вновь. Далее коленапреклоненный паж предлагал ему серебряный кувшин с розовой водой и салфетки. Сполоснув руки, принц выбирал, что именно будет есть, и один из дворян, прежде чем подать блюдо на стол, снимал с него пробу. Пока шла трапеза, около принца стояли на коленях другие пажи. Один из них подавал ему хлеб, другой — вино, а третий держал чашу на случай, если у него с подбородка что-нибудь капнет. Начинать разговор мог только король; если он молчал, молчали и все остальные, но смотреть вокруг не возбранялось, и, оглядывая большую, роскошно убранную, в пилястрах, с высокими окнами, через которые лился мягкий свет, столовую, принц впитывал роскошь отцовского двора. На сервировочном столе, покрытом хрустящей льняной скатертью, возвышались горки золотых и серебряных блюд, хрустальные графины и бокалы. В серебряных ящичках охлаждались бутылки с вином. По мраморному, в шахматных клетках полу неслышно скользили слуги в ливреях. С почтительного расстояния из дальнего конца зала за происходящим наблюдали избранные зрители, с которых в свою очередь не спускали глаз королевские собаки, расположившиеся на полу.

На фоне величественности, окружающей короля, стиль поведения, принятый в кругу его супруги, казался суетливым, и принца Карла с самых юных лет воспринимали там с некоторым раздражением.

При дворе прежде всего бросалась в глаза королевская часовня. Спроектировал это причудливое здание архитектор Иниго Джонс по заказу Генриетты Марии, и она сама заложила в его основание брусок серебра. Пышная церемония по этому поводу собрала около двух тысяч зрителей. Строительство закончилось за три месяца, и теперь в часовне, этом «раю», осененном гигантскими скульптурными фигурами ангелов, с потаенным освещением, золотыми панелями и рубенсовским алтарем, можно было отправлять службу. Священник начинал ее словами: «Это дело рук Божиих, и оно прекрасно в наших глазах».

Но проходящему мимо богобоязненному пуританину, занятому мыслями о доходах, часовня не казалась творением рук Божиих. В глазах простых людей это было всего лишь здание, которое вызывало отвращение и порождало всякого рода страхи. Разве католики — не враги государства? Еще живы были старики, которые помнили нашествие Великой Армады. И еще больше было тех, кто мог вспомнить истерику, охватившую страну после раскрытия так называемого Порохового заговора. К тому же сердцу любого доброго пуританина было близко сочинение некоего Фокса, известное в народе под названием «Книга мучеников». Жизнеописания святых, павших в великой борьбе истинной религии с папистскими антихристами, приводились в ней с беспощадными и трагическими подробностями. В представлении многих пуритан уподобление хлеба и вина телу и крови Христовой было чистейшей ересью. Преклонение перед Девой Марией и святыми не имело для них надежной опоры в Писании. Они считали, что

все это — предрассудки, навязанные хитроумным священством, которое приобрело неограниченную власть над верующими и пытается распространить тиранию католицизма на Англию.

Но были и такие, кто находил, что эти попытки имеют успех. Говорили, что в окружении королевы есть священники, превратившие ее дом в уютную гавань для презренных иезуитов, а сама она охотно принимает накладываемую на нее епитимью. Публикации разного рода давали понять, что Генриетту Марию, случается, заставляют ходить босиком и есть, подобно слугам, из деревянной посуды. А хуже всего, что она ходит в Тайберн помолиться за спасение душ казненных там католиков и при этом будто бы впадает в такой экстаз, что падает перед виселицей на колени, сжимая в ладонях четки. А еще, как утверждали некоторые, ей удалось убедить короля ослабить ограничения на вход в свою часовню. Были и такие, кто видел, как у католического алтаря появляется, притом регулярно, наследник престола. Возмущение всеми этими фактами было настолько велико, что король заявил: подобным визитам будет положен конец. Правда, он тут же заколебался, но затем все-таки сказал свое твердое слово, и тогда вызывающая всеобщее недовольство королева придумала взамен для юного принца домашние игры. Наградой в них были святые распятия. Однажды свидетелем такой игры оказался король. Придя от увиденного в ужас, он велел сыну вернуть все призы.

Этот небольшой инцидент произошел в апартаментах королевы, где подрастающий принц вел жизнь более замкнутую, но такую же роскошную, как и при дворе отца. Здесь, в обшитых деревянными панелями, увешанных гобеленами и шедеврами итальянских мастеров (подарками Ватикана) залах, Генриетта Мария окружила себя черными слугами, цвет

кожи которых лишь оттенял ее бледность. Здесь ее забавляли карлики, и среди них Джеффри Гудзон, едва достигавший роста 18 дюймов: однажды его принесли к столу спрятанным в пирог. Именно для этих залов Генриетта Мария, не считаясь с затратами, заказывала инкрустированные серебром столики из железного дерева, кружева, гобелены, редкие цветы и драгоценности. И здесь же она часами позировала Антони-су Ван Дейку, упорно добивавшемуся совершенства портрета. Как и положено придворному, он не замечал неровных зубов королевы и старался подчеркнуть ее зрелую красоту, темные локоны, обольстительно ниспадавшие на самые брови, и безупречное одеяние: то официально-строгое, то празднично-янтарное, то пронзительно-голубое. Когда на Генриетту Марию накатывали скука или приступ материнского чувства, она призывала к себе старшего сына. Здесь его живые глаза внимательно разглядывали придворных, достаточно влиятельных, чтобы находиться близ королевы: мужчины были счастливы просто поболтать, повращаться в той тонкой, пьянящей атмосфере, сочетающей католическое благочестие и платоническую любовь, которая отличала круг королевы. Мистер Уоллер, например, читает стихи. Добрые клирики монсиньор Панзани и Джордж Конн умело поворачивают беседу на религиозные темы, а прямо подле королевы-матери устраивается Генри Джермин, привлекательный мужчина с грубоватыми манерами, игрок и дуэлянт — явно ее лучший друг. Все они не забывали при случае подольститься к принцу, поворачиваясь всякий раз при его появлении к нему лицом и выказывая якобы подлинный интерес к заботам королевского отпрыска. Когда же нужды в мальчике более не было, слуги отводили его в детскую, а мать возвращалась к своим делам — например, примеряла новое платье или оглядывала в последний раз маскарадный костюм, в котором ей предстояло танцевать с мужем нынче вечером.

Принц Карл очень любил наблюдать за отцом и матерью во время пышных балов-маскарадов, сочетавших в себе драму, оперу и балет. Денег на них тратилось немерено. Мальчик заворожено смотрел, как его пышно разодетые родители, освещенные пламенем тысяч свечей, скользят в танце посреди декораций, изображающих пастораль либо таинственную пещеру, сказочный город либо выжженную пустыню. Одна сцена стремительно сменяла другую. Перед разгоревшимися от восторга глазами мальчика вдруг возникали фантастические, самой причудливой формы строения. По ажурным мостикам двигались пешеходы и экипажи, запряженные лошадьми. За ними смутно угадывались контуры больших городов, «высоко в небе плыло облако, на котором расположились восемь фигур, олицетворяющих сферы». На других облаках рассаживались музыканты, а «в какой-то миг на небе возникали божества, и заветная даль, куда устремлялись звуки расположенного внизу хора, наполняла пространство призрачным светом и чувством всеобщей гармонии».

Такие представления устраивали с целью усилить любовь к королю и королеве, что, в свою очередь, считалось благодетельным для страны в целом. В этом призрачном мире возникало ощущение, что для родителей Карла не существует невозможного. Если сами боги перестраивают небеса по их подобию, то разве может что-либо, кроме любви к королевской чете, избавить Британию от пороков пьянства, курения и разврата? Даже сам принц, едва вышедший из младенческого возраста, участвовал в таких спектаклях, например в «Королевском пире» (1636). Для роли со словами он был еще слишком мал, но вместе с красавчиками Джорджем и Франсуа Виллье — сыновьями Бэкингема и товарищами своих детских игр, участвовал в деревенской пляске, а потом усаживался в тени отдохнуть, предостав-

для комически важному церемониймейстеру отгонять местный люд, пришедший преподнести королю и королеве праздника вареную тыкву.

Зрителям-аристократам смысл происходящего был более чем понятен и мил: как бы ни досаждали людям по всей стране королевские слуги, любовь простого народа к Карлу и Генриетте Марии не убывала. Именно это доказывало представление, а если подобного рода фантазии сталкивались с суровой действительностью, можно было использовать меры и покруче. Когда пуританин Уильям Принн обнародовал диатрибу, направленную против двора и его увеселений, заявив, что «актрисы — это всего лишь притчезычные шлюхи», суд приговорил его к штрафу в 5000 фунтов, пожизненному тюремному заключению и отрезанию ушей. На подобных примерах маленького принца учили праву сильного.

Балы-маскарады давно канули в прошлое, а приверженность Карла I зрелищным искусствам оставила более долговечный след — свидетельство о мире, в котором рос его сын. Король в годы своего единоличного правления собрал уникальную коллекцию ренессансной и барочной живописи. Денег он не жалел, например, за шедевры из коллекции герцога Мантуанского было заплачено 18 280 фунтов. Так в королевской галерее появились Мантенья, Рафаэль, Тициан, Корреджо, не говоря уж о полотнах других художников, которые Карлу регулярно дарили иноземные правители. Деньги, ушедшие на приобретение живописи, а также откровенно папистское содержание самих картин вновь возбудили подозрения подданных о тайных религиозных симпатиях двора. Ясно, однако же, что короля (в чьей спальне висела «Мадонна с младенцем» Рафаэля) эти мастера привлекали прежде всего своим художественным талантом. В их живописи, по словам друга Карла I, епископа Лода, угадывалась «красота

святости», и они укрепляли представление англиканской церкви о том, что эта церковь — мощный источник разума, стоящего выше узкой догмы.

Сам Лод, по описанию одного из современников «коротконогий, краснолицый мужчина низкого происхождения», сделал при протекции короля и благодаря своей религиозной терпимости и исключительной личной энергии стремительную карьеру. Во времена жестких конфессиональных распрей епископ и король сошлись на приверженности учению голландского теолога Арминия, согласно которому спасение изначально даровано каждому. Этот драгоценный дар должна всячески оберегать, холить и лелеять церковь, во главе которой стоит король. Вот почему и Карл, и Лод равно поощряли Реставрацию церквей и четко отлаженную процедуру священнодействий. По всей стране в церквях меняли статуи и витражи, священнослужители должны были носить стихари, огораживать алтари и покрывать их полотном, чтобы подчеркнуть высокий смысл обряда.

В том же духе воспитывался и принц Карл. Братьям Феррар, открывшим в Литтл-Гиддинг протестантский монастырь, король повелел изготовить специально для сына роскошно переплетенную Библию, и по прошествии времени Джон Феррар отправился с выполненным заказом в Ричмонд. Здесь его проводили в приемную, где печатника ожидали принц Карл вместе с епископом Дуппой, детьми Бэкингема и герцогом Йоркским. Как принято, Феррар опустил на колени, поцеловал принцу руку и протянул ему том. Дар был принят с восторгом, что, естественно, польстило изготовителю.

— Как красиво! — воскликнул Карл, разглядывая переплет и листая страницу за страницей. — Все лучше и лучше!

— Так вашему высочеству нравится эта редкость? — подобострастно осведомился один из придворных.

— О да, еще как нравится! — воскликнул принц и с врожденным тактом добавил: — Каждый день буду читать.

И только герцог Йоркский, этот маленький упрямец, несколько смазал торжественную церемонию, потребовав, чтобы и ему, как брату, изготовили такую же шикарную Библию, и чем скорее, тем лучше.

Принц не мог оторваться от своей Библии, однако подданных его отца подталкивали к осознанию красоты святости отнюдь не с той же нежностью. Лод вел свою паству твердой рукой, а порой и просто беспощадно. И это было чревато самыми серьезными политическими последствиями. Мало того, что, по мнению многих, навязывание церковных ритуалов само по себе обнаруживало опасно папистские тенденции, — методы, с помощью которых король и Лод внедряли свои идеи, затрагивали насущные интересы людей. Особенно Лод — он насаждал красоту святости самыми бессовестными способами: вымогал деньги, не желал считаться с правами собственности, всячески насмехался над самим институтом парламентаризма. Чем дальше, тем больше его церковная политика рассматривалась как часть политической программы, направленной на укрепление абсолютной власти короля, и в награду за труды Карл I назначил его архиепископом Кентерберийским.

Это породило ропот среди благонамеренных и серьезных подданных. Недовольны были и те протестанты, которые готовы были примириться с четким уставом англиканской церкви, и те, кого бесповоротно отталкивало, как им казалось, самое беспардонное злоупотребление этим уставом. Последних всегда было меньшинство, правда, меньшинство шумное и влиятельное. Выходцы из самых разных слоев общества, эти люди придавали особое значение духовному подъему как результату строгого самоанализа и беспощадных порой душевных испытаний, предшествую-

ющих обретению уверенности в том, что они — люди избранные.

Одно из самых известных в истории и, несомненно, наиболее далеко идущих по своему значению испытаний в таком роде произошло в конце 20-х годов. В то время в деревушке Сент-Ив жил мирный сквайр по имени Оливер Кромвель. Избранный в 1629 году в парламент, он отнюдь не зарекомендовал себя особо ярким антимонархистом. Право, насколько можно судить, его куда больше государственных занимали личные проблемы — в ходе парламентских слушаний он часто отлучался с визитами к одному известному лондонскому медику, который поставил ему диагноз «депрессия». По возвращении домой Кромвель также часто вызывал доктора, помогавшего ему избавиться от дурных предчувствий, которым он, тридцатилетний в ту пору мужчина, придавал словесную форму религиозной символики: пересохшие источники, голая пустыня. Говоря на языке пуритан, Кромвель безнадежно уверовал тогда в собственную греховность, от которой может избавить лишь благословение Божие. «Моя жизнь тебе известна, — писал он одному родичу. — О, я жил во тьме и любил тьму, а свет ненавидел. Я был самым, самым большим грешником». В конце концов, когда все душевные ресурсы были исчерпаны, на место полной подавленности пришло убеждение в избранности. «Велико Его милосердие!» Подобное преображение обладает особой силой, и отныне Кромвель, как избранник Господа, целиком отдался делу истинной реформации — избавлению христианства на английской почве от того, что ему представлялось компромиссом с церковью Лода, с ее епископами, главой-королем, священниками в ризах и папистскими праздниками наподобие Рождества.

Религиозное воспитание принца было доверено доктору Брайану Дуппе, благонадежному и просвещенному

епископу Чичестерскому. Дуппа был достаточно умен, чтобы не нажимать чрезмерно на своего подопечного, и Карл к нему искренне привязался. Впрочем, наибольшее влияние на принца в ту пору оказывал герцог Ньюкасл — вельможа-гувернер, специально приставленный к нему, чтобы обучить аристократическим манерам. Множество уроков Ньюкасла останутся с Карлом на всю жизнь, в частности поощрение добросердечия и предупредительности, которые юный принц уже продемонстрировал при знакомстве с Ферраром и которые будут отличать его в зрелые годы, нередко прикрывая собой политическую жесткость.

Ньюкасл был человек тщеславный, и положение наставника принца поднимало его престиж и усиливало влияние; однако же, взяв на себя эту миссию, он настолько отдался ее выполнению, что не терпел ни малейшей критики. Ньюкасл был страстным монархистом, настолько страстным, что его жена жаловалась, будто Карла он любит больше собственных детей и даже больше ее. Карл, в свою очередь, буквально влюбился в этого сорокапятилетнего мужчину с живым, хотя и не особенно глубоким умом, удивительной широтой интересов, отменными манерами и, главное, открытым и прагматическим взглядом на мир. Разительно отличаясь от замкнутого и холодного отца принца, он был личностью, в которой мальчик вполне мог увидеть героя. Как можно противостоять человеку, не позволяющему себе относиться к тебе всего лишь как к ребенку, человеку, который отличается такой широтой интересов и излучает неиссякаемую энергию? К тому же Ньюкасл любил животных и считался одним из лучших наездников в Англии. В конюшне его неизменно приветствовало ржание любимцев, каждого из которых он знал досконально. Через непродолжительное время Карл под его руководством стал приличным наездником, а также фехтовальщи-

ком и танцором. И хотя Ньюкасл мог потолковать о разных предметах, от химии до литературы, широта его интересов никогда не переходила в утомительный педантизм, и он тщательно следил, чтобы его подопечный сохранял в обращении с людьми легкость и естественность.

Ясно, что Ньюкасл отчасти стремился противостоять влиянию на принца тех сторон личности короля, которым он до некоторой степени был обязан падением своей популярности. Например, с одной стороны, принцу не пристало слишком явно выражать свои чувства, а с другой — ему не следует и воспитывать в себе отчужденность, которая многих отталкивает в его отца. «Хотя от короля и нельзя требовать слишком многого, — поучал Ньюкасл, — улыбка или приподнятая в нужный момент шляпа не помешают». Как разительно это отличается от ходячих выражений короля: «Не вам меня судить, сэр», или: «Я жду повиновения». На этом фоне, не уставал повторять Ньюкасл, человеческая теплота принесет принцу немало очков. «Вот легкий путь завоевать сердца людей».

Неудивительно, что при такой системе воспитания Карл не стал впоследствии особо начитанным человеком. Развивая идеи, которые вскоре выйдут на авансцену интеллектуальной жизни Англии, Ньюкасл говорил, что мальчику следует заниматься скорее «предметами, нежели словами, сутью, нежели языком». Изучение иностранных языков полезно, но быть ходячим словарем Карлу нет необходимости. Точно так же, сохраняя верность англиканской церкви, ему не следует впадать в чрезмерную религиозность. Ньюкасл ясно отдавал себе отчет в том, что ребенок, пришедший в такой восторг от подаренной Библии, «в основе своей религиозен», но «преувеличенной набожности лучше избегать», ибо праведник может стать дурным королем, ведь «святость учит тому, каким следует быть, и не принимает тебя таким, каков ты есть». На-

конец, Карл должен приучить себя относиться с уважением к противоположному полу. «С женщинами, особенно с великими женщинами, — поучал Ньюкасл, — никакая предупредительность не может быть излишней». Советы эти падали на благодатную почву. Ньюкасл стремился вылепить из Карла воспитанного и мудрого мужа, прагматичного и проницательного властителя. Не подлежит сомнению, что с самого начала воспитателю сопутствовал немалый успех. Карл уже в восьмилетнем возрасте обнаруживал способности к тонкой интриге.

Под конец 1638 года принц снова заболел. Доктора рекомендовали испытанные сильные средства, но мальчик их отверг. Он ничего не хотел слышать и знал, что наказание ему не грозит. Единственное, что остается, решили доктора, — обратиться к Генриетте Марии. «Ты должен непременно принять лекарство, — писала она сыну, — иначе мне самой придется приехать и заставить тебя, это нужно для твоего же здоровья. Герцог, — продолжала королева, — доложит мне, как ты себя вел». Не желая ссориться ни с матерью, ни с воспитателем, Карл прибег к хитроумной уловке. Попросив кого-то разлиновать ему бумагу, он написал Ньюкаслу: «Милорд, Вам не следовало бы принимать так много таблеток; мне от них всегда только хуже, да и Вам, наверное, тоже». Затем, давая понять, что вполне здоров, жизнерадостен и послушен, Карл продолжал: «Я каждый день выезжаю верхом, да и о других Ваших указаниях не забываю. Возвращайтесь поскорее к тому, кто Вас любит. Карл». Ньюкасл понял намек. О горьких таблетках разговоров больше не было.

Карл одержал свою первую победу, но одно дело — школьная политика, а другое — мир взрослых, и самый важный урок, который принцу предстояло усвоить, касался самой сути монархии Стюартов, как она виделась его отцу.

Мало что раскрывало власть короля так же торжественно, как прием послов иностранных держав, а из всех помещений во всех королевских дворцах Банкетный зал Уайтхолла, где проходили эти церемонии, лучше всего демонстрировал тайну этой власти. Принц Карл мог здесь наблюдать отца в полном его блеске — как владыку и как знатока протокола.

Король восседал на троне в дальнем конце строгого и одновременно торжественного зала, архитектура которого представляет собой лучший образец творчества Иниго Джонса. Во всю длину огромного зала рядами, в соответствии с рангом, выстраиваются придворные — королевство представлено во всем ослепительном блеске своих разноцветных шелков, драгоценностей, перьев. Очередной посол проходит мимо этих впечатляющих рядов, приближается к королю и отвешивает ему — субъекту власти трех королевств: Англии, Шотландии и Ирландии — глубокий поклон. Король — глава церкви, он назначает епископов. Король олицетворяет высшую законодательную власть и назначает судей, он — вершина государственной пирамиды, и даже равные по крови говорят о нем как о «внушающем трепетный ужас суверене». Король обладает абсолютной властью. Его слово — закон, в буквальном смысле. Оно может прозвучать в виде либо прокламации (не нуждающейся в одобрении Королевского Совета), либо декрета (статута), изданного по согласованию с парламентом — институтом, который, и это признано всеми, король может созвать или распустить в любой момент. Налогообложение, объявление войны, заключение мира, помилование преступника, правила торговли — все это его прерогатива. В таких обстоятельствах «короли казнят и милуют своих подданных; у них есть власть возвысить и низвергнуть, власть над жизнью и смертью».

Огромные живописные панели, сделанные по заказу короля специально для Банкетного зала Рубенсом, призваны подчеркнуть эту идею, и стоит принцу Карлу поднять на них глаза, как он получает очередной урок божественного права королей. На панели, висящей прямо над тронном, дед короля Яков I указывает на сплетенные в объятии фигуры, символизирующие Мир и Изобилие. Королевская Щедрость попирает сморщенные груди Алчности, Мудрое Правление торжествует над Беспорядком, Героическое Достоинство прижимает к земле извивающуюся Зависть; на центральной панели, посреди потолка, Рубенс изобразил самого Якова I, взятого на небо в награду за его земные труды. Все это и впрямь триумф короля, провозгласившего однажды, что «монархия — высшее, что есть на земле, ибо короли не только заместники Бога, сидящие на троне Господнем: сам Бог признает их богами».

Но пока принц Карл впитывает в себя эти образы власти Стюартов, за стенами дворца начинается ропот, грозящий подорвать самые ее основы. По всей стране мужчины и женщины, которым навязываемые Лодом ритуалы высокой церкви не приносят желанного покоя души, объединяются в опасно независимые конгрегации. К тому же люди заговаривают о приближении миллениума. Откровение — вот оно, рядом, и многие страстно мечтают о Новом Иерусалиме, где у Стюартов не будет никакой власти. Пройдет немного времени, и баптисты, пресвитериане, индипенденты, бродячие проповедники и, наконец, внушающие ужас приверженцы Пятой монархии начнут утверждать свое право на религиозное провидение и политическую власть. Вызов королю бросают целые страны. В Шотландии поднимается волна протеста против его попыток навязать требник, и в конце концов шотландцы объединяются на основе

«Ковенанта» (договора) во имя служения строгой, налагающей суровые ограничения пресвитерианской церкви, полностью противостоящей церкви англиканской.

Король отвергнет любой компромисс и приведет в боевую готовность свою гвардию, заявляя, что скорее погибнет, «нежели уступит неподобающим и презренным требованиям». Тем не менее, когда в июле 1640 года шотландская армия вторглась в Англию и беспрепятственно дошла до Ньюкасла, Карл I был вынужден согласиться на перемирие. Шотландцам как бы в аренду — 860 фунтов в день — передавались Нортумберленд и Дарем. Но упрямство короля обернулось против него самого. Столь крупная сделка вынудила его призвать в Вестминстер парламентариев, и уже при открытии так называемого Долгого парламента (ноябрь 1640 года) некоторые ведущие деятели, например Джон Пим, выказали решимость поставить вопрос о драматическом положении в стране. Они выступили против того, что казалось им признаками возрастающего влияния папизма в судах, произвольного налогообложения, укрепляющего личную власть короля и его министров, и, наконец, все увеличивающегося господства самого монарха. В такой напряженной атмосфере подходило к концу беспечальное детство принца Карла, а вскоре на карту будет поставлена сама его жизнь.

Глава 2

КОНЕЦ МИРА

Голоса протеста, доносящиеся со всех концов королевства, слились в мощный гул, который вскоре швырнет принца Карла в горнило гражданской войны, оторвет его от родителей и обречет на годы нищенского, безнадежного изгнания. Сейчас, в 1640 году, эхо волнений, охватывающих страну, и, уж

конечно, шепотки, доносящиеся по дворцовым коридорам, доносились до королевской классной, лишая принца душевного равновесия. Никто и не пытался успокоить его, и в конце концов даже сам король заметил, что сыну не по себе. Он осведомился, в чем дело.

— Вашему величеству давно бы следовало поинтересоваться моими мыслями, — услышался угрюмый ответ.

— Говори, — бросил король.

Мальчик собрался с духом и принялся передавать подхваченные слухи.

— От деда, — начал он, — вы унаследовали четыре королевства. Боюсь, мне ваше величество не оставит ни единого.

Значит, уже в детские годы принц Карл страшился потерять право на троны Англии, Шотландии и Ирландии (а также традиционные английские претензии на французский престол)! И лишь холодностью отца можно объяснить, что король даже не попытался рассеять страхи мальчика, а просто спросил:

— И кто же тебя надоумил?

Принц промолчал. Возможно, он испугался, что и без того зашел слишком далеко. Не говоря ни слова, король нетерпеливо повернулся и зашагал прочь.

Однако же само время требовало, чтобы десятилетний принц был не просто растерявшимся ребенком. На его плечах уже лежало бремя гражданского долга, на него смотрело общество. Объявив войну «неправедным советникам» короля, палата общин сосредоточила огонь прежде всего на графе Стратфорде, которого все считали военной опорой абсолютной власти монарха. Суд над «тираном — черным Томом» проходил в Вестминстере, где на возвышении был специально установлен трон. Но король, которому и так приходилось несладко, предпочел выслушивать обрушивающиеся на его верного слугу упреки из укрытия, а

монархию представлял его старший сын; с самого утра, когда заседания открывались, и до полудня, когда температура в зале обычно достигала точки кипения, он сидел на троне.

Первая половина дня, таким образом, проходила в заседаниях, но вечера были отданы празднествам. В отчаянной попытке доказать свою приверженность протестантизму, а также достать столь необходимые казне средства король решил выдать девятилетнюю Марию, маленькую златокудрую принцессу, за юного голландского принца Вильгельма Оранского. В глазах королевы это было святотатством, поэтому, когда Вильгельм прибыл в Англию, она даже демонстративно отказалась поцеловать его. Приветствовать привлекательного пятнадцатилетнего подростка на парадной лестнице Уайтхолла поручили принцу Карлу. Тогда же Вильгельму сказали, что невеста простудилась и увидеться с ней можно будет только после поправки. Но нетерпеливый юноша настаивал, и в конце концов Карлу пришлось провести его к сестре. Неделю спустя в часовне Уайтхолла состоялась подчеркнуто скромная венчальная церемония: блистательный Ван Дейк запечатлел на своем двойном портрете любовно сплетенные пальцы юной пары.

В день самой свадьбы, после прогулки по Гайд-парку, ужина и танцев, пришла пора освятить брачное ложе.

Король провел принца Вильгельма в государственные покои, где, окруженная своими фрейлинами, на ложе возлежала принцесса. Раздевшись с помощью принца Карла, жених лег рядом с ней и нежно трижды поцеловал новобрачную. Затем он пятнадцать минут лежал на постели «в присутствии знатных английских господ и дам» и представителей Голландии. Чтобы брак считался заключенным официально, новобрачные должны были коснуться друг друга обнаженными ногами, но ночная рубашка Марии до-

ходила до самых щиколоток, и лишь вмешательство верного карлика, раздобывшего где-то ножницы, позволило, ко всеобщему удовольствию, завершить церемонию.

Однако в Уайтхолле уже не было спокойно. Разъяренная лондонская толпа, жаждущая крови Стратфорда, бушевала вокруг дворца, и королю было все труднее противостоять ее давлению. Он отправил в обе палаты парламента последнее отчаянное обращение к парламентариям. Замена смертного приговора Стратфорду на тюремное заключение, говорилось в нем, «неизъяснимо облегчит мне душу». По свидетельству венецианского посла, королеве пришла в голову спасительная, как она явно считала, мысль. Она предложила, чтобы послание в парламент доставил лично принц Карл. Неужели вид невинного подростка, вовлеченного в столь тяжелый процесс, не смягчит сердца этих ужасных людей? Был спешно подготовлен экипаж, кучеру приказали срочно доставить принца в палату лордов. Тот покорно проехал улицами возбужденного Лондона — но все это ни к чему не привело. Впервые в жизни от принца бесцеремонно отмахнулись, послание короля было отвергнуто, и толпа получила голову Стратфорда.

Возрастающее в стране напряжение привлекло на сторону Карла I деятелей крупного масштаба. Среди них был Эдвард Хайд, юрист, депутат парламента от округа Салташ в Корнуолле. Его врожденное чувство приличия было оскорблено «недостойным и грубым» поведением Оливера Кромвеля на заседании одного из комитетов палаты общин, и он в присущей ему патетической манере заявил, что, если Кромвель и впредь будет продолжать в том же духе, заседание придется немедленно прервать и подать на него жалобу. Это заявление всерьез обеспокоило кое-кого из коллег Хайда.

— Становясь на сторону двора, вы сослужите себе дурную службу, — попытался предостеречь его Генри Мартен.

Хайд небрежно отговорился, что «с двором ничего общего не имеет». У него одна забота — «отстоять принципы правления и закон». На эту тему Хайд мог распространяться часами.

Мартен ограничился одной-единственной фразой: «Нет такого мудреца, который способен был бы править нами в одиночку».

Столь откровенный подрыв основ монархии потряс Хайда. «Ничего подобного, — писал он, — я дотоле не слышал».

Внутренне кипя от негодования, Хайд на следующий день получил приватную аудиенцию у короля, и ему удалось, в немалой степени благодаря собственным достоинствам, завоевать доверие своего надменного и, как правило, замкнутого собеседника. Самой надежной верительной грамотой Хайда была его безграничная преданность: по собственным словам, он испытывал «какую-то особую любовь к личности короля». Тот факт, что Карла I веселили даже примитивные шутки Хайда, вполне свидетельствует, что в его обществе королю было хорошо; однако же не менее важным для монарха было видеть в этом застенчивом от природы и, в общем, ленивом молодом человеке его бесспорные административные способности и неукротимую энергию. Случалось, Хайд был напыщен, порой даже, как вскоре предстояло убедиться принцу Карлу, нетерпим, но та воля к власти, которую он излучал, хотя ему было всего тридцать, привлекала загнанного в тупик короля.

Политическое напряжение нарастало, волнение охватило весь Лондон, теперь уже и сам монарх оказался в полной растерянности, не зная, что предпринять. И вдруг совершенно неожиданно он с семьей покинул столицу, да так стремительно, что, когда двор оказался в Хэмптон-Корте, к его приему ничего не было готово. Принц ночевал в од-

ной комнате с родителями. Надежный мир детства рассыпался на глазах. Мальчику пришлось покинуть шикарный дворец, где власть была запечатлена штрихами самого Рубенса. Впереди маленького Карла ждал мир, в котором ему, чтобы выжить, понадобятся все его изворотливость и хитроумие. Пока же по пустынному Уайтхоллу беспрепятственно бродили зеваки, глазающие на королевские регалии — официальные залы, картины, гобелены, наконец, самый трон; иные даже взбирались на него, чтобы самолично испытать, каково это — быть королем.

На протяжении всего этого зыбкого времени принц видел, что отец готовится к войне против собственных подданных. Даже здесь, в Хэмптон-Корте, чувствовалось, как почва под ногами колеблется и каким сомнениям подвергается сама идея божественного права королей. Старого наставника принца, Ньюкасла, срочно направили в Гулль, чтобы обеспечить сохранность находящегося там огромного арсенала оружия, но миссия его закончилась провалом. Тогда король в отчаянной попытке достать вооружение и патроны решил отправить жену в Голландию. 7 февраля королевская чета выехала из Виндзорского замка в Дувр, но по дороге, огибая явно враждебный Лондон, они вынуждены были скрываться в дереvушках, словно какие-то должники либо грабители. Времена, когда пышные маски, при помощи которых родители принца убеждали себя, что их взаимная любовь способна править миром, остались позади. Генриетте Марии пришлось закладывать драгоценности, чтобы было на что закупить оружие.

В Дувре состоялось трогательное расставание отца с матерью, а странствия принца продолжились. Окончательным местом назначения был Йорк, но по дороге Карлу с сыном приходилось неизбежно останавливаться, пытаясь обезопасить тех, кто, хотелось бы ему надеяться, оставался верен ко-

ролю. Принцу во всем этом отводилась немалая роль, и он исполнял ее с терпением и мастерством, какого трудно было ожидать от мальчика, не достигшего и 12 лет. Поездка в Кембридж в особенности показала, насколько подготовка и чутье уже превратили принца в актера королевской сцены — необычного ребенка, на которого (и это главное) судьба возложила бремя большой ответственности.

Принц Карл прибыл в город за несколько дней до отца. Его приветствовал на латыни проректор университета, присвоивший ему, а также сыновьям Бэкингема, братьям Виллье, почетную степень. Принцу были вручены перчатки и Библия, и, хотя в королевской часовне он нарушил традицию прикрывать лицо шляпой во время молитвы, ему охотно простили этот небольшой и даже симпатичный промах. Однако в театре пришлось труднее: трехчасовой спектакль был так скучен, что даже актерам было жаль мальчика. Впрочем, он с достоинством выдержал испытание и вежливо поаплодировал исполнителям. Затем безо всякого перерыва началось другое представление, принятое столь же тепло. В конце этого длинного дня воодушевленная профессура проводила принца к экипажу, которым он проследовал в Ньюмаркет, где его уже поджидал отец.

Вернувшись в Кембридж, отец с сыном убедились, что королевские визиты обнажают раздробленность страны в целом.

В университетском городке их приветствовали возгласами «Да здравствует король!», но горожане встречали по-другому. Одни умоляли вернуться «к своему парламенту, иначе всем нам конец». В голосах других слышались угрожающие ноты. С приближением к Хантипдону королю, и без того испытывающему немалое раздражение, стало очевидно, что местное дворянство демонстративно не желает выделять ему эскорт. Дальше — хуже. Отказавшись выпол-

нить просьбу парламента переместить арсенал из Гулля в лондонский Тауэр, король еще раз попытался овладеть им, но ему преградили путь. Страна фатально двигалась к гражданской войне, уже произошло первое военное столкновение. Королевский флот перешел на сторону парламента, очередная попытка проникнуть в Гулля провалилась, к августу стало ясно, что войны не избежать. Король потребовал от старших офицеров повстанческой армии сложить свои полномочия, иначе их обвинят в предательстве. 12 августа он выпустил прокламацию, призывающую подданных встретиться с ним в Ноттингэме. «Моим верным друзьям, — говорилось в ней, — пришло время предстать предо мною». Но лишь немногие откликнулись на этот зов.

Постепенно принц Карл все больше втягивался в приготовления к войне. Вооружение, живая сила, деньги — вот чего отчаянно не хватало королевской стороне, и в середине сентября король двинулся на запад, в Шрусбери, откуда было легко попасть в Уэльс и приграничные с ним графства, эти цитадели роялизма. Принца в сопровождении лорда Хертфорда, исполнявшего в отсутствие Ньюкасла обязанности его наставника, отправили в Реглан. Здесь, в увешанном гобеленами зале, юного Карла потчевали местным медом, а также преподносили ему дары — гравированные старинные блюда с плодами урожая фруктовых плантаций. Принц ответил благодарственной речью. «Господа, — начал он, — я наслышан о ваших великих предках-бриттах, людях большой мудрости, великого сердца, гордых устремлений, а сегодняшняя встреча, которую я никогда не забуду, заставляет меня уверовать в вашу любовь. Примите мою хвалу и благодарность за любовь, изобильный стол и щедрое гостеприимство». Произнеся эти слова, мальчик продолжил свой путь по Рэднорширу, «выказывая милость и любовь» ко всем и демонстрируя то самое

добросердечие, которое он впоследствии будет использовать с таким незаурядным политическим мастерством. Вскоре стало очевидно, что принц добился немалого успеха. Из северного Уэльса, Чешира и Денбигшира к королю потекли люди и деньги. Открылся монетный двор; тем, кто запишется в ополчение, была обещана награда. К концу сентября под королевские знамена собралось более шести тысяч пехотинцев и две тысячи конников.

Повинуясь команде короля Карла, это пестрое войско, состоящее по преимуществу из необстрелянных солдат, 12 октября двинулось на юго-восток отвоевывать столицу. Во главе шел король с сыном. По мере продвижения войско прирастало новобранцами, и в конце концов его численность превзошла все ожидания. Принцу предстояло познакомиться с бытом армии, состоящей из тринадцати пеших полков, десяти конных, трех драгунских, а также артиллерии из двадцати орудий. Неудивительно, что это большое, неуклюжее воинство передвигалось со скоростью не более десяти миль в день; но в любом случае людям следовало разъяснить, почему они вообще должны участвовать в этом походе. 19 октября принц стал свидетелем обращения отца к солдатам. Король говорил о тяжелом хаосе, в который погрузится страна, если он сдастся перед лицом двойного зла — религиозного фанатизма и неповиновения парламента. Закончив речь, Карл отдал команду продолжить путь в сторону Эджхилла, откуда, пользуясь преимуществами небольшой высоты, он собирался атаковать противника. Принцу Карлу предстояло пройти первое боевое испытание.

Ранним утром 23 октября солдаты роялистской армии под грохот барабанов вышли из барачных домов, где они разместились накануне, облачились в броню и приготовились к маршу. Король в черном плаще, подбитом горностаем, оседлал с помощью лорда Ричмонда и кавалера

д'Обиньи коня и принял из рук сэра Эдмунда Вернье алый королевский флаг, личный штандарт. Принц Карл и герцог Йоркский ехали непосредственно вслед за ним. Вполне вероятно, что принц восседал на «великолепном белом жеребце», подаренном ему в Йорке: горящая золотом, из чистого шелка парадная сбруя доходила чуть ли не до земли. Не приходится также сомневаться, что на нем были роскошные доспехи — до блеска отполированная кираса, красиво украшенная позолоченной тесьмой, и под стать ей великолепная шляпа; под кирасой скрывалась шелковая, нежно-желтого цвета рубаша с тесьмой и кружевными манжетами. На широком алом поясе висел меч. Был у принца и пистолет, который он решил во что бы то ни стало, если представится случай, пустить в ход.

Прозвучал сигнал к выступлению. Принц и его брат Яков, отданные на попечение медика доктора Уильяма Харви, следили, как войско противника выстраивается в боевой порядок. Сражение началось около часа дня. После примерно пятидесяти минут малоэффективной с обеих сторон канонады роялистская армия двинулась вниз. Спуск занял еще час, и, достигнув подножия холма, сторонники короля вновь открыли артиллерийский огонь. Затем, около трех часов, принц Руперт Рейнский, племянник короля, воин неукротимый и славный (он проходил военную подготовку в Англии), отдал команду начинать кавалерийскую атаку. Принцу Карлу было видно, как, пробиваясь сквозь белый пороховой дым и оглушительный грохот, роялисты продвинулись примерно на 200 ярдов. Трубачи протрубили новую команду — галоп, и роялисты, преодолевая сопротивление, погнали противника к Кайнтону, расположенному в двух милях от поля сражения. Здесь они сомкнулись с левым флангом своей армии, но потеряли драгоценное время из-за мародерства в обозе парламентского войска.

Преждевременно решив, что окончательная победа не за горами, королевская пехота «продвигалась вперед неторопливо, хотя и решительно». Потери с обеих сторон были чувствительны, но ни одна из них не сдавалась. Инициатива постепенно перешла к остаткам кавалерии противника. Они атаковали королевское войско столь успешно, что его центр вынужден был податься назад, к подножию холма. Король устремился было туда же, чтобы личным присутствием воодушевить солдат, но на мгновение задержался, приказав герцогу Ричмондскому отвести детей в безопасное место: он не мог позволить подвергнуть их риску. Герцог отказался, граф Дорсет тоже — наверное, по одной и той же причине. «Чтобы меня трусом сочли? — буркнул он. — Да ни за что в жизни, пусть хоть дети всех королей христианского мира соберутся». Карл и Яков были поручены тогда заботам сэра Уильяма Ховарда, который и вывел их из-под огня.

Не успели Ховард, дети и сопровождающие их лица отъехать в сторону холма на расстояние мушкетного выстрела, как заметили при свете угасающего дня, что к ним приближается отряд всадников. Решив, что это роялисты, Ховард приказал двигаться навстречу. Печальная истина выяснилась в тот момент, когда все увидели, как связывают высланного вперед конюшего. Пришлось поспешно скакать к амбару, который служил госпиталем для раненых роялистов. Но к этому времени «круглоголовые» уже приблизились к ним на расстояние выстрела. «Я не боюсь их!» — воскликнул принц Карл и вытащил пистолет. Перепуганный сэр Джон Хинтон, который затем был приставлен к королевским детям, настойчиво и даже грубо попросил его угомониться и отступить. Но неожиданно от отряда противника отделился внушительного вида всадник и, прищипорив коня, устремился к принцу. Хинтон перехватил его, прозвучали выстрелы, и хотя Хинтону

удалось выбить противника из седла, панцирь на нем оказался таким крепким, что меч тут был бессилён. Поверженного «круглоголового» добил подоспевший на помощь солдат, а принцы тем временем отъехали на безопасное расстояние.

Битва при Эджилле, в которой обе стороны понесли тяжёлые потери, не принесла победы ни одной из них, и король, не сумев овладеть Лондоном, вернулся в Оксфорд. Принц Карл последовал за ним. Мальчика, находившегося на пороге отрочества, городок военной поры должен был захватить своим боевым духом. Резиденцией отец выбрал величественную церковь Христову. Огромный прямоугольник церковного двора пришлось превратить в загон для скота.

Королевское воинство пыталось соблюдать все ритуалы придворного быта: обеды проходили в торжественной обстановке, устраивались богослужения и игры, Уильям Уоллер читал свои льстивые стансы, а Уильям Добсон писал портреты — в частности, портрет принца в военных доспехах. Но атмосфера угрозы не рассеивалась, и во всем стиле жизни ощущалась какая-то лихорадочная поспешность. Каждое утро король тщательно проверял состояние обороны города, университетские здания были превращены в казармы и мастерские. В музыкальной школе портные шили мундиры, помещение факультета права и логики стало зернохранилищем, в классах, где ранее преподавали ораторское искусство, изготавливали веревочные лестницы. Эта напряжённая жизнь должна была сызмала закалить характер юного принца. Столкнувшись как-то на улице с захваченным в плен офицером армии парламентариев, он осведомился у стражи, куда его ведут. «К королю на допрос», — ответили ему. «Этого малюго следовало бы повесить, — процедил принц, — а то отец, глядишь, помилует его». В этой реплике уже угадывается суровый правитель, который впоследствии будет без колебаний расправляться с врагами.

На улицах и в общественных местах Оксфорда сверкали галуны, слышались топот сапог и отрывистые строевые команды. Нельзя умолчать и про пьянство и разврат. В попытках положить этому конец король регулярно издавал прокламации, капелланам было приказано дважды в день читать молитвы перед строем и каждое воскресенье по утрам служить в церкви. Тем не менее даже королевская семья не могла служить образцом праведного поведения. Портреты принца Карла, относящиеся к этому времени, выдают признаки взрослой чувственности. В нем просыпался мужчина. Однажды в церкви, возбужденный присутствием «по-ангельски полуобнаженных» женщин (такова была католическая традиция), мальчик захихикал прямо посреди проповеди. Новый и весьма неудачный наставник принца лорд Беркшир вынужден был ощутимо стукнуть его по затылку своим жезлом.

Генриетта Мария вернулась в Англию с оружием и людьми, и 13 июля 1643 года король в сопровождении принца Карла и герцога Йоркского выехал ей навстречу. В честь этого события отчеканили медаль, на одной из сторон которой изобразили сидящих на троне Карла I и Генриетту Марию; над ними мирно проплывают планеты, а внизу, у их ног, лежит бездыханный Питон восстания. По возвращении в Оксфорд, однако, выяснилось, что в реальной жизни все складывалось не так уж ладно. Королева принялась решительно вмешиваться в политику, которая ей, женщине властной, но не слишком глубокой, казалась чересчур мягкой. Преисполненная решимости воевать до победного конца, презрительно отвергающая вьющихся вокруг нее еретиков, явно довольная способностью вертеть как угодно супругом, Генриетта Мария постоянно стремилась разрушить тщательно выстроенные планы таких добropорядочных англичан, как, например, Эдвард Хайд, ко-

ролевский канцлер казначейства, недавно посвященный в рыцарское достоинство. Попутно королева предпринимала собственные шаги на дипломатическом поприще. Быстро сообразив, что в лице своего старшего сына она обладает ценным товаром для торговли на европейском брачном рынке, Генриетта Мария начала искать подступы к окружению Анны Марии де Монпансье, двоюродной сестры Людовика XIV. Помимо общепризнанной красоты, Большая Мадемуазель, как ее обычно величали за глаза, обладала тремя более важными достоинствами: была баснословно богата, была истовой католичкой и была француженкой. Словом, по мнению Генриетты Марии, идеальная пара для принца Карла.

Пока королева предавалась фантазиям, роялисты летом добились нескольких реальных военных успехов. Взят был Бристоль, второй по величине портовый город в стране, северная армия осадила Гуль, а западная, оставив Оксфорд, сосредоточилась в районе Плимута. В стратегическом смысле ни одна из этих побед не имела решающего значения, и даже в то время, когда к королю стекались победные реляции, парламентские войска продолжали укреплять свое положение. У Марстон-Мура они отважились на дерзкую ночную атаку. Кромвель и сэр Дэвид Лесли обратили в бегство роялистскую кавалерию, а затем разбили и пехоту. Впоследствии стало понятно, что именно это сражение и ознаменовало переломный момент в войне; роялистское дело покатилося под уклон. Все это сказалось и на семье принца. Королева, тяжело переносившая очередную беременность, решила, что в Оксфорде рожать слишком опасно, и переехала на запад, а оттуда — во Францию, где, подвергаясь унижениям, о которых прежде и помыслить было невозможно, продолжала свои все более и более безнадежные дипломатические попытки женить сына.

Тем временем парламент принялся за военное строительство: были сформированы отряды, получившие наименование армии «Новой модели». Так был нанесен новый удар по королю, а поражение при Шрусбери стало как военной, так и моральной катастрофой. Даже сам король признал, что положение становится все тяжелее, впервые его посетил страх попасть в руки противника. Одной из главных своих обязанностей в этой ситуации он считал обеспечение безопасности принца. «Пока сын на свободе, никто не посмеет посягнуть на мою жизнь» — так или примерно так думал он. Вопрос о местонахождении принца был решен быстро. Внутренний раскол и волнения лишали роялистов поддержки на западе, и только что назначенный главой Западной Ассоциации наследник престола, быть может, способен был сотворить чудо и спасти монархию. Помимо того, четырнадцатилетнему принцу пора было «взрослеть», и отчасти именно поэтому король решил отправить его в Бристоль.

На пышную церемонию отъезда денег не было. Кое-что удалось наскрести лорду Кейпелу, и в награду его назначили начальником сводного полка конницы и пехоты. Большого король выделить для сына не мог. Зато Карл I отправил с ним советников, в число которых входил незаменимый Хайд; как он ни страшился, что в его отсутствие король подпадет под влияние фанатиков-ультрароялистов, приходилось думать и о подготовке наследника к трону. Но казалось, сейчас и сама погода вступила в заговор против короля. Едва принц Карл и его Совет выехали 4 марта 1645 года из Оксфорда, как небо покрылось густой пеленой и хлынул дождь, словно предрекая, что увидеться сыну с отцом уже не придется.

Сопровождаемый Хайдом, графом Беркширом и лордами Кейпелом, Хоптоном и Калппером, юный Карл под про-

ливным дождем добрался до Фарингдона. Оттуда он двинулся в Девиз, далее в Бат и, наконец, в Бристоль. Здесь обнаружилось, что обещания, данные в Оксфорде, не более чем пустой звук. Не оказалось ни дополнительных сил, ни денег — из ста фунтов в неделю, якобы выделенных на содержание принца, «в наличии, а также в перспективе не было ни пенни». В конце концов дело дошло до того, что Карлу «пришлось одалживать деньги на хлеб у лорда Хоптона».

Вдобавок ко всему быстро выяснилось, что раскол в рядах офицеров-роялистов вот-вот грозит обернуться взрывом. Карл был направлен в западные графства, чтобы «своим присутствием, руководством и авторитетом способствовать примирению различных группировок и отдельных лиц». Но эту задачу вряд ли можно было решить. Командовать местным гарнизоном король назначил лорда Горинга, человека, несомненно, отважного и энергичного, однако же ветреного и дружащего с бутылкой. Уже в начале войны Горинг зарекомендовал себя незаурядным военачальником, но поощряемое им мародерство сделало его имя ненавистным среди гражданского населения, а пьянство и грубость подрывали популярность в войсках. Хуже то, что Горинг не умел ладить со своими же товарищами-офицерами. Отдавать и выполнять приказы в такой атмосфере было чрезвычайно трудно, и, по мере того как положение короля на западе становилось все хуже, юный Карл на собственном опыте убеждался, каково быть в окружении способных, но тщеславных людей, которые заботятся о собственной репутации не меньше, чем о достоинстве короля.

Хайд чувствовал, что пришла пора готовить принца к его будущему жребию. Приобщая мальчика к искусству политики с ее хитроумными ходами и компромиссами, он стоял на его присутствии на всех заседаниях Совета, чтобы тот мог «оценить состояние дел, а также научиться и

самому высказаться, и других выслушать». Будучи ментором по природе, Хайд считал такие уроки просто необходимыми. Доныне, утверждал он, «Карл практически не вникал в дела и не прилагал должных усилий к тому, чтобы развивать свой ум и сознание, как это требуется в его годы и положении». Хайд постоянно журил своего воспитанника за невнимательность и праздность и, кажется, не замечал, что наблюдательный принц воспринимает все происходящее вокруг него с жадным интересом незаурядного подростка.

В свои пятнадцать лет Карл был высоким, подвижным, чрезвычайно чувственным молодым человеком. Его грубоватая внешность и мрачное выражение лица менее всего отвечали тогдашним нормам красоты. Большой чувственный рот выдавал в нем пренебрежение к окружающим, как, впрочем, и некий животный магнетизм; смолоду в нем было развито и властолюбие. Кое-кто считал, что подобные свойства можно использовать в самых разных целях. В эти дни, участвуя в подготовке солдат в Бриджуотере, принц сблизился со своей старой кормилицей Кристабеллой Уиндэм. В этой женщине, утверждал Хайд, нет ничего женственного за вычетом пышного бюста, и его-то миссис Уиндэм и использовала, чтобы завоевать доверие юноши и извлечь из этого разнообразные выгоды для себя и своей семьи. Кормилица играла на естественном непослушании Карла, пытаясь настроить принца против Совета и отзываясь о его наставниках «пренебрежительно и с презрением». Помимо того, она откровенно, на публике, демонстрировала свою близость к сыну короля, что Хайд находил совершенно неподобающим.

Хорошо зная, как легко Карл поддается влияниям, миссис Уиндэм начала выманывать у него землю. Хайд предостерег принца, кормилица огрызнулась и в конце концов зашла в своих «военных» действиях так далеко, что заяви-

ла Карлу, будто в бедах, свалившихся на страну, повинен не кто иной, как его отец. Возмущенные члены Совета отправили королю депешу, и он немедленно велел сыну вернуться. Но что примечательно: Хайду так и не удалось узнать, насколько всерьез принц принял сказанное ему кормилицей. Карл был смысленый мальчик, он рос в годы войны, а эти годы учили, что в мире, где сложившиеся понятия сдвигаются, лучшее — улыбаться всем и держать свои мнения при себе. Со временем эта манера войдет у него в обыкновение.

Тем не менее принцу Карлу приходилось все время быть на виду. Западные графства, в которых он находился, сильно страдали от опустошительных набегов военных, а в некоторых местах люди даже платили двойную дань, которую солдаты и офицеры Горинга собирали с такой жадностью и беспощадностью, что вызывали к себе настоящую ненависть. Как и в других графствах страны, местный люд начал объединяться в ассоциации — клубы. Для них это была последняя линия обороны против тех, кто покушался на их дома. К принцу пришла делегация. Понимая, какая угроза исходит от этих людей, он принял их со всею лаской и вниманием. «При виде ваших страданий, — говорил он, — сердце мое сжимается». Карл обещал помочь, но при этом заметил, что его беспокоят многолюдные несанкционированные митинги: «К вам могут присоединиться люди неблагонамеренные, они подтолкнут вас к действиям, о которых вы и не помышляли». Заключение он приблизительно так: «Что нам всем нужно, так это сильная армия, которая обеспечит всеобщий мир. Наверняка среди вас найдутся готовые в нее вступить. Надо лишь назвать имена, и я лично прослежу, чтобы все были обеспечены ружьями и патронами». Одновременно Карл — что в полной мере проявится в годы его деятельности как зрелого поли-

тика — вел закулисную игру: он приказал Горингу положить предел вышеупомянутым митингам. Горинг повиновался, но клубы, понимая, в чем состоит их преимущество, переметнулись на сторону парламента и его мощной армии «Новой модели».

Именно эта армия нанесла 14 июня 1645 года сокрушительное поражение роялистам при Нэсби. На публике король пытался сделать хорошую мину при плохой игре, заявив, что его «ничуть не обескураживает последняя неудача», но из переписки с сыном явствует, что на самом деле он думал и чувствовал совершенно иначе. Больше всего его заботила безопасность сына да и собственное положение тоже. «Сейчас самое время, — писал он, — начать готовиться к худшему... Хочу, чтобы Вы знали: мое желание состоит в том, чтобы, как только у Вас возникнет опасность попасть в руки мятежников, немедленно переправиться во Францию, где о Вас позаботится Ваша мать; она обладает необходимыми полномочиями руководить Вами во всех делах за вычетом религии». Это был приказ, которому принц должен был подчиниться безоговорочно. Но Совет пришел в ужас. Бегство из Англии станет открытым признанием поражения, что же касается Франции, то от нее исходит угроза католицизма. Король со свойственной ему нерешительностью изменил свое мнение, заявив, что лучше Дании места для сына не найдешь. Хайд, в свою очередь, выдвинул в качестве альтернативы Шотландию и Ирландию. Обе эти страны хотя бы принадлежали короне. Тем не менее он тоже считал, что бегство — это последняя возможность, и, когда Ферфакс и армия «Новой модели» подошли к Бристолю на опасно близкое расстояние, решено было, что лучше всего переправить наследника престола в самые удаленные районы запада.

Истощенное королевское войско могло теперь вести лишь оборонительные сражения, да и то практически без-

надежные. Хитроумный Горинг пытался еще огрызаться, но с армией «Новой модели» тягаться ему было не под силу, и у Лэнгпорта он потерпел тяжелое поражение. Отступая на запад, его армия постепенно начала распадаться; Ферфакс же приглянулся за строительство крепостей по всему поперечнику Англии, в результате чего принц с остатками роялистского войска оказался бы заперт в Девоне и Корнуолле. Оттуда им и предстояло наблюдать крах всех надежд. Утративший всякие иллюзии Горинг бежал за границу, и отныне, по словам Хайда, роялистская армия представляла собою скопище людей, которых «боятся лишь собственные друзья, враги же насмеются». Хоптон держался до последнего в Торрингтоне, но ночная атака, предпринятая Ферфаксом, обратила его людей в бегство, и когда членам Совета, укrywшимся в Пенденнис-Касл, стало известно о безумном плане пленения принца, было принято единственно разумное решение — отойти к самым удаленным границам королевства. Фрегат, которому предстояло доставить Карла в безопасное место, находился «в состоянии часовой готовности», и в понедельник 2 марта, в десять вечера, принц Уэльский в сопровождении Хайда, Калпепера и Беркшира отплывал к островам Силли.

После трудного тридцатичасового путешествия, в ходе которого команда выпотрошила багаж пассажиров, судно бросило якорь у Св. Марии, главного острова архипелага. Условия, в которых оказалась королевская свита, трудно было назвать комфортабельными. Недостаток пищи, сырое помещение, которое практически нечем топить. Калпеппер засобирался во Францию, чтобы «ознакомить королеву с положением, в котором пребывает Его Высочество в Силли», но внезапно — это было 12 апреля — на горизонте показались суда флота парламентариев. Срочно было созвано заседание Совета, и на нем принц выказал себя куда более тонким и

даже хитроумным юношей, нежели Хайд мог себе представить. Под конец заседания он извлек из кармана письмо, которое получил несколько месяцев назад от короля. В нем содержался недвусмысленный приказ ни при каких обстоятельствах не попадать в руки парламентариев. Опираясь на него, Карл потребовал немедленного отъезда на остров Джерси. Тут, как нередко бывает, на руку ему сыграл случай. На море разыгрался трехдневный шторм, раскидавший вражеские суда в разные стороны. А когда он кончился, принц был уже на борту «Черного гордого орла», державшего путь на Джерси, где можно было рассчитывать хотя бы на относительную безопасность.

Артиллерийским салютом судно, бросившее якорь напротив Елизаветинского замка, никто не приветствовал. Роялисты явно проигрывали, и население острова Джерси воспринимало это скорее с одобрением, хотя и неявным. Принц Карл высадился на берег вместе с членами своего Совета, еще несколькими лордами свиты и шестью священнослужителями. Чуть позже подошло еще одно судно, на борту которого находились главные люди обширного королевского хозяйства, на третьем же шли такие необходимые его участники, как прачки, портные и сапожники. В целом принца сопровождало около трехсот человек. Дождавшись, когда на берег сойдут все, лорд Уэнтуорт отправился во Францию сообщить королеве, что ее сын благополучно добрался до места назначения. Хоптон деловито занялся приготовлениями апартаментов в Елизаветинском замке. Карл по-прежнему находился на территории королевства и, судя по всему, вовсе не собирался его покидать. Более того, как пишет Хайд, сама мысль об отъезде во Францию вызывала у принца величайшее сопротивление — разве что возникнет реальная угроза плена.

Распорядок жизни следовало продумать самым тщательным образом. Внезапное нашествие столь большого ко-

личества людей легло тяжелым бременем на местную экономику, и хотя у пришельцев были с собой запасы мяса, сыра, муки и сухого гороха, о будущем подумать не мешало. В конце концов местным мясникам и фермерам было велено каждую среду доставлять на рыночную площадь свои продукты и до полудня придерживать их для нужд двора принца, лишь после этого пуская в свободную продажу. Такой же приказ был отдан рыбакам. А в остальные дни недели фермерам предписывалось ежедневно поставлять в Елизаветинский замок двух овец, одного барашка, одного теленка, двух свиней, двух цыплят, двух гусakov, два горшка масла и две дюжины яиц.

Столь внушительные запросы требовали немалого такта в поведении. Принцу в этом явно помогла его природная доброжелательность: он сразу же завоевал симпатии большинства местного населения. И даже на тех, кто склонялся на сторону парламента, обходительность принца явно произвела сильное впечатление. Женщины особенно беспокоились, как бы у них не отобрали драгоценности, и на всякий случай даже тайком переправляли их родственникам в удаленные деревни острова. В ответ принц Карл издал указ, согласно которому уже конфискованное имущество подлежало немедленному возврату; далее в указе говорилось, что, если у местных возникнут какие-либо жалобы на службу двора, их следует адресовать губернатору острова сэру Джорджу Картерету, который «всех рассудит по справедливости».

Большие приемы, следовавшие один за другим, доказывали «несравненную благорасположенность» принца. Чтобы завоевать симпатии и удовлетворить любопытство обывателей, он обедал на виду у всех и угощал зевак с церемонной пышностью, достойной Уайтхолла. Хотя средства Карла и таяли на глазах, но по-прежнему на столах

возвышались горки золотых и серебряных блюд, перед принцем преклоняли колена разодетые пажы, а пышный, до малейшей детали продуманный ритуал трапезы вызывал всеобщее восхищение. По словам одного свидетеля-француза, «что до убранства королевского стола, то каждый знал отведенное ему место, и во всем царил такой порядок, что это не могло не доставлять истинного наслаждения». Выдерживались и иные ритуалы придворной жизни — к немалому удовлетворению местного люда, чья верность принцу нашла подтверждение, когда он присвоил сэру Джорджу Картерету титул баронета. Несколько дней спустя в круговое путешествие по острову отправилась целая кавалькада. Обеду, сервированному в старом замке Мон-Оргуэй, предшествовал большой военный парад, участвовать в котором было приказано всему мужскому населению острова в возрасте от пятнадцати до семидесяти лет. При этом все должны были выкрикивать: «Боже, спаси короля и принца!» Парад принимал сам Карл. Он возбужденно размахивал бобровой шапкой и почтительно кланялся проходящим. По окончании разнообразных представлений (особенно сильное впечатление произвели драгуны, преследующие по пескам воображаемого противника) Карл призвал к себе офицеров и объявил, что прикажет своему казначею выдать солдатам по тысяче ливров в награду за их мастерство и дисциплинированность.

Возвратившегося с парада Карла ждал лорд Калпеппер, приехавший с новостями от Генриетты Марии. Королева решительно настаивала на немедленном отъезде сына во Францию. Она готова была приложить для этого все силы и возможности и уже кое в чем преуспела, убедив самого Калпеппера, что место принца — рядом с нею. Лорд начал обрабатывать юношу в том же духе, да так настойчиво, что Карлу с его внушаемостью «теперь столь же сильно не хоте-

лось оставаться на Джерси, сколь прежде уезжать». А тут еще одно за другим пошли письма от королевы, в которых она со всей откровенностью излагала свою позицию. Отъезд во Францию — недвусмысленно выраженная воля короля, и коли так, «не сомневаюсь, что вы ей покоритесь». С точки зрения Генриетты Марии, это распоряжение оправдано государственными интересами. «Ваш приезд означает безопасность вашего отца — короля, — писала она. — Поэтому поторопитесь, покажите, что вы верный и послушный сын». Хайд был решительно против этой затеи, но как ему было убедить родителей принца действовать против их собственной воли? Тем не менее, уверенный, что Карлу не следует оставлять страну без крайней необходимости, он вновь отправил Калпеппера во Францию — не только для того, чтобы сообщить королеве, что, с его, Хайда, точки зрения, остров Джерси — вполне безопасное место, но и потому, что отъезд принца будет чистейшим безумием.

Однако, к величайшему своему раздражению, Хайд убедился, что вынужден иметь дело не просто с напуганной матерью и ее глупыми друзьями. Из Ирландии прибыл полный абсурдных и опасных планов лорд Дигби. Там, то есть в Ирландии, заявил он, «к услугам принца будет все королевство». С огромным энтузиазмом Дигби убеждал Карла, не раздумывая, подняться на борт уже ожидающего судна, где в распоряжении его высочества отличные мореходы и все, что необходимо для безопасного путешествия. Пятнадцатилетний принц внимательно посмотрел на дрожащего от возбуждения вельможу: за последние несколько месяцев он близко узнал подобного рода людей и научился иметь с ними дело. Юноша спокойно ответил, что странно было бы предпринять столь решительный шаг без предварительного совета с отцом.

Но такого рода осмотрительность только еще больше раззадорила Дигби. Не сумев убедить принца в достоин-

ствах своего безумного плана, он принялся обрабатывать Хайда. К полному изумлению последнего, лорд предложил ни больше ни меньше как похитить Карла. Всем известно, что юноша обожает корабли. Разве не стоял он сам за штурвалом «Горделивого черного орла» часть пути на Джерси? Тем легче заманить его на одно из судов, и пока он обедает, «поднять паруса и без остановок дойти до Ирландии». Хайд решительно отmel эту идею, но разгорячившегося вельможу не так-то просто было остановить. Дигби заявил, что если Хайд не желает помочь ему спасти дело короля, то он отправляется во Францию, где использует все свое влияние, чтобы заручиться поддержкой Генриетты Марии.

29 мая принцу исполнилось шестнадцать. По этому поводу были устроены пышные торжества. Рано утром с крепостного вала Елизаветинского замка прозвучал королевский салют. В ответ раздался слитный залп береговых батарей, на который, в свою очередь, откликнулись покачивающиеся невдалеке фрегаты. По всему острову палили из мушкетов жители деревень. Перед Елизаветинским замком собрались отряды полиции и парадным маршем отправились на самое возвышенное место острова. Празднества продолжались весь день, а кульминация наступила к вечеру. В воздух полетели тысячи петард. В гавани осветились все корабли — от мачты до нок-реи, на берегу собралась огромная толпа, вновь раздалась пальба, зазвучали верно-подданнические тосты.

Всю первую половину дня Карл самолично инспектировал островные фортификации, выказывая при этом в суждениях ту остроту, которая будет для него столь характерна в зрелые годы. По ходу инспекции он заметил на юго-западном побережье место вероятной высадки противника и распорядился в кратчайшие сроки возвести там за его счет укрепления, где установить как минимум четыре орудия. Но

внимание его не ограничивалось военными делами. Любовь Карла к морю с годами только возрастала, и как раз в это время он стал обладателем первого в своей жизни судна. Опыт управления «Горделивым черным орлом» оказался настолько захватывающим, что сразу по прибытии на Джерси принц распорядился построить ему яхту. К 8 июня двухмачтовик с двенадцатью веслами был готов. Снабженный удлиненным килем, он был украшен личным гербом принца и удобно обставлен. Яхту можно было использовать и для морских прогулок, и для официальных мероприятий. Без дела она не простаивала. Отныне принц избегал пользоваться дамбой, ведущей от Елизаветинского замка в город, — он поднимался на борт яхты. За штурвал Карл всегда становился сам, никому не позволяя к нему даже прикоснуться. В разгар лета он часами чертил круги по красивому и надежно защищенному заливу Сен-Обен. Однако вполне отдался такого рода удовольствиям не получалось. Из Парижа вернулся лорд Дигби. Королева внимательно выслушала его и направила в Фонтенбло всегда готового к услугам Генри Джермина — ему надлежало информировать о происходящем французский двор. Кардинал Мазарини, прекрасно осознававший политические выгоды пребывания принца Карла во Франции, отнесся к словам Дигби с большой серьезностью и предложил ему самому изложить свой план. Улыбаясь своей неизменно мягкой улыбкой, он дал возможность гостю произнести страстный монолог и, дослушав, мягко указал на некоторые недостатки замысла. Карлу, заметил Мазарини, нет никакой нужды самому ехать в Ирландию. К тому же разве не естественно, что мать хочет иметь сына подле себя и что и сын хочет быть с матерью? Иное дело, если в Ирландию вернется сам Дигби, соберет войско и выступит на защиту дела короля. Деньгами ему помогут, особенно если он убедит принца отправиться к матери во Францию.

Дигби легко дал себя уговорить. Ему и самому стало ясно, что лучше принцу отправиться во Францию, чем в Ирландию. Французы показали себя чрезвычайно надежными и щедрыми союзниками, они явно действовали в интересах наследника короля. Генриетта Мария горячо поддержала эту идею, а письма короля только укрепили ее решимость. «Не думаю, что принц Карл находится на Джерси в безопасности, — писал король. — Кто знает, что там может случиться, так что ради Бога, пусть он будет с тобой, по крайней мере до тех пор, пока не прояснится моя судьба». Король ясно высказал свою волю — Генриетта Мария привезет сына во Францию. Она не потерпит ни малейшей задержки. Генри Джермин был направлен на Джерси со строгим наказом вернуться с юношей. В сопровождении Дигби, Кейпела, Калпеппера и еще 60—80 дворян он поспешно двинулся в путь.

Едва путники добрались до Джерси, как Дигби направился к Хайду и попытался убедить его в необходимости отъезда принца во Францию. Джермин тем временем склонялся к тому же самого Карла. Он показал ему переписку родителей, потом принялся завлекать красотами Парижа. Принц внимательно выслушал посланца матери, а когда у него в спальне собрался на заседание Совет, потребовал, чтобы, пока присутствующие будут знакомиться с письмами, Джермин, Дигби и лорд Уэнтуорт сидели рядом с ним. Теперь все взгляды были обращены на Карла. Пришла пора принимать решение. Хайд нервно заметил, что пятеро из шести официальных советников принца против его отъезда из Англии, но тот пропустил эти слова мимо ушей. Первое в его жизни важное политическое решение было принято: он отправляется в Париж. «Такова воля короля и королевы, — кратко заметил принц, — и я обязан ее выполнить как можно быстрее». Отъезд назначили на вторник.

В тот день Карл поднялся с рассветом, уже готовый ехать. Сопровождающим он запретил отлучаться из замка хоть на минуту — «чтобы все были на месте, когда ветер позволит отплыть», — но ему предстояло убедиться, что королевская воля выполняется отнюдь не всегда. Судна, на котором он должен был плыть, еще и видно не было, ибо «моряки заявили, что не повезут принца во Францию». Карл немедленно отправил сэра Джорджа Картерета уладить дело, но, когда корабль появился в виду замка, ветер переменял направление, и отплытие пришлось отложить. Карл приказал, чтобы все, кто сопровождал его в плавании, были готовы завтра к четырем утра. Спать не пошел никто.

Но и наутро погода не благоприятствовала юному принцу. «Ветер задул с такой силой, что выйти в море никто бы не осмелился». К вечеру шторм стих. Карл места себе не находил от нетерпения. Он отправляется, и будь что будет! Он отплывает в Сен-Мало или любой другой порт на французском побережье. Но вновь ничего не получилось, ибо «наступило полное безветрие, и такая погода тоже неблагоприятна, особенно если учесть, что пролив контролирует парламентский флот». Отплытие перенесли в очередной раз — на четверг.

Утром в четверг Карл поспешно взбежал по трапу, однако фортуна в третий раз отвернулась от него. Из-за погоды он вынужден был возвратиться на берег и весь день бесцельно слонялся по замку. К пяти часам у принца окончательно иссякло терпение. Он приказал всем, кто едет с ним, немедленно подняться на борт фрегата. Если придется, то хоть на веслах пойдем, все что угодно, лишь бы убраться с Джерси! Карл жаждал ехать в Париж, ему не терпелось оказаться подальше от Хайда с его менторством. Видя, что принц буквально рвется на свободу, Дигби и Джермин проводили его на яхту. Но тут ветер в очередной

раз переменялся, и яхта не понадобилась: Карл поднялся на фрегат. К одиннадцати вечера он достиг французского берега и здесь, приказав бросить якорь, стал нетерпеливо ожидать рассвета.

Глава 3

ПРИНЦ ВО ФРАНЦИИ И ГОЛЛАНДИИ

По прибытии во Францию выяснилось, что Мазарини не позаботился, чтобы королевской особе был оказан подобающий прием. Французский двор не выслал навстречу ни единого важного лица. И когда принц сошел на французскую землю, элегантные дворяне не гарцевали перед ним на своих скакунах. По правде говоря, кардинал больше думал не о принце, а о победоносных парламентариях по ту сторону Ла-Манша. Пусть считают, что Карл прибыл во Францию вовсе не по его, Мазарини, приглашению, а оставил родину по собственной воле. Он не гость, он беженец.

В сопровождении четырех капелланов и небольшой группы приближенных Карл проследовал сначала в Кутенвилль, оттуда в Париж и, наконец, в Сен-Жермен, где и приветствовал мать, с которой не виделся больше двух лет. Карл нашел ее сильно изменившейся. Рождение младшей дочери заметно пошатнуло здоровье Генриетты Марии, и теперь, в 1646 году, это была маленькая, изнуренная жизнью женщина, столкнувшаяся с проблемами, решить которые было ей не под силу. Королеве постоянно приходилось думать о деньгах, о положении дел в Англии, о судьбе мужа и о будущем старшего сына. Она была всем сердцем с ними, в этом нет никакого сомнения. Точно так же вне сомнений ее мужество. «Только и думаю, что о вашем благополучии», — писала она супругу, и это не просто слова:

Генриетта Мария действительно была готова на все, лишь бы помочь ему. Ни секунды не колеблясь, она послала мужу все, что могла сэкономить из содержания, назначенного ей семьей, — 1200 франков в день. Экипажи, охрана, фрейлины — королева пожертвовала всем ради более важного дела, и, едва войдя к ней в апартаменты, Карл сразу понял, что «достоинство ее меньше всего зависит от антуража».

Такая нищета отравляла существование, и последствия этого были опасны. Карл рассчитывал, что попадет в мир надежды и роскоши, а Франция преподала юноше урок нужды и отчаяния. За какие-то несколько дней он убедился, что неизменно услужливый лорд Джермин крепко держит в руках королевский кошелек (открывая его лишь в тех случаях, когда ему нужно), оскорбляя этим многих преданных, но совершенно обнищавших английских дворян в изгнании. Воздействие на состояние умов и душ это оказывало самое удручающее. Эндимион Портер, тот самый, кто некогда помогал королю собрать коллекцию живописи, жаловался, что не может появляться при дворе, ибо ему нечего надеть, кроме дорожного костюма, в котором он приехал из Англии. А тут еще Генриетта Мария не проявила должного такта, и Портер совсем упал духом, узнав, что «королева считает, будто я потерял состояние по собственному недоумию, а не из-за преданности своему повелителю».

Находящиеся в изгнании роялисты нуждались в поддержке, но, когда эти люди обращались за ней к принцу, он был не в силах откликнуться. Королева явно стремилась сохранить влияние на сына, предоставляя ему жить в бедности. Ей хотелось отстранить его от всякого участия в принятии политических решений, самой став спасительницей короны. Хайд был потрясен. «Все эти годы в Париже, — с возмущением писал он, — принц Уэльский находился под попечительством своей матери». Хайд издавна тайно не-

навидел королеву за то гибельное, как он считал, воздействие, которое она оказывала на своего мужа, и теперь страшился, что объектом такого воздействия станет и сын. Хайда бесило, что бывшего его подопечного отстраняют от участия в делах; более того, Карл был даже лишен возможности ясно осознать, какие тучи нависли над королевской семьей. Хайда с его любовью к порядку оскорбляло, что «у принца и десяти пистолей в кармане нет, которыми он мог бы распорядиться по своему усмотрению». «Последствия очевидны, — писал Хайд, — Карл не пользуется тем уважением, каким пользовался бы, живи он, как подобает персоне его ранга». Принц Уэльский превратился в полное ничтожество.

При этом Генриетта Мария всячески стремилась, чтобы ее сын произвел на французов должное впечатление. Вместе со своим маленьким, но суматошным двором она возлагала немалые надежды на французскую королевскую семью, однако тот факт, что ей пришлось потратить целых пять недель, чтобы в результате хитроумных маневров уговорить Бурбонов принять бездомного английского принца, заставил ее призадуматься. Да и то, как его встретили, указывало на равнодушие французов к притязаниям английской королевы. Мазарини, царствующая французская королева и восьмилетний Людовик XIV (которого уже посвящали в науку королевской власти) явно решили, что визиту принца Карла не стоит придавать государственного статуса. Куда лучше встретиться запросто, по-семейному. Разумеется, эти как бы случайные свидания готовились с величайшим тщанием. Решено было, что одно из них произойдет в лесу Фонтенбло. Французы, приехавшие первыми, сидели в своих экипажах, когда, по удачному стечению обстоятельств, мимо проезжали Карл и Генриетта Мария. Королевские особы ступили на землю, и тут-то Карл впервые увидел своих хозяев.

Генриетта Мария представила сына королю. Людовик XIV был в ту пору привлекательным ребенком, кареглазым, розовощеким, с пышными вьющимися волосами каштанового оттенка. Выражение лица у него было уже довольно серьезное, он редко смеялся или играл и настаивал, чтобы ему отдавали соответствующие почести. «Людовик знает, что он король, и хочет, чтобы с ним и обращались как с королем», — писал один наблюдатель, добавляя, что «если он получит хорошее воспитание, то вполне может стать великим правителем». Затем Карла представили царствующей королеве Анне Австрийской, златовласой красавице с выразительными глазами, а также шеей, роскошными руками, восхищавшими всю Европу. Карл поцеловал ее руку, королева в свою очередь поцеловала его в щеку. Затем принц Уэльский был представлен другим членам семьи: герцогу Анжуйскому, Гастону Орлеанскому, младшему брату прежнего короля, и, наконец, его дочери Большой Мадемуазель.

На ней-то мать и хотела женить Карла. Невеста была высокой, властной на вид девятнадцатилетней блондинкой с орлиным носом и, как ему показалось, крайне невежественной, полностью лишенной женского обаяния. К тому же она, при всем своем высокомерии и ревностной приверженности к ритуалу, время от времени впадала в совершенную вульгарность. По словам приятельницы Большой Мадемуазель мадам де Мотвиль (а она любила своих приятельниц), на ее стороне были «остроумие, богатство, добродетели, королевский сан, но чрезмерная живость лишала ее той серьезности, которая приличествует ее положению. Это была чересчур увлекающаяся особа. Темперамент иногда служил во вред даже ее внешности. Так, она легко заливалась краской, но вообще-то светлые волосы, чудесные глаза, пухлые губы и хорошая фигура придавали ей некую величественную красоту». Естественно, одета была Большая Мадемуазель по по-

следней моде: просторное платье с длинным шлейфом, зеркало на ручке, привязанное к поясу, соблазнительно низкий вырез, а на полной щеке — мушка, которую, как вскоре предстояло узнать Карлу, поклонники называли «поцелуем», а кое-кто — «убийцей».

Большая Мадемуазель без особого интереса наблюдала за разыгрывающейся у нее на глазах сценой, прикидывая в уме, окажется ли английский трон достойным ее огромного состояния и пышных форм. Принцу Карлу, по воспоминаниям его потенциальной невесты, «было тогда всего 16 или 17 лет, и для своего возраста он отличался чрезвычайно высоким ростом. У него были благородная посадка головы, темные волосы, смуглая кожа, и в целом он производил приятное впечатление!». Более наблюдательная мадам де Мотвиль отметила еще рот — «крупный и уродливый». На сей раз Большая Мадемуазель решила не давать воли чувствам, ибо, хотя Карл оказался куда приятнее испанского короля (которому была ранее обещана ее рука), у него был один очень серьезный недостаток: он не говорил и не понимал по-французски, «а это доставляет большие неудобства». Мадемуазель, однако, не догадывалась, что Карл ведет тонкую игру перед коронованными особами Европы. Каковы бы ни были его личные впечатления, важнее другое: сообщения из Англии и собственное политическое чутье, которое становилось все острее, ясно подсказывали ему, что нельзя ставить свое будущее в зависимость от католички, которая в решающий момент может и подвести, не дав ему людей и денег, необходимых для возвращения отцовского трона. Принц, прикидываясь, будто не говорит по-французски, и в то же время не желая слишком откровенно противиться воле матери, играл роль робкого воздыхателя.

Впрочем, Большая Мадемуазель была не настолько глупа, чтобы вполне обмануться и этой игрой, и планами Генри-

етты Марии в отношении своего сына. «Я сразу поняла, — вспоминает она, — что королева английская хочет всех убедить, будто принц в меня влюблен». Ясно, что это не так, но, если он сам не желает подумать о своем благополучии, Генриетта Мария сделает это за него. При этом она, как всегда, переигрывала, и царственная француженка с нескрываемым удовольствием вспоминает, что видела английскую королеву насквозь «с того самого момента, как она поведала, что ее сын только обо мне и говорит». Генриетта Мария хотела заставить Мадемуазель поверить, будто она как раз во вкусе принца и что, если бы не материнская забота о приличиях, Карл «не выходил бы из ваших апартаментов». Его вздохи, намекала королева, имеют и политическую подоплеку. Он в отчаянии от смерти супруги императора Священной Римской империи, ибо очень боится, что у него появился сильный соперник в борьбе за руку Мадемуазель. «Я не прерывала королеву, — вспоминает та, — но и не верила ее словам, во всяком случае в той степени, в какой ей, наверное, хотелось бы. Допускаю, что принц оказался бы лучшим ходатаем по собственным делам». Но Карл хранил мудрое молчание.

Однако роль приходилось играть. Парижская аристократия коротала время в балах, балетах, празднествах, и Карл их прилежно посещал. Однажды нечто в этом роде устраивала чета Шуази. Среди других были приглашены Генриетта Мария с сыном и Мадемуазель. Предвкушая открывающиеся возможности, королева заявила, что сама приведет в порядок неподатливую прическу Мадемуазель. Карл же, выказывая подобающие чувства, будет, словно какой-нибудь паж, держать канделябр. Нацепив орден Подвязки, меч с эфесом, украшенным бриллиантами, и бант с геральдическими цветами Мадемуазель — черным, белым и алым, принц играл свою роль с врожденным мастерством. Тем временем его «возлюб-

ленная» с восторгом рассматривала себя в зеркале. «В тот вечер, — вспоминает она, — я была бесподобна, кто только не повторял, что моя прекрасная фигура, лицо, белая кожа, великолепные волосы затмевают драгоценности, которыми я была увешана с головы до ног».

Экипированная таким образом, Мадемуазель появилась у Шуази, где в портике ее уже поджидал Карл. Когда она остановилась у зеркала поправить прическу, он посветил ей, а затем повел в балльный зал, где не отходил от нее ни на шаг. Все это прекрасно, но внезапное появление принца Руперта Рейнского нарушило идиллию подлинной любви. Руперт предложил Карлу свои услуги в качестве переводчика, заметив при этом, к полному изумлению Мадемуазель, что принц Уэльский понимает все, что она произносит, хотя сам по-французски не говорит. Когда бал закончился и заинтригованная царственная юная дама вернулась в Тюильри, у ворот она вновь обнаружила своего печального возлюбленного. Он поджидал ее с обнаженной головой. «Галантность его была столь беспредельна, — вспоминает Мадемуазель, — что о ней ходили легенды».

Все происходящее заставило Мадемуазель задуматься о будущем, и, завершая этот странный вечер, она уселась на трон, установленный на подмостках. Здесь во всем своем откровенном блеске амазонки богатая невеста начала прикидывать открывающиеся ей возможности. Откинувшись на спинку трона, она подумала, что «предназначена для этого места не только на балу, но и в жизни», и с торжеством посмотрела на Людовика и Карла, устроившихся внизу, на ступенях. Один — принц без гроша в кармане, другой — король-дитя... Однако за границей был еще Фердинанд III, только что потерявший жену, и Мадемуазель остановилась на этой кандидатуре. Император — исключительно набожный человек, но она была готова к длитель-

ному сватовству, а пока стала изучать писания св. Терезы и даже подумывала о том, чтобы принять обет кармелитов. За волосами Мадемуазель теперь следить перестала и, более того, отказалась от соблазнительной мушки. «Я решила выйти за императора, — вспоминает она. — Эта мысль настолько меня захватила, что принц Уэльский стал просто объектом сочувствия».

Между тем мать «объекта сочувствия» сильно забеспокоилась и, явившись во дворец, набросилась на юную даму с упреками, зачем, мол, она строит планы насчет Фердинанда, жертвуя ее сыном. Вообще беды наваливались на Генриетту Марию одна за другой. Мало того, что Карл явно проигрывал брачную кампанию, так еще стало известно, что пуритане вломились в ее королевскую часовню в Уайтхолле, алтарь работы Рубенса вышвырнули в Темзу, а облатки и дарохранительницы, где они содержались, уничтожили. Правда, священники немного успокоили королеву, заверив ее, что с дарохранительницами на самом деле ничего не случилось — крышки со стуком откинулись, и ящички улетели в небеса. Палата общин тем временем решила, что «принц Карл должен покаяться в том, что оставил страну и погряз вместе с матерью в мерзости папизма». Впрочем, богатая жена была куда важнее, и Генриетта Мария твердо решила довести дело до конца. Для начала надо было заставить Мадемуазель раскрыть свои намерения насчет императора Священной Римской империи.

Мадемуазель все отрицала, но на самом деле и впрямь нацелилась на императора. На следующий день о ее возможном браке заговорил собственный отец. Император, считал он, не составит счастья дочери, быть может, все же лучше остановиться на английском варианте, дождавшись, разумеется, когда на острове установится порядок. Понимая, что настал решающий момент, Мадемуазель собралась с духом. «Предпочитаю императора, — заявила она. — Про-

шу вас согласиться с этим браком. Возраст меня не интересует, манеры тоже. Для меня важно положение, а не личность». Однако на сей раз вышло по-другому. Император женился на одной из своих австрийских кузин, и это означало, что комедия с участием Мадемуазель и принца Карла еще не подошла к концу.

Но неожиданно у Карла в Париже появились другие увлечения. Пока придворные его матери занимались междоусобными сварами (в какой-то момент принцу пришлось запретить дуэль между двумя антиподами — принцем Рупертом и лордом Дигби), в городе, возвращаясь домой из большого турне, остановились братья Виллье. Восемнадцатилетний герцог Бэкингом превратился в молодого человека, сколь утонченного в манерах, столь и циничного. Карл охотно раскрыл объятия товарищу своих детских игр. За спиной у всех троих было уже немало приключений. Подростками братья Виллье бежали из Кембриджа, вместе с принцем Рупертом приняли активное участие в осаде Личфилда в Стаффордшире, а затем вволю попользовались щедрым гостеприимством первых семей Италии, переезжая из Венеции во Флоренцию, а оттуда в Рим. Вельможи из их свиты не на шутку опасались влияния, которое могли оказать на принца Карла оба брата, особенно герцог Бэкингом с его склонностью высмеивать все на свете — религию, политику, помпезность, которую он находил в письмах короля к сыну, и так далее. И действительно, Карл не отходил от него ни на шаг.

Вдвоем они бродили по Парижу, приобщаясь к жизни юных аристократов, подхватывая арготизмы, бывшие тогда в моде у знати, следя за стремительно меняющейся модой на те или другие капюшоны, шляпы, камзолы и особенно бесчисленные цвета чулок с причудливыми наименованиями вроде «умирающей обезьяны», «веселой вдовы» и очарова-

тельного «смертного греха». К услугам тех, кто не мог себе позволить идти в ногу с этими переменами, имелся прокат, но так или иначе, для аристократов весь этот пышный театр был способом объявить городу и миру, что он-то — подлинный *honnête homme*, достойная то есть личность. Французский стиль жизни производил на юного принца огромное впечатление, и сам образ *honnête homme* будет преследовать его всю жизнь. С достоинством и честью это понятие имело мало общего, скорее уж оно ассоциировалось с разгульным поведением и практической хваткой. Высоко ценились стремление понравиться другим, а также острое словцо, элегантность и манера поведения, которые мадам де Мотвиль проницательно охарактеризовала как «показную любезность в обществе, где царят ненависть и зависть». Это был кодекс выживания, и Карл начал быстро его осваивать.

Тем не менее требовался некий завершающий штрих. «*Honnête homme*, — пишет человек знающий, — должен быть всегда влюблен». Что ж, у Карла тоже возникла тайная, пусть и неудовлетворенная страсть. Постоянно ухаживая за Большой Мадемуазель, он положил глаз — среди многих иных — на очаровательную герцогиню де Шатийон. Увы! Сердце герцогини было полностью отдано мужу, ради которого она сбегала некогда из родительского дома, и Карл начал подыскивать иные объекты. Отчасти это объяснялось тем, что он уже устал от фарса, в котором вынужден был участвовать вместе с Большой Мадемуазель. Как-то на балу в Пале-Рояле, происходившем сразу после Пасхи, она попросила его потанцевать с мадемуазель де Гиз. Карл отмахнулся, пригласив вместо нее мадемуазель де Герши. Затем он отказал и самой Большой Мадемуазель, и это настолько разозлило ее, что она, не сдержав чувств, пожаловалась принцу Руперту. Тот попытался оправдать Карла, ссылаясь на его молодость и неопытность, но Мадемуазель и слушать не пожелала.

Была в дружбе Карла с братьями Виллье и иная, более серьезная сторона: они вместе продолжали свое бессистемное образование. Действительно, ежеутреннее часовое чтение под руководством докторов Эрла и Дуппы вполне могло показаться праздностью, однако же с ними юные вельможи приобщались еще и к трудам великого философа Томаса Гоббса, через него обучившись началам математики. Бесспорно, Карл обнаруживал интерес к этому нелегкому предмету, что позволило ему в дальнейшем поддерживать на достойном уровне разговоры со знающими людьми не только о математике, но и о химии и механике. Но к правильному и глубокому чтению он себя так и не приучил. Как пишет в своей книге «Характер короля Карла II» наблюдательный маркиз Галифакс, «ум его отличался живостью и быстрой хваткой». Карл был наделен, по словам маркиза, «математическим умом», что и объясняло его интерес к таким предметам, как фортификация и мореплавание. Молодежи того времени, в том числе и самой яркой, вообще точные науки были ближе гуманитарных, и Карл добился немалых успехов, к примеру, в навигации, что, впрочем, людям солидным казалось несовместным с его королевским саном. Именно в эти недели и месяцы юный Карл, оставивший позади и чинность отцовского двора, и глубокомысленные поучения Хайда, сделал для себя весьма важные открытия и понял, как воспринимают мир его современники, охотно встав в их ряды. Под конец жизни Карл вообще находил Бэкингема личностью совершенно неотразимой и часто — слишком часто! — закрывал глаза на его возмутительное поведение.

Все трое друзей отчетливо видели, что Франция пребывает в состоянии растущей политической смуты. Длительная и дорогостоящая война с Испанией приносила одни разочарования, все громче звучали голоса, направлен-

ные против Мазарини. Аристократии надоели военные поражения. Парламентарии были недовольны ограничением своих полномочий. Эти богатые и просвещенные законники сами и сформировали институт, стремясь вершить политику, от участия в которой их раньше всячески отстранял Ришелье. И вот теперь появился повод высказать свое недовольство. В мае 1648 года должна была произойти очередная ревизия своего рода дани, которую парламентарии платили короне за депутатские мандаты. Собравшись в Париже, они принялись строить далеко идущие планы, направленные на уменьшение налогов и ограничение королевской власти. Угроза, нависшая над французской монархией, была вполне очевидной, а недовольство, явно ощущаемое в народе, только усиливало ее. Гуляя по парижским улицам, Карл и братья Виллье прислушивались к глухому ропоту, видели, как гавроши, вооруженные рогатками, на бегу швыряют камни в ров перед городской стеной. Через какие-то несколько месяцев эти рогатки обернутся Фрондой, которая на долгие четырнадцать лет ввергнет Францию в разорительную гражданскую войну.

При всем том для Карла это было время бездеятельности. О своих возможных занятиях в Дании он говорил неопределенно, его больше привлекала перспектива участия в военных операциях во Фландрии на стороне французов. Но от этой идеи пришлось сразу отказаться — слишком опасно. Среди изгнанников тогда много и упорно говорили, будто Карл тайно женился. Этот слух достиг ушей Хайда и других членов Совета еще до отплытия с острова Джерси, и «они прямо заявили принцу, что такой шаг будет иметь фатальные последствия». Джермин заверил обеспокоенного канцлера, что эти слухи ни на чем не основаны, добавив, что, если бы у Карла и возник такой замысел, он первый бы ему воспротивился со всей решительностью. Но

Хайда эти заверения не успокоили. В своем джерсийском укрытии он уже привык относиться к королеве и ее окружению с большой подозрительностью. «У них семь пятниц на неделе, — писал он, — только называют они свою ветренность искренностью».

И действительно, интриги имели место. Сам принц вынужден был щелкнуть каблуками, когда мать показала ему, что ни за что не выпустит из рук вожжи. Исполненная решимости любой ценой спасти монархию, она в конце концов убедила Мазарини послать представителя в Ньюкасл, к шотландцам-пресвитерианам, в чьих руках находился ее супруг. Королю она рекомендовала последовать собственному изначальному плану и согласиться с официальным учреждением пресвитерианской церкви в Англии. Таким образом король привлек бы на свою сторону шотландскую армию и окончательно вбил бы клин между и без того враждующими религиозными сектами, противостоящими ему. Король Карл I решительно отказался. Ни при каких обстоятельствах он не хотел жертвовать ни своими королевскими прерогативами, ни англиканской церковью. Для него это был вопрос не политической целесообразности, а спасения души.

Маленький двор в Сен-Жермене такая непримиримая позиция привела в ярость. Больше всех негодовала Генриетта Мария. Разве она не дочь Генриха IV, прославившегося своей фразой «Париж стоит мессы»? Разве нельзя пойти на компромисс с этой деревенщиной, с этими еретиками, а затем, добившись цели, просто отказаться от своего слова? Но король оставался непреклонен, и терпение шотландцев, которые как только не обхаживали своего пленника, чуть ли не на коленях умоляя его перейти в другую веру, в конце концов иссякло. Убедившись, что ничего не добьются, они передали короля парламентариям и вернулись восвояси.

Но и парламентарии находились в очень нелегком положении. Дело было не только в религиозных распрях; гражданская война оказалась слишком разорительной, парламент был просто больше не в состоянии платить солдатам им же сформированной армии. Недовольные, привлекая на свою сторону военных, принялись строить радикальные планы превращения Англии в Новый Иерусалим. Англия должна стать демократической республикой — считали они. Возглавить страну и «разделить земли, принадлежащие знати и богачам», должны «видимые святые», как называли последователей одной секты. В то же время сельское дворянство роялистского толка столкнулось с неразрешимой трудностью — признать власть то ли религиозных фанатиков, то ли парламентской олигархии, то ли военной деспотии. Пытаясь спасти свою осажденную со всех сторон крепость, эти люди лихорадочно искали союзников, и в конце концов им действительно удалось достичь согласия между роялистами, английскими пресвитерианами и шотландцами из тех, кто симпатизировал и тем и другим.

Этих последних возглавлял герцог Гамильтон, лидер большинства в шотландском парламенте. По его настоянию на остров Уайт, в замок Карсброк, где содержался в качестве пленника парламентариев король Карл I, были тайно посланы делегаты. В результате переговоров было достигнуто «соглашение», по которому в обмен на разрешение учредить в Англии на трехлетний срок пресвитерианскую церковь «согласные» предоставят в распоряжение роялистов войско. Получив во Франции это сообщение, Генриетта Мария пришла в полный восторг и немедленно созвала заседание Совета. Хайд, как все и ожидали, воспротивился союзу с шотландцами, но остался в меньшинстве, и королева дала согласие на поездку принца в Шотландию, оговорив, правда, что он возьмет с собой англи-

канских священников и друзей по своему выбору. Внезапно принцу предоставилась возможность действовать. Из Сен-Жермена были разосланы гонцы с сообщениями, в которых говорилось о «страстном желании» принца Уэльского возглавить шотландскую армию и вернуть на трон отца.

Романтические мечты о военных победах и спасении монархии питались и из иных источников. 20 апреля герцог Йоркский, которого парламентарии все это время держали в Сент-Джеймском дворце, бежал, переодетый девушкой, из Англии. Некий полковник Бэмпфилд доставил его в Гаагу, к сестре и свойственнику герцога, принцу и принцессе Оранским. Это событие породило волнения в Англии и Уэльсе, а вскоре у роялистов появился еще один, и весьма существенный, повод для радости: в Кенте взбунтовалась часть парламентского флота и, приняв присягу на верность королю, отправилась в Голландию. Стало ясно, что принцу Карлу для закрепления успеха надо быть с этими людьми, и Мазарини, у которого на носу была война с Фрондой, согласился на его отъезд из Франции. Так Карл в свои восемнадцать лет стал «спасителем монархии». В его распоряжении были флот и шотландская армия.

Итак, он отплыл в Голландию и уже 12 июля обедал со своей сестрой Марией и ее мужем в Гааге. Их запечатленный кистью Ван Дейка кукольный брак счастливым не назовешь. Мария унаследовала от отца царственную замкнутость и холодное осознание высоты своего сана. Она и не пыталась сблизиться с простыми голландцами, своей грозной свекровью и даже с собственным мужем. Дети от этого брака умирали в младенчестве, Вильгельм систематически изменял жене. К немалой тревоге своего окружения, он вел себя скорее как плейбой, нежели как принц, и в двадцать один год не выказывал ни намек на «решимость или ос-

мотрительность». Впрочем, ему и самому не нравился собственный инфантилизм, и после смерти отца он всячески пытался повзрослеть. Тут-то и появился Карл, и к явному неудовольствию советников, предостерегавших Вильгельма «от углубления в английский лабиринт», он экипировал для шурина войско, снарядил несколько судов и на 30 тысяч франков закупил оружия для шотландской армии. Но что еще важнее — будучи лишь на несколько лет старше Карла, он оказал ему личную поддержку, в которой тот так нуждался.

Собственно, на нее-то Карлу и следовало больше всего рассчитывать, ибо непокорный английский флот преследовал собственные амбициозные цели, что было очевидно всем. Об этом Карла предупреждали с самого начала, теперь же ему самому предстояло убедиться в справедливости этого. Прежде всего принцу Уэльскому пришлось столкнуться с интригами полковника Бэмпфилда, тайком переправившего его младшего брата, герцога Йоркского, в Гаагу. Полковник считал, что награда за этот подвиг была явно недостаточной. Он принялся настраивать юного Якова против матери и отца и, «наделенный незаурядным даром красноречия», призывал моряков стать на сторону герцога, который полностью подпал под его влияние. К моменту появления Карла Яков успел назначить сурового пресвитерианина лорда Уиллогби вице-адмиралом, но тот в жизни не выходил в море, и взбунтовавшиеся английские моряки заколебались.

Чтобы испытать их верность, Карл послал брата в портовый городок Хелволтис — как-то там его встретят? Поначалу казалось, что все в порядке, бунтовщики клялись помочь восстановить короля на престоле. Поверив, что флот на его стороне, Карл столкнулся с необходимостью продемонстрировать свою способность командовать им.

Для этого требовалась незаурядная решимость, и он, выказывая качества лидера, которые ранее не были востребованы, немедленно отправил в отставку Бэмпфилда и утвердил назначение Уиллогби, хотя и неохотно. Наглому Якову он таким образом дал понять, кто в доме хозяин; когда же брата весьма благообразно отозвали назад в Гаагу, тот обозлился, заявил, что ему, кажется, не доверяют, и на долгие годы затаил на Карла злобу.

Как раз в это время Карл, решая многообразные проблемы, получил свой первый любовный опыт. Девушку звали Люси Уолтер, это была англичанка, вынужденная отправиться в изгнание. Впоследствии обнаружилось, что многие небескорыстно представляли ее потомкам и как шлюху, и как жену Карла. Говорили, не приводя ровно никаких доказательств, будто, перед тем как оказаться в постели Карла, она сменила не одну аристократическую спальню. Утверждали, например, что ее еще в четырнадцатилетнем возрасте подобрал в Лондоне Алджернон Сидни и «сговорился за пятьдесят монет», но тут его полк куда-то отослали, и «сделка сорвалась». Говорили далее (хотя Сидни в то время даже не было в Лондоне), что он, человек, всегда готовый оказать ближнему услугу, передал Люси своему брату Роберту, ставшему впоследствии камергером сестры Карла в Гааге. Все это слухи. Более или менее достоверно лишь то, что Люси — отпрыск обедневшей дворянской семьи, которую война лишила дома. Скорее всего она вместе с дядей приехала через Париж в Гаагу, где, чтобы сохранить хоть какую-то видимость респектабельности, и осела под именем миссис Барлоу. Люси и Карл были одного возраста, и в то лето больших ожиданий, когда принц, имея в своем распоряжении лишь ненадежный флот, предстал перед ней юным романтиком, взвалившим на свои плечи ответственность за судьбы Европы, моло-

дые люди стали любовниками. Вскоре выяснилось, что Люси забеременела.

А легкомысленному отцу предстояло выводить флот в море и спасти трон. Ветры, то и дело менявшие направление, гнали его суда в сторону Ярмута — «к величайшему изумлению и страху города и всей страны». Все хотели привлечь моряков на свою сторону. Было подготовлено специальное обращение, в котором говорилось, что главная цель принца — восстановить на троне отца с помощью шотландской армии, укрепить полномочия парламента, уменьшить бремя налогов, под которым ныне стонут англичане, и распустить всеми ненавидимую команду парламентариев, для содержания которой эти налоги и взимаются. Наконец, была обещана всеобщая амнистия: прошлое будет забыто, все вернется на круги своя. Население Ярмута сочувствовало принцу, однако на постое здесь были солдаты парламентской армии, и это заставляло горожан быть настороже — они ограничились одним лишь предоставлением провизии морякам королевского флота.

Принц, лишенный таким образом, к немалому своему разочарованию, порта, приказал двигаться к побережью Кента, где в Диле и Сэндауне были расквартированы отряды роялистских войск; здесь можно было перекрыть устье Темзы, не допуская переброски транспорта и продовольствия в Лондон, находившийся под контролем парламентариев. Было известно, что охраняющая устье флотилия под командой графа Уорвика слишком мала, чтобы оказать сопротивление королевскому флоту, тем более что с приближением к месту назначения к нему присоединился на своем грозном боевом корабле Уильям Бэттен, стоявший у истоков бунта. Карл посвятил его в рыцари и присвоил звание контр-адмирала. По устью Темзы взад-вперед сновали торговые суда богатых негодичантов, и, конеч-

но, у Карла могло возникнуть искушение конфисковать их; но, следуя мудрому совету Калпеппера, этой очевидной ловушки он избежал — иначе от него отшатнулись бы отцы города, чья поддержка имела жизненно важное значение для короля. Иное дело, что отказ от столь легкой добычи вызывал недовольство моряков, и Карлу пришлось пойти на компромисс: он задержал-таки одно из торговых судов и заявил, что отпустит его только под большой выкуп.

10 августа, когда военачальники спорили о дальнейших действиях флота, возникла очередная проблема, принявшая на сей раз отталкивающий облик графа Лодердейла, представителя шотландцев. Своим оглушительным басом граф объявил, что условия, которыми Генриетта Мария оговорила союз своего сына с шотландцами, перестали их удовлетворять. Так как армия Гамильтона приближается к границам Англии, продолжал Лодердейл, необходимо, чтобы принц немедленно двинулся к нему навстречу — это продемонстрирует его верность союзникам. Карл «с большим достоинством» выслушал собеседника и заявил, что готов действовать. Но оказалось, что все не так просто.

Шотландцы не желали иметь дела с ультрароялистами. К тому же встал вопрос об англиканах — капелланах Карла. Принцу предстояло убедиться, что и они неприемлемы для союзников. И вообще лучше всего, если он примет обряды пресвитерианской церкви. Карл было воспротивился, но восемнадцатилетнему юноше трудно соперничать с тридцатилетним мужланом, чьи нечесаные и сальные рыжие волосы закрывали почти все лицо. Лодердейлу приказали доставить принца на северную границу в должном виде, и он нажимал на юношу изо всех сил. Граф повторял, что любое промедление может оказаться смерти подобно, и успокоился лишь тогда, когда принц в конце концов подписал соглашение, по которому на время пре-

бывания в армии Гамильтона брал на себя обязательства выполнять пресвитерианские обряды. Карл понимал, что ради сохранения надежд на будущее идет на уступки, которые отверг некогда его отец. Но он уже выказывал свойства политика, каким ему предстояло стать.

Принц уступил, чтобы поскорее отплыть в Шотландию, однако его моряки воспротивились. Бунтовщики вновь принялись за свое, поговаривая о том, что самое простое — вышвырнуть Лодердейла за борт. Имея в своем распоряжении дурно оснащенные суда и команду, готовую вот-вот выйти из повиновения, Карл вновь продемонстрировал качества лидера. Он вышел на палубу и прямо спросил команду: вы со мной? Поднялся гам, в конце концов моряки вроде бы начали склоняться на сторону принца, но тут к флагманскому кораблю подошел небольшой двухмачтовик с сообщением, что сюда движется флот парламентариев во главе с Уорвиком. В моряхах разыграл боевой дух, они и слушать ничего не желали, но никто, включая Карла, даже не догадывался, что их ждет окружение. В то время как по Темзе двигался Уорвик, из Плимута вышли шесть оставшихся в распоряжении парламентариев судов.

Карл не мог найти себе места от возбуждения, отказываясь удалиться в укрытие, на чем настаивал Бэттен. Ни за что! Главное, повторял принц, «сохранить честь, которая дороже жизни, и судьбу, испытанную под огнем». Затем в течение двух дней суда принца и Уорвика маневрировали на виду друг у друга и готовились к решающей схватке — впервые за всю историю королевский флот оказался расколот на две противоборствующие стороны. Но у принца кончалось продовольствие, и стало ясно, что надо возвращаться в Голландию. И тут на горизонте смутно возникли огни новых вражеских судов. Бэттен, разбиравшийся в морском деле и понимавший, чем грозит стычка в темноте, пре-

одолев сопротивление рвавшегося в бой Руперта, командовал немедленно отплывать в Хелволис. 4 сентября принц Карл бросил якорь. Теперь он был в безопасности, но на него сразу свалилось страшное известие.

Кромвель нанес шотландцам сокрушительное поражение у Престопа. Возникло настоящее побоище, уцелевших «продавали за полущку в рабство в новые колонии». Делали это демонстративно, стремясь в зародыше подавить любые надежды роялистов на поддержку из Шотландии; ну, а жалкий удел очагов сопротивления в Англии не только деморализовал сторонников короля, но и принес личное горе принцу Карлу. Братья Виллье, уехав из Франции, стали под знамена лорда Холланда, пытавшегося осадить Лондон. Маленький отряд был брошен в бой без должной подготовки, город остался глух к призывам, и жестокая перестрелка у Кингстона-на-Темзе положила кровавый конец всем усилиям роялистов. Франсуа Виллье, «юноша редкостной красоты и обаяния», был убит предательским ударом в спину. Надежды принца вернуть отца на трон оказались повергнуты в прах, и хотя Лодердейл отчаянно призывал Карла отправиться на север, он предпочел остаться в Голландии, на скудном попечении зятя. Его первая попытка сохранить в Англии монархию кончилась печальным провалом.

Поражение вызвало раскол среди сторонников короля Карла I. Их внутренняя вражда принимала порой крайние формы. Принца окружали главным образом люди, которые нередко ненавидели друг друга сильнее, чем общего противника, и больше всего думали о своей выгоде. Поддерживать хоть какую-то дисциплину, быть хоть каким-то авторитетом выпало на долю восемнадцатилетнего принца. Однажды ему даже лично пришлось предотвращать дуэль между Калпеппером и принцем Рупертом. Раскол оказался и Совет — поверженные изгнанники яростно об-

виняли друг друга во всех своих бедах. К тому же озлобленные и вышедшие из повиновения моряки опять взбунтовались, требуя на сей раз платы за службу. Вдобавок ко всему Карла свалила оспа, и за порядком пришлось следить самым сильным людям из его окружения.

Среди них был Хайд. Накануне отъезда с острова Джерси взаимоотношения между Карлом и его преданным слугой сильно испортились, однако же было решено, что, когда принц вернется из Франции, Хайд будет при нем. И вот страдающего от подагры Хайда оторвали от научных занятий — он работал над созданием массивного тома истории гражданской войны — и не без сложностей доставили к принцу. Бедность Хайда (как и многих иных роялистов) стала притчей во языцех, и он писал Джермину: «Вы легко поймете, что человек, который — в буквальном смысле — износил за текущие два года последнюю пару обуви, не может сразу же сесть в экипаж и отправиться в такое путешествие». Денег ему прислали, и в конце концов Хайд, обкраденный по дороге голландскими пиратами, добрался до Гааги. Здесь он принялся энергично собирать деньги, чтобы накормить моряков и хоть как-то расплатиться с ними, предоставив принцу Руперту заниматься дисциплиной. Надо сказать, что английских моряков здесь не любили. Их развязное поведение оскорбляло местных жителей, и принцу Оранскому пришлось намекнуть, что им лучше было бы отправиться восвояси. Что и было сделано: флот отплыл в Ирландию, где собирал силы граф Ормонд, последняя надежда роялистов.

Принц Оранский лично убедил Карла остаться в Гааге, и тот, оправившись от болезни, отпраздновал Рождество в обществе его семьи. С наступлением Нового года из Англии опять пришли дурные вести. Главари армии «Новой модели» после трехдневных мучительных споров и страст-

ных молитв в Виндзорском замке решили призвать Карла I Стюарта, этого «человека, запятнанного кровью», к ответу за «великое зло, которое он причинил божьему делу и своему народу». Предотвращая возможное сопротивление, Кромвель заблаговременно убрал из парламента строптивных и затеял против короля судебный процесс. Принц Карл лихорадочно, но безнадежно пытался спасти жизнь отца.

Он немедленно обратился в Генеральные Штаты Голландии с просьбой о помощи. Сенаторы выказали ему сочувствие и пообещали отправить в Англию посла; посол явился, но парламентарии до окончания процесса отказывали ему в аудиенции. Столь же бесплодны были и другие попытки. Карл писал во Францию Мазарини и царствующей королеве, подчеркивая, что поведение парламента «создаст прецедент, опасный для всех цезарей». Французскому послу в Лондоне были даны соответствующие поручения, но он, как и голландец, ничего не добился. Впав в полное отчаяние, Карл написал Ферфаксу. Цареубийство вызывает содрогание, «сама мысль о нем кажется столь ужасной и абсурдной, что заставляет обратиться к Вам, человеку, обладающему властью и силой, с просьбой в последний раз продемонстрировать свою верность законному властителю Англии и восстановить мир в королевстве». Однако и это обращение, подобно другим, не возымело никакого эффекта. Оно просто напомнило парламентариям, что принц для них — некое препятствие. Письмо осталось без ответа, но палата общин срочно приняла постановление, в котором указывалось, что «никому не дозволяется объявлять Карла Стюарта, более известного под именем принца Уэльского, королем либо властителем Англии и Ирландии».

Теперь оставалось только ждать. Известие о смерти короля достигло сына лишь через неделю после его казни, да

и то едва ли не случайно, через одну из скверно отпечатанных газет, служивших изгнанникам-роялистам основным источником информации. Быть может, само провидение милосердно позаботилось о том, чтобы эта газета сначала попала в руки капеллана принца доктора Гаффе. Строгий клирик обратился к юноше, который отныне стал его королем, с положенными словами: «Ваше Величество... Больше слов не требовалось. Принц залился слезами. Ему воочию представился лежащий перед ним крестный путь: сын без отца, король без трона, актер без роли.

Глава 4

БРЕДСКИЙ ДОГОВОР

На деньги зятя Карл купил подходящее его сану траурное одеяние пурпурного цвета, обил черным крепом стены своей резиденции и принялся рассылать письма и посылных коронованным особам Европы. Не может быть, чтобы они не выразили ему сочувствия и не оказали поддержки в возвращении престола. Соответствующие запросы были посланы в Португалию и Испанию, Италию и Германию, в скандинавские страны, в Россию. Но «урожай» получился на редкость скудный. В Москве лорд Калпепер преклонил колена перед царем, был представлен боярам — два часа ушло на одно перечисление их титулов, как требовалось по протоколу, — а взамен получил лишь мех и зерно на 20 тысяч рублей. Королева шведская предоставила некоторое количество оружия, португальцы предложили использовать свои гавани для нужд военного флота роялистов. Франция, увязшая в войне с Фрондой, реальной поддержки оказать не могла. Точно так же лишь выражением соболезнований по поводу казни Карла I ограничи-

лись второразрядные европейские державы. Граф Нойбург, например, писал: «Вседержитель, наш праведный Судия, не допустит, чтобы такое преступление осталось безнаказанным». Но, подобно другим германским властителям, залечивающим раны, нанесенные опустошительной Тридцатилетней войной, графу нечего было предложить, кроме сочувствия и праведного негодования.

Что касается самой Англии, то остатки Долгого парламента, так называемое «охвостье», принялись разрушать монархию как институт «излишний, дорогостоящий и опасный». Упразднена была и палата лордов, и в 1649 году Англию официально провозгласили Британским Содружеством. Потерпевшие поражение роялисты разъехались по своим усадьбам. Одни строили безнадежные планы воцарения на троне принца Уэльского, другие утешались созданием культа его отца — короля-мученика. В этом им отчасти способствовала книга под названием «Eikon Basilike» — «Королевский образ». В ней можно было прочитать речь, якобы произнесенную Карлом I на плахе, его молитвы и фрагменты из переписки. За год, прошедший после казни короля, книга выдержала 35 изданий, и такой успех позволял его сыну питать робкие надежды на будущее: он чувствовал, что в Англии есть люди, желающие его возвращения.

Однако же было ясно, что реальную помощь следовало искать в другом месте. Поначалу самым надежным ее источником казалась Ирландия. Казнь короля вызвала там такой шок, что ирландские повстанцы наскоро заключили мирное соглашение с Ормондом, позволив ему таким образом высвободить свежие роялистские силы. Именно на него теперь были устремлены все взгляды в Гааге. В то же время кое-кто считал, что дело короля вряд ли следует ставить в зависимость от армии, по преимуществу католической. Иное обстоятельство: хроническая нехватка денег —

а это ни для кого не было секретом — практически не оставляло Карлу пространства для маневра. Как писал один роялист, «хотя король все поставил на Ирландию и хотел бы отправиться туда как можно скорее, денег не хватает настолько катастрофически и долги так велики, что я не представляю себе, как вообще можно справиться с этими бедами». Тем не менее ирландский план поддержал Хайд, нашедший союзника в лице другого видного роялиста, только что прибывшего в Гаагу, — Джеймса Грэхема, маркиза Монтроза.

Это был человек, чьей доблестью, статью и подвигами восхищалась вся Европа, и к тому же всецело преданный Стюартам. «Главное для меня — служба королю, вашему батюшке», — сказал он как-то юному Карлу. В самом начале гражданской войны Монтроз сколотил шотландскую роялистскую армию и повел своих плохо обученных, не знающих воинской дисциплины головорезов против ковенантеров во главе с внушающим всеобщий страх Арчибальдом Кэмпбеллом, маркизом Аргиллом. В битве при Инверлочи Монтроз уничтожил 15 тысяч солдат противника, и взаимная ненависть двух военачальников достигла такого предела, что когда Карл I нашел укрытие у ковенантеров и попросил Монтроза зачехлить меч, тот предпочел удалиться в континентальную Европу. Теперь он решил набрать среди своих соотечественников-шотландцев новую армию и встать под знамена нового короля. Монтроз также намеревался научить Карла разбираться в лабиринтах политической жизни Шотландии и не дать ему угодить в разнообразные ловушки. Больше всего его беспокоило двоедушие, как он считал, побежденных шотландских вельмож, выступивших некогда на стороне отца Карла. Настороже следовало быть и с посланцами Аргилла и ковенантеров. Эта крайне клерикальная партия, реально управляющая тогда Шотландией, установила в стране режим

религиозного фундаментализма, с угрозой которого сталкивался некогда и покойный король. Недостойное королевской особы согласие с «Ковенантом» — вот та цена, которую он требовал за шотландскую корону.

И Хайд, и Монтроз были совершенно убеждены, что Карлу ни в коем случае не следует платить за любой союз отказом от религиозных принципов и верований, за которые сражались и умирали роялисты. Они прекрасно понимали, что ковенантеры предлагают Карлу лишь видимость власти: стоит ему оказаться в их руках, как он превратится в марионетку. Карл разделял эту точку зрения и до времени связывал свои надежды с Ирландией и Ормондом. В то же время у молодого короля выработалась привычка сначала выслушивать, а потом уже оценивать различные мнения, так что, соглашаясь с Хайдом и Монтрозом, он готов был обдумывать и макиавеллиевские советы своего зятя. Так Карл получал первые и самые важные уроки искусства лицемерия.

У принца Оранского, очнувшегося после недолгой апатии, были достаточно четкие представления о собственном будущем, а также о будущем своего шурина-изгнанника. Подобно Карлу, он считал себя цезарем, несправедливо оказавшимся в зависимости от своего же парламента, и был преисполнен решимости избавиться от Генеральных Штатов. Позже принц Оранский положит основание Оранскому дому как наследственной монархии, заключит союз с Францией, расширит свои владения, опираясь на сильную армию, и приведет к повиновению соотечественников, выступающих против него. Конечно, мир и покой — великое дело, и самый лучший способ добиться этого — продемонстрировать своим подданным-кальвинистам, как ему удалось убедить английского короля вступить в союз с шотландцами-ковенантерами. Они помогут Карлу вернуть

трон, а он, Вильгельм, в свою очередь, получит верного и благодарного союзника. Вполне осознавая личную заинтересованность Вильгельма, ковенантеры послали к нему своих эмиссаров. Под конец встречи с ними юный принц пообещал поговорить с Карлом в соответствующем духе и на следующий же день уведомил их, что разговор состоялся. Однако Вильгельм умолчал о своем намеке Карлу, что передаст под его начало войско, а когда тот усмирит Англию, можно будет отказаться от любых обещаний, данных шотландцам.

Имея все это в виду, а также привлеченный возможностью впервые получить опыт использования власти, Карл решил встретиться с шотландскими посланниками. Вид у молодого короля был поистине величественный. Ростом шесть футов два дюйма, со сверкающим на груди орденом Подвязки, он производил сильное впечатление. Карл был чисто выбрит, волосы, разделенные пробором точно посередине, падали на грудь, причем справа пряди, по французской моде, были чуть длиннее, чем слева. Он приветствовал ковенантеров со всею — так, во всяком случае, хотелось ему надеяться — непринужденностью; ну а Хайд, которого отвращала сама мысль о союзе с этими людьми, отметил, что они вошли в покои его повелителя, расположенные во дворце Биннемхоф, с видом, приличествующим скорее послам независимого государства, нежели подданным короля. Ему едва удалось сдержаться, когда Роберт Бэйли, глава делегации ковенантеров, объявил, что они прибыли, «рассчитывая на правильное поведение его величества и уважение к «Ковенанту».

Карл учтиво парировал эту дерзость и принял красиво переплетенный экземпляр «Ковенанта» с таким обезоруживающим достоинством, что даже злоязычные эмиссары были вынуждены признать «безупречное поведение его величе-

ства». По словам некоего эmissара, Карл оказался «одним из самых воспитанных, утонченных и вежливых цезарей на планете». Он был мужествен, умен и тщательно избегал как многословия, так и чрезмерного выражения чувств. Все это было должным образом отмечено. Жаль, разумеется, «бесконечно жаль», что его величество исповедует иную веру, нежели его шотландские подданные, но это, несомненно, объясняется «дурным влиянием окружающих его лиц». Ясно, что молодому человеку трудно его избежать.

За этими маневрами с особым неудовольствием наблюдала жившая тогда в Гааге принцесса София, младшая дочь королевы Богемии. Ей было уже известно, что шотландским эmissарам она не понравилась, — иначе отчего бы им было жаловаться, что эта очаровательная и естественная в поведении девушка ни на шаг не отходит от Карла, даже в церкви. Бесспорно, он увлечен ею. Однажды вечером Карл пригласил ее прогуляться и (зная, что, подобно многим, София неодобрительно относится к его ухаживаниям) заметил между прочим, что она явно красивее миссис Барлоу и что он надеется когда-нибудь увидеть ее в Англии. Принцесса, особа, несмотря на юный возраст, далеко не глупая, отдавала себе отчет в том, что «от природы Карл одарен богато, но материальное положение не позволяет ему думать о женитьбе», и поэтому вторичное приглашение на променады отклонила, сославшись на мозоль.

Однако хитроумным переговорам в Гааге скоро пришел внезапный и страшный конец. В город прибыл посланник английского парламента, оказавшийся одним из тех юристов, кто готовил обвинительное заключение против Карла I. Голландцы, что можно понять, оказали гостю почести, соответствующие его рангу, но горячие головы среди английских роялистов-изгнанников ворвались в дом, где он остановился, прямо за ужином отсекали ему голову и удалили.

Эта бессмысленная жестокость «поразила и чрезвычайно огорчила короля». Голландцы попросили его оставить страну. Следовало срочно решать, что делать дальше. Прежде всего необходимо было дать ответ ковенантерам. Позиция Монтроза была неколебима — любая уступка этим людям не принесет Карлу ничего, кроме «позора и поражения». Клятва на верность ковенантерам — такое не укладывалось в сознании истинных роялистов. Что же касается власти, то Карлу явно предлагалась лишь ее тень. «Требовать от Вашего Величества согласия на учреждение Лиги во всех принадлежащих Вам землях, — писал Монтроз, — равносильно призыву самому лишить себя любых привилегий». Карл вынужден был согласиться, однако, вместо того чтобы отослать эмиссаров, он намекнул им, что по некоторым позициям можно было бы договориться, и лишь после этого заявил, что не может решать дела Англии и Ирландии по их указке.

Эмиссары пришли в ярость. «Мы чрезвычайно разочарованы этим документом, — писал один из них. — Он превосходит наши худшие ожидания, тут чувствуется рука даже не враждебных по отношению к нам советников короля, а самого Джеймса Грэхема». Недовольные посланники вернулись домой, в Шотландию, и доложили о неуспехе своей миссии Аргиллу. В то же время Монтроз, которого Карл назначил адмиралом и своим наместником в Шотландии, отправился по странам Северной Европы в надежде убедить сочувствующих королю предоставить ему людей и оружие. Его чрезвычайно подбодрило обещание благодарного монарха «не предпринимать никаких шагов», касающихся Шотландии, «без совета с вами». Хайд, проводив Монтроза, засобиравшись в Испанию, также рассчитывая собрать необходимые средства. Карл оказался без попечения двух своих самых проникательных и принципи-

альных советников, и в разлуке с ними проявились резкие черты его подлинной натуры.

В Ирландию Карл вопреки всеобщим ожиданиям отправился не сразу. Туда он отослал багаж, а сам, потолковав еще раз с принцем Вильгельмом и его женой, двинулся кружным путем, через Францию. Хайд был потрясен. Он заметил, что короля во Францию никто не звал и его путешествие туда обернется всего лишь пустой тратой времени и денег. Но на самом деле он боялся, что мягкотелый король вновь подпадет под влияние Генриетты Марии и ее окружения, и прежде всего — Джермина. Хайд вбил себе в голову, что Джермин замыслил «организовать срочную встречу короля с королевой» с целью тесно привязать к ней сына, как некогда его отца. Предотвратить такое развитие событий Хайд не мог, к тому же принц Вильгельм с женой так хотели поскорее избавиться от гостя, что выдали ему на поездку внушительную сумму денег. В начале июня Карл был уже в пути. За ним тайно последовала Люси Уолтер, у которой 9 апреля родился сын — первый и самый несчастный из многочисленных внебрачных детей Карла.

Путешественники в обществе принца и принцессы Оранских проследовали через Дельфт и Роттердам в Бреду. Там в честь Карла был устроен фестиваль. Затем, на сей раз в сопровождении лишь принца и сорока всадников, молодой король направился в Антверпен. Тогда это была испанская территория, и хотя эрцгерцог Леопольд — как впоследствии и граф Пигноранда в Брюсселе — приветствовал его со всем подобающим пиететом, практической помощи не последовало. Испания была бедна, и к тому же ей приходилось отбиваться от Франции, той самой страны, куда лежал путь Карла. В Пероне его встретил герцог Вандомский, предложивший ему ночлег и затем доставив-

ший к французскому двору, который находился в то время в Компьене. Здесь Карла поджидала встреча не только с матерью, но и с давней возлюбленной — Большой Мадемуазель.

На сей раз она выказала ему несколько большее расположение. Мазарини и царствующая королева считали, что ирландские упования Карла небезосновательны, а Джермин уверял ее, что, став его женой, она сможет, как и прежде, жить во Франции, предоставив мужу самому улаживать свои дела. Мадемуазель, правда, дала понять, что сама мысль о таком неблагородстве приводит ее в содрогание. «Я должна буду пожертвовать всем своим состоянием, чтобы помочь ему вернуть свои владения», — заявила она, явно подражая героиням своих любимых романов. В то же время, признавалась Мадемуазель позднее, «подобного рода перспектива несколько тревожила меня, ведь я привыкла к жизни богатой и привольной». Чтобы как-то выпутаться из этой ситуации, нужен был предлог. Например, религия. «Разве можно позволить себе выйти замуж за протестанта?» — вопрошала она Джермина. «От религии просто так не отмахнешься, — продолжала Мадемуазель, — и если я ему небезразлична, пусть он справится с этой трудностью, а я справлюсь со своими». Однако Мадемуазель была по-настоящему заинтригована. «До смерти приятно слышать его комплименты, — признавалась она. — Для меня это внове, никто прежде не смел говорить мне таких вещей, не из-за моего сана, ведь нечто в таком роде говорится и королевам, но из-за характера, который меньше всего можно назвать кокетливым».

К встрече с Карлом Мадемуазель подготовилась очень тщательно, даже волосы завилы, чего вообще-то делать не любила. Перед отъездом в Компьен царствующая королева поддразнила ее: «Любовников по виду узнаешь! Вы толь-

ко посмотрите, как она разоделась». Но так называемый любовник вновь принес Мадемуазель сплошные разочарования. Вовсю болтая — по-французски — с маленьким Людовиком, Карл, при малейшем нажиме, отказывался всерьез говорить о своих планах под тем предлогом, что недостаточно владеет родным языком Мадемуазель. Все это производило на нее весьма дурное впечатление. «Тогда-то я и отбросила все мысли о браке, — вспоминает она. — О короле у меня сложилось самое невыгодное мнение, в свои годы он мог бы больше думать о собственных делах».

За обеденным столом возникло новое недоразумение. Среди бесчисленных блюд подали дичь — садовую овсянку, редчайший деликатес, к которому Карл, однако, остался совершенно равнодушен. Он «больше напирал» (по словам Мадемуазель) на баранину и бифштекс. Столь непритязательный вкус смутил окружающих, сама же высокородная дама впоследствии вспоминала, что ей стало стыдно. После трапезы насытившийся претендент на руку Мадемуазель вел себя так же замкнуто, как и за столом. Мучительные четверть часа она ждала, когда же Карл наконец заговорит. Заподозрив, что он молчит от смущения, Мадемуазель пригласила присоединиться к ним кого-то из придворных, и стоило тому появиться, как Карл затеял с ним оживленную беседу. Десерта, судя по всему, подавать не собирались, и, когда подошло время расходиться, Карл, кивнув секретарю матери, небрежно заметил: «Месье Джермин, чей французский язык гораздо лучше моего, изложит вам мои планы и поведает надежды. Честь имею». С этими словами Карл поцеловал Мадемуазель руку и уехал в Сен-Жермен.

Здесь же расположилась и Люси Уолтер, но ясно было, что к этому времени ее отношения с Карлом пошли по нисходящей. Теперь самым частым гостем Люси (и, может быть, не просто гостем) был лорд Уилмот; именно в его эки-

паче она прибыла в Сен-Жермен в августе 1649 года. Люси сопровождал хронист (автор дневника) по имени Джон Ивлин. Спутница произвела на этого разборчивого знатока не очень-то благоприятное впечатление: он нашел ее дамой «красивой, энергичной, но вульгарной». Другие, главным образом родичи Карла, также чувствовали некоторую напряженность, вызванную, правда, больше присутствием его матери. Угрюмая, полностью обедневшая королева становилась все капризнее и раздражительнее. Карл понимал, что от ее влияния надо избавляться, и чем быстрее, тем лучше. В свои девятнадцать лет он видел себя больше королем, нежели послушным сыном. В отношениях с Генриеттой Марией молодой король сохранял холодную вежливость, но ясно давал понять, что в его планы ей особо вмешиваться не следует. Когда же мать начала устраивать сцены, он просто сказал, что и впредь будет безукоризненно верен сыновнему долгу, но в делах намерен «подчиняться велениям собственного разума и собственных суждений». А однажды Карл даже попросил «оказать ему любезность и не затруднять себя его делами». С этими словами он вышел из комнаты и с тех пор «явно не выказывал желания общаться так тесно, как она на то рассчитывала».

Все это свидетельствует, что Карл твердо вознамерился добиться самостоятельности; и в то же время он все еще обнаруживал признаки юношеского и незрелого ума. Ничто не доказывает это столь же убедительно, сколь его продолжающаяся близость со своей старой кормилицей миссис Уиндэм, которая теперь всячески добивалась для своего мужа министерского поста. Хайд и престарелый лорд Каттингем, остановившиеся в Сен-Жермене на пути в Испанию, явно не могли смириться с перспективой включения такой заурядной личности, как полковник Уиндэм, в состав Королевского Тайного Совета. Выслушав жалобы

королевы на «черствость» сына, Хайд решил поговорить с ним, но из этого разговора ничего не вышло. В ответ он услышал, что даже если Уиндэм сейчас не готов к исполнению обязанностей министра, то вскоре освоится, что это «исключительно честный» человек, что раньше у него, Карла, не было возможности ничем отблагодарить его, да и сейчас единственное, что он может ему предложить, — так это министерский пост. На том и покончили.

Хайд явно потерпел поражение, но, как известно, там, где пасует прямота, может сработать хитрость. Однажды почтенный лорд Каттингем завел с Карлом и присутствующими придворными пространный разговор об одном достойном сокольничем. Карл осведомился, чего он просит для этого человека. Похвалив голос сокольничего и его вкус к чтению, Каттингем помолчал немного, а затем с притворной серьезностью заявил: «Прошу ваше величество назначить его своим капелланом». «Как это?» — изумленно взглянул на него Карл. Сохраняя прежнее непроницаемое выражение лица, Каттингем сказал: «Сокольничий ничуть не меньше подходит вашему величеству как капеллан, чем полковник Уиндэм как министр». Повисло смущенное молчание, потом все расхохотались, а Карл, нахмурившись, отвернулся. Анекдот пересказали Уиндэму, и с тех пор никто больше ничего не слышал о его министерских притязаниях.

С полковником Уиндэмом справиться оказалось нетрудно, а вот фракции внутри Совета представляли собой проблему куда более сложную. Партия королевы стояла за союз с шотландцами; в то же время роялисты более традиционного склада во главе с Хайдом по-прежнему отвергали идею какого-либо сговора с врагами покойного короля, призывая искать поддержку у испанцев и папы взамен на уступки католикам. Они даже обдумывали возможность

переговоров с экстремистами в Англии, обещая им свободу совести (хотя и не предполагая выполнить это обещание). Ну а юные «меченосцы» при дворе склонялись то к одной партии, то к другой, в зависимости от того, какая в данный момент берет верх, меж тем как «все пребывает в неопределенности, и решаются дела не суровым и серьезным Советом, а под ковром, по случаю, и это ранит сердца всех, кто предан королю». А тут еще до Франции начали доходить сведения, свидетельствующие о том, что надежды на поддержку со стороны Ормонда и ирландцев стремительно тают.

2 августа 1649 года силы Ормонда потерпели жестокое поражение от англичан у Рэтминса, чуть южнее Дублина. Столь внушительную армию ирландцам было уже не собрать, и теперь, когда их сопротивление оказалось практически подавлено, Кромвель приступил к последовательному и беспощадному покорению страны. Тем, кто остался на стороне Карла Стюарта, — ни пяди земли. 15 августа во главе армии, состоявшей из 8000 пеших и 4000 конных, Кромвель пересек границу и объявил себя Верховным Главнокомандующим и Лордом-Протектором Ирландии. Прежде всего он направился в Дрогеду — пункт сбора и перегруппировки разрозненных частей разбитой ирландской армии. Неделю спустя подошла тяжелая артиллерия: 11 осадных орудий, два восьми- и два семидюймовых, два 24-фунтовых орудия, три мортиры и еще 12 пушек меньшего калибра. Губернатор города хвастливо заявил, что взять Дрогеду — то же самое, что взять ад. Кромвель, словно пронизанный боевым духом, был преисполнен решимости доказать противнику правоту его же слов. Его чудовищной силы артиллерия обрушилась всей своей мощью на злополучный город. В стенах вскоре появились проломы, и через них кромвелевские ветераны ворвались внутрь

города; они быстро уничтожили около 3 тысяч его военных и гражданских жителей. Это была настоящая бойня. У солдат отрывало ноги, и стрелять продолжали обрубки. Вопящих от ужаса воинов выкуривали из церквей, а губернатора, храброго вояку, забили до смерти его собственной деревянной ногой, в которой, как почему-то решили убийцы, хранится золото.

Дрогеда оказалась лишь первой остановкой на пути, по которому, сминая все, катилась кромвелевская колесница. Остров выжигали, и в этих обстоятельствах присутствие там Карла было бы чистым безумием. При этом ему ненавистно было «позорное», хотя и вынужденное сен-жерменское прозябание. Его оскорбляла все возрастающая холодность, с какой обращалась с ним французская знать, в чьих глазах он быстро утратил обаяние новизны, и в конце концов молодой король решил вернуться на Джерси. Там, как ему казалось, строить планы удобнее, чем в Сен-Жермене с его партийными распрями. Приближающаяся зима препятствовала нападению парламентариев, к тому же лояльные островитяне через 17 дней после казни Карла I провозгласили принца Уэльского своим королем. И еще: упразднение английской монархии и поражение ирландцев значительно уменьшили ценность Карла в глазах Мазарини и королевы. Им не терпелось поскорее избавиться от гостя, за голову которого назначила награду его собственная страна и над которым всегда нависал меч убийцы. Наконец, была еще одна причина, по которой Карлу лучше было оставить Сен-Жермен. Генриетта Мария в своей тоске и полном бессилии пришла к заключению, что лишь церковь станет гаванью, где она может исцелить собственную израненную душу и предаться мечтам о превращении Англии в часть католической Европы. Для начала следовало перекрестить в новую веру детей. Карла втянуть в по-

литическую авантюру не удалось, но с герцогом Йоркским кое-какие надежды еще можно было связывать. Понимая, какими опасностями чреват замысел матери, Карл решил взять младшего брата с собой на Джерси. 27 сентября они с герцогом отплыли из Кутенвилла. Карл сам встал за штурвал, и, несмотря на преследование судов парламентариев, они благополучно избежали плена и прибыли на следующее утро к месту назначения.

Здесь Карлу, у которого не было ни гроша, оставалось лишь плыть по воле волн. Он устроил смотр местной полиции, стал крестным дочери леди Картерет, охотился, наносил визиты. В какой-то момент, однако, прошел слух, что на него готовится покушение и ему в одиночку, без охраны, передвигаться по острову опасно. Когда на Джерси прибыл Бэкингем со своей свитой, Карл сделал его рыцарем Подвязки, а Хоптону, Картерету, Джермину, Калпепперу и другим даровал земли в колониях Нового Света. Но ключевой проблемой по-прежнему оставалось безденежье. Королевские земли на Джерси были распроданы, челядь распущена, умоляющие письма роялистам, остающимся на континенте, разосланы. Нищета и праздность были не только унижительны, но и политически опасны. Один из приближенных Карла писал Ормонду: «Иностранные владыки начинают посматривать на него как на человека, настолько праздного и равнодушного к самому себе, что сомневаются, стоит ли ему помогать: это может рассердить потенциальных противников, которых они видят в лице его собственных взбунтовавшихся подданных». Единственной более или менее надежной опорой оставался Ормонд. Расчеты на ирландскую помощь все еще сохранялись. В Уэльс и на западное побережье Карл послал людей, чтобы они организовали плацдармы для будущего вторжения, а одного из постельничих отправил в Ирландию для оценки

ситуации на месте. Тот вернулся в декабре с ужасными вестями. По мнению Ормонда, лишь военная операция в Англии могла предотвратить окончательное попадание страны под пяту Кромвеля. Помощь, если таковая вообще будет оказана, может прийти лишь от шотландцев.

Монтроз трудился, как всегда, не покладая рук, но без особого успеха. Герцог Фрисландский пообещал расквартировать людей Карла. Глава Священной Римской империи предложил поставить английский вопрос на ближайшей встрече европейских монархов. Герцог Курляндский выделил 6 судов с пшеницей, а король Польши — 4 тысячи солдат. Вторжения с такой армией не осуществишь, но до ковенантеров сведения о достижениях Монтроза дошли явно в преувеличенном виде, и Аргилл насторожился. Он знал, что шотландцы хотят видеть короля на троне, и понимал, что в его собственных интересах пойти им навстречу. Поэтому Аргилл убедил парламентариев отправить на Джерси некоего Джорджа Уинрэма, помещика из Либертона. Он должен был попытаться избавить короля от опеки «неправедного Совета» и сыграть на его бедности. К тому времени Уинрэму уже было известно, что «Карлу нечем даже накормить себя и своих слуг, и ни у него, ни у его брата нет ни единого английского шиллинга в кармане». Молодой человек, «живущий в беспросветной нужде, окруженный врагами, не имеющий возможности никуда отправиться, кроме Шотландии, легко может поддаться искушению и, ради трона, заключить пакт с ковенантерами».

На Джерси мнения полярно разделились. Молодежь, группирующуюся вокруг герцога Йоркского, отвращала сама мысль о компромиссе с ковенантерами, они были склонны вообще не допускать Уинрэма до трона, а попросту «перебросить его через городскую стену». Джермин занимал гораздо более умеренную позицию. Полагая, что у союза с Аргиллом

есть свои преимущества, он с «величайшим терпением и осторожностью» начал распространять любые сведения, дискредитирующие Монтроза. В такой атмосфере нужно было принять четкое решение, с кем быть: с ковенантерами или с Монтрозом? Какое-то время Карл колебался, стараясь угодить всем и со всевозрастающей прагматичностью прикидывая варианты на грани цинизма. Он учился не только маневрированию, но и пониманию того, что решения, которые, кроме него, принять некому, следует формировать в тайниках собственного сознания. Карл слишком долго наблюдал за сварами своих советников, чтобы не видеть: давая те или другие рекомендации, они всегда преследуют собственные интересы. Что ж, он выслушает их, а затем, овладевая искусством «скрывать свои мысли», сам взвесит все и лишь после этого приступит к действиям; при этом они совсем не обязательно будут отличаться прямоотой и бесповоротностью; напротив, Карл будет действовать тонко и хитроумно, как человек, который не отказывается ни от одной возможности.

Но для начала все же нужно было выслушать все стороны. После бурных дебатов в Совете Уинрэма отослали в Шотландию с открытым письмом, в котором говорилось, что король принимает от Аргилла присягу на верность и просит его прислать своих представителей в Бреду. Помимо того, Карл отправил частное письмо Монтрозу, заверяя его в неизменной поддержке и призывая не верить слухам, если они до него донесутся, будто его, Карла, позиция по отношению к ковенантерам изменилась. Тут же король просит Монтроза не забывать о главном — об армии. В конце концов Аргилл, учитывая, что у Карла уже есть военная сила, решил протянуть ему руку. А если эту силу укрепить, то, быть может, он смягчит свои требования. В этом деле Монтрозу предстоит сыграть особую роль. ...я же, — пишет Карл, сопровождая письмо орденом Подвязки на лен-

те, — со своей стороны всегда готов выказывать вам свое расположение и дружбу». Покончив с перепиской, Карл распорядился подготовить себе новый костюм для встречи с ковенантерами в Бреде.

Он отправился туда через Бове, куда прибыл 4 марта 1650 года. Здесь его ждала мать. Несмотря на прежние размолвки, встреча прошла «с обеих сторон мирно» и не слишком затянуто. Генриетта Мария приехала в Бове, чтобы убедить сына занять на переговорах с ковенантерами разумную позицию; но по прошествии двух недель, в течение которых атмосфера с каждым днем становилась все напряженнее, она вынуждена была признаться самой себе, что сын готов пойти на любые уступки и даже подписать «Ковенант». Естественно, Генриетта Мария умоляла его не делать этого. Точно так же она просила не бросать Ирландию и Ормонда, не говоря уж о Монтрозе. А главное, мать считала, что нельзя соглашаться ни с чем, что могло бы привести в ужас его отца, будь тот жив. Карл вежливо слушал вдову, но к ее призывам оставался глух. Прагматику он явно предпочитал принципам, иначе ему не выстоять. При расставании лицо Генриетты Марии «было багровым от гнева», Карл же, «подсадив мать в экипаж, в тот же момент круто повернулся и зашагал прочь». В этом враждебном мире ему оставалось полагаться лишь на себя.

К концу марта он добрался до Бреды и немедленно пригласил к себе представителей шотландцев. Аудиенция состоялась в спальнях покоях короля. Одет он был в расшитый золотом костюм, заказанный еще на Джерси, и принимал гостей чрезвычайно радушно. Увы, почти сразу же Карл убедился, что жесткая позиция клириков, отобранных Кирком, главой всемогущей пресвитерианской церкви, практически исключает всякую возможность компромисса. Они по-прежнему настаивали, чтобы Карл подпи-

сал «Ковенант», учредил во всех своих владениях пресвитерианскую церковь, ратифицировал все акты шотландского парламента, отрекся от Ормонда и ирландских католиков и, наконец, «признал греховность» своей сделки с Монтрозом. Возмущенные роялисты заявили: подобных требований можно было ожидать разве что от «наглых бунтовщиков и варваров». Сомкнувшись вокруг Карла плотным кольцом, его капелланы во весь голос говорили о чести и совести. В то же время Джермин и его партия пытались открыть Карлу глаза на преимущества союза с ковенантерами, заявляя, что «бывают случаи, когда и перед дьяволом можно держать зажженную свечу». Полного единства не было и в рядах самих ковенантеров — «либералы» призывали «радикалов» не давить на Карла чрезмерно, особенно пока он сам держит паузу. Если король сделает шаг навстречу, то, возможно, и Аргилл немного смягчит свои условия. Если же он и далее будет занимать выжидательную позицию, к нему на помощь может прийти Монтроз. Так или иначе, промедление ничем не грозит, ибо Карлу терять-то, судя по всему, нечего. И лишь Хайд из далекой Испании усматривал в сложившейся ситуации опасность и писал, что «когда все потеряно, нас, простодушных, могут легко обвести вокруг пальца».

В этот критический момент в Бреде появился принц Вильгельм Оранский. Его положение было чрезвычайно деликатным. Голландцам уже давно надоело присутствие Карла в своей стране, и они желали, чтобы он как можно быстрее убрался. К тому же пребывание шурина в Бреде стало слишком накладным, и принцу даже пришлось обратиться к городу с просьбой взять часть расходов на себя. В то же время он хотел извлечь из отъезда Карла определенные политические дивиденды. Этот союзник был ему нужен. Заявляя на публике, что король не должен усту-

пать давлению шотландской церкви и тем более передавать ведение английских и ирландских дел в руки шотландцев, принц приватно уговаривал Карла принять любые условия, лишь бы обеспечить себе их поддержку. Коли они уж так настаивают, можно даже принести присягу на верность «Ковенанту» и придерживаться пресвитерианских обрядов во время пребывания в Шотландии. А когда трон будет отвоеван, о любых уступках можно благополучно забыть. Карл выслушал принца и выдвинул условия, которые, он был в этом совершенно уверен, окажутся для ковенантеров неприемлемыми. Так оно и получилось. Столкнувшись с отказом, Карл «впал в крайнее возмущение» и, явно играя на публику, заявил, что и ноги его на земле Шотландии не будет, если он не может взять с собой своих капелланов. Быть может, на обыкновенных шотландцев такая риторика произвела бы впечатление, но клирики лишь насупились и проворчали что-то вроде того, что не ожидали от короля «такого легкомыслия и тщеславия».

На самом деле они не могли примириться с тем, что король не поддался никаким соблазнам. «Поверьте, — писал своему корреспонденту один торжествующий роялист, вчера вечером все пресвитериане выглядели как дохлые крысы». Свою партию они явно проиграли. Оставалось оценить свое положение, чем они и занялись. А Карл тем временем оценивал свое. Блестящими его перспективы не назовешь, это уж точно. Он знал, что ирландцы терпят от Кромвеля одно поражение за другим; в то же время английские пресвитериане дали знать, что станут на сторону Карла лишь в том случае, если он найдет общий язык с ковенантерами. Денег, на которые Монтроз мог бы набрать новые отряды, не было, да и сам он куда-то пропал. Но в любом случае Карл считал, что нельзя бросать своего верного слугу ради каких-то сомнительных выгод, которыми

соблазняет его Аргилл. Неожиданно выяснилось, что в этом нет необходимости. От Аргилла тайно прибыл посланник, заявивший от его имени, что, несмотря на скверную репутацию, которой пользуется маркиз, опасаться нечего. Если он откажется от планов вторжения в Шотландию, ему будет предложена «достойная» должность. Политик, куда более беспощадный и изощренный, нежели юный Карл, из-за кулис умело устилал ему путь в ловушку.

Ободренный заверениями Аргилла, Карл сообщил посланникам, что готов возобновить переговоры. Отныне его позиция такова. Он готов подчиниться всем требованиям шотландцев на их территории. Если парламент примет акт, учреждающий пресвитерианскую церковь в Англии и Ирландии, он этот акт подпишет. Но слово, данное Ормонду, сохраняет силу; в обмен же на свои беспрецедентные уступки Карл ожидает безоговорочной поддержки в борьбе за свое восстановление на английском троне, гарантий личной безопасности, достойного обращения и свободы. Шотландцы упирались. Они настаивали, чтобы Карл отринул Ормонда и полностью запретил отправление обрядов по католическому образцу. Казалось, переговоры вновь зашли в тупик. Повисло тяжелое молчание. И тогда Карл решил прислушаться к совету, который давали ему буквально все — принц Вильгельм, королева шведская, герцог Лотарингский, приближенные, друзья, Бэкингем. В один голос они призывали его принять условия шотландцев и повторяли, что потом о них можно будет забыть. Похоже, королевский сан удавалось сохранить лишь ценой моральной капитуляции. И Карл принял решение: он подпишет Бредский договор и заключит союз с шотландцами.

Оставалось решить еще одну проблему. Карл отправил послание Монтрозу, в котором указывал «воздержаться от

любых военных действий... и по получении сего сложить оружие и распустить отряд». Но это исключительной важности письмо не дошло до адресата. К тому времени как гонец добрался до Шотландии, небольшое, численностью в 2000 человек, воинство Монтроза было разбито у Корбисдейла, сам он пленен, отправлен в Эдинбург и там четвертован. Голову несчастного выставили на всеобщее обозрение в Толбуте, а отдельные части тела отправили в крупнейшие города Шотландии для демонстрации жителям. Аргилл отомстил врагу. Да и униженный король, готовый последовать за посланниками в Шотландию, через непродолжительное время окажется в его власти. Парламенту маркиз доложил, что, по собственным словам Карла, он «ничуть не сожалеет о поражении Джеймса Грэхема, тем более что нападение он совершил не только без его согласия, но и против его воли».

Шотландский парламент торжествовал, но все еще не был удовлетворен до конца. Самый большой враг «Ковенанта» мертв. Король вот-вот будет в его руках. Что ж, теперь, довершая унижение, его можно вынудить к последней уступке. Едва Карл в сопровождении большой свиты, включая капелланов, поднялся в Терхайдене на борт судна, как за ним последовали новые шотландские эмиссары с новыми требованиями. Они были выставлены в Гельголанде, где кораблю пришлось бросить якорь из-за непогоды. Ковенантеры заявляли, что не пойдут на примирение с участниками соглашения с Карлом I. Они требовали, чтобы нынешний король обязался открыто порвать с Ирландией и запретил там отправление католических обрядов. Он сам должен принять положения «Ковенанта» и приказать своим подданным последовать этому примеру. Далее, ему не следует рассчитывать на безоговорочную поддержку шотландцев в борьбе за трон. Она будет предоставлена, только если церковь и парламент

сочтут ее «законной и необходимой». Словом, шотландцы требовали безоговорочной капитуляции.

Охваченный отчаянием и яростью, Карл заявил, что никогда на это не пойдет. Он изменил маршрут и направился в протестантскую Данию. «Буря» на борту все еще бушевала, когда судно бросило якорь в Спее. Сквозь густой туман здесь уже угадывался шотландский берег, и в этих обстоятельствах, тем более что исчезли последние надежды на компромисс, Карлу, кажется, оставалось лишь покориться судьбе. Впрочем, он еще попытался включить в соглашение пункт, по которому английские законы имели приоритет над положениями «Ковенанта», но эмиссары категорически отвергли эту формулировку. Действительно, зачем идти на уступки, когда победа и так в кармане, а король с минуты на минуту капитулирует? Гневаться бессмысленно, протестовать тоже, и вот в липком шотландском тумане Карлу пришлось, спрятав гордость в карман, дать клятву на верность «Ковенанту». «О, миледи, — писал одной знакомой даме Хайд, — мы стремительно отдаляемся от христианства, забывая при этом, что придется держать ответ в другом суде».

Но Хайда не было, когда один молодой человек звонким голосом зачитывал этот позорный документ. «Я, Карл, король Великобритании, Франции и Ирландии, — говорилось в нем, — перед лицом Всемогущего и Всеведущего Бога, торжественно заявляю об одобрении и принятии Национального «Ковенанта» и Торжественной Лиги и «Ковенанта». Богомерзкое пресвитерианство явно одержало верх, и король «вместе со своей семьей берет на себя обязательство исповедовать его, ни при каких обстоятельствах не восставать против обрядов и не пытаться изменить их». Такое согласие — всего лишь жест политической целесообразности, и все понимали, на что идут. От репутации

Карла остались одни ошметки, и, как показали события ближайшего будущего, никто и ничего из этого не извлек. Ковенантеры же отдавали себе отчет в том, что они просто обвели молодого человека вокруг пальца и он подписал соглашение с тяжелым сердцем. «Наша вина больше», писал один из них.

Глава 5

ПАДАЮЩАЯ КОРОНА

Сколь крупно Карл ошибся, стало ясно уже в тот момент, когда он ступил на шотландскую землю: свободно общаться с ним дозволено было лишь людям Аргилла. А когда молодого короля доставили в дом маркиза, ему сразу дали понять, что из его свиты нужно удалить всех последователей казненного Карла I. Такое начало не предвещало ничего хорошего, хотя узколобость лидеров «Ковенанта» никоим образом не подкреплялась мнением народа, которого они тиранили. Обыкновенные шотландцы любили своего короля. Жители Абердина устроили в честь Карла фейерверк и преподнесли ему 1500 шотландских фунтов, дар, с точки зрения отцов города, слишком щедрый, так что другим городам было указано воздержаться от подобных жестов. Ковенантеры любыми способами заставляли Карла постоянно испытывать чувства вины и унижения; так, чтобы напомнить ему о совершенных грехах, его поселили в доме, из окон которого открывался вид на городскую площадь Абердина, где на всеобщее обозрение была выставлена отсеченная рука Монтроза.

Королевский кортеж проследовал через Данди и Сен-Эндрю. Там Карл вынужден был выстоять четырехчасовую проповедь — в ближайшие недели это убийственное испы-

тание превратится в рутину — и, не выказав ни тени нетерпения, согласиться посетить дом проповедника, преподобного Роберта Блэра. Жена проповедника, как гостеприимная хозяйка, кинулась было за стулом, но тот остановил ее, заметив, что здоровый молодой человек и сам вполне способен принести себе табуретку. Столкнувшись с такого рода хамством, Карл лишь улыбнулся. Однако чем дальше, тем откровеннее такую улыбку ему придется выказывать насильственно. Новому английскому королю вновь, причем в условиях крайне неблагоприятных, придется осваивать искусство, которое многие его современники полагали важнейшим из искусств: искусство лицемерия.

Кортеж вновь двинулся в путь, и «на девятый день Карл достиг своего дома в Фолкленде». Здесь был небольшой олений парк, вокруг виднелись невысокие холмы, где было полно дичи. Сразу же стало ясно, что идиллии ждать не приходится. Вынудив Карла отказаться от общества приверженцев своего отца, шотландские парламентарии теперь решили вообще резко сократить количество англичан в его свите. Удалили девятерых, оставив ему лишь лордов Бэкингема и Уилмота, доктора Фрэзера, церемониймейстера и двух слуг. Да и то при условии, что они не будут нарушать порядков, установленных ковенантами. Карл, естественно, был подавлен перспективой расставания с друзьями. Он пытался было протестовать, но его никто и слушать не пожелал. Указанным лицам было предписано покинуть страну в течение восьми дней, и, чтобы лишний раз досадить королю, к их числу добавили лорда Уилмота и еще одного из приближенных.

И лишь сам Аргилл, с его вечным прищуром, замкнутостью, жестко изогнутой линией чувственного рта, словно бы служил Карлу отдушиной. О душевной чуткости здесь не могло быть и речи. Аргилл был исключительно

умный и хитрый, и, по мнению Хайда, чтобы стать личностью поистине исключительной, ему не хватало лишь двух достоинств — чести и мужества. Он ясно ощущал, что стоит на почве весьма шаткой. Большинство населения изнемогало от тирании церкви, а Аргилл был ее приверженцем и главной опорой «Ковенанта». Поэтому он считал, что для укрепления собственных позиций ему следует добиться доверия короля. Аргилл велел сыну всячески его обихаживать — следить, чтобы на столе всегда было всего вдосталь, седлать молодому человеку лучших лошадей, а на публике оказывать ему почести, какие приличны королю. Следовало подумать и о браке, и Аргилл решил женить Карла на своей дочери, леди Энн Кэмпбелл. Но во всем этом была большая доля жестокости, ибо, заботясь напоказ о житейском комфорте короля, Аргилл всячески отстранял его от участия в государственных делах, не допускал до заседаний Совета, ограничивал общение с простым людом. По словам одного современника, «внешне с Карлом обращались как с королем, но по сути он мало чем отличался от пленника: жилье его охраняли часовые, свободно общаться с ним позволяли мало кому, вокруг шныряли соглядатаи, следящие за каждым его словом и шагом».

В этой ситуации король был практически во всем зависим от благорасположения пресвитерианской церкви. «По воскресеньям его практически лишали всех развлечений» — таков был строгий пресвитерианский обряд. Даже в одежде своей и привычках король был стеснен, и, допустим, вместо того, чтобы предаваться столь любимой им карточной игре, ему приходилось выслушивать бесконечные проповеди, случалось, по шесть подряд. Аргилл, этот законченный лукавец, призывал Карла с достоинством претерпевать удары судьбы. В конце концов, намекал он, если «молодой человек смиритсЯ с этими безумцами сейчас», то впоследствии, возвратив

себе английский трон, он сможет попросту прогнать их. Что ж, надежды на это так грели сердце Карла, а речи Аргилла звучали с такой искренностью, что он невольно поддавался своему тюремщику. Карл «не только вслушивался в эти песнопения, но действительно считал, что ему желают одного лишь добра». Впрочем, до конца обвести себя вокруг пальца он не позволял. Когда Аргилл заговорил о возможности женитьбы на леди Энн, Карл благоразумно ответил, что сначала надо посоветоваться с матерью.

Хотя молодой король пребывал в Шотландии фактически на положении заключенного, английские парламентарии были чрезвычайно встревожены тем, что он находится так близко. В июне 1650 года Кромвеля и Ферфакса поставили во главе армии, которой долженствовало выступить против шотландцев и навсегда устранить угрозу со стороны Стюартов. Ферфакс счел такую акцию незаконным вмешательством в дела суверенного государства и отклонил назначение. Единственным командующим остался Кромвель, который и двинулся на север во главе отряда из 5000 конников и вдвое большего количества пеших. Неподалеку от границы командующий его артиллерией Джордж Монк сформировал еще одну часть, вошедшую в историю Англии как Гвардейский Колдстримский полк. Усилившись таким образом и не встречая сопротивления, армия парламентариев вторглась на территорию Шотландии и двинулась вдоль побережья, чтобы удобнее было получать продовольствие от плывущих следом судов.

Втайне Карл только радовался происходящему. Он давно догадывался, что его пребывание в Шотландии рано или поздно вынудит англичан двинуться на север, а тем временем, при отсутствии армии, в Англии может вспыхнуть бунт. Он даже написал зятю, призывая его высадить десант в Торбэе: «Без такой поддержки любые действия шотланд-

цев обречены на провал». Но Карла ждало горькое разочарование. Принц Вильгельм Оранский оказался не готов выполнить его просьбу, а английские роялисты раскололись, и некоторые выступили даже против него. Согласие Карла с ковенантерами оттолкнуло одних, история с Монтрозом — других, и, наконец, все считали шотландцев опасными иноземцами, с которыми невозможен никакой союз. В результате, пока Шотландия готовилась к войне с Кромвелем, в Англии царила тишина.

Шотландская армия, которой номинально командовал престарелый граф Ливен, а реально его заместитель Дэвид Лесли, состояла, если верить спискам, из 26 тысяч солдат и офицеров. Но многие из них были не обучены, а значительное количество составляли союзники Карла I, или, как называли их ковенантеры, «нечестивые», которых следовало изгнать из армии. Так что в действительности сил у Лесли было куда меньше, чем на бумаге. Он надеялся только на оборону и приказал своим солдатам окопаться между Лезом и Эдинбургом. Карл столь же сильно стремился оказаться в их рядах, сколь его тюремщики — не дать ему этого сделать. Они основательно опасались, что со своим природным обаянием он завоюет солдатские сердца, помешав таким образом их собственному влиянию. Короля переместили в Стерлинг, где он и получил, к величайшей своей радости, приглашение устроить смотр войскам. Карл немедленно направился в Лез, и его появление вызвало такой взрыв энтузиазма, что солдаты забыли о службе. Карлу же, к огромному его неудовольствию, было предложено удалиться в Данфермлайн. И вот тут-то, лишенные своего героя и чувствуя дыхание приближающегося противника, взбунтовались «нечестивые». Иное дело, что пресвитерианской церкви и ее священству явно предпочтительнее было воевать с врагом (пусть это будет даже испытанный

в боях Кромвель), «имея в своих рядах избранных и праведных воинов, а не хорошо вооруженных грешников». В результате «нечестивые» убрались, а на их место встали сыновья «пастырей», клерки и другие «благонамеренные» лица.

Ослабив таким образом свою армию, пресвитерианская церковь вознамерилась еще больше унижить короля. От Карла потребовали подписать бумагу, в которой выражалось признание и сожаление по поводу всех грехов, совершенных домом Стюартов — отцом, матерью, им самим. Последнее особенно существенно, и, чтобы впредь не подвергать свои добродетели никаким опасностям, Карл должен был взять обязательство неизменно следовать наставлениям пресвитерианской церкви. Он категорически отказался подписывать что-либо в этом роде, и к нему направилась объединенная делегация церкви и парламента. Карл не принял ее. Тогда оскорбленные клирики заявили, что подобного рода «упрямство» со стороны короля освобождает шотландцев от всяких обязательств по отношению к нему и они заключают договор с Кромвелем. Это означало, что король будет передан в руки врага. Похоже, Карлу оставалось лишь в очередной раз смириться, и он под сладкие нашептывания Аргилла поставил свою подпись.

Вскоре позорный для короля документ был обнародован вместе с объявлением даты национального покаяния Карла перед страной и народом. Ниже пасть было нельзя. Наглость приспешников пресвитерианской церкви возмутила короля до предела, он писал, что «именно их лицемерие сильнее, чем что-либо иное, укрепило меня в приверженности англиканской церкви». Судя по всему, Карл всерьез подумывал об окончании всего шотландского предприятия, ибо в том же самом письме просил своего голландского корреспондента снести с принцем Оранским, что-

бы тот послал за ним корабль в случае, если он решит вернуться на куда более гостеприимные берега континентальной Европы. Во время случайной встречи, которая состоялась у Карла несколько дней спустя с доктором Кингом, настоятелем Туамского монастыря, обнаружились его истинные чувства. «Мистер Кинг, — начал Карл, — я имею о вас наилучшие отзывы, и потому позвольте заверить вас, что при любых обстоятельствах, пусть даже порой это может выглядеть не так, я останусь верен англиканской церкви и своим принципам». Последовала краткая пауза, и Карл с горечью закончил: «Знаете, мистер Кинг, шотландцы скверно обошлись со мной, очень скверно».

Пока Карл пребывал в тяжелых размышлениях, шотландская армия готовилась к боевым действиям. Воины Кромвеля были истощены болезнями, к тому же его собственное положение усугубилось из-за ряда блестящих маневров Лесли, которому 1 сентября под Данбаром удалось занять господствующие высоты. Перед Кромвелем встал тяжелый выбор: либо унижительно для себя признать поражение и отойти морем, либо атаковать противника, превосходящего его силами и занимающего куда более выгодное тактическое положение. Сам Лесли явно предпочитал держать оборону, но такая позиция была не по душе высшему духовенству, призывавшему к сражению «под знаменами, на которых начертаны литеры самого Бога». Лесли было приказано спуститься в долину.

Кромвель колебался всю ночь. Час проходил за часом, и он, категорически не желая мириться с тем, что Карл может взойти на английский престол на плечах шотландских солдат, «при свете факела переезжал на шотландской лошаденке из одного бивака в другой, кусая до крови губы и даже не отдавая себе в том отчета». К пяти утра решение было принято. Чтобы не допустить коронавания Карла

Стюарта II в качестве английского короля, Кромвель развернул ряды и скоординировал атаку. В яростном столкновении на рассвете конница Лесли была повержена, а застрявшая в глине пехота бросила свои ставшие бесполезными ружья и бежала. Три тысячи воинов были убиты, десять тысяч попали в плен. Шотландская армия, ради которой Карл шел на такие унижения, фактически перестала существовать.

Англичанам можно было не сомневаться, на чьей стороне победа. В депеше, направленной в парламент, Кромвель писал, что сражение при Данбаре стало «одним из величайших благословений, дарованных Господом Англии и ее народу». Поверженным шотландцам также была ясна причина разгрома. Один член Генеральной ассамблеи, то есть высшего органа церкви, писал Карлу, что позор шотландской армии — это Божья кара, «направленная на Вас и Вашу семью, Верховный гнев на которую еще не прошел». В письме называлась и другая дата публичного унижения; оно также обнаруживало, в какую пучину лицемерия погрузились и шотландцы, и Карл. «Если корона в Ваших глазах больше, нежели обретение истинной веры и праведности, то Вашему Величеству следовало бы в этом покаяться». Сделать это было совсем нетрудно. Карл написал обращение, в котором признавал поражение армии справедливым возмездием «за наши общие грехи, в том числе и грехи нашей семьи». Но внутренне он торжествовал.

Власть ковенантеров явно пойдет на спад, и он, Карл, может теперь ожидать, что события повернутся в его пользу. При достаточной ловкости он избавится и от церкви, и от Аргилла. Ему уже было известно, что шотландские горцы в «его распоряжении»; можно было также рассчитывать на то, что в Шотландии на его сторону встанет и множество роялистов. Личный врач Карла доктор Фрэйзер всячески укреплял его в этих надеждах — или, скорее,

иллюзиях. По словам Фрэзера, под ружье уже сейчас готовы стать более десяти тысяч простолюдинов и шестьдесят дворян. Карлу не терпелось сколотить этот «кулак». Он договорился со своим военачальником, генерал-лейтенантом лордом Ньюбери, что в тот самый день, когда церковь примет решение очистить его конную гвардию от «нечестивых», под стражу возьмут самих «чистильщиков», а гвардия направится в Файф, где будет ждать Карла. Под его командованием гвардия возьмет Перт, и он устроит там свою штаб-квартиру, а затем издаст обращение, в котором будет сказано, как подло обошлись с ним ковенантеры и Аргилл. Армия должна будет сплотиться вокруг него.

Но молодого короля предали те, кому он доверял больше всех. Карл поделился своими замыслами с Бэкингемом, и лучший друг детства сразу понял, что они означают крах всех его собственных надежд. Герцог почему-то убедил себя, что Аргилл — самый надежный союзник и, стало быть, поражение ковенантеров будет означать и его, Бэкингема, личное поражение. Он раскрыл планы короля лорду Уилмоту, а тот, обеспокоенный не менее его, — самому Аргиллу. Вскоре Бэкингом с Уилмотом направились в спальню покои короля, где несколько часов провели в жарких спорах, в результате которых обескураженный Карл устало согласился с доводами оппонентов и разослал гонцов с вестью о том, что восстание отменяется. Но было уже поздно. Едва мстительные ковенантеры потребовали от Карла удалить из своей свиты новую группу «нечестивых», как этому решительно воспротивилась верхушка армии. Карлу стало ясно, что надо как можно скорее бежать. В сопровождении нескольких спутников он вышел в сад и, наскоро сменив одежду, помчался в Файф с такой скоростью, что Бэкингему догнать его не удалось.

В три часа пополудни Карл пересек реку Тай. Доехав до поместья лорда Дадхоупа, он уговорил хозяина присо-

единиться к нему и продолжить путь к дому лорда Бэкана. Уже втроем они прибыли в поместье графа Эйрли, где Карла должна была ожидать свита из 80 шотландских горцев, чтобы сопроводить его в Клову. Но помещика графа Эйрли там не оказалось. Сгущалась вечерняя тьма, люди и лошади были обессилены. Все нуждались в отдыхе, но поблизости нашлась только жалкая хибара, где на следующее утро на дырявом соломенном матрасе Карла и обнаружил небольшой отряд шотландских солдат, «на вид чрезвычайно усталых и напуганных». Эпизод, вошедший в историю под названием «Начало», был исчерпан. Командир отряда полковник Монтгомери уговорил Карла ехать в замок Хантли, где на следующий день появился Бэкингом с посланием, составленным «в учтивых и мягких тонах». В нем содержались просьба к королю вернуться в Перт и обещание, что отныне он волен жить в Шотландии так, как ему заблагорассудится.

При всех унижениях «Начало» знаменовало собой важный поворот в судьбе Карла. Он доказал ковенантерам, что они зашли слишком далеко и, если им не безразлично собственное политическое будущее, с ним придется считаться как с реальной силой. В обмен на извинения за «неудачный шаг», предпринятый, по словам Карла, «под воздействием советников, введших его в заблуждение», ему предоставили возможность реально участвовать в государственных делах. Тем, кто выступил на его стороне, была предложена денежная компенсация, однако этот вполне разумный шаг вызвал бешенство в рядах крайних ковенантеров. Они обнародовали «Ремонстрацию», объявляющую Карла личностью, чьи «поведение и слова представляют собой тайную угрозу деяниям Бога». Далее приводились детали «криводушных сделок» молодого короля и говорилось, что «Начало» лишний раз подтверждает его склонность к интриге. Все заключенные с ним

соглашения были признаны греховными и для шотландцев не имеющими силы.

Более умеренные ковенантеры приняли «Резолюцию», объявляющую «Ремонстрацию» противоречащей законам королевства. Но их попытка найти компромисс оказалась тщетной. Партия раскололась. Ремонстраторы ненавидели своих оппонентов — резолюционеров. В вопросе о «нечестивых» церковь отошла от парламента, и тот заявил свое право на самостоятельные действия. Кое-кто переметнулся на сторону Кромвеля, но большинство приняло участие в общенациональной оргии лицемерия: люди всех убеждений старались перещеголять друг друга в стремлении как можно скорее заявить о своей неизменной преданности «Ковенанту» и таким образом зацепиться за остатки власти. По всей стране народ в рубище публично каялся в грехах, а священники охотно принимали это покаяние. И лишь немногие сумели сохранить достоинство. «Если все это — не прямое издевательство над Всезнающим и Непогрешимым, — писал один из этих немногих, — то я уж и не знаю, что такое лицемерие».

В такой атмосфере Карл готовился взойти на шотландский трон. По всей стране был объявлен двухдневный пост: один — во искупление общенародных грехов, другой — во искупление личных грехов Стюартов. От Карла потребовали публичного покаяния в этих прегрешениях, и он безропотно согласился. Унылая череда месяцев, проведенных среди праведников, приучила его к обману. Это уже был не юноша, пылко заявляющий, что скорее бежит в Данию, чем уступит требованиям ковенантеров. Власть — это все, и нет деяния слишком позорного или смехотворного, чтобы заставить от нее отказаться. Если ковенантеры настаивают, чтобы он встал на колени, что ж, он встанет, разве что пробормочет между

делом: «Наверное, я должен покаяться и в том, что появился на свет».

Решено было провести коронацию так, чтобы разогреть насколько возможно патриотические чувства людей. Назначенная на 1 января 1651 года в Сcone, она готовилась с большим тщанием. В церкви установили платформу в шесть футов высотой — как подставку для трона; чехол из алого шелка лишь подчеркивал его великолепие. Самому Карлу дали возможность надеть пышную мантию. Едва королевская процессия появилась в церкви, как Аргилл взял тяжелую, в жемчуге, корону, которую ему вскоре предстояло водрузить на голову монарха. Другие пэры несли позолоченные шпоры и королевский жезл; впрочем, вся церемония имела отчетливо пресвитерианский оттенок. Никакого тебе помазания, все это предрассудки, а необходимый элемент покаяния и исповедания был привнесен неким Джоном Миддлтоном, солдатом, который в качестве платы за возвращение под сень «Ковенанта» совершил покаяние, облачившись в рубище. Церемония была длинной и торжественно-мрачной. Вел ее секретарь Генеральной ассамблеи Роберт Дуглас, человек, который не упускал возможности поразмышлять о греховности людской природы. Разве мог он противостоять искушению поразглагольствовать о непостоянстве земных царей и дурных деяниях, доведших Шотландию до ее нынешнего прискорбного состояния? Все есть грех, все есть тьма, и, торжествуя, заключил Дуглас, «любой король, надевающий корону, должен помнить, что это всего лишь тлен».

Однако самый торжественный миг коронации еще не наступил. Сначала предстояло вытерпеть процедуру публичной казни. Были зачитаны вслух соглашения, подготовленные «Ковенантом», и Карл в присутствии всей шотландской знати опустил на колени и подписал их. Далее, усугубляя уни-

жение, его заставили повторить клятву, которую он уже был вынужден дать несколько месяцев назад, — клятва эта была условием его приезда в Шотландию. И вновь Карл без колебаний сделал то, что от него требовалось. Лишь пережив это бесчестие, он заслужил право быть представленным народу в качестве «бесспорного законного наследника престола». Собравшиеся хором возгласили: «Боже, спаси короля». Карл, став на колени, воздел руки к небу и поклялся «Вечным и Всемогущим Богом, который живет среди нас и правит нами», что будет защищать религию и законы Шотландии. Можно было принимать корону. Аргилл водрузил ее на голову короля под молитву священников об очищении этого знака королевской власти от древнего греха. В конце концов, после еще одной церемонии и новых молений, Карл вернулся к себе во дворец. По воспоминаниям одного священника, он сыграл свою роль «весьма серьезно и ответственно, так что никому и в голову не пришло усомниться в его искренности».

Коронационный пир с куропатками, телятиной и лососями несколько компенсировал угрюмую атмосферу лицемерия, однако же, пока гости набивали брюхо, Аргилл вновь вернулся к перспективам брака своей дочери и новоявленного монарха. Но с возвышением Карла влияние маркиза, напротив, уменьшалось, и династические планы его были, откровенно говоря, построены на песке. Для молодого короля в женитьбе на шотландке не было никаких выгод. Иное дело — английский брак, он может помочь ему найти союзников в Европе. Карл прекрасно отдавал себе в этом отчет. Он опять заявил, что в любом случае должен заручиться согласием матери, и направил к Генриетте Марии во Францию некоего Сайласа Титуса. Королева проявила совершенно несвойственный ей такт. В принципе, писала она сыну, у нее нет никаких возражений против его женитьбы на представительнице семьи Аргиллов. В браке

короля и подданной нет «ничего нового или необычного»; иное дело, что этот конкретный брак вызовет ревность в Шотландии, ну, а что касается англичан, то с ними на эту тему вообще не стоит заговаривать. В общем, заключала Генриетта Мария, в сложившихся обстоятельствах лучше всего потянуть время.

Ведя эти сложные переговоры, Карл одновременно уделял немало времени и энергии формированию новой шотландской армии, с помощью которой рассчитывал вышвырнуть из страны Кромвеля и вернуться на английский трон. Лентяй, которого, бывало, бранил Хайд, превратился в человека действия. Сэр Ричард Фэншоу писал, что суждения Карла в делах как гражданских, так и военных отличаются такой зрелостью, а действия такой энергией, что не поверишь, будто можно столь перемениться за какие-то несколько месяцев. Теперь он «повсюду и везде первый. Он вездесущ — быть может, даже слишком. Он идет навстречу любой опасности, разъезжает повсюду и остается на ногах с утра до вечера». Карл вникал в любую деталь, а природное обаяние немало помогало ему. Так, вождям горцев было приказано собрать налоги. Карл самолично проинспектировал гарнизоны, посетил множество городов, сформировал военный комитет. Ведя переговоры о привлечении к делам старых приверженцев своего отца, Карл сменил язык приказов на язык дипломатии. Формально разговоры о «нечестивых» умолкли. Все теперь собрались под знамена короля, и уже к маю 1651 года в Шотландии под ружьем была двадцатитысячная армия. Такому успеху нельзя не радоваться, писал настоятель Туамского монастыря, отмечая, что власть короля сделалась «абсолютной». «Учитываются все интересы, удовлетворены все фракции, никто не демонстрирует амбиций, армия укомплектована, дух солдат высок».

Отряды стали лагерем в Стерлинге и под руководством Лесли начали готовиться к боевым действиям. Тактика была избрана простая. Армии Кромвеля не хватает провизии, а от дома она далеко. Ее можно уморить голодом. Кромвель и сам вполне осознавал нависшую угрозу и, преодолевая болезнь, собрал все мужество и хитрость, накопленные за долгие годы борьбы. Он пересек Форт, маршем прошел через Файф, за какой-то день взял штурмом Перт и таким образом рассек армию противника надвое, заодно лишив ее возможности подвозить продовольствие. Оставалось ждать, какой из шагов предпримет Карл. Кромвелью был на руку любой. Отступление на запад, в горы, будет фактически означать капитуляцию. Если же молодой король отважится на сражение в Шотландии, его неопытные солдаты сойдутся с одной из самых мощных и свирепых армий в Европе. Ну и наконец, бросок на территорию Англии — всего лишь акт юношеского безрассудства.

Тем не менее Карл избрал именно этот путь. Попытка Аргилла отговорить его оказалась тщетной, и он в отчаянии удалился на покой. Другие, однако, последовали за королем — и что же? Крупные силы, столь охотно собравшиеся под одни знамена, начали таять на глазах. Кромвель с удвоенной энергией устремился за остатками армии, тем более что в его распоряжении оказалась информация, поступающая из недр столь удачно организованной им разведки. В марте его агенты перехватили некоего Айзека Биркенхенда, гонца, которого Карл отправил к своим друзьям в Англию. При нем оказалось письмо, содержащее наряду с важными сведениями, касающимися подготовки Карла к боевым действиям, некоторые бесполезные имена. Были произведены аресты, выплыли многие секреты, обнаружилась дополнительная переписка. Теперь парламентарии располагали всеми сведениями, включая ключи к

шифрам и имена многих поклявшихся в верности королю. Около двух тысяч из них были арестованы, в Англии введено военное положение. Полиция встала под ружье, у тайных роялистов и католиков были реквизированы лошади и вооружение, многим пришлось покинуть свои дома. Треть их собственности переходила информаторам Кромвеля, тех же, кто дезертировал в Шотландию, ждала смертная казнь.

На пути к английской границе Карл потерял почти половину первоначального состава своей армии. Желających стать на место дезертиров почти не было, и когда король, подойдя к Карлайлу, потребовал капитуляции, его встретило холодное презрение. Боевой дух солдат и офицеров стремительно падал, самые проникательные предвидели трагическую развязку. «Честно говоря, трудно сказать, писал один из них, — чего у нас больше, страха или надежды, но одно чувство разделяют все: отчаяние, то есть мы должны либо до конца бороться, либо умереть». По мере продвижения армии на юг разочарование все возрастало. Чтобы рассчитывать хоть на какой-то успех, необходима была поддержка изнутри, но было несколько явных причин, из-за которых англичане не желали выступать на стороне своего короля. Многих удерживал здравый смысл — ясно ведь, что Карл входил на территорию Англии с ошметками уже побежденной армии. Его продвижение менее всего напоминало триумфальный марш, денег на наемников у него не было. А силы парламента — и это знали все — находились в прямо противоположном положении, ибо новая налоговая система позволяла содержать большую и опытную армию. Тот, кто поступал на военную службу, мог рассчитывать на хорошее и регулярное содержание. В целом у Кромвеля под ружьем было около 50 тысяч солдат. Но самое главное — страна устала от войн. Ничего, кроме

беды, от Шотландии ожидать не приходилось, самих же шотландцев в Англии либо боялись, либо презирали, и большинство роялистов предпочитало просто пересидеть тяжелые времена: это куда спокойнее самоубийственной верности королю.

Бэкингом со своим цепким умом сразу оценил ситуацию. Неразумность сохранения Лесли во главе армии была для него очевидна. Английское дворянство никогда не будет служить под началом какого-то шотландца. Удивленный Карл спросил, кем же тогда его можно было бы заменить. Бэкингом знал и это: он сам был готов занять пост командующего. Карл не нашелся что и сказать, но Бэкингема не так-то просто было сбить с толку, и на следующий день он «возобновил свои домогательства». Перемены, которые герцог имел в виду, настолько, по его словам, были благоприятны для дела его величества, что «Дэвид Лесли и сам охотно пойдет на них». «Вы, должно быть, шутите», — процедил Карл. «Что же тут смешного?» — поинтересовался Бэкингом. Карл ответил, что герцог слишком молод для такого поста. «Да, но Генрих IV, ваш родной дед, одержал свою знаменитую победу в еще более юном возрасте», — возразил Бэкингом. Карл вспыхнул, а Бэкингом надулся, как школьник. Он «перестал приходить на заседания Совета, почти не разговаривал с королем, да и с другими тоже, и более того — настолько перестал следить за собой, что днями не менял белья».

Впрочем, у Карла были дела посерьезнее, нежели капризы приятеля. На военном совете кто-то высказал предположение, что единственный способ поднять боевой дух армии и выиграть войну — марш на Лондон. Но Лесли воспротивился этой идее. Все это время он был грустен и хмур, а в ответ на попытку Карла поднять ему настроение замечанием, какими «храбрецами» выглядят его люди, не выдержал и удрученно бросил, что «выглядит» армия, может,

и неплохо, но сражаться не готова. С этим пессимистическим суждением Карл не согласился, но воздержаться от броска на Лондон все же дал себя уговорить и решил двинуться на юг, вдоль валлийской границы, где некогда, еще мальчиком, поднимал людей именем своего отца. Однако теперь ответом ему стало молчание.

Решено было послать лорда Дерби и генерал-майора Лэсси в Ланкашир, где оба они пользовались немалым влиянием — первый как один из виднейших роялистов-католиков, второй как лидер пресвитериан. Но конфессиональные расхождения как раз и обрекали это предприятие на неуспех, а Дерби был разбит под Уигэном отрядом парламентской армии: четыреста человек оказались в плену, а его самого ранили. Дерби приютила семья Пендереллов, фермеров-католиков из Боскобел-Хауса, в доме которых он провел некоторое время, прежде чем вновь воссоединиться с королем. Карл тоже не мог похвастаться особыми успехами. Ему отказались открыть ворота жители Шрусбери, а вслед за ними — глостерцы. 22 августа Карл во главе двенадцатитысячной армии подошел к Уорчестеру. Трехнедельный переход измучил солдат. Отдых был им насущно необходим, и казалось, «верный город» готов его предоставить. Были у Уорчестера и некоторые преимущества с точки зрения чисто военной. Кромвель лишил роялистов всяких надежд на лондонское направление, а здешняя позиция представлялась Уорчестеру вполне защитимой. Река Северн становилась естественной преградой, городские фортификации можно было укрепить, в тылу — Уэльс, где все еще есть роялисты. На центральной площади города молодого монарха приветствовал мэр, однако же пышные церемонии не могли скрыть тяжести положения. «Для меня, — прямо заявил Карл, — вопрос стоит так: либо корона, либо могила».

Пока его люди с облегчением облачались в предоставленные городскими властями новые одежды и башмаки, Карл пытался рекрутировать новых солдат. Мужчинам от шестнадцати до шестидесяти было приказано собраться на полях, сразу за городскими стенами. Всем, за вычетом царубийц, была обещана амнистия, тех, кто покинет армию парламента, ожидала награда, а ссылка на «Ковепант» уладила религиозные проблемы. Но народу собралось совсем немного, и стало ясно, что Карлу придется воевать с солдатами, которых он привел из Шотландии. Король по-прежнему со всей энергией отдавался подготовке к военным действиям. Ремесленникам было приказано заняться фортификациями, в близлежащих деревнях заказывали продовольствие, городские окраины сровняли с землей, мост через Северн разрушили, чтобы им не мог воспользоваться противник.

Однако охраны у моста не выставили, и это была первая из допущенных роялистами оплошностей. В районе сосредоточились парламентские силы общим числом до 30 тысяч солдат; Кромвель приказал генералам Ламберту и Флитвуду форсировать Северн и занять позиции у Уорчестера. Используя деревянные планки, они пересекли полуразрушенный и неохраняемый мост и, отбросив подошедший отряд роялистов, починили его. По мосту переправились 11 тысяч солдат. Так пала первая линия обороны королевской армии, а затем подоспел сам Кромвель с силами, в три раза ее превосходящими. Многие из высших офицеров Карла, предвидя неминуемую катастрофу, «выглядели полностью подавленными». Лэсси даже говорил, что «лучше бы королю оказаться сейчас в отдаленных частях страны».

К 29 августа силы Кромвеля сосредоточились для наступления, но он отложил штурм до 3 сентября — годов-

щины победы у Данбара. На рассвете загрохотали орудия, и Карл поднялся в кафедральную башню, откуда удобно было наблюдать за ходом сражения. Глядя через подзорную трубу в направлении Северна, он видел, как парламентские силы наводят через реку понтонный мост. Они действовали четко и спокойно, уверенные, что подоспевшая к этому времени кавалерия всегда их поддержит. Карл выслал триста горцев, но они были отброшены, и противник начал переправлять через реку свои батальоны.

Карл решил самолично атаковать Кромвеля на юго-востоке города. Демонстрируя безупречное мужество, он достиг кратковременного успеха. Под прикрытием артиллерийского огня роялисты яростно кинулись на противника. Канонада сменилась штыковой атакой, пики — прикладами мушкетов. Атака оказалась столь стремительной, сам король действовал с такой страстью, что противник попятился. Вот когда Лесли следовало бы прийти на помощь своему повелителю, но он давно уже был слишком подавлен, ему явно не хватало энергии, и в контрнаступление пошел Кромвель. Он форсировал Северн и отбросил роялистов к городским стенам. Их войско было рассеяно, вокруг царила такая паника, что Карлу пришлось проползать между колесами перевернутой повозки: мертвых быков отбросило в сторону. Лесли, как безумный, метался по городу, явно не зная, что предпринять. И лишь Карл сохранял присутствие духа. Вынырнув из-под повозки, он пробился к воротам, сбросил панцирь, потребовал нового коня и галопом помчался к солдатам, приказывая им остановиться и продолжать огонь. «Лучше убейте меня! — возглашал он. — Зачем оставаться в живых, чтобы видеть последствия этого ужасного дня?»

Но было уже слишком поздно. Парламентские силы потоками переправлялись по понтонам, и ни угрозы, ни мольба не могли заставить роялистов перегруппироваться или

хотя бы закрыть ворота. Началась самая настоящая резня. По канавам текла кровь, повсюду валялись трупы людей и лошадей; одни из уцелевших воинов бежали прочь, другие едва держались на ногах и, оказавшись за воротами, падали на землю; местные крестьяне сначала очищали их до нитки, а потом забивали дубинами до смерти. Те, кому удалось сохранить хоть какое-то присутствие духа, двигались в сторону кафедрального собора. Ричарда Бакстера, пуританского священника, разбудил топот копыт — это город покидала кавалерия роялистской армии. Отовсюду слышались стоны отчаяния, и «до самой полуночи сквозь окна и двери летали пули, а несчастные беглецы, еще надеющиеся сохранить себе жизнь, рассказывали об ужасах войны». И лишь когда над кровавым месивом сгустились сумерки, Карл решил оставить разоренный город. Он выехал через северные ворота. От задуманного им предприятия остались одни руины, и сама его жизнь оказалась в опасности.

Глава 6

БЕГЛЕЦ

В сопровождении немалой группы приближенных Карл оставил Уорчестер поздним вечером 3 сентября 1651 года. Он потерпел поражение, он был измучен, однако же ясно понимал, что не имеет права впадать в отчаяние, что сама его жизнь зависит от умения владеть собой. Ему исполнился двадцать один год. И он был королем в изгнании.

Приближенные еще препирались относительно возможностей возвращения в Шотландию, но сам Карл уже отверг этот план, справедливо полагая, что столь долгое путешествие чревато немалыми опасностями. Куда целесо-

образнее отправиться в Лондон, где, затерявшись среди бедноты большого города, можно спокойно подготовиться к отъезду на континент. Для успеха задуманного было нужно, чтобы о короле знало как можно меньше людей, и Карл поделился своим планом только с лордом Уилмотом, сговорившись встретиться с ним в «Трех журавлях» на Томас-стрит. Других сподвижников тем временем следовало уговорить уехать, и многие годы спустя сам Карл вспоминал: «Как не получалось у меня привлечь их на свою сторону в борьбе с противником, так не вышло и в нужный момент избавиться от них».

Вскоре путников обступила сплошная тьма. Карл обратился за советом к лорду Дерби. Нужно было срочно найти пристанище, и Дерби вспомнил, что неподалеку живет та самая фермерская семья Пендереллов, которая столь трогательно ухаживала за ним после поражения у Уигэна. Католические семьи вроде этой разработали целую систему (надо признаться, действовала она чрезвычайно эффективно) тайной переброски священников и беглецов-верующих; к тому же они были безусловно преданы короне. На таких людей Карл мог смело положиться. По счастливому стечению обстоятельств среди сопровождающих короля оказался Карл Гиффорд, владелец поместья Боскобел, где Пендереллы арендовали землю; вместе со своим слугой он вызвался проводить короля в ту сторону — только не в само поместье, а в небольшой домик в Уайтледисе неподалеку, где, собственно, Пендереллы и жили и где царственный гость будет в еще большей безопасности. Карл согласился, и вся кавалькада неслышно проследовала через Стурбридж, остановившись лишь однажды, чтобы наскоро перекусить. На место прибыли ближе к рассвету.

Громкий стук в дверь поднял Джорджа Пендерелла с постели.

— Ну, что там в Уорчестере? — осведомился он.

— Король потерпел поражение. Он здесь.

Дверь немедленно отворилась, Карла поспешно проводили в холл. Подняли слуг, изголодавшемуся королю предложили хлеб, сыр и белое испанское вино. Послали за братьями хозяина, Ричардом и Уильямом; первый принес королю необходимую маскировку — мятую рубаху, зеленые штаны из грубой ткани, камзол из оленьей шкуры, пару изрядно измазанных грязью чулок и широкополую засаленную шляпу. Католическое подполье уже накопило изрядный опыт в такого рода делах. Короля превращали в ремесленника: Ричард Пендерелл принялся за его прическу, укорачивая волосы спереди и не трогая их по бокам. Тем временем принесли башмаки — они оказались слишком тесными, пришлось надрезать. Но все равно в ближайшие дни Карлу предстояло испытывать невообразимую боль в ступнях.

Затем появился Уильям Пендерелл. Лорд Дерби подвел его к Карлу со словами: «Это король. Вы должны о нем заботиться и охранять, как меня самого». Братья поклялись, что приложат все свои силы, однако было ясно, что при такой большой королевской свите много не сделаешь, поэтому всех, за вычетом лорда Уилмота, настоятельно попросили удалиться. Большинство отправилось в Шотландию, и лишь немногие избежали плена и казни. Интуиция не обманула Карла.

И все равно опасность не миновала. Солнце поднималось над горизонтом все выше, и Карлу следовало поскорее покинуть дом. Для завершения портрета ремесленника ему вручили секач — теперь он был ни дать ни взять работник, который чинит в близлежащем местечке Спринг-Коппис заборы. Именно там, сопровождаемый Пендереллами, настороженно оглядывающими окрестность, Карл

Карл I и Генриетта Мария. Любовь королевской четы — залог мира для народа. Художник *Дэниэль Митенс*

Пятеро детей Карла I. В центре — принц Карл. *Неизвестный художник*

Оливер Кромвель. Портрет написан в 1649 году — в год казни Карла I. Художник *Роберт Уокер*

Эдвард Хайд, первый граф Кларендон. Медаль была выбита во времена, когда Хайда возвели в звание пэра. Художник *Томас Саймон*

Арчибальд Кэмпбелл, первый маркиз Аргил. Этот «маркиз с глазами-углями» был лидером шотландских пресвитериан, сторонников «Ковенанта». *Художник Дэвид Скагелл*

Карл II и полковник Уильям Карлис в кроне Боскобелского дуба. На картине в романтизированной форме запечатлен самый известный эпизод из жизни Карла. *Художник Исаак Фуллер*

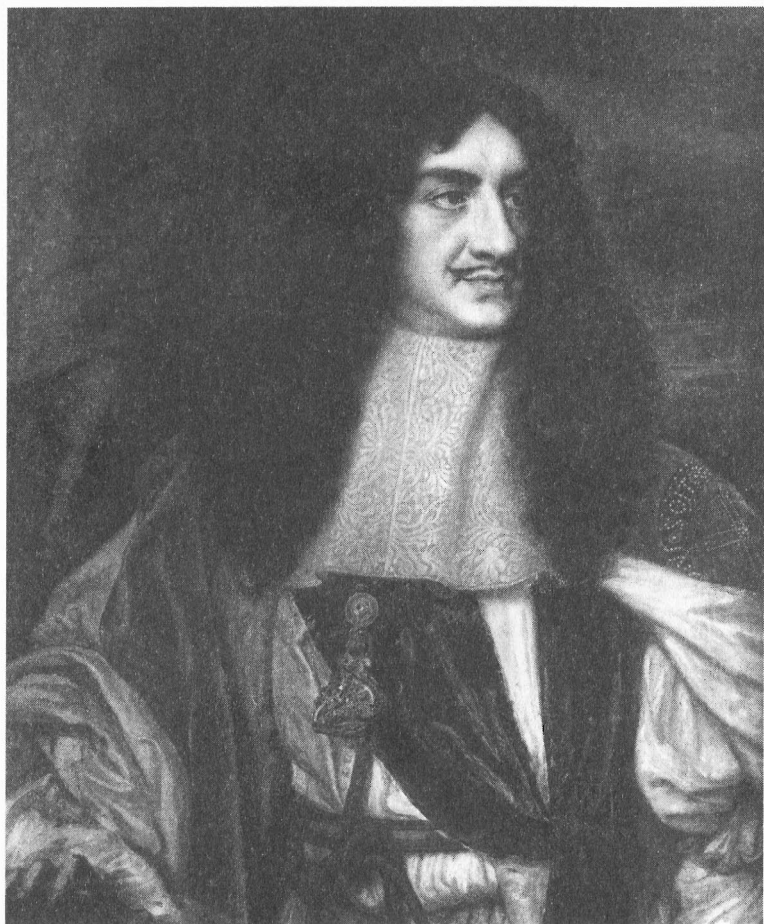
Бегство Карла II с Джейн Лейн. *Художник Вандергухт*

Карл II в изгнании. Художник Адриан Ханнеман

Карл II и Мария Оранская танцуют в Гааге. Это происходило на заре Реставрации. *Художник Янссенс*

Карл II во всем своем королевском величии. Художник Сэмюэл Купер

собственными глазами увидел отряд местной полиции. Полицейские уже останавливались в доме, где король был совсем недавно, справлялись о нем и выяснили, что он некоторое время назад проехал. Погоня возобновилась, но пошел сильный дождь. Это был настоящий ливень, и убежища не удавалось найти даже в самых укромных уголках Спринг-Коппис. Карл сильно проголодался и вымок до нитки. Что-то надо было делать, и Ричард Пендерелл велел своей замужней сестре раздобыть одеяло, а также хоть немного молока, яиц и сахара.

Вскоре женщина вернулась. Карл подозрительно посмотрел на нее:

— Скажите, сударыня, а вы не выдадите попавшего в беду рыцаря?

— Ни за что, сэ, скорее умру, чем предам вас.

Немного успокоившись, Карл принялся за еду. Братья всячески его опекали. Будучи католиками, поднаторевшими в нелегальной переправе священников-диссидентов через границу, они прекрасно понимали, что для хорошей маскировки важна малейшая деталь. Пендереллы учили Карла говорить с местным акцентом и косолапить при ходьбе, чтобы его благородная стать не выдала в нем монарха. А впереди были еще большие трудности. Братьям пришлось дать понять Карлу, что они не смогут поспособствовать его лондонским планам, так как по дороге в столицу у них на примете нет ни единого надежного места, где можно было бы остановиться. Что же делать? Пендереллы рекомендовали монарху некоего мистера Вулфа. Он жил неподалеку от Северна, в доме, где есть «норы для священников». Карл подумал, что, может, лучше всего туда и отправиться — пересечь Северн, а там и Уэльс, где вряд ли кто подумает его искать, хотя валлийцы и сохраняли верность короне. Этим путем, дождавшись сумерек, Карл и

двинулся в сопровождении одного лишь Ричарда Пендерелла.

Не прошли они и нескольких сотен ярдов, как у них на пути возникла фигура в белом — местный мельник.

— Кто идет?

— Свои, домой возвращаемся.

— Стоять, сейчас разберемся, какие такие свои!

Это было слишком рискованно. Ричард Пендерелл свернул на ближайшую тропинку, Карл на своих кровотокающих ногах — за ним. «Так мы и бежали, — вспоминает он, — бежали, покуда были силы, вверх по грязи и камням». В конце концов король убедил своего спутника перелезть через забор и послушать, не отстала ли погоня. Убедившись, что позади никого нет, — мельник оказался роялистом, прятавшим у себя дома кое-кого из людей Карла и перепугавшимся не меньше беглецов, — Карл и Ричард Пендерелл возобновили путь к Медли, где жил Вулф. До места они добрались к полуночи.

Престарелого хозяина подняли с кровати вопросом, готов ли он оказать гостеприимство «важной персоне». Вулф склонен был отказать, ему «ничуть не хотелось рисковать собственной шеей, разве что речь идет о самом короле». Лишь убедившись, что так оно и есть, он изменил тон. Однако же, как выяснилось, опасения беглецов имели основания — в самом доме оставаться было нельзя, лучше спрятаться в хлеву. Там Карл с Пендереллом и провели весь день, а под вечер начали строить планы. Вскоре стало ясно, что дорога в Уэльс ничуть не спокойнее дороги в Лондон. Все переправы через Северн бдительно охранялись, и единственное, что Вулф мог посоветовать Карлу, — вернуться к Пендереллам. Разочарованные путешественники двинулись в обратный путь. Стараясь избежать повторной встречи с мельником, Карл решил, что лучше воспользоваться

не мостом, а бродом через тот самый поток, от которого работала мельница. Пендерелл сразу признался, что не умеет плавать, и сказал, что перебираться вброд через эту «гнусную речушку» вообще дело опасное. Но Карла такими отговорками было не сбить: «Умея плавать, я ступил в реку первым; вода доходила мне только до груди, я взял Ричарда Пендерелла за руку и помог ему перебраться на противоположный берег».

Всё бы хорошо, но у Карла в ссадины на ступнях забился песок, которым было устлано дно реки. До этого времени монарх вел себя исключительно мужественно, но теперь, с трудом пробираясь в полной тьме, от боли и чувства безнадежности всего предприятия пал духом. В первый и последний раз за долгое путешествие его охватило отчаяние. Карл упал на землю, заклиная спутника бросить его и повторяя, что он скорее умрет, чем сделает еще хоть шаг. Ричард насколько возможно старался успокоить короля, повторяя, что дорога скоро станет лучше и идти осталось всего ничего. В конце концов путники добрались до дома, где узнали, что Уилмот в сопровождении Джона Пендерелла благополучно укрылся в близлежащем Мозли-Холле. Сами они очутились в Боскобеле около трех утра. Ричард Пендерелл оставил Карла, все еще сильно страдающего от боли в ногах, в безопасном уединении усадьбы, окруженной со всех сторон лесом, а сам отправился будить обитателей поместья.

Выяснилось, что в поместье скрывается некто Уильям Карлис, доблестный полковник-роялист. Карлис оставил Уорчестер одним из последних, и сейчас, когда его представили королю, тот со слезами на глазах обнял мужественного воина. В доме жена Уильяма Пендерелла предложила высокому гостю кружку нежирного молока и небольшой стакан пива. Промыв ноги, надев свежую пару чулок

и попросив миссис Пендерелл высушить башмаки, для чего она использовала каминный уголь, Карл вновь вернулся к планам на ближайшее будущее. Вопрос о передвижении в светлое время суток по-прежнему даже не стоял, и было решено, что король с Карлисом проведут день где-нибудь поблизости, в Боскобельском лесу. У Карлиса уже был на примете большой дуб, в дупле которого он собирался укрыться; места там вполне хватало на двоих, и, одолжив у Уильяма Пендерелла лестницу, подушки, темного пива, хлеба и сыра, мужчины отправились в путь.

«Сидя на дереве, — вспоминал впоследствии Карл, мы видели, как сквозь заросли в поисках беглецов то и дело шныряли солдаты». Опасность была велика, но за последние несколько суток Карл так измучился, что уснул прямо у Карлиса на груди. В конце концов у того затекли руки и, боясь не выдержать тяжести монаршего тела (но ведь и слова не скажешь, вражеские солдаты могут услышать), Карлис «вынужден был проявить большое неуважение и ущипнуть короля за ляжку — только так можно было его разбудить и избежать тем самым нависшей угрозы». Выбравшись из своего укрытия, король и его спутник вернулись под более спокойную сень усадьбы.

Выяснилось, что минувший день Пендереллы потратили не напрасно. Уильям с женой внимательно отслеживали передвижение солдат парламентской армии. Ричард съездил в Вулверхэмптон за вином и бисквитами, а еще один брат, Хамфри, привез в Боскобел важную, хотя и тревожную новость. В местном участке полиции, куда он заходил платить налоги, его допросил некий полковник. Он знал, откуда приехал Хамфри, как знал — от разведки — что там же появлялся король. Полковник холодно проинформировал Хамфри о наказании, которое ждет тех, кто укрывает короля: смертная казнь безо всякой надежды на

пощаду; а тех, кто предоставит информацию о его местонахождении, напротив, ожидает награда в тысячу фунтов. Ничуть не соблазнившись премиальными, Хамфри ловко ушел от прямого ответа. Действительно, сказал он, группа роялистов проезжала через поместье, как говорят, в ней был и сам король, но вряд ли он там остановился. В конце концов, в доме живут три семьи, отношения между ними натянутые, и никто из них не посмеет укрывать беглого короля. Нет, нет, это решительно невозможно.

Полковник, похоже, удовлетворился этим объяснением, но Карл был встревожен. Лицо его потемнело. Для таких людей, как Пендерелл, тысяча фунтов — огромные деньги. Однако же полковник Карлис небрежно заметил, что тысяча либо сто тысяч в данном случае не имеют никакого значения — верность не продается. Карл покачал было головой, но потом черты лица его разгладились: ведь Хамфри не выдал его врагу. Заявив, что ему как можно скорее надо увидаться с Уилмотом, чтобы сообщить об изменении планов, король засобирался спать. «На обед в воскресенье неплохо бы поесть немного жареной баранины» — с этими словами он направился в одно из многочисленных в этом доме укромных мест. Ночь король провел беспокойно, то и дело просыпаясь, и встал чуть свет. Все тело у него болело, ссадины на ногах кровоточили, он не столько ходил, сколько ковылял, и тем не менее чувство юмора ему не изменяло. Пендереллов Карл буквально очаровал. Но увы, просьба насчет баранины оказалась весьма стеснительной: такая роскошь была членам семьи не по карману, и если они спросят о чем-нибудь в этом роде по соседству, это наверняка вызовет подозрения. Единственная возможность — «расправиться с чьим-нибудь барашком». На поиски отправился Карлис. Ему сопутствовал успех, он зарезал барана, освежевал его и торжественно принес в дом.

Карл с улыбкой отрезал кусок, насадил его на острие ножа, потребовал, чтобы принесли сковороду и масло, и сам за жарил мясо.

Тем временем Джон Пендерелл, находившийся последние несколько дней в Мозли при лорде Уилмоте, после завтрака отправился в Боскобел посмотреть, что там происходит. Застав в доме Карла, он был несказанно удивлен, поскольку думал, что тот давно уже в Уэльсе. Джона тут же отправили назад, в Мозли-Холл, с сообщением для Уилмота, что его срочно требует к себе король, но, увы, лорд успел за это время куда-то скрыться. Бормоча про себя, что все идет «наперекосяк», Джон Пендерелл сообщил о неудаче Томасу Уитгриву, владельцу Мозли, католику по вероисповеданию. Ясно было, что для спасения короля надо принимать какие-то срочные меры, и Уитгрив, прихватив с собой Джона и церковного служку, отправился в близлежащий Бентли-Холл, где жил друг и армейский сослуживец Уилмота полковник Лейн. К этому времени они вдвоем уже составили четкий план бегства Уилмота. У Джейн, младшей сестры полковника, были знакомые — семейство Нортонов, ярых роялистов, жителей городка Эбботс Ли, что неподалеку от Бристоля. Миссис Нортон была беременна, и незадолго до битвы при Уорчестере Джейн и ее слуге-мужчине удалось получить пропуск, позволяющий навестить подругу. Загримировать беглого роялиста под этого самого слугу — лучшего не придумаешь.

Уилмот при всем своем эгоизме и бонвиванстве господина средних лет был человеком долга и прежде всего подумал, что такую редкую возможность следовало бы предоставить королю. Но будучи уверен, что Карл в Уэльсе, он решил воспользоваться ею сам и уже назначил отъезд в Эбботс Ли на следующее утро. Получив сообщение, что Карл ждет его, он немедленно отменил все приготовления.

Королю сразу же следует отправляться в Мозли-Холл. Туда же подъедет и Уилмот, и они выработают детали дальнейшего маршрута. Джон Пендерелл вновь отправился в Боскобел, на этот раз за королем, который провел мирный воскресный день в молитвах, а затем удалился с книгой в укромный сад. С утра у него, правда, неожиданно пошла кровь носом, но потом кровотечение прекратилось, и он с энтузиазмом выслушал новости.

Карл был готов, не теряя ни минуты, отправиться в Мозли в сопровождении минимального эскорта, но Пендереллы, искушенные в подпольных делах, сочли, что лучше взять людей побольше — на случай столкновения с солдатами, прочесывающими местность. Решено было, что с Карлом отправятся все братья и еще кое-кто, однако план пешей прогулки до Мозли Карл отверг со всей решительностью: ссадины на ногах у него только-только зажили. Пришлось согласиться. Пендереллы отыскиали для него старое седло — до окрестностей своего нового убежища он поедет на рабочей лошади Хамфри. А уж остаток пути, никуда не денешься, придется проделать пешком. В окружении Пендереллов, каждый из которых был вооружен либо пикой, либо вилами, Карл взгромоздился на самую жалкую, по его собственным словам, клячу, на которой ему когда-либо приходилось ездить.

Хамфри не полез за словом в карман: «Разве можно, сир, винить лошадь за то, что она тяжело идет, если у нее на спине три королевства?»

Если Карл и улыбнулся, то через некоторое время улыбка с его лица сошла. Процессия доехала до места, откуда надо было продолжать путь пешком. Карл спрыгнул с седла и устремился было — со скоростью, какую только мог себе позволить, — в путь, но тут же опомнился. Пендереллы все поставили на карту, лишь бы выручить из беды сво-

его беглого монарха, а он и слова на прощание не сказал. Карл повернул назад и догнал уже удаляющихся братьев.

«Извините, собственные беды заставили меня обо всем забыть. Благодарю всех». — И он протянул Пендереллам руку для поцелуя.

Выполнив свой долг, Карл захромал в сторону проводников. Вскоре он оказался в поле зрения мистера Уитгрива, ожидавшего гостей в вишневом саду. Карл был загримирован настолько удачно, что хозяин узнал его только из-за спутников. Едва король оказался в доме, как его провели наверх, к Уилмоту, а затем — в «нору для священников». Это было относительно просторное, хотя и темное, душное помещение с двойным укрытием: одно — обшитая деревянными панелями стена спальни, другое — находящаяся сразу за ней ложная дверца посудного шкафа. В ближайшие дни ей еще предстоит доказать свою эффективность, а пока Карл, вполне удовлетворенный своим новым убежищем, разговорился с хозяевами. Служка мистера Уитгрива омыл ему ноги, и Карл, явно повеселев, заметил, что, если Богу будет угодно дать ему еще одну десятитысячную армию хороших и верных солдат, он наверняка вернет себе трон.

Все участники свиты короля, за исключением Джона Пендерелла, пошли по домам. Наутро большинство слуг отправились с различными поручениями в Мозли. Карлу представили старую миссис Уитгрив. Чуть позднее он имел возможность наблюдать, как она обихаживает — перевязывает раны, кормит — его прежних солдат, ныне бредущих проселочными дорогами в Шотландию. Это было печальное зрелище, и, быть может, под его впечатлением и из-за оказавшегося свободного времени Карл вдруг разоткровенничался со своими хозяевами и принялся рассказывать им о жизни в Шотландии и о событиях, приведших к сражению при Уорчестере.

Помимо всего прочего, в Мозли Карлу выпала возможность потолковать о разных предметах с местным священником, отцом Джоном Хаддлстоуном. Монарх рылся в его книгах и манускриптах, особое внимание уделив «Короткому и ясному пути к вере и церкви» — католическому трактату, принадлежащему перу родного дяди Хаддлстоуна. Книга эта, судя по всему, произвела на него сильнейшее впечатление. «Выводы настолько убедительны, что опровергнуть их просто невозможно». Это было исключительно сильное заявление в устах главы англиканской церкви; в иных обстоятельствах оно могло бы кого-то и покоробить, но беглецу, укрывшемуся в Мозли-Холле, было не до дипломатии и теологических дебатов. Жизнь его зависела от доброй воли подданных-католиков, и об этом он не имел права забывать. Добросердечие — вот лучшее обличье короля, что он в очередной раз и продемонстрировал в местной часовне. «Чудесная церквушка», заметил Карл, и действительно, алтарь и все убранство напоминали ему о детстве, когда он молился в такой же церкви. Хаддлстоун был попросту очарован королем. «В каком-то смысле ваше величество находится в том же положении, что и я, — кругом угрозы и опасности, — сказал он и добавил: — Надеюсь, Бог, который привел вас сюда, здесь же вас и оборонит».

«Если Богу будет угодно вернуть мне корону, — расстроганно ответил Карл, — у вас и ваших единоверцев будут те же права, что и у всех других моих подданных».

Сказано это было скорее всего вполне искренне, однако шансы Карла вернуться на трон были, казалось, грубо порушены, когда однажды в полдень по лестнице взлетела служанка с криком: «Солдаты! Здесь солдаты!» В Уайтледисе было уже все перевернуто вверх дном, теперь пришла очередь Мозли-Холла. Карла немедленно засунули в «нору для священников», Уитгрив же, разумно распорядившись

распахнуть настежь почти все двери, спокойно вышел навстречу отряду. Поначалу с ним обошлись довольно грубо, но когда он пояснил, что здоровье не позволяет ему принимать участия в общественной жизни и тем более укрывать беглецов, солдаты недовольно удалились. Мужество и самообладание этого человека спасли королю жизнь. В то же время стало ясно, что пора отсюда уезжать. В полночь появился полковник Лейн, изъявивший готовность проводить Карла к себе в Бентли. Первый и самый тяжелый этап путешествия короля близился к концу. Доныне он всего лишь двигался по замкнутому кругу, но теперь, оставляя преданных бедняков-католиков и переходя под крыло дворян-роялистов, должен будет демонстрировать не только мужество и физическую выносливость, но также ум и дипломатические способности.

По прибытии в Бентли было решено, что на рассвете Карл продолжит путь в Эбботс Ли в сопровождении Джейн Лейн, а также ее кузена Генри Лэссела и сестры с мужем, мистера и миссис Петре. Полковник приготовил для Карла — или, как его теперь стали называть, «Уильяма Джексона» — костюм и плащ, какие обычно носили сыновья фермеров-арендаторов, однако эта маскировка, помимо преимуществ, таила в себе и некоторую угрозу. Король Англии был весьма мало знаком с жизнью рядовых фермеров, а ведь подозрения могла возбудить малейшая неточность. К примеру, он явно не так, как следовало, посадил Джейн Лейн в седло, на что ему и указал полковник. А вскоре Карлу предстояло столкнуться с иными, уже более серьезными трудностями. Путники направлялись к дому одного из друзей полковника, жившего в Лонг-Марстоне, деревушке под Стратфордом, примерно в сорока милях от Бентли. Все шло как по маслу до тех пор, пока сразу после полудня у лошади, на которой ехали король и Джейн, не сломалась

подкова. Позаботиться о ее замене явно должен был Карл, то есть «Уильям Джексон». Но это означало, что нужно говорить с местным кузнецом. Предприятие было явно небезопасное, но тут в Карле заговорил актер, и впоследствии он описал эту историю в виде остроумного и сделавшегося весьма популярным анекдота:

«Придерживая ногу лошади, я спросил у кузнеца, что нового. Он сказал, что с тех пор, как побили этих негодяев — шотландцев, ничего не слышно. А как насчет англичан, продолжал я расспросы, из тех, что стали на сторону шотландцев, никого не схватили? Да кого-то вроде взяли, откликнулся кузнец, но этому подлецу Карлу Стюарту удалось скрыться. На что я заметил, что если негодяя найдут, то он заслуживает веревки больше, чем кто бы то ни было другой, ведь это он привел сюда шотландцев. Кузнец назвал меня честным малым, и на том мы расстались».

В Стратфорде процессию покинула чета Петре, а Карл и Джейн Лейн в сопровождении Лэссела продолжили путь в Лонг-Марстон. Здесь «Уильям Джексон» занял положенное ему место в людской, и ему снова, причем сразу же, пришлось проявить смекалку. Велено было продуть меха, с помощью которых вращают вертел. «Уильям Джексон» принялся за дело, но весьма неловко.

— Что же ты за селянин, если даже с мехами не умеешь обращаться? — сердито бросила кухарка.

Карл сразу же нашелся, что его и выручило.

— Видишь ли, я сын бедного издольщика на землях полковника Лейна из Стаффордшира, у нас редко когда бывает на столе жареное мясо, но когда все же едим его, вертелом не пользуемся.

На следующий день добрались до Гиренчестера, а утром отправились в Эбботс Ли, куда и прибыли к полудню. Через Бристоль проследовали более или менее благополуч-

но, но теперь уже Джейн Лейн пришлось демонстрировать свое искусство актрисы, иначе Карлу, которого вновь поместили с другими слугами, неизбежно пришлось бы отвечать на разного рода вопросы. Пожаловавшись хозяйке, что «Уильям Джексон» заболел, Джейн попросила уложить его в постель и покормить беднягу. Добрая миссис Нортон отдала нужные распоряжения, но в то время как врач, осмотревший больного, его не узнал, Поуп, дворецкий, принесший ему ужин, взглянул на пациента с немалым подозрением. На следующее утро, когда они столкнулись в холле, взгляд повторился, а чуть позднее Карла отвел в сторону явно встревоженный Лэссел.

— Что делать? — спросил он. — Кажется, Поуп узнал вас, во всяком случае, мне он это сказал твердо. Я, конечно, все отрицаю, но...

Карл спросил, насколько дворецкий надежный человек, и, получив необходимые заверения, принял мудрое решение. «Я решил, что лучше довериться ему, — вспоминал впоследствии Карл, — чем уехать, бросив на него тень сомнения». Поупа привели к королю и рассказали всю правду.

Восхищенный дворецкий, часто видевший Карла мальчиком и служивший впоследствии в армии его отца, предупредил короля, что нескольким слугам в доме доверять не следует, но он, Поуп, «всегда в распоряжении его величества». Карл как-то сразу ему поверил. Он сказал Поупу, что завтра ожидает лорда Уилмота, и не на шутку перепугавшийся дворецкий, уверенный, что многие в Эбботс Ли знают вельможу в лицо, пообещал провести его в дом тайком, ночью. «А после, — продолжал он, — поеду в Бристоль и попробую найти судно, на котором ваше величество сможет перебраться на континент».

Поуп выполнил свое обещание. Ему удалось провести Уилмота в дом под покровом ночи, однако с судном вы-

шли затруднения. В ближайший месяц ничего подходящего через Ла-Манш не отправлялось. В то же время Карл явно не мог так долго оставаться здесь инкогнито. Изобретательный Поуп выдвинул идею. У него есть знакомые, они живут в деревушке под названием Трент, милях в сорока от границы Сомерсета и Дорсета. Оттуда нетрудно навести справки в близлежащих портах Лайм Реджис, Портсмут и Саутхэмптон. Знакомые оказались семейством Уиндэмов, Карл хорошо их знал, ибо Эдмунд, старший из братьев, женился на дочери его старой кормилицы, а затем эмигрировал во Францию. Уиндэмы были и среди многочисленных знакомых лорда Уилмота, так что план Поупа оба — и король, и лорд — приняли с энтузиазмом. Было решено, что Уилмот отправится в Трент первым и все подготовит к приему короля, а Карл проследует за ним в сопровождении Джейн Лейн и Лэссела.

Но этот прекрасный план едва не рухнул из-за одного совершенно непредвиденного обстоятельства. Миссис Нортон родила мертвого ребенка. И приличия, и осмотрительность не позволяли Джейн сразу же уезжать из Эбботс Ли, а Карлу нужно было как раз отправляться в путь как можно скорее. Судьба его вновь повисла на волоске, и он нашел, может, и мелодраматический, но действенный выход из положения. Джейн по его плану должна получить письмо из дома с сообщением о серьезной болезни отца и призывом немедленно вернуться в Бентли. Кто мог доставить такое письмо лучше и надежнее верного Поупа? Уловка сработала. На следующий день Карл вместе с Лэсселом и Джейн двинулись сначала в сторону Бристоля, а затем, убедившись, что все спокойно, повернули на юг, к Тренту. На ночь остановились в Сэсл Кэри, где их приютил один верный человек, тоже из числа знакомых Уилмота, а наутро продолжили путь. Добравшись до места, Карл вздохнул с облегчением.

— Фрэнк, дорогой, как ты? — воскликнул он, увидев в дверях ожидающего его Уиндэма.

Карла сразу же провели в дом. Было решено, что Лэссел и Джейн Лейн уедут на следующее же утро. Затем заговорили о судне. У полковника Уиндэма были хорошие связи, и он сразу же обратился к одному своему приятелю в Лайме, капитану Элсдону, которого знали как убежденного роялиста. Выяснилось, что один из его арендаторов, некто Стивен Лимбри, отплывает на следующей неделе в Сен-Мало. Все сошлись на том, что Карлу и Уилмоту следует как можно скорее подняться на борт под видом купцов, направляющихся во Францию собирать долги. Как-нибудь ночью Лимбри встретит их в Чармуте, прямо на берегу.

Оставалось найти надежное место, где Карл будет прятаться, пока не поднимется на баркас. К этому времени уже был выпущен указ об аресте короля как «злонамеренного и опасного предателя интересов содружества». В Лайме, хотя он и ближе всего, наверняка только об этом и говорят, так что самым осмотрительным было снять Карлу комнату в трактире прямо в Чармуте. Внезапные ночные отъезды-приезды следовало как-то объяснить, и одного из слуг Уиндэма послали к хозяйке трактира, чтобы он под строжайшим секретом рассказал ей, что гостями ее будет пара безумных влюбленных, собирающихся бежать из дому. Уилмот сыграет роль жениха, кузина Уиндэма — невесты, а Карл — их слуги. Королю план чрезвычайно понравился: наконец-то появилась возможность действовать. Утром Карл отправился в путь и к закату был уже в Чармуте. Примерно через час появился Лимбри и подтвердил, что к полуночи его баркас будет готов отчалить.

Но баркаса напрасно прождали всю ночь. Разочарованные и измученные люди, собравшиеся на берегу, ума не могли приложить, что делать. В конце концов Карл с Уиндэ-

мом решили ехать в Бридпорт, снять там комнату в гостинце и ждать Уилмота, который тем временем должен будет постараться разузнать, что же случилось с Лимбри и его баркасом. Естественно, всем приходила в голову мысль об измене, однако никто и не догадывался, что на самом деле измена обернулась фарсом.

Лимбри вернулся домой уложить вещи, но тут к нему подступилась с разного рода вопросами жена. В конце концов она заставила мужа сознаться, что он тайком переправляет во Францию двух джентльменов. Миссис Лимбри, только что вернувшаяся из Лайма и слышавшая, как там на центральной площади зачитывают указ парламента об аресте Карла, сразу же заподозрила, что речь идет о роялистах. Ей стало страшно. В указе ясно говорилось, что все, кто помогает роялистам, будут считаться изменниками. А что, если один из пассажиров — сам король? Устав от перепалки с женой, Лимбри прошел наверх и начал укладывать вещи в свой корабельный сундук. Вконец обезумевшая миссис Лимбри последовала за ним и заперла дверь. Она совсем не хотела остаться вдовой. Лимбри забарабанил в дверь, требуя немедленно выпустить его, но жена пригрозила поднять на ноги всю округу; если он не замолкнет. Ему оставалось только покориться.

Вот теперь Карл действительно оказался в опасности. Бридпорт кишел солдатами парламентской армии, посланными на усмирение Джерси — старого убежища беглого короля. Оставалось, несмотря на все протесты Уиндэма, действовать решительно, и Карл с холодным безрассудством, иногда ему свойственным, проехал через весь город, и остановился в лучшей гостинице. «Во дворе, — вспоминал он много лет спустя, — было полно солдат. Я соскочил на землю и почел за лучшее, расталкивая их, провести лошадей на конюшню». От человека, проведшего, как на игол-

ках, бессонную ночь, для этого требовались и незаурядное мужество, и смекалка. А тут еще на пути у него внезапно возник конюх.

— Мне кажется, я узнаю вас, сэр, — сказал он.

В этой драматической обстановке Карл избрал окольный путь. Он, в свою очередь, спросил, из каких конюх краев, и вытянул из него, что когда-то он работал в Эксетере, на некоего мистера Поттера.

— Тогда все ясно, приятель. Вы видели меня у него в доме, я и сам там работал больше года.

— Точно, — обрадовался конюх, — теперь вспоминаю, я видел вас там еще мальчиком.

Вопрос был исчерпан, и конюх, удовлетворив свое любопытство, «предложил, — вспоминает далее Карл, — распить по кружке пива, но я отказался, пояснив, что меня ждет к обеду хозяин».

Уиндэм и впрямь заказал на всех обед. Едва его принесли, как в номер влетел слуга Уилмота. Каким-то образом лорд умудрился попасть не в ту гостиницу и теперь разыскивал короля, чтобы срочно встретиться с ним за городом. Карл немедленно отправился в путь, не подозревая, что Уилмот, естественно, сам того не желая, поставил ему чрезвычайно опасную ловушку.

Едва проводив Карла и Уиндэма в Чармут, Уилмот обнаружил, что его лошадь потеряла подкову. Как ни в чем не бывало он вызвал конюха и велел ему отвести лошадь в ближайшую кузню. Конюх же оказался на самом деле солдатом парламентской армии, просто ищущим случай подработать пенни-другой на стороне; как человек, от природы подозрительный и не лишенный воображения, он успел вбить себе в голову, что гость, остановившийся в номерах предыдущей ночью, был не кто иной, как Карл Стюарт. Ему все казалось очевидным, а впереди сверкало

настоящее богатство. «Сын покойного тирана» — именно так он именовался в указе — переоделся женщиной, беглянка-невеста — это он и есть. Услышанное «конюхом» от кузнеца лишь укрепило его подозрения. А услышал он вот что: каждая из трех остальных подков — а кузнец осмотрел все — была изготовлена в различных графствах. Одна, вне всяких сомнений, в Вустершире. Это решило дело. Карл Стюарт, переодетый женщиной, пытается бежать из страны. Сейчас он здесь, совсем неподалеку! «Конюх» решительно направился к своему командиру.

Капитан Мейси не колебался ни минуты, и пока Карл, Уилмот и полковник Уиндэм совещались за городом, решая, возвращаться ли им в Трент, он уже мчался, прищпоривая коня, в Бридпорт. Мейси опоздал буквально на несколько минут, но к тому времени небольшая королевская кавалькада уже скакала по сельской местности и вскоре как бы растворилась в воздухе. На самом-то деле король со спутниками остановились в деревне Бродвиндзор. В поисках ночлега полковник Уиндэм направился к местному трактирщику. Случайно выяснилось, что оба шапочно знакомы, и Уиндэм, объяснив, что он, оказавшись с друзьями более чем за пять миль от дома, наверняка привлечет к себе внимание властей, получил в свое распоряжение мансарду и чердак, куда вряд ли кому придет в голову заглядывать.

Спокойной ночи, столь желанной и нужной, не предвиделось. По дороге на Джерси толпы солдат разыскивали ночлег. Комнаты в бродвиндзорском трактире были разобраны мгновенно, и, пока солдаты, хрипло ругаясь, устраивались на постой, одна маркитантка родила. Вся деревушка пришла в чрезвычайное возбуждение, старики поспешили в трактир выразить роженице свои возмущенные чувства: никогда, мол, твое отродье не примут в нашу общину! Разговоры на эту тему продолжа-

лись до рассвета, когда солдатам было приказано построиться и выступить к побережью.

Постояльцы наверху, не смыкая глаз, думали, что делать дальше. Когда вокруг столько солдат, направляющихся на Джерси, глупо надеяться найти здесь морской транспорт для короля. Придется, ничего не поделаешь, возвращаться в относительно безопасный Трент. Тут можно переждать, пока Уилмот со своим человеком съездит в Солсбери, где у Уиндэма есть надежный друг, Джон Ковентри. Там они, помимо всего прочего, выяснят, не отплывают ли суда откуда-нибудь из Хэмпшира или Суссекса. Солсбери находится всего в тридцати милях от Трента, сообщение хорошее. На следующее утро, дождавшись, пока солдаты уйдут, Карл с Уиндэмом отбыли назад в Трент ожидать дальнейшего развития событий.

В этом месте Карлу придется провести девятнадцать долгих и тоскливых дней, но в первый же по возвращении вечер к нему на ужин пришел человек, которому предстояло сыграть в его ближайшем будущем немалую роль. Это был один из многочисленных кузенов Хайда (его тоже звали Эдвардом). Выяснилось, что недавно он был в Солсбери, где случайно познакомился с полковником Робертом Фелипсом, известным роялистом из старинного, но ныне обедневшего рода. Уиндэм тоже знал этого человека, причем с самой лучшей стороны, и считал, что вместе со своим другом Джоном Ковентри он способен на многое. 25 сентября эти новые рекруты королевской компании встретились с Уилмотом и сразу же принялись за дело. Быстро нашлось судно, капитану был уплачен задаток, и Карлу предлагалось, учитывая все обстоятельства, перебраться из Трента поближе к Солсбери, в Хил-Хаус, в дом вдовы еще одного кузена Хайда, миссис Эмфиллис Хайд.

Нельзя сказать, что Карл был в восторге от этого плана. За последние несколько дней он стал испытывать тя-

жесть от медленно текущего времени — возможно, это была естественная реакция на напряжение, в котором он жил все эти годы. Ведь при всей своей юношеской энергии Карл не мог не испытывать постоянного страха. В любой момент его местонахождение могло обнаружиться. Случайно брошенное слово либо удача какого-нибудь офицера парламентской армии — и он выдан, а немедленно вслед за этим — неизбежное унижение и смерть. Волей-неволей Карл вынужден был входить в тесные отношения с незнакомыми людьми, готовыми пожертвовать ради него всем, а потом эти отношения внезапно, в одночасье, прерывались. Он бывал голоден, постоянно измучен, и ему все время приходилось изворачиваться. А главное — король потерпел поражение. Он видел жалкое отступление своих солдат — свидетелей того, как прахом пошли его лучшие надежды. И вот теперь, механически занимаясь просверливанием дырок в монетах, Карл дал себе слово, что не позволит слишком легко убедить себя принять первый же план бегства. Надо, чтобы его помощники знали это. Надо, чтобы Ковентри, Фелипс и Уилмот поняли, что, хотя найти судно чрезвычайно важно и к этому надо приложить все усилия, «перед тем, как переехать на новое место, следует быть уверенным, что связанный с этим риск не превышает меру разумности».

Изобретательный Фелипс предложил предпринять еще одну попытку убедить Карла переехать, а затем связаться с одним из самых видных в этих краях роялистов — полковником Джорджем Гюнтером из Рэктона, близ Чичестера. Фелипс отправился в Трент, а Уилмот под именем мистера Барлоу (что не обмануло практически никого из тех, с кем ему случилось на пути встретиться) — к Гюнтеру. И его тоже ни на минуту не сбил с толку маскарад лорда, но в любом случае состоявшийся разговор подтвердил, что мо-

нархическая идея способна вдохновить своих сторонников даже в самые мрачные времена.

— Король Англии, — заговорил со вздохом Уилмот, — мой повелитель, ваш повелитель, повелитель всех добропорядочных англичан, в большой беде. Можете помочь нам с судном?

И хотя в сражениях за дело короля Гюнтер потерял все свое состояние и теперь не знал, как расплатиться с долгами, печаль его была искренняя.

— Он здоров? В безопасности?

— Да.

— Слава Богу.

Гюнтер был человеком дела, а сейчас требовалось найти судно. Он признался, что с морской профессией почти не знаком, однако же пообещал сделать все от него зависящее, чтобы подобрать надежного капитана. Уилмот испытал великое облегчение — это было видно невооруженным глазом. Более чем удовлетворенный услышанным, он заключил Гюнтера в объятия и долго не выпускал его.

Гюнтер слов на ветер не бросал. Он развил бешеную деятельность, мотался по всей округе и в конце концов разыскал в Чичестере некоего Фрэнсиса Мэнселла, который, похоже, мог помочь с судном. «Двое моих близких друзей, — начал Гюнтер, — стрелялись, дело плохо, мне хотелось бы по возможности отправить их отсюда как можно быстрее». Мэнселл ненадолго задумался и сказал, что в Брайтелмстоуне (ныне Брайтон) у него есть друг, который может оказаться полезным.

Оба сразу двинулись в путь. Нужный им человек — его звали Николас Теттерселл — оказался в Шорэме, совсем недалеко от Чичестера. Деликатные переговоры взял на себя Мэнселл — это, мол, «по его части». Разговор затянулся, ибо подозрительный Теттерселл сразу начал вы-

двигать разные условия. Для начала ему нужно было знать, кого он повезет. «Беглых дуэлянтов», — сказал Мэнселл, который и сам поверил в эту версию. Казалось, капитана это объяснение удовлетворило. Он запросил за услуги 60 фунтов, при условии, что якорь будет поднят через час. Гюнтер понятия не имел, сколько времени понадобится, чтобы доставить короля в Брайтелмстоун, но в любом случае надо было уговорить Теттерселла ждать, сколько понадобится. За пятьдесят лишних фунтов тот согласился «сделать вид, будто находится под погрузкой».

Карлу предстояло начать последний этап своего вынужденного путешествия. Фелипсу удалось-таки убедить его переехать из Трента в Хил-Хаус, и воскресным утром 12 октября они отправились в местечко Уоринфорд-Даун, где к ним должны были присоединиться Уилмот и Гюнтер. Сорокамильная дорога оказалась утомительной, хотя и прошла без приключений. Ночь решено было провести у сестры Гюнтера в Хэмблдоне. Перед ужином гостям предложили вина, эля и бисквитов. Посреди трапезы появился пьяный в стельку зять Гюнтера Томас Саймонс — весь день, как выяснилось, он накачивался элем в местном трактире.

— Так-так, — протянул Саймонс, разглядывая нежданных гостей. — Стоит человеку на секунду отлучиться, как в доме у него появляется толпа незнакомцев А-а, это ты, — продолжал он, смутно угадывая нечто знакомое в облике Гюнтера. — Милости просим. И к друзьям твоим это тоже относится.

Мистер Саймонс явно пребывал в добром расположении духа. Кстати, пора было поближе рассмотреть этих самых друзей. Для начала он направился к королю.

— Так, у нас «круглоголовый», — с трудом выговорил пьянчужка, имея в виду, должно быть, прическу Карла, тот был почти наголо обрит. — Вот уж не думал, что ты

водишь компанию с «круглоголовыми», — обратился он к Гюнтеру, явно не ожидая такого визита.

— Не важно, — оборвал зятя Гюнтер. — Это мой друг, и, ты уж мне поверь, с его стороны тебе ничто не грозит.

Саймонс плюхнулся на стул рядом с этим самым другом, взял его за руку и, дыша перегаром, объявил:

— Добро пожаловать, «круглоголовый» брат мой.

Коль скоро его уже объявили «круглоголовым», Карл решил до конца сыграть эту новую роль. Время от времени мистер Саймонс сдабривал свою речь выражениями, более уместными в компании, с которой он провел большую часть дня. Слух же «круглоголового» они явно оскорбляли.

— Дорогой мой брат, — взывал он, — нехорошо, право, не ругайся, умоляю тебя.

Саймонс явно наслаждался своим превосходством над этим нытиком-святошей и думал, что неплохо было бы его напоить — то-то смеху будет. Принесли крепких напитков и пива. Карл и вообще-то воздерживался от алкоголя, а уж сегодня ему тем более не хотелось напиваться. Стоило Саймонсу отвернуться, как он передавал стакан соседу. Пробыло десять — самое время отходить ко сну: завтра предстояла еще одна долгая поездка. Но как найти предлог? Полковник Гюнтер проявил за столом такую же смекалку, какую ранее обнаруживал в делах более серьезных. Пристально посмотрев на зятя, он сказал:

— Интересно, как это тебе удалось догадаться? Ведь он и впрямь «круглоголовый», и чем скорее мы отправим его в постель, тем лучше. Тогда и повеселимся на славу.

Саймонс охотно согласился. Впрочем, спать наверх отправились все, остался только лорд Уилмот, с которым он продолжал пьянствовать.

Наутро кавалькада направилась в сторону Брайтелмстоуна, расположенного милях в 40—50 отсюда. Остановку сде-

дали в Хьютоне. Зашли в трактир, выпили по кружке пива, закусив его хлебом и языком, который Гюнтер предусмотрительно прихватил из сестринских запасов. Далее на их пути лежал Брамбер, где путники, к своему изумлению и ужасу, обнаружили множество солдат-«круглоголовых». Они только что сменились на охране моста и теперь собирались как следует выпить. Уилмот, не оправившийся еще, судя по всему, от последствий ночи, большая часть которой прошла в компании мистера Саймонса, предложил повернуть назад. Гюнтер категорически воспротивился.

— В таком случае нам конец, — заявил он. — Смело вперед, и никто нас ни в чем не заподозрит.

— Верно, — согласился Карл.

Действительно, почти через всю деревушку они проехали благополучно, но на границе им пришлось изрядно поволноваться. Негромкий свист Карла заставил Гюнтера обернуться: прямо позади них в узкий проулок втягивался отряд из 30—40 конников. Гюнтер натянул вожжи, остальные подъехали к нему, «круглоголовые» же пронеслись мимо так стремительно, что, как напишет позже Гюнтер: «мы с трудом от них увернулись». Больше никаких приключений не было, и через полчаса король и его спутники достигли Бидинга. Здесь группа разделилась. Гюнтер что было мочи поскакал в Брайтелмстоун, где снял номер в гостинице и стал ждать остальных. Вскоре они появились, и в ожидании Мэнселла и капитана Теттерселла король, по наблюдению Гюнтера, «не выказывал ни единого признака страха».

Но Карл не знал, какая опасность сгущается вокруг него. Едва войдя в комнату, Теттерселл узнал Карла. Он сразу понял, в какое рискованное предприятие его втянули, и гневно обрушился на Мэнселла. Тому, правда, кое-как удалось оправдаться. Теттерселл замолчал, но лицо его

сохраняло угрюмое выражение. Короля узнали и другие. Смит, хозяин трактира, то и дело щедро прикладывавшийся к кружке, вдруг кинулся к Карлу, схватил его руку и поцеловал.

— Никому не скажу, но только что я поцеловал лучшую мужскую руку во всей Англии, — выпалил он и добавил, лишь усугубляя ситуацию: — Господь да благословит вас во всех ваших делах.

Выглядело все это, надо признаться, довольно смешно, и Карлу достало чувства юмора улыбнуться. Вскоре, не сказав ни слова, он удалился в соседнюю комнату. Напуганный Гюнтер последовал за ним, рассыпаясь в извинениях. Он клялся, что никому ничего не говорил и ума не приложит, как этот тип узнал короля.

— Спокойно, спокойно, полковник, — прервал его излишняя Карл. — Этот малый давно знает меня, а я знаю его. Он прислуживал моему отцу. Надеюсь, это честный человек.

С этими словами Карл вернулся в гостиную и открыл окно. Ветер явно поменял направление. Карл обратил на это внимание Теттерселла. Гюнтер предложил капитану лишние десять фунтов, если тот согласится отчалить немедленно, но Теттерселл-то отлично понимал, что в любом случае надо ждать прилива. К тому же он все никак не мог примириться с тем, что позволил поймать себя в ловушку, и хотел получить хоть какой-то реванш. Теттерселл потребовал, чтобы Гюнтер гарантировал ему 200 фунтов на случай потери судна. Полковник запротестовал было — цена непомерная, и к тому же ведь уже ударили по рукам. Теттерселл, однако, стоял на своем, и в конце концов Гюнтер вынужден был уступить. Но капитану пришлось в голову, что клиенты его в таком отчаянном положении, что заплатят любые деньги. Он решил попытать удачи еще раз и потребовал, чтобы Гюнтер выдал ему долговое обязатель-

ство. Тут уж полковник потерял терпение и заявил, что, в конце концов, в порту есть еще суда и, может, другие моряки окажутся поговорчивее.

Карл сразу почуял опасность. Теттерселл вполне может махнуть рукой — что ж, мол, ищите. Он и без того уже вытащил из них в качестве задатка неплохие денежки, и теперь вряд ли что может помешать ему отказаться от опасной сделки, а то и донести властям о присутствии короля. Обещанная тысяча фунтов награды для такого человека — огромные деньги. Словом, Карл заявил, что требование Теттерселла справедливо, и Гюнтер, хотя и с большой неохотой, выдал ему закладную. Получив такие гарантии, Теттерселл изъявил готовность немедленно собрать команду, после чего пообещал вернуться в трактир и отправиться с пассажирами в Шорэм. Ночью Карл и Уилмот должны будут сесть на баркас «Сюрприз».

Прилив начался в семь утра, и через два часа судно уже находилось в открытом море. В Шорэм хлынули «круглоголовые». У них был приказ отыскать «высокого, шесть футов два дюйма ростом смуглого мужчину». Карл был в бегах ровно шесть недель и ускользнул в самый последний момент.

На борту «Сюрприза», взявшего курс на остров Уайт, Карл со знанием дела беседовал с Теттерселлом о навигации. На самом-то деле островок этот был совсем не нужен — просто уловка, чтобы сбить с толку возможных соглядатаев, однако же за ней воспоследовала еще одна уловка, на сей раз последняя. У команды, состоявшей из четырех матросов и юнги, должно было быть алиби на случай, если по возвращении в Англию им будут задавать неудобные вопросы. Придумать такое алиби было просто, особенно если иметь в виду, что за последнее время Карл стал настоящим мастером по этой части. Захватив пригоршню монет, он отправился к команде

и сообщил, что они с другом — купцы, которым надо получить кое-какой должок в Руане, и поэтому придется попросить капитана изменить курс. Теттерселл прикинулся страшно недовольным, но все же повиновался. Дело было решено.

Всю ночь судно подгонял северный ветер, и незадолго до рассвета показался французский берег. В этот момент ветер переменялся, начался отлив, и якорь пришлось бросить в небольшой бухте около деревушки Фекам. С первыми же лучами солнца обнаружилась очередная угроза. Карл заметил с подветренной стороны судно, которое, судя по маневренности, могло быть остендским капером, — во всяком случае, так он пишет в своих мемуарах. Король немедленно спустился в каюту и предложил Уилмоту, не вступая в долгие объяснения, попросить капитана высадить их на берег. На воду была спущена шлюпка, и когда она достигла цели, один из гребцов, квакер по имени Ричард Карвер, помог измученному, но торжествующему Карлу Стюарту ступить на французскую землю. Здесь ему предстояло провести долгие, горькие годы изгнания.

Глава 7

ФРАНЦУЗСКОЕ ИЗГНАНИЕ

Карл с Уилмотом перевели дух и отправились в путь. Тут обнаружилось, что денег у них хватает ровно до Руана. Когда они добрались до города, вид у них был настолько непрезентабельный, что хозяин местной гостиницы даже заколебался, давать ли им номер; пришлось послать за двумя английскими негодьями и просить у них наличные и смену белья. Таково было первое, еще не очень чувствительное прикосновение к бедности и беспомощности, которые отныне станут уделом короля. В данном случае

верные мистер Сэмбурн и мистер Паркер поспешили на выручку своему повелителю и столкнулись в гостинице со старым наставником Карла доктором Эрлом. Оказалось, что, услышав о появлении Карла, доктор в чрезвычайном возбуждении помчался в гостиницу и спросил молодого человека, которого принял за слугу, где можно найти короля. Карл — а это был он — улыбнулся и протянул руку для поцелуя. Эрл залился слезами. Он оказался первым человеком на континенте, лично убедившимся в том, что король жив-здоров.

Карл и Уилмот проследовали через Флери в Париж. Неподалеку от столицы их встретила Генриетта Мария, проводшая до того несколько ужасных недель, когда ей ничего не было известно о судьбе старшего сына. Хотя весть о поражении при Уорчестере достигла Парижа с привычной скоростью всех дурных вестей, что стряслось лично с королем, не знал, кажется, никто, и с течением времени королева-мать все больше приходила к мысли, что шансов спастись у него практически не было. И вот странник появился перед ее глазами. По словам венецианского посла, всегда приметливого на детали, «свита короля состояла из одного дворянина и одного слуги, а одеяние его могло вызвать скорее смех, нежели почтение; коротко говоря, внешне король переменялся настолько, что проезжающие, столкнувшиеся с ним первыми, приняли его за кого-то из лакеев».

В последующие несколько дней Карл отвечал на многочисленные расспросы о своем бегстве, расцвечивая рассказ совершенно невероятными подробностями. Притворство уже успело стать его второй натурой. Он чувствовал себя вправе поносить шотландцев самыми последними словами, а чтобы не подвергать опасности англичан, рисковавших ради него своей жизнью, требовалось лукавство, и Карл неплохо освоил это искусство. Например, он утверж-

дал, что немалую помощь оказал ему некий разбойник, который довел его переодетым до Лондона, где, в свою очередь, «одна женщина» предоставила ему ночлег, а затем поспособствовала бегству. При этом, чтобы избежать опасности, он якобы облачился в ее платье и с корзиной на голове добрался до берега, откуда и продолжил путь. Один английский шпион, которому отныне предстояло неотступно следовать за Карлом, быстро обнаружил, что все эти истории — не более чем выдумки, но, будучи свидетелем их появления на свет, он видел, как от юмора Карл все стремительнее соскальзывает в нечто близкое к отчаянию. «Он печален и угрюм, — сообщал соглядатай, — веселость, которую он вопреки истинным чувствам старался выказывать поначалу, быстро сошла на нет, и теперь король чаще всего молчит».

Все это понять нетрудно. Борьба за возвращение на трон потребовала от него гигантских усилий, а результатом стало полное поражение. И цену пришлось заплатить поистине немалую. Карл превратился всего лишь в обнищавшего изгнанника, претерпевшего величайшие унижения практически ни за что и теряющего одного за другим своих сторонников. Для этих людей, многие из которых были так же, как он, молоды и вся жизнь для которых была впереди, замирение с парламентом казалось выходом более предпочтительным, нежели бесцельное и безнадежное существование на чужбине. Как впоследствии напишет верный Хайд, «людям, изнывающим от безделья, трудно воздержаться от поступков, которые совершать не следовало бы». Поведение королевы-матери только сильнее удручало Карла, ибо Генриетта Мария с ее обычной бескомпромиссностью даже настойчивее, чем раньше, выступала в защиту католической церкви. Новый духовник королевы, француз, лишь недавно перешедший в католическую веру

и отстаивающий ее со страстью неопита, всячески намекал, что ее пансион предназначен вовсе не для облегчения доли еретиков. Некоторые из окружавших Генриетту Марию изгнанников выразили готовность перейти в ее веру. С этими же соображениями она начала подступаться и к Карлу. Конечно, королева-мать была женщиной слишком искушенной, чтобы говорить о переходе Карла в другую веру впрямую, и она, будучи уверена, что лишь союз всех католических монархов Европы может вернуть ее сына на трон, попыталась выработать иную тактику.

Те из окружения короля, кто все еще сохранял надежду на поддержку шотландцев, настойчиво уговаривали его продемонстрировать свою верность пресвитерианству, взяв за обычай посещение гугенотской часовни в Шаринтоне. Генриетта Мария всячески поддерживала эту идею, полагая, что таким образом ее сын отойдет от англиканской церкви. В то же время, чуя материнским инстинктом, что пресвитерианство не задевает никаких тайных струн в душе Карла, она надеялась, что он в поисках подлинной веры все же придет под сень католицизма. Но возвращение из Испании Хайда нарушило ее планы. Канцлера ужаснуло начинающееся отпадение Карла от англиканской веры, и он призвал на помощь всю свою незаурядную силу убеждения, чтобы вернуть его к верованиям детских лет. Из-за этого Генриетта Мария только еще больше возненавидела Хайда, с которым у нее отныне началась почти открытая война.

Скандалы, связанные с матерью, не ограничивались религиозной почвой. Королева насмерть рассорилась с герцогом Йоркским, инфантильным семнадцатилетним юношей, которого легко убедили в том, что с ним обращаются не должным образом. Немало нашлось тех, кто хотел бы оторвать его от матери, и в конце концов Якова уговорили

уехать в Брюссель. Там он впал в такую нищету, что вынужден был обратиться за помощью к сестре в Гаагу, однако свекровь Марии запретила ей общаться с братом. Пока тот коротал тяжелую зиму в Ренне, пришла еще одна дурная для роялистов новость: от оспы умер принц Оранский.

Потеря союзника, столь близкого по возрасту и взглядам, подействовала на Карла исключительно тяжело. Он понял, что со смертью зятя планам на формирование протестантско-роялистского союза в Северной Европе пришел внезапный конец. Никто уже больше не будет толковать об исходящих из этой части континента макиавеллиевских нашептываниях. Камергеру сестры Карл писал: «Не имея возможности выразить в письме всю ту горечь, которую я испытываю в связи со смертью своего дорогого брата, принца Оранского, полагаюсь на Ваше воображение и память о том, сколь он был мне близок». Но не только горечь утраты мучила Карла. Он не мог не думать о будущем сестры — матери наследника рода Оранских по мужской линии. С братской любовью он вопрошал: «Как чувствует себя моя сестра, с каким достоинством переносит выпавшие на ее долю испытания? Как там мой племянник, крепок ли, здоров, на кого похож, и все такое прочее?» Ответы не слишком вдохновляли его. Мария полностью оказалась под пятой свекрови, а теперь эта дама намеревалась прибрать к рукам и мальчика — на том основании, что королевское происхождение отталкивает от его матери голландских республиканцев, которые чем дальше, тем больше видят свой интерес в союзе с английским парламентом.

Конфликты дома и дурные вести из-за рубежа усугублялись продолжающейся нищетой. Генриетта Мария встретила сына со слезами радости на глазах, но материально помочь ему практически не могла. Ей самой часто задерживали пансион, и когда Карл просил ее дать хоть немного денег на но-

вую рубаху, она говорила, что у нее нет ни су, и, более того, если он собирается столоваться вместе с ней, ему придется платить за свою часть. Эти счета пошли после первого же скромного ужина, и ближайшее будущее показало, что Генриетта Мария отнюдь не шутит. Ситуация складывалась самым плачевным образом. В середине 1652 года Хайд писал одному из друзей: «Ты даже не можешь себе представить, в каком жалком и униженном положении мы здесь пребываем; с тех пор как я вернулся, слугам не заплатили ни единого пенни, а на то, что получает король, не купишь ни еды, ни одежды». Немного денег время от времени присылали верные роялисты из Англии, и огромные надежды возлагались на принца Руперта, который якобы должен был вот-вот появиться во главе каперской флотилии со всяческим добром; пока же на выручку пришел только кардинал де Рец: он одолжил у друга 1500 пистолей и передал их через лорда Таффе Карлу.

По непонятным причинам именно Таффе оказался ближе других к молодому королю. Уилмот нашел себе какое-то максимально дешевое жилье, и Таффе сделался камергером, чашником, а порою и просто слугой Карла. Эта близость была тем более двусмысленной, что в отсутствие Карла он стал любовником Люси Уолтер и отцом ее дочери. К вящему неудовольствию Генриетты Марии, все трое жили в Лувре, однако Карла (что характерно для его отношения к подобным ситуациям) все это, по крайней мере пока, устраивало. Связь с Люси прекратилась и возобновиться вряд ли могла, а сохранение более или менее ровных отношений с ней давало возможность постоянно видеться с их двухлетним сыном.

В таких обстоятельствах было совершенно невозможно изображать хотя бы видимость благополучия. Королевские апартаменты англичан в Лувре отличались полным

убожеством, да и, наслушавшись рассказов о приключениях короля, сюда потом уже мало кто захаживал. Карл и сам находился в таком положении, при котором ему приходилось постоянно одалживаться, а его сторонники ютились буквально в лачугах и вынуждены были ходить по Парижу пешком: на экипаж денег не было. Особенно остро переживал такое положение Хайд. Большой жизнелюб, он очень ценил удовольствия, которые можно было приобрести за деньги, а теперь ему приходилось делить трапезу, единственную в день, с полудюжиной собратьев по изгнанию и ходить без теплого белья. В комнате у него порой оказывалось так холодно, что перо выпадало из рук.

Благодаря усилиям Джермина Карлу положили небольшой пансион из французской казны, но платили нерегулярно и не полностью, и даже когда деньги поступали, на них ястребом накидывалась мать, взимая таким образом с сына долги. Она настаивала, чтобы он женился «на деньгах», и Карл возобновил свои пассы в сторону Большой Мадемуазель.

На сей раз игра пошла всерьез, и дама была очарована. Однажды она зашла к Генриетте Марии простоволосая и услышала от нее, что Карл выглядит «очень нелепо», ибо ходит нестриженным и в жалких обносках. Тем не менее манеры, при помощи которых он научился обманывать врагов, тронули сердце богатой наследницы. Она находила Карла «самым славным юношей в мире», и, так как он изливал на нее свои комплименты на чудесным образом усовершенствованном французском языке, его можно было считать весьма галантным кавалером. Как же несправедливо обходилась жизнь с таким человеком в Шотландии, где нельзя было наслаждаться музыкой и где дни, по его словам, протекали так тоскливо! Теперь он оказался в цивили-

лизованной стране, и ему не терпелось потанцевать в обществе друзей.

Соглядатаи сообщали, что Карл и впрямь проводит время по преимуществу «в танцах, балах и маскарадах» и что «он стал всячески заигрывать с дамами». У Мадемуазель был прекрасный оркестр скрипачей, и в ходе очередного визита Карл во взятом напрокат парике, прикрывавшем коротко стриженные волосы, безупречно танцевал под его музыку. Собственно, теперь он приходил к ней через день и уж точно не пропускал вечерних приемов, появляясь как раз к ужину. Генриетта Мария, как всегда, действовала напролом, уверяя Мадемуазель, что если она выйдет замуж за Карла, то ее королевский статус явно повысится. Брак этот должен был ускорить возвращение короля на английский трон. Однако над всем этим фарсом уже начали сгущаться тучи. Постоянно высматривая какого-нибудь понастоящему сильного претендента, Мадемуазель начала подумывать о Людовике XIV, пусть даже он и моложе ее на 11 лет.

Это не ускользнуло от Генриетты Марии с ее обостренным чутьем матери и хитроумием женщины в нужде. Она отправила сына к Мадемуазель с сообщением, что возвращение на трон будет для него вдвое слаще, если та его разделит. Мадемуазель бросила ему в ответ, что шансы на воцарение будут гораздо больше, если он вернется в Англию.

— Как! — воскликнул Карл. — Вы хотите, чтобы я уехал в Англию, едва женившись на вас?

— Вот именно, в таком случае я буду принимать ваши интересы куда ближе к сердцу.

Это было просто бестактное замечание, но существовали и сомнения, казавшиеся совершенно неразрешимыми. Кое-кто из друзей Мадемуазель твердил, что она обязана заставить Карла принять католицизм, были и такие,

кто считал, что заигрывания с английским королем вредят ее репутации в Европе. К тому же какой смысл выходить замуж за человека, который настолько беден, что она сама вполне может окончить жизнь в нищете? Такие аргументы звучали убедительно, и постепенно Мадемуазель начала отворачиваться от претендента. Вскоре она уже намекнула, что королю без гроша в кармане лучше бы сократить свои визиты. Три недели они не виделись, а когда встретились вновь, Карл, которому надоел весь этот балаган, положил ему predetermined конец. Раньше он всегда удовлетворялся местом на низком стуле, подле ног своей *belle amie*, — на такие вещи при дворе всегда обращают самое пристальное внимание. Какое значение имеют королевские права, если он влюблен? Ну а сегодня, во время последнего свидания, Карл сел на подлокотник предложенного ею кресла. «Ему казалось, что он унижает меня, — записывала в дневник Мадемуазель, — но я ничего такого не почувствовала». Карл, пришла она к заключению, не достоин такой женщины, как она.

На какое-то время Карл вернулся к прежней страсти — божественной Баблон, тем более что муж графини погиб в кровавой резне, которой сопровождалась Фронда. Впрочем, при всех прелестях этой приятной, хотя и алчной юной дамы Карла больше занимала вновь разгоревшаяся война. Вскоре после его возвращения во Францию к противникам короны во главе с принцем Конде присоединился герцог Лотарингский. Людовик, окруженный с обеих сторон, послал Карлу письмо с просьбой переговорить с герцогом, находившимся в это время вне Парижа. Считая, что и впрямь может сыграть миротворческую роль, Карл отправился без промедления, даже, по собственным словам, не переодевшись. Непонятно почему, но увертливый, как уж, герцог Лотарингский увел свое войско, и разоча-

рованные руководители Фронды заявили, что в дезертирстве союзника виноват Карл. Они пришли в такое неистовство, что поклялись «бросить его в воду, привязав предварительно ноги к шее». Разъяренная толпа осадила Лувр, в сточных канавах было полно крови, и английский двор решил бежать. Карл ехал рядом с экипажем матери, готовый в любой момент защищать ее от нападения. Но в этом не было нужды. Несмотря на все усилия новоявленной амазонки — Большой Мадемуазель, поставившей к этому времени на Конде, дело принца было проиграно. Людовик вернулся в столицу, дав себе, подростку, клятву никогда более не подвергаться унижениям и опасностям, какие только что пережил. Испытывая облегчение оттого, что все кончилось так благополучно, он не забыл о своем английском брате, считая себя обязанным отблагодарить его за роль, сыгранную в этой истории. Оказавшись в безопасности за стенами Пале-Рояля, Людовик «в самый разгар церемонии» поблагодарил Карла за «великие усилия, которые он приложил к тому, чтобы устранить печальные разногласия между королем и его народом».

Но эта благодарность не была подкреплена более осязаемыми дарами. С возвращением Людовика бразды правления вновь оказались в руках Мазарини. Он считал важными союзнические отношения с мощной Англией Оливера Кромвеля и понимал, что в лице Карла обладает средством, при помощи которого можно вернуть англичан за стол переговоров. Именно поэтому Людовик по-прежнему держал Карла в черном теле, не отпуская его от себя. В результате король еще больше пал духом. В то время как его брату Якову позволили вступить во французскую армию, что принесло ему немалую известность, Карл вынужден был подыскивать себе хоть какое-то занятие. Для начала он послал лорда Норвича в Брюссель и Гаагу, но из

этого, как нередко случалось и ранее, ничего не вышло. Затем он принял решение отправить Уилмота, которому только что дал титул графа Рочестера, к императору Священной Римской империи. Не согласится ли он, а также немецкие принцы и короли дать своему союзнику немного денег и солдат или хотя бы встретиться с ним? Но дипломат из Рочестера получился неважный. «Вы уверены, что, получив письмо, он не кладет его в карман и тут же о нем забывает?» — раздраженно бросил Хайд в разговоре с королем. Тем не менее Рочестеру в конце концов удалось донести призыв своего господина по адресу, однако принцы и короли, чью казну выпотрошила война, смогли предоставить лишь небольшой долг, да и то всей обещанной суммы не выплатили, а часть того, что было дано, охваченный непонятным энтузиазмом Рочестер потратил на рождественский сливовый пудинг, сладкие пирожки, запеченное мясо и студень.

Судя по всему, Карл в наибольшей степени мог рассчитывать на голландцев, хотя и тут никаких гарантий не было. Смерть принца Вильгельма повлекла за собой целый ряд событий, едва ли не таких же знаменательных и разрушительных, как и в Англии. Европейцы с изумлением взирали за происходящим в семи провинциях во главе с Голландией, где резиденция принца Вильгельма в Штаттхолдере опустела, а в Гааге собралась Национальная Ассамблея, объявившая об упразднении монархии и формировании нового, объединенного правительства. Семья Оранских была также отстранена от руководства армией, провинции получили статус автономий, оранжисты вынуждены были уйти в подполье, а ключевую роль в государственном новообразовании, особенно во внешней политике, стала играть Голландия как самая богатая из провинций. Представлялось естественным, что это новообразование в лице анг-

лийского парламента будет стремиться найти союзника, и действительно, в этом направлении сразу же были приняты определенные шаги. Правда, сопровождалась она взаимным недоверием и выдвиганием с обеих сторон невыполнимых требований. Англичане с их животной завистью к огромному богатству, обеспеченному морским господством Голландии, начали подготовку к войне.

«Парламентское охвостье» приняло Акт о навигации*, запрещающий импорт товаров в Англию не на английских судах. Ясно, что эта акция была направлена на подрыв голландской торговли. И действительно, она нанесла по ней сильный удар. Состоялись и другие шаги, также подталкивающие страны к войне. Под предлогом транспортировки французского груза английские каперы перехватывали голландские суда. К постоянным трениям приводило также требование англичан в знак признания их суверенитета над прибрежными водами приспускать флаги на кораблях. В общем-то голландцы воевать не хотели, памятуя о том, что их флот нуждается в серьезном обновлении, и тем не менее в начале апреля 1652 года адмиралы Блейк и Тромп обменялись несколькими выстрелами. Война, пусть и неофициально, началась.

Обрадованный Карл усмотрел в этом свой шанс и сразу же встретился с голландским послом в Париже, заверяя, что попросит французов о поддержке, и предлагая усилить голландцев собственными судами. Те отнеслись к предложению известного оранжиста, не пользующегося к тому же сколько-нибудь заметным международным влиянием, настороженно. Карла это не смутило, и, когда в июле того же года война была объявлена официально, он выступил с целым рядом новых инициатив. Король английский

* Полное название: Акт об увеличении торгового флота и поощрения мореплавания английской нации. — *Примеч. науч. ред.*

был готов обеспечить голландцам союзничество Ирландии и Шотландии, что должно помочь им сокрушить врага. Если голландцы помогут ему восстановить власть над островами Силли и в Ла-Манше, то взамен они получают срочное право на рыболовство в водах Оркнейских островов. Карл предложил также, чтобы, взяв от его имени под контроль Тайнмут, голландцы отрезали Лондон от источников снабжения углем. Но на возможных союзников все это по-прежнему не производило никакого впечатления — даже посул отдать остров Гернси, который, по словам Карла, отвоевать у Английской республики не трудно. Тогда Карл пошел на крайнюю меру. «Если Генеральные Штаты предоставят мне некоторое количество судов — не больше, чем, с их точки зрения, будет достаточно для того, чтобы плыть под моим штандартом, — я отправлюсь в поход лично и либо с Божьей помощью возьму верх над врагами, либо погибну». Но и это предложение было вежливо отклонено.

Через два года после начала войны, истощившей обе стороны, начались переговоры о столь желанном мире. Растянувшиеся довольно надолго, они завершились подписанием договора, оказавшегося тяжелым ударом лично для Карла. Стороны принимали на себя обязательство изгнать со своей земли противников режима каждой из них и никогда впредь «не предоставлять им убежища, помощи и гостеприимства». Иными словами, отныне Карл не мог рассчитывать на поддержку голландцев. Чтобы окончательно закрепить это положение, в договор была включена статья, согласно которой его сестре Марии (чье холодное и высокомерное простодушие в политических вопросах было по меньшей мере помехой) возбранялось принимать брата даже в собственных владениях. В качестве платы за мир англичане требовали, чтобы «на территории, находящейся под юрисдикцией Соединенных провинций, ни единый

бунтовщик или открытый враг Английской республики не был допущен (или заключен) в замки, города, гавани и иные открытые и закрытые места, принадлежащие лицам, какое бы положение они ни занимали и гражданами какого бы государства ни являлись». По словам Хайда, договор был для короля и его сторонников как нож в сердце.

Одна за другой закрывались для Карла границы европейских государств. Голландия. Дания. Швеция подписала с Англией торговый договор на тех же условиях. На очереди была Португалия. Но самый тяжелый удар ждал Карла впереди. В сентябре 1654 года кардинал Мазарини, понимая, что может помочь своей измученной войной стране залечить раны, также подписал с Кромвелем экономическое соглашение. Вряд ли можно было сомневаться в том, что за этим соглашением последует еще более тесное сближение двух сторон, а значит, Карл навсегда будет изгнан из Франции, единственного государства, где у него еще оставалась крыша над головой.

Вокруг английского короля сгушалась атмосфера безнадежности. Не рассеивали ее и вести из дома. Ирландия была полностью и самым беспощадным образом поработана; правда, несколько месяцев назад стало известно о волнениях в Шотландии — единственное, что могло немного порадовать Карла. Он получал письма от тамошних роялистов и писал в ответ, что был бы счастлив быть с ними рядом. Его растерянность и смятение бросались в глаза. Лучше умереть с оружием в руках, писал он, чем прозябать в бездействии. Но судя по всему, он был обречен именно на прозябание. Для успеха шотландского предприятия необходима была помощь Дании и Голландии, а на нее, естественно, рассчитывать не приходилось. Советники Карла говорили о большом риске, сопряженном с возвращением в Шотландию, и их слово было услышано. В конце

концов план шотландцев из-за измены выплыл наружу, армия сопротивления была разгромлена, а после того как страна вступила в союз со своими завоевателями, надежда на нее и вовсе угасла.

Новости из Англии тоже не назовешь ободряющими. Многие представители знати впали в нищету; к тому же на территории страны действовали суровые законы, практически лишаящие их возможности что-либо предпринять. «Сердце разрывается сидеть без дела и жить при столь ненавистном режиме», — писал один из них. Другие, правда, роптали более откровенно, а некоторые даже начали мечтать о возвращении Карла. «Когда-то, — писал один священник из Дерби, — они способствовали изгнанию нашего доброго юного короля. Так пусть же теперь, рука об руку, сердце к сердцу, они объединятся и вернут его, ибо до тех пор в Англии мира не будет». В глазах таких людей «Парламентское охвостье» стремительно утрачивало свою популярность. Многие, особенно военные, считали, что ему так и не удалось справиться со своей триединой задачей — укрепить в стране праведность, упорядочить законодательство и принять новую конституцию. Требовались решительные действия, и утром 20 апреля 1653 года Кромвель отправился в палату представителей, где разразился пламенной речью. С трудом сдерживая себя, он заявил потрясенной аудитории, что «Господь отвернулся от вас и избрал иные инструменты для осуществления своего дела. Я положу конец, — громоподобно продолжал Кромвель, — вашему ничегонеделанию». — И с этими словами, призвав стражника с жезлом — символом парламентской власти, велел ему «вышвырнуть этих бездельников вон». Кромвель был преисполнен решимости ввести угодную Богу диктатуру, чудеса добродетели которой якобы навсегда освободят сердца людей от желания увидеть Карла Стюарта II на английском престоле.

Первым шагом Кромвелля был призыв к проведению выборов в парламент, который должен будет подготовить проект конституции, а затем, надо надеяться, объявит о самороспуске. В Лондоне и по всей стране начались энергичные поиски лиц, достойных войти в этот орган. Молва сразу же насмешливо окрестила будущее собрание «Пустотелым парламентом» — по имени лондонского негоцианта, одного из самых незаметных его участников. И не зря — выяснилось, что новоизбранные деятели не в состоянии контролировать тех, кто взял в свои руки бразды правления. Они сразу же перессорились по поводу проблем, в которых ничего не понимали, и напуганное большинство, состоявшее из умеренных, поспешило выступить за роспуск парламента. Признав поражение, парламентарии передали бразды правления и все парламентские полномочия разочарованному Кромвеллю* Ему пришлось примириться с тем, что идея богоугодной диктатуры в отсутствие легитимного монарха не сработала. Надо было искать иные конституционные возможности.

Через четыре дня после роспуска «Пустотелого парламента» Кромвель предложил новую формулу правления государством: избрать однопалатный парламент с ограниченными полномочиями, сформировать Государственный Совет, действующий на манер Королевского Тайного Совета, и, наконец, назначить самого Кромвелля пожизненным протектором, то есть он будет выступать, грубо говоря, в роли монарха — наследника Стюартов.

Кое-кто в Англии заволновался, и в сентябре 1653 года Карл отправил в страну одного из своих приближенных выяснить настроения дворянства — нельзя ли организовать сопротивление. Хайд всячески приветствовал этот

* В русской исторической науке принято название Малый, или Бэрбонский парламент. Сведения некоторых учебников вступают в противоречие с текстом автора.

шаг. «Следует, — писал он, — воззвать к мужеству и достоинству тех наших сограждан, которым надоело жить в унижении». Хайд имел в виду организованное восстание. «Если получится серьезное выступление сразу в нескольких местах, повстанцы будут действовать с удвоенной энергией, да и друзья за рубежом окажут помощь, на которую сейчас трудно было бы рассчитывать». Собственно, организация, готовая воплотить замыслы Хайда, уже существовала — «Затянутый узел».

Карл деятельно взялся за подготовку будущего восстания. Каждое утро он тайно встречался в Тюильри или Люксембургском саду с заговорщиками, не догадываясь до поры, что за ним внимательно следит вероломный Бэмпфилд, некогда организовавший бегство графа Йоркского. «Король преисполнен энергии, — сообщал Хайд Рочестеру, — сам за все берется». Карл считал, что выступление в Лондоне «должно решить все»; он уполномочил участников «Затянутого узла» самим назначать себе руководителей и собирать деньги. Но его доверием злоупотребили. В стане заговорщиков нашелся предатель, многих казнили, причем один нагло заявил, будто Карл лично санкционировал убийство Кромвеля. Во второй раз повстанцам удалось собрать около тысячи человек, но замысел убить Кромвеля на пути в часовню вновь не удалось сохранить в тайне, да и вообще в условиях четко отлаженной системы сыска «Затянутому узлу» приходилось постоянно откладывать осуществление своих планов.

Все это подрывало дух Карла, временами он впадал в апатию, и в конце концов пришла неявная, но унылая и горькая уверенность в том, что сам он мало что может сделать. Месяцами влачил английский король-беглец тоскливое существование во дворцах Франции, в лохмотьях и без гроша за пазухой, так что даже на элементарные нужды приходилось выпра-

шивать средства. Гонцы, если они возвращались, приносили лишь дурные вести, да и за них требовали оплаты, а денег не было. Сам Карл сделал для возвращения на трон больше, чем его постоянно враждующие между собой, разбившиеся на группки приближенные. Ценой больших личных унижений он собрал армию, оказавшуюся бессильной, дал сражение, проиграл его и сам чудом унес ноги. Обыкновенный здравый смысл подсказывал ему, что его положение безнадежно. Европейские монархи от него отвернулись. Спотыкаясь, блуждал он в туманном мире политики. Временами, должно быть, на него накатывало отчаяние, но вообще-то Карл по своей природе не был к нему склонен. Он обладал твердостью, даже жесткостью, и соответственно слабость его принимала иные формы. Если попытки оказываются безуспешными и даже бессмысленными, зачем вообще предпринимать их?

Хайд с тревогой наблюдал, как Карл все больше и больше впадает в безразличие. Он почти не проявлял интереса к переписке, которую Хайд считал необходимой для поддержания его духа. «Я неустанно напоминаю королю о письмах, — отмечает Хайд, — однако он занимается ими только по пятницам». Да и то не всегда. «Когда возникает необходимость в том, чтобы король написал кому-нибудь лично, порой приходится подолгу ждать, ибо берется он за это дело крайне неохотно, что меня, по правде сказать, сильно беспокоит». Подобная леность, считал Хайд, мешает Карлу принимать твердые решения, а наблюдать, как бездарно тратятся его природные способности, было и впрямь печально. «Судить он умеет вернее и проникает в суть вещей глубже многих тех, кто хвастается своей проищательностью, так что у меня сердце разрывается при виде того, как эти способности пропадают втуне». Хайд отмечает и еще одну слабость, которая со временем войдет у короля в привычку и также будет чрезвычайно тревожить окруже-

ние: «Он не умеет быть жестким с людьми, даже если они ему не нравятся». Карл пытался нравиться всем.

Хайд считал, что здесь во многом виновата Генриетта Мария. «Никакие советники не помогут, — писал он, — если рядом с королем Ее Величество». Отношения между нею и Хайдом становились все напряженнее, ибо он не стеснялся прямо говорить ей, что думает, и это, естественно, задевало гордость представительницы семейства Бурбонов. Она уже давно ненавидела Хайда — хотя бы по той простой причине, что он был умнее ее. Джермин получил указания всячески ставить Хайду палки в колеса, но и сама королева, случалось, устраивала публичные сцены. Однажды на костюмированном балу Хайд в маске присел рядом с Ормондом. В этот момент в зал вошла Генриетта Мария. «Что это за толстяк разговаривает с графом Ормондом?» — осведомилась она. Карл смутился, но взял себя в руки и ответил: «Это тот неприятный человек, который все время делает не то, что нужно, и постоянно досаждаст вашему величеству». Окружающие рассмеялись, и даже королева покраснела. Однако же ее приближенные продолжали досаждать Хайду, и в конце концов канцлер был вынужден раздраженно бросить: «Если бы не долг перед королем, я здесь и лишнего дня не пробыл бы».

Пытаясь положить конец непрекращающимся нападкам на Хайда, Карл прибег было к оружию юмора. Убедившись, что католики, надеявшиеся, что Хайд будет удален как противник их веры, и сторонники пресвитериан-шотландцев, называвшие его своим «открытым врагом», сомкнули ряды, Карл «необыкновенно развеселился» и публично высмеял абсурдность этого замысла. Но дело этим не закончилось. Как вспоминает Хайд, объединившиеся фракции продолжали злобно нападать на него. Был пущен совершенно идиотский слух, будто Хайд — платный агент

Кромвеля, и когда он достиг Карла, тот взорвался и заявил, что «все это... бред и посмешище», а тех, кто распространяет подобные сплетни, следовало бы примерно наказать. Карл настолько близко к сердцу принял эту историю, что выпустил специальную декларацию, в которой говорилось, что «обвинения в адрес вышеупомянутого господина канцлера — злонамеренная ложь, король высоко ценит его неизменную верность и честность, проявленные на службе у нашего отца и у нас».

Но даже после этого враги не унимались. Была предпринята последняя попытка. Теперь заговорили о том, что не случайно Хайд повсюду с раздражением говорит о праздности короля, да в таких выражениях, что это не позволяет ему занимать место рядом с другими на заседании Королевского Совета. Когда дело дошло до публичного разбирательства, пораженный Хайд готов был покинуть помещение, но Карл удержал его. Насмешки и гнев оказались бессильны положить конец ядовитым сплетням; что ж, на их место должна была прийти прямота — лучшая политика. Карл заявил, что может поверить в то, что Хайд действительно говорил приписываемые ему слова. Потому что, продолжал он, тут есть доля и его, Карла, вины, он «не находил удовольствия в занятиях делами». Скандалу это положило конец, однако печальные последствия вынужденного безделья Карла тревожили многих из его окружения. Положим, теперь Хайд был уверен, что попыткам матери обратить сына в свою веру тот успешно противостоит и что «в своих религиозных убеждениях он так же тверд, как и его отец». Однако возникали другие опасности. Двору в изгнании явно не хватало скрытности, слишком многое выходило наружу, и ответственность за это нес прежде всего сам Карл. Он еще не научился искусству умолчания, как не научился находить отдохновение в одиночестве, кото-

рое неизбежно, коль скоро речь идет о важных тайнах. Приближенные жаловались, что, «пока сам король открыто говорит обо всем, в том числе и о делах чрезвычайно секретных, другие будут следовать его примеру».

У Карла начали проявляться и иные сомнительные свойства. Помимо циничной готовности держаться мнения тех, кто хотел бы вообще освободить его от бремени раздумий, он обнаруживал все возрастающие сексуальные аппетиты, о чем уже шушукались по углам. Судя по всему, секс представлял собой для молодого, энергичного, но духовно подавленного человека не только нечто вроде отдушины, клапана, дающего выход нерастраченным физическим силам, но и возможность уйти от проблем, а также радость победы. Любовные увлечения сами по себе заставляли поверить в то, что он способен выйти из прострации, а победы дарили мгновения краткого, но благотворного забвения. Какое-то время во Франции у него была связь с Элизабет Киллигру, женой одного англо-ирландского дворянина. От этой связи родилась дочь, которую называли Шарлоттой Фитцрой — фамилия намекает на то, кто на самом деле ее незаконный отец. Весьма вероятно, что у Карла был роман со вдовой лорда Байрона Элинор. К тому же в Париже было немало возможностей и для развлечений не столь личного свойства. Например, *maison des baigneurs* — бани, где всякого (естественно, у кого есть деньги) «нежили и холили» и предоставляли ему «возможность наслаждаться всею роскошью и пороком большого города. Хозяин и персонал с одного взгляда улавливали, что вам хочется сохранить инкогнито, и все, кто вас обслуживал, прекрасно зная, кто вы такой, делали тем не менее вид, что понятия об этом не имеют, даже имя ничего им не говорит».

Хайда чрезвычайно удручало поведение Карла, ибо прежде всего оно наносило ущерб ему самому. «Нельзя отрицать, — писал он, — что король стремительно падает в глазах окружа-

ющих и восстановить его репутацию можно лишь какими-то чрезвычайными средствами. К тому же вынужден признать, что он ведет такой образ жизни, что, если не уехать из Парижа, ему конец». Но уехать — куда? О каких «чрезвычайных средствах» можно говорить, если катастрофически не хватает денег? Карлу даже пришлось заложить свою королевскую печать и орден Подвязки брата. Возвращение принца Руперта всего лишь с одним судном и крайне скудной добычей заставляло думать, что выкупить их удастся не скоро. Добытого Рупертом едва хватило на то, чтобы покрыть расходы Карла; к тому же король продал Мазарини корабельное вооружение за цену куда ниже реальной, что вызвало его яростную стычку с Рупертом.

Кардинал предложил Карлу три тысячи пистолей наличными и обещал рассчитаться полностью, как только будет установлен общий вес и стоимость оружия. Эта щедрая сделка имела в своей основе не только финансовые соображения. Дело в том, что к этому времени Мазарини уже выработал четкую позицию к кромвелевскому протекторату: она основывалась на непризнании Карла в качестве правящего суверена Англии. Отсюда — стремление кардинала как можно быстрее избавиться от нежеланного гостя. Будучи осведомлен о том, что Карл буквально погряз в долгах, он пообещал расплатиться с его французскими кредиторами, а выдача аванса за оружие служила доказательством серьезности его намерений. Чтобы еще больше подсластить пилюлю удаления из страны, Мазарини пообещал Карлу небольшой пансион из французской казны, а также аванс на ближайшие полгода. Взамен этого Карл принял на себя обязательство оставить Францию. Отъезд в Нидерланды был намечен на 10 июля 1654 года.

Осталось еще решить некоторые домашние проблемы. Внутрисемейные отношения становились все хуже. Карл

ревновал к свободе, дарованной герцогу Йоркскому, и его растущей известности воина. Продолжались и стычки с матерью. Теперь Генриетта Мария настаивала на том, чтобы Карл признал, что в прошлом допустил немало промахов и, в частности, относился к ней «не должным образом». Идти на это Карл отказывался. От души желая сохранить «доброе взаимопонимание» с матерью, Карл совершенно не собирался позволять ей командовать собою. «Точно так же я не могу обещать, что последую любому ее совету, кающемуся того, как мне следует вести дела».

Разговоры на эту тему затевались ежедневно и, как правило, разрешались «жаркой полемикой, в ходе которой Карл становился все упрямее, а королева то и дело впадала в ярость». Даже вездесущие кромвелевские соглядатаи восхищались твердостью Карла. «На вид он мягок и уступчив, — говорится в одном из донесений, — но взять над собою верх никому не позволит». Так оно и получилось, и в конце концов Генриетта Мария, не найдя общего языка с сыном, отправилась в Реймс, на коронацию своего племянника Людовика XIV. Законный же король Англии, уложив свой нехитрый багаж в «крохотный экипаж», двинулся навстречу неопределенному будущему. Жить он отныне мог лишь французским подаянием. Хайд заметил, что так низко Карл еще никогда не опускался.

Глава 8

ПУТНИК

Униженное положение изгнанника с оборванными корнями Карлу дали почувствовать сразу же. Прибыв в Комбре, находившийся в ту пору в испанском владении, королевский кортеж обнаружил городские ворота запертыми. Вокруг было

много французских солдат, горожане держались настороженно, и Карлу пришлось провести несколько часов, пока наконец его не впустили в город. Губернатор, правда, предоставил ему свой дом, но испанская знать от визитов воздерживалась, опасаясь, что это не понравится Кромвелю. Угрозу мог представлять даже король, низвергнутый с трона, и Карл проследовал в Монс. Здесь иные нетерпеливые английские роялисты пытались внушить монарху, будто недовольство в Англии настолько велико, что стоит ему вернуться в Лондон, и он немедленно взойдет на престол. Однако же Карл осмотрительно заметил, что лучше немного подождать, пусть ситуация прояснится, тогда и можно будет строить сколько-нибудь надежные планы. Он был против «отчаянных и безрассудных попыток» возвращения трона, предпочитая «спокойно отсидеться там, где его готовы принять». В поисках этой тихой гавани Карл отправился в Намур, Льеж, оттуда в Спа, где к нему присоединилась Мария.

Брат с сестрой не виделись четыре года. Один современник, свидетель этой встречи, когда у обоих выступили на глазах слезы радости, пишет, что «нежная любовь и трогательная преданность Марии Его Величеству заслуживает того, чтобы быть запечатленной на скрижалях». Одинокое положение вдовы с ребенком, которой даже не позволялось встретиться с братом на оранжистской территории, было для Марии постоянным бременем, и теперь она твердо вознамерилась сделать это свидание как можно радостнее. Едва двор, состоящий из 80 человек, осел в Спа, бразды правления взял на себя Хайд и, поскольку на сей раз у короля, в порядке исключения, оказались деньги, сразу же рассчитался со слугами и сделал все, чтобы двор удобно устроили и хорошо накормили.

Когда погода разгулялась, жизнь стала одним сплошным *fetes champetres* (праздником на открытом воздухе).

«Не проходило и дня либо ночи без балов и танцев, — пишет один наблюдатель. — Мне кажется, сам воздух здесь такой, что делает людей неутомимыми, ведь они танцуют весь день, потом отправляются ужинать, а далее — на поляну и там снова пускаются в пляс». На Карла такое времяпрепровождение воздействовало самым отрадным образом, его открытая от природы душа радовалась после долгой французской тоски. «Никто так не радуется нас, как наш король, — продолжает тот же наблюдатель, — он и впрямь выглядит великолепно, а добронравие его и открытые манеры возбуждают к нему всеобщую любовь». И даже неизбежный кромвелевский соглядатай сообщает, что двор «веселится так, словно у него за спиной три королевства». Но многое здесь было всего лишь на поверхности. Пусть Карл, человек молодой и энергичный, в какой-то степени действительно наслаждался жизнью, однако же его не отпускали тревожные мысли о младших членах семьи, особенно о братьях.

Герцог Йоркский, судя по всему, все еще находился под влиянием полковника Бэмпфилда, способствовавшего его бегству из Англии, и Карл, убежденный теперь, что этот скользкий тип к тому же еще и кромвелевский шпион, писал брату, чтобы тот не доверял ему ничего серьезного. В это письмо он вложил и записку, адресованную другому своему брату — тринадцатилетнему Генриху, герцогу Глостерскому. Этому мальчишке, всеобщему любимцу, было разрешено остаться с матерью в Париже на том, однако, условии, что он будет сохранять верность англиканству и противостоять любым возможным попыткам Генриетты Марии обратить его в другую конфессию. «Тебе следует побольше читать и прилежно заниматься, — писал Карл брату. — Каждый день надо хоть немного времени проводить со своим наставником, которому ты должен выказывать

любовь и почтение». Кое-какой эффект эти наставления имели, во всяком случае поначалу.

Когда в Спа началась эпидемия оспы, двор переехал в Экс-ла-Шапель, где брат с сестрой ходили на воды, принимали щедрые дары отцов города, посещали вечерние службы в местном соборе, заодно разглядывая там образцы древностей: Карл, например, с любопытством сравнивал свой меч с хранящимся здесь мечом Карла Великого. Все это сопровождалось соколиной охотой и балами, затягивавшимися порой до рассвета. Хотя сам Карл никогда ими особенно не злоупотреблял, о придворных его того же не скажешь, и порой увеселения заканчивались жестокими ссорами. Однажды Карл, который неизменно следил за исполнением запрета на дуэли, с трудом предотвратил поединок между Рочестером и лордом Ньюбери, а одного кромвелевского соглядатая как-то разбудил грохот ломающейся мебели — это вступили в пьяную потасовку лорд Уэнтурт и майор Босуэлл. По утрам, когда гуляки страдали от похмелья, Карл, как правило, в темном камзоле, на фоне которого выделялись белые шелковые чулки и звездообразный орден Подвязки, отправлялся в сопровождении пяти-шести дворян — из тех, что посдержаннее, — через весь город за сестрой на воды. Вид у него был вполне беспечный, однако же один из людей Кромвеля сообщал: «Несмотря на все увеселения, мне кажется, что король носит какую-то тяжесть в сердце». Так оно и было. Карл продолжал оставаться изгнанником, и когда Мария наконец засобиралась домой в Голландию, Карл решил сопровождать ее до самого Кёльна, где, в случае согласия жителей, можно будет остаться.

Королевский кортеж был встречен залпом из тридцати орудий и ружейной стрельбой. Карла с Марией поселили в красивом просторном доме с садом, принадлежащем од-

ной вдове-протестантке. У дверей им салютовали двести мушкетеров, видные граждане выступили с приветственными речами, вино лилось рекой. Затем брат с сестрой направились в иезуитский колледж, где их угостили виноградом и фруктами. За мирной трапезой Карла с Марией и застал человек Кромвеля, подсадовавший, между прочим, что ему самому ничего не досталось: к тому времени как он добрался до буфета, все уже было съедено. Хотя бургомистр Кёльна, человек, по описанию Хайда, «меланхолический и капризный», игнорировал приезд короля, горожане, напротив, выказали ему самое доброе расположение и даже заплатили долги. Тем не менее, когда Карл вернулся в Кёльн после пышной поездки в Дюссельдорф и печального, со слезами, расставания с сестрой в Ксантане, его ждали неприятности.

Столь славно проведенные летние каникулы оплачивала в основном сестра, а теперь Карлу пришлось вплотную заняться своими финансовыми делами. Они явно оставляли желать лучшего. Европейские державы платили нерегулярно, обещания императора так и остались обещаниями. Французский пансион также не отличался постоянством, к тому же Джермин без зазрения совести вычитал из него немалые суммы в качестве компенсации за услуги королю. Рочестер вновь обратился к европейским монархам и кое в чем преуспел, однако, поскольку большая часть этих денег уходила на переписку и гонимых, через которых поддерживалась связь с союзниками в Англии, Карлу пришлось значительно ужаться в расходах. Он продал своих великолепных борзых — правда, один легкомысленный роялист тут же подарил ему новую свору. Карл не мог себе позволить заказать слугам новые ливреи и даже вынужден был отказаться от дорогой муфты, без которой никак не обойтись на колючем ветру, — а ведь он любил

продолжительные прогулки по городу. Пришлось выбирать муфту подешевле. К весне следующего года король снова основательно залез в долги.

Но и в этих стесненных обстоятельствах Карл умел находить радость в жизни — охотился на зайцев, плавал в Рейне, играл в карты или на клавесине, изучал итальянский. Это отвлекало его от всяких проблем, и тем не менее они оставались. В Париже явно потерявшая рассудок мать пыталась-таки обратить в католицизм герцога Глостерского. Дело не просто в том, что она убедила себя, будто это наилучший способ достать денег для возвращения Стюартов на английский трон; подросток недавно вкусил прелестей военной службы и оказался настолько ею захвачен (а тут еще откровенная лесть со стороны французских придворных), что по возвращении в Париж «совершенно отбился от рук». Требовалось как-то приструнить его. Когда же до Карла дошли вести о попытках Генриетты Марии сделать сына католиком, он и вовсе утратил всякое самообладание.

«Если так будет продолжаться и впредь, — писал он матери, — мне придется предположить, что вы либо не верите в мое возвращение в Англию, либо не хотите его». Полное отсутствие у Генриетты Марии политического чутья не на шутку тревожило Карла. «Что бы я ни сказал и ни сделал, — продолжал он, — мои подданные-протестанты все равно не поверят, что брата перекрестили без моего согласия». Указав матери на недопустимость такого шага, Карл далее попытался сыграть на ее чувствах: «Вспомните последние слова моего покойного отца, когда он говорил, что лишит брата своего благословения, если тот когда-нибудь поменяет веру». Письмо же, адресованное самому Генриху, должно было приструнить мальчишку и оберечь его от ложных шагов, особенно опасных в его положении. «В письмах, которые доходят до меня из Парижа, — писал Карл, — говорится, что королева

вознамерилась сделать все, чтобы Вы перешли в другую веру; если Вы прислушаетесь в этом деле к ней или к кому-либо другому, ни Англии, ни меня Вам больше не видать; и если со мной что-нибудь случится, вся вина ляжет на Вас». В общем, насмерть перепуганный подросток сохранил верность и религиозным убеждениям, и брату и попросил мать больше с ним об этом не говорить. «Я никогда не изменю своей вере, — заявил он, — и умоляю ваше величество более не настаивать на своем».

На Генриетту Марию все это не произвело ровню никакого впечатления. Она успела уволить наставника Генриха и отправила мальчика в аббатство Понтуаэ, где его должны были подготовить к переходу в католицизм. Сопровождал юного герцога граф Ормонд, и за этим путешествием пристально следила вся Европа. В протекторате чрезвычайно радовались такому унижительному для короля повороту событий. Мария Оранская, хорошо знавшая упрямый характер своей матери, не сомневалась, что та добьется своего. Французские католики искренне потешались над происходящим, замечая, что они в восторге от «всего этого безумного замысла». Тем временем семейная свара продолжалась. Как-то, получив от матери очередную порцию наставлений и оставшись в одиночестве, чтобы обдумать ее слова, Генрих вдруг понял, что лучше уступить брату. Генриетта Мария впала в истерику, едва не отреклась от сына — во всяком случае, велела ему оставить ее дом — и громогласно заявила, что видеть его больше не желает.

На следующее утро заплаканный, но твердый в своей решимости Генрих попросил, чтобы ему разрешили попрощаться с матерью. Он хотел стать перед ней на колени, когда она направлялась к мессе, но Генриетта Мария, не обращая на него внимания, стремительно прошла мимо, и маль-

чику пришлось вернуться к себе. Постель его была разобрана, лошади уже ждали во дворе, и никто не позаботился приготовить ему в дорогу еды. Даже маленькой Генриетте Анне запретили с ним поговорить на прощание, и, когда королева окончательно отказалась принять сына перед отъездом, Ормонд продал свой орден Подвязки, усыпанный бриллиантами, и повез мальчика в Антверпен. Католическая Европа ухмылялась. Венецианский посол в Париже в своем отчете сенату злорадно писал, что «монархам дома Стюартов, изгнанным из всех королевств этого мира, придется теперь смириться с изгнанием из небесного царства». Генриетта Мария же, верная своему жестокому слову, так больше и не увидела младшего сына.

История с герцогом Глостерским докатилась и до Кёльна с его по преимуществу католическим населением, однако Карлу она ничуть не повредила, и когда кризис миновал, он вновь обратился к английской сцене. Даже с введением протектората в стране не восторжествовали ни благочиние, ни покой. В парламент были возвращены некоторые известные роялисты, но в то же время радикалы, сторонники монархии, полагая, что Англия ни на йоту не приблизилась к Новому Иерусалиму, свирепо нападали на протекторат и называли Кромвеля воином антихриста. Страну раздирали религиозные распри, чему еще больше способствовало возникновение крайне радикальной секты. Этим были перепуганы буквально все, ибо, как вполне могло показаться, члены Общества друзей — так называемые квакеры — замахнулись ни больше ни меньше на само правительство в любой форме и на закон, точнее, на все законы.

Стремительный рост квакерского движения среди ремесленников английского севера привел к образованию евангелических миссий в Лондоне и на юге, которые, в свою очередь, обрели такую популярность, что ко второй поло-

вине 1650-х годов квакерство приняло общенациональный масштаб. В нем, надо признать, было многое, и прежде всего — искренняя и глубокая духовность, что могло привлечь людей. Утверждая, что Бог живет в душе каждого, квакеры, по существу, провозглашали демократическую революцию духа, революцию, которая быстро приобрела откровенно социальный оттенок. В век, когда сложный ритуал взаимных приветствий отражал иерархические установления в обществе, отказ квакеров приподнимать шляпу при встрече не мог восприниматься просто как забавная причуда. Это был отказ различать более высокий и более низкий социальный статус; он вполне мог рассматриваться как вызов дворянству наряду с манерой обращения на ты к любому, независимо от его положения в обществе.

Дело дошло до абсурда, когда в 1656 году лидер квакеров Джеймс Нейлер, явно воспроизводя знаменитый евангельский эпизод, проехал через весь Бристоль на осле. Власти были не на шутку обеспокоены. Нейлера арестовали и препроводили в Лондон, где привязали к позорному столбу, били кнутом, заклеямили и лишили языка. Сделано это было по настоянию тех членов парламента, которые, стремясь положить конец либеральной политике Кромвеля по отношению к конфессиональным меньшинствам, решили придать делу Нейлера показательный характер. «Разберитесь с этим малым, — призывал один из них, — и вы положите конец всей секте». Жизнь Нейлеру сохранили, однако уже на следующий год Англия вернулась к прежнему законодательству, согласно которому на тех, кто не ходит по воскресеньям в церковь, налагался крупный штраф. Чем дальше, тем больше казалось, что в обстановке нарастающего хаоса единственный для Англии выход — возвращение к старым формам, старым традициям. Идея Нового

Иерусалима отступала перед соблазном обыкновенной жизни с ее уверенностью в завтрашнем дне.

Немалые проблемы создавали и небольшие отряды правоверных роялистов. Связь с ними короля Карла, а еще больше его явная склонность прислушиваться к любому из них, кроме откровенных нейтралов, была чревата катастрофой. Ситуация и без того оставалась нелегкой из-за трудностей сообщения и внутреннего раскола роялистов. На протяжении лета 1654 года «Затянутый узел» организовал два жалких выступления, которые были тут же подавлены. Теперь отколовшееся от «Затянутого узла» объединение, которое Карл и его приближенные называли «Новым Советом», или «Группой воздействия», задумало на ближайшую весну более мощное восстание. Карл этих людей поддерживал, однако по-прежнему считал военной опорой роялизма в Англии «Затянутый узел». Ситуация усугублялась еще и тем, что члены «Группы воздействия» откровенно презирали людей из «узла» за их чрезмерную осторожность, а те не хотели иметь дела с «деятелями» как безумцами, предающимися опасным иллюзиям.

В этой вконец запутанной ситуации «Новый Совет» намеревался выступить независимо от участников «узла», которые готовы были бунтовать лишь по прямому указанию Карла. Ясно, что без их содействия рассчитывать на успех было трудно, Карл же не мог, с одной стороны, приказывать, игнорируя тщательно взвешенную оценку старых союзников, а с другой — удерживать от наступательных действий новых. В конце концов он все же решился дать им сигнал к выступлению, но не успел даже послать Рочестера, чтобы его возглавить, как появился гонец от «Затянутого узла» с сообщением, что большинство руководителей «Нового Совета» арестованы и выступление надо остановить. И вновь Карл проявил нерешительность. Он послал

в Лондон представителя, наказав ему добиться согласия среди союзников, а сам тайно отправился в заснеженную, скованную холодом Зеландию (одну из провинций Нидерландов), чтобы, как только придет сообщение о достигнутом успехе, проследовать в Англию.

Все это кончилось катастрофой. До Карла дошли совершенно неправдоподобные слухи, будто взбунтовался Йоркшир, а вслед за ним поднялись городки, расположенные между Эксетером и Ньюкаслем, что Ферфакс принес ему присягу на верность и, самое смешное, будто Оливер Кромвель мертв. На самом деле небольшие выступления, которые сразу же были подавлены, состоялись только в Лестершире, Стаффордшире и на севере. На западе некий полковник Джон Пенруддок вошел в Солсбери, но не добился ни малейшего успеха, а двенадцать человек стали в казнь другим жертвами публичной казни.

После всего этого в Англии было введено военное положение. Страну разделили на одиннадцать округов: во главе каждого стоял генерал-губернатор, долженствующий представлять собою образец богоугодного поведения и решительно бороться с пьянством, богохульством, театральными зрелищами и так далее. Убедившись на примере Пенруддока, что его политика примирения с противниками была ошибочной, Кромвель вновь попытался восстановить правление «святых». Он заявил, что те, кто попытается выступить против протектората, а также открытые сторонники Карла будут либо брошены в тюрьму, либо отправлены в ссылку. Это был самый непопулярный из политических шагов Кромвеля. Раздулась, чего можно было ожидать, гражданская полиция, что совершенно не нравилось людям; «децимация», которой оказались подвергнуты роялисты и их сторонники, вместо лекарства от ран оказа-

лась солью на те же самые раны, а генерал-губернаторов с их неясными полномочиями просто презирали.

В придачу ко всем переживаниям в Кёльне появилась Люси Уолтер с сыном — и без гроша в кармане. 11 января 1655 года Карл подписал указ, согласно которому ей назначалась ежегодная пенсия в размере 415 фунтов, которую она должна была получать в Антверпене — как можно дальше от двора. Четыре месяца спустя Карл получил от сестры письмо, в котором говорилось, что Люси, осевшая к этому времени в Гааге, подумывает о замужестве. Карл немедленно отправил к ней лорда Таффе с наказом, во-первых, сообщить, что вышлет деньги при первой же возможности, а во-вторых, попросить ее быть поменьше на виду, ибо пребывание бывшей любовницы короля в голландской столице наносит ущерб его репутации.

Вся эта история не на шутку беспокоила Карла, во всяком случае, в начале 1656 года он почувствовал потребность привлечь Дэниэла О'Нила, известного среди друзей под прозвищем «Хитроумный искусник», в качестве тайного агента; ему вменялось изучить ситуацию и решить, следует ли королю забрать ребенка. Картина О'Нилу открылась весьма неприглядная. «Любой ее шаг, даже самый незначительный, — писал он королю, — связан с именем Вашего Величества». Роман Люси с женатым Томасом Ховардом (двойным агентом Кромвеля) настолько шокировал добропорядочных гаагских бюргеров, что оранжистам не терпелось избавиться от этой женщины. Ко всему прочему Люси шантажировала ее собственная служанка, угрожая не только сделать связь с Ховардом достоянием самой широкой публики, но и раскрыть тайну двух ее аборт. О'Нил не готов был поручиться, что этот последний слух соответствует действительности, однако он был поистине потрясен, когда загнанная в угол Люси предложила ему

решить проблему служанки, забив той во сне иглу в висок. Осуществление этого дикого замысла О'Нил предотвратил, но когда Люси напомнила ему, что король обещал ей прислать денег, он написал Карлу, умоляя его ни в коем случае не делать этого, ибо дама просто пустит их на ветер, а потом потребует еще. О'Нил также советовал Карлу, если он решил признать юного Якова своим законным сыном, как можно скорее забрать его у матери. Ребенок живет в явно неподобающей обстановке, его воспитанием никто не занимается. «Где бы он ни находился, от материнских шуток ему не уйти, — писал О'Нил. — Достоинно великого сожаления, что такой славный ребенок оказался в руках женщины, которая даже не удосужилась научить его читать и считать, хотя развит он не по годам и учиться хочет».

Все эти личные драмы разыгрывались на фоне растущей нищеты. Королевский пансион по-прежнему выплачивался нерегулярно, Хайд писал о неоплаченных долгах, порой обеды приходилось ограничивать одним блюдом, а как-то раз король десять дней подряд не мог позволить себе мяса. Окружению Карла жилось еще хуже, и, естественно, он тяжело переживал это. «Мое молчание не должно вас удивлять, — писал Карл престарелой леди Норвич, — мне тоскливо и холодно, нет денег, нет одежды, вообще ничего нет, единственный мой камзол не то чтобы вполне сгорел, но сильно подпалился, и пришлось его подрезать». Даже у кромвелевских соглядатаев проснулось нечто вроде сочувствия к Карлу и его окружению. «Как они только выживают, лишь Богу известно, — писал один из них. — Мне бы точно не удалось!» Мелкие неприятности только усугубляли ситуацию. Как-то король отправил письмо Энтони Эшли Куперу, сыгравшему впоследствии большую и весьма неоднозначную роль в его судьбе. В письме Карл писал между прочим, что его блестящий корреспондент легко

поймет, «насколько все будет пребывать в подвешенном состоянии», пока он не вернет себе «принадлежащее по праву, а это в свою очередь подарит стране мир». Но маленький и слабый Купер, чей тонкий ум был подобен флюгеру, как раз в этот момент поставил на Кромвеля и даже не откликнулся на письмо Карла. Будущее явно следовало искать где-то в другом месте.

Беды Карла только усугублялись переменами в международном положении. На протяжении ряда лет английское правительство отказывалось открыто вмешиваться в войну между Францией и Испанией. Обе стороны рассматривали кромвелевскую Англию как сильного и полезного союзника, и в 1655 году Кромвель решил определить свою позицию. Отказавшись в тот момент подписывать с Францией какое-либо официальное соглашение, он отправил свои мощно вооруженные суда в Вест-Индию, где они захватили испанскую Ямайку. Английский двор в изгнании решил, что перед ним открываются блестящие перспективы. К испанцам были найдены подходы, но из уклончивых ответных шагов стало ясно, что ничего реального ожидать не приходится, по крайней мере в ближайшее время. Так или иначе, отказ Кромвеля отдать испанцам Ямайку побудил французов к действиям. Мазарини отправил в Лондон посла для проведения переговоров об англо-французском договоре о дружбе. Согласно одной из статей договора Генриетта Мария, как представительница Французского королевского дома, может оставаться во Франции, однако же ее старший сын убежища там не получит никогда. Таким образом, не имея более доступа во Францию и Голландию, Карл по всем признакам потерял свои важнейшие стратегические позиции — порты на берегу Ла-Манша, откуда можно отправлять морские десанты в Англию.

В распоряжении короля оставались лишь прибрежные городки в Испанских Нидерландах (ныне — территория Бельгии), и многие из приближенных, включая никогда не унывающего ирландского иезуита Питера Тэлбота, настаивали, чтобы он съездил в Брюссель. Помимо того, рассуждал Тэлбот, тайный переход в католичество обеспечит Карлу договор с Испанией на любых условиях. Этот совет Карл благоразумно пропустил мимо ушей и, напротив, стал тщательно готовиться к визиту: он хотел, чтобы высокомерные испанцы оценили подлинное достоинство англичан и их дела. В Брюссель Карл отправил Ормонда, который должен был задать переговорам должный уровень, но дни перетекали в недели, не принося сколько-нибудь заметного прогресса, пока наконец король испанский, выяснив, что Кромвель снаряжает еще один мощный флот, не назначил нидерландского вице-короля своим представителем в Брюсселе. Испанцы поставили условием, чтобы Карл приехал туда один, надеясь, что молодой король, будучи в безвыходном положении и к тому же без советников, станет удобной игрушкой в их руках. Естественно, Карл и сам хотел произвести на испанцев впечатление. Он попросил Ормонда достать ему Новый Завет на испанском, чтобы хоть несколько слов сказать на их языке. Зная также строгость испанского этикета, Карл выражал в письме Хайду сожаление, что лишен возможности пользоваться его руководством в выборе правильных манер общения.

Отдавая себе в отчет во всех трудностях, Карл отправился в Брюссель переодетым, однако, когда его присутствие обнаружилось, вынужден был остановиться в какой-то деревушке неподалеку от города. Работа над договором заняла три недели и показала, что опыт, полученный в общении с шотландцами, не прошел даром: король приобщился к тонкостям международной дипломатии. Ни унизи-

тельных уступок, ни безвольного согласия с невыполнимыми требованиями на сей раз не было. После воцарения на троне Карл обязывался вернуть испанцам Ямайку. Он обещал также приложить все усилия, чтобы предотвратить пиратские действия английских судов у берегов Южной Америки. Кроме того, Карл согласился приостановить санкции против английских католиков и предоставить испанцам корабли для войны с Португалией. Взамен испанцы полностью оплачивали услуги шести тысяч солдат, которые составят костяк сил, долженствующих вернуть короля на престол. Солдаты начнут действовать, как только сторонники Карла захватят в Англии какой-нибудь береговой плацдарм.

Казалось, годам изгнания приходит конец, но тут выяснилось, что остались некоторые недоразумения. Испанцы рассчитывали, что Карл, завершив переговоры, вернется в Кёльн, где и воодушевит роялистов на штурм какого-нибудь английского порта. Однако в намерения короля это совершенно не входило. Он слишком хорошо понимал, с какими трудностями и расходами сопряжена подготовка такого предприятия. Напротив, Карл, стремясь выжать из ситуации все возможное, оставался в Брюсселе до последнего, пока наконец его настойчиво не попросили перебраться вместе с двором в Брюгге, где испанцы готовы были платить ему три тысячи экю в месяц. Естественно, французское содержание к тому времени давно уже кончилось, и в Кёльне в качестве залога невозвращенных ссуд остались лишь сервизы и белье. Увы! Брюгге, городок, конечно, славный, оказался всего лишь тихой заводью, и именно здесь, разгуливая по набережным узких каналов и слушая неумолчный звон колоколов, Карл почувствовал, сколь стремительно идут прахом лучшие его надежды.

Остановившись поначалу у Томаса Престопа, ирландского роялиста, Карл затем переехал в уютный дом на р. От. Пребывая здесь, он мог заниматься теми важными и мелкими делами, которые выпадали монархам в изгнании: например, посещать заседания английского конвента или выполнять необременительные обязанности патрона лучников гильдий Св. Георгия и Св. Себастьяна. По пятам за ним следовали неизбежные кромвелевские соглядатаи, посылавшие в Англию явно приукрашенные отчеты о разгульной жизни роялистов. Брюгге якобы — «гнездо разврата и пьянства». Быть может, впрочем, некоторые из придворных короля действительно были не без греха, однако же сам он, погруженный в меланхолию и тоску по неосуществленным планам, мирно жил со своей новой любовницей, симпатичной Кэтрин Пегге. От нее у него родились дочь, умершая в младенчестве, и сын, бесхитростно названный Карлом Фитцкарлом. Была у Карла и дочь (Шарлотта Фитцрой) от Элизабет Киллигру, и еще он, похоже, ухаживал за Генриеттой Екатериной Оранской, юной дамой независимого склада, — в этом романе искреннее увлечение сочеталось с политикой. Карлу теперь нравились женщины с сильным характером, и, делая принцессе скромные, какие только мог себе позволить, подарки — перчатки из Парижа, например, — он самодовольно писал Таффе, что «таких женщин» у него еще не было.

О Люси Уолтер Карл того же не сказал бы. Угнетенная тяготами повседневного существования, взбалмошная по природе, она все больше деградировала морально и физически. Превратив и собственную жизнь и жизнь окружающих в Гааге в сущий кошмар, Люси вместе с детьми решила вернуться в Англию. Тут ее немедленно схватили агенты Кромвеля: как «жена или любовница» короля она представляла немалую ценность. Люси продержали в тюрьме

две недели и допросили с пристрастием, после чего Кромвель решил, что с политической точки зрения целесообразнее всего будет ее отпустить; надо только придать этому акту публичный характер, так, чтобы люди говорили о щедрости души протектора. Насмешливо обозвав Карла ханжой и королем-благотворителем, проматывающим деньги на таких женщин, как эта, он распорядился освободить «даму для королевских радостей и юного наследника» и отослать обоих во Фландрию. В следующем месяце Люси уже была в Брюсселе.

Раздраженный и обеспокоенный, король твердо решил отобрать у Люси сына и, поселив ее с Яковом в доме одного из своих приверженцев, сэра Артура Слингсби, велел тому «по возможности без шума отобрать ребенка у матери». Но Слингсби оказался не тем человеком, которому можно было доверить такую миссию. Люси не смогла заплатить за проживание, и Слингсби попытался было взять ее под стражу. Прижимая маленького Якова к груди, Люси с громкими рыданиями выбежала на улицу. Прохожие сразу же встали на сторону несчастной матери, а Слингсби только усугубил положение, заявив во всеуслышание, что действует от имени английского короля. Это вызвало такое волнение в городе, что вынужден был вмешаться сам мэр, и Карлу, которому в тот момент меньше всего нужны были дипломатические скандалы, не оставалось ничего другого, кроме как согласиться с переселением своей прежней возлюбленной в дом лорда Кастрлхэвена.

Используя в качестве посредника графа Ормонда с его неизменно внушительными манерами, Карл попытался объяснить мэру сложившуюся ситуацию. В письме ему граф, ссылаясь на «чудовищное и неприличное поведение» Люси, писал, что присутствие ее сделалось совершенно невыносимым для короля и его приближенных. Лучше всего

ей как-нибудь незаметно исчезнуть, намекал Ормонд, выдерживая тон оскорбленного достоинства, отличающий все письмо. «Таким образом Вы не просто обяжете короля; это будет великим благодеянием для ребенка, а в конечном итоге и для его матери, — быть может, она сменит наконец образ жизни, который навлекает на нее справедливые упреки окружающих». Если же Люси откажется, то последствия будут самыми печальными. «В таком случае, — продолжал Ормонд, явно рассчитывая, что эти слова дойдут до Люси, — к ее прежним безумиям добавится еще одно, на сей раз касающееся невинного ребенка, так как он вынужден будет из-за ее упрямства разделить все беды, которые неизбежно свалятся на мать, когда Его Величество лишит обоих своего попечения». Те же, кто в таких обстоятельствах станет на сторону Люси, нанесут королю «ущерб» и выкажут таким образом свое «явное неповиновение».

Столкнувшись с такого рода шантажом, Люси решилась на крайнюю меру. Она пригрозила обнародовать письма Карла. Сообразительный, как всегда, О'Нил предложил, чтобы Слингсби как-нибудь завладел ими, да поживее; Карл же тем временем отправил в Брюссель гонца, некоего Эдварда Проджерса, с наказом под каким-нибудь благовидным предлогом увести ребенка. Люси отлично понимала, какие тучи сгустились у нее над головой. Когда Проджерс попытался увести Якова, она закатила настоящую сцену, и все же сопротивление ее было безнадежно. В конце концов, больная и измученная, Люси вынуждена была уступить. Ребенок оказался у Карла, который сразу же отдал его на попечение Крофтса из Литтл-Сэксема, недавно возведенного в баронское достоинство. Так мальчик стал Яковом Крофтсом. Компенсируя недостатки образования, опекун отправил его в Париж, где тот поступил в янсенистскую школу Порт-Рояля. Последовала за ним в последнем

приступе отчаяния и Люси; в Париже под самый конец 1658 года она умерла, как пишут, «от дурной болезни». Но наследство оставила — в лице славного мальчугана, которому предстояло стать для отца настоящей головной болью.

Занимаясь малоприятными личными делами, Карл параллельно пытался склонить представителей короля Филиппа в Испанских Нидерландах — его незаконнорожденного сына Хуана Хосе, исключительно ловкого дипломата дона Алонсо де Карденаса и первоклассного юного военачальника маркиза Карацену — к выполнению обязательств, которые вообще-то по договору с Испанией обязательствами и не являлись. Скорее это были радужные ожидания самого Карла. Так, он хотел, чтобы морские порты Испанских Нидерландов были открыты для судов, капитаны которых признают его полномочия, ибо таким образом появлялась возможность раздобыть деньги каперским промыслом, а затем использовать их для подготовки десанта. Карлу также не терпелось сформировать наземные силы вторжения, и он всячески пытался убедить испанцев предоставить для этого финансы. Наконец, он настаивал, чтобы задача вторжения в Англию стала для Испании приоритетом номер один и, стало быть, к ее выполнению хорошо бы приступить даже до того, как появится морской плацдарм на английских берегах.

Но на испанцев юношеский напор Карла не производил сколько-нибудь заметного впечатления. То, что было главным для него, для них оставалось второстепенным; к тому же испанцам совсем не хотелось выглядеть слишком активными сторонниками Стюартов, ибо впоследствии это могло затруднить мирные переговоры с Кромвелем. Помимо политических, существовали еще и экономические аргументы. Испанская казна была едва ли не пуста; в то же

время, пока король Филипп вынужден был довольствоваться мясом второй свежести, огромные средства уходили на содержание вооруженных сил, разбросанных по многочисленным фронтам, а тут еще кромвелевская флотилия разгромила испанские суда, доставлявшие из Южной Америки столь необходимое стране золото. Словом, в полной мере ожиданиям Карла сбыться было не суждено, а когда он все же начал формировать армию, военные события в мире сделали перспективы найма испанских солдат еще туманнее. Великолепная операция, осуществленная Хуаном Хосе и Караценой, завершилась разгромом французской армии; таким образом, потребность Испанских Нидерландов в столь значительных силах отпала, и часть из них была переправлена ближе к дому, на португальский фронт. В распоряжении союзников Карла осталось совсем немного солдат: казалось, он терпит поражение по всем направлениям.

Но разочарования только укрепили решимость Карла. Как никогда раньше, он ощущал необходимость формирования собственных сил, и самым надежным их источником ему представлялась группа роялистов, сражавшихся в качестве наемников во французских войсках. Был среди них и герцог Йоркский. Получив приказ прибыть к королю в Брюгге, он неохотно, но подчинился и привел с собой сто человек. Несколько сотен прислали и ирландцы, к ним добавились роялисты из Шотландии и Англии, так что к марту 1656 года в распоряжении Карла оказалось около 2500 солдат. Во главе их встал герцог Йоркский, получивший звание генерал-лейтенанта, и в плане снабжения командование столь значительным отрядом, расквартированным в иностранном государстве, оказалось чистым кошмаром. Трудности возникали одна за другой. Хайд злорадливо ворчал по поводу бездарности испанцев, английские же

офицеры завышали количество солдат, находившихся под их командой, а лишние деньги просто прикарманивали. Местный люд с ужасом взирал на поведение и вид английского королевского воинства, особенно на шотландцев и ирландцев, которые казались им настоящими варварами. Последних обвиняли в разграблении одной из близлежащих церквей; под такими обвинениями охотно подписывались кромвелевские соглядатаи. «Нет в Европе армии, — доносил один из них, — в которой было бы столько же мародеров, сколько среди этих небольших отрядов, собравшихся под знамена короля».

Поначалу Карл намеревался высадить свое разношерстное воинство в Шотландии. При этом он преследовал двойную цель: отвлечь силы Кромвеля от юго-востока, где в этом случае появится возможность высадить десант, и подтолкнуть к выступлению самих шотландцев. Хуан Хосе, однако же, выступил против этого плана; к тому же разведка доносила, что в Шотландии не наблюдается никакого энтузиазма по поводу восстания. Карденас предложил убрать Кромвеля, но когда в Испанских Нидерландах появился некий деятель по имени Сексби и вызвался это сделать, выяснилось, что этот человек вызывает всеобщее отвращение, и Карл отказался иметь с ним что-либо общее. Ситуация становилась все безрадостнее, и Карлу, чтобы сохранить лицо в глазах испанцев, приходилось блефовать и всячески вилять.

Это были действия человека, оказавшегося в тупике. Карл способствовал распространению слухов, будто на самом деле разрозненные, павшие духом отряды роялистского подполья представляют собой хорошо организованную силу и что восстание несомненно начнется еще до наступления Рождества 1656 года. Испанцы поверили, начали присылать подкрепления, но Рождество наступило,

ничего не случилось, и Карлу пришлось оправдывать свое бездействие тем, что сами же испанцы предоставили в его распоряжение слишком мало людей, чтобы можно было рассчитывать на успех. Сделав такое заявление, Карл обратился к испанцам с просьбой немедленно ссудить его некоторой суммой денег, что позволит — уж на сей-то раз точно — начать выступление еще до окончания зимы. Но к этому времени казна Филиппа настолько истощилась, что его представителям оставалось лишь вести бесконечные разговоры с советниками Карла, которые продолжали надеяться, что деньги из Испании вот-вот появятся. Однако когда это произошло, выяснилось, что сумма слишком мала, и Карл послал Хуану Хосе негодующее письмо, в котором вновь обрушился на него с обвинениями в провале всех планов вторжения в Англию и выдвинул предложение предпринять очередную попытку в ноябре. Сам Карл все это время оставался в Брюсселе, пытаясь координировать приготовления к войне, но, когда понял, что некоторые из участников «Затянутого узла» — двойные агенты, ему пришлось в очередной раз оговариваться по поводу возможного успеха зимнего наступления.

В это же время серьезные перемены происходили и в самой Англии. В начале 1657 года парламент принял обращение к Кромвелю, за которым последовали Смиренная Петиция и Просьба сделать пост протектора наследственным; таким образом, Кромвель фактически становился королем. К этой идее парламентариев подтолкнули важные и разнообразные факторы. Дело было не только в том, что здоровье лорда-протектора внушало опасения, и не в том, что раскрывались один за другим заговоры против его жизни. Просто людям надоели военный режим, попытки строительства в Англии Нового Иерусалима и бесконечные разговоры о необходимости конституционных реформ. В

то время как большинство населения, которому было наплевать на политику, просто тосковало по мирной жизни, ведущие парламентарии-интеллектуалы проводили мысль, что такая жизнь возможна лишь при традиционном монархическом правлении. Даже изгнанник Хайд признавал разумность такой позиции. Сам институт монархии — вот что, по его мнению, было близко людям, именно институт, а не личность. Кромвель, чьи позиции были сильны дома и несокрушимы за рубежом, казался кандидатурой, одновременно естественной и идеальной. Единственный вопрос заключался в том, примет ли он сам королевский сан. В конце концов Кромвель отверг монарший титул по форме, назвав его «кричащим пером в колпаке власти», но принял по существу, полагая, что в противном случае будет иметь дело с непокорным парламентом, который может отказать ему в деньгах и солдатах, нужных для защиты страны от вторжения сил короля Карла.

Однако такая акция представлялась весьма сомнительной. Хронический недостаток средств и суровость минувшей зимы сильно подорвали боевой дух роялистов. Рочестер умер. Бэкингом же — сам Бэкингом — отошел от дела, которое, по-видимому, считал теперь безнадежным, бросил друга детства и вернулся в Англию, где женился на наследнице генерала Ферфакса. Тем временем изгнанник король не мог наскрести денег даже на мало-мальски сносную жизнь. «Кусок мяса, глоток вина, дрова, свечи, — вспоминает Хайд, — вышло все, а одолжить денег даже на неделю, не говоря уже о более продолжительном сроке, совсем не просто». Похоже, только провидение могло спасти проигранное роялистское дело. Летом 1658 года объединенные силы французов и англичан разбили испанцев в сражении на Дюнах. Дюнкерк отошел к Англии, а Карл, пребывая в глубоко расстроенных чувствах, перебрался в Хугстратен,

поближе к голландской границе. Именно здесь 10 сентября 1658 года нашел его играющим в теннис сэр Стивен Фокс. Он прибыл с совершенно потрясающей вестью: неделю назад, в годовщину победоносной битвы при Уорчестере, Оливер Кромвель скончался.

Глава 9

«КОРОЛЬ! КОРОЛЬ!»

Кромвелю отдали поистине королевские посмертные почести. Полуосвященная комната в Сомерсет-Хаусе с маской усопшего, убранная тяжелым черным бархатом, была открыта для публики, и мимо нее бесконечной вереницей шли любопытствующие. По прошествии двух месяцев черное убранство было заменено темно-красным, а к восковой маске, перед тем как поднять ее на катафалк, освещаемый колеблющимся пламенем пятисот свечей, добавили скипетр и корону. 23 ноября 1658 года траурная процессия проследовала к Вестминстерскому аббатству. Ее, на средневековый манер, сопровождали плакальщики в опущенных капюшонах, лошади в черных пополах, приспущенные знамена. Раздавался погребальный бой военных барабанов. Поэт Эндрю Марвелл писал, что рыдающие люди слепо, подобно призракам, проходили мимо усыпальницы протектора. Но говоря по правде, много было и тех, кто реагировал на смерть властителя совершенно иначе. Джон Эвелин иронически отмечал, что выли только собаки. Щит с изображением герба Кромвеля забрасывали грязью, а кое-кто ожидал «наступления счастливых деньков».

Но эти деньки задерживались. До возвращения Карла на трон оставалось еще 19 месяцев, и ситуация в Англии почти все это время была крайне неопределенной. Есте-

ственно, Карл, прошедший уже школу вражды и злословия, не кинулся в Англию очертя голову в надежде, что народ встретит его возгласами приветствия и откроет объятия после долгой ночи пуританизма. Нет, в своих притязаниях он опирался на более прочную почву. Хороший брак — вот что ему было нужно. Карл возобновил пассы в сторону принцессы Генриетты Екатерины Оранской. Через непреступную мамашу он послал ей любовное письмо, в котором впервые с полной ясностью дал понять, что желает вступить на престол прежде всего с помощью голландцев. Далее он осведомлялся, готова ли принцесса принять его предложение и как это предложение лучше оформить. Прочитав письмо, принцесса едва не упала в обморок, во всяком случае, ее пришлось положить на постель, но, как бы ни был искренен ее интерес к Карлу, политика оказалась выше женского чувства.

На следующий день после смерти отца Ричард Кромвель был официально провозглашен лордом-протектором, а к концу сентября 1659 года небольшому королевскому двору в изгнании стало известно, что англичане в массе своей ничего не имеют против. Генерал Монк «радостно провозгласил» Ричарда новым протектором Шотландии, европейские же властители явно намеревались поддерживать с Англией прежние отношения. Это были печальные новости, и, отмечает Хайд, «никогда еще король не выглядел таким угрюмым и подавленным». Но поддаваться отчаянию он не собирался. К матери Екатерины Оранской был отправлен Ормонд с официальным предложением брака. Оно было вежливо отвергнуто, и, стало быть, незадачливому претенденту предстояло в одиночестве влачить самые тяжкие дни своего изгнания.

Как бы ни радовала роялистов смерть Кромвеля, из Англии приходили вести, свидетельствующие о том, что

жизнь в стране течет спокойно и налаженно. Авторитет кромвелевской семьи выглядел непоколебимым, а мир, воцарившийся в Англии, не давал никаких оснований надеяться на бунт. Карл же тем временем впал в полную нищету. Испанцы не платили денег уже четыре месяца, и совершенно обносившийся, не знающий, что и делать, король был вынужден продать столовое серебро и есть из обыкновенной миски. Было заметно, как он похудел и стал раздражительным. «Куда пропало все его добродушие», вздыхает один придворный. Но от таких сочувствующих ему становилось еще хуже. В то время как сам Карл переносил нужду стоически, его разочаровавшиеся во всем приверженцы утратили всякий самоконтроль. Однажды на теннисном корте разыгралось настоящее побоище, и обезумевших от злобы пьяных придворных удалось разнять только благодаря вмешательству герцогов Йоркского и Глостерского. Этот эпизод настолько встревожил их, что о нем было доложено королю, который в тот же день призвал к себе буянов. Но что он мог сделать, даже когда узнал все отталкивающие подробности неприглядной сцены? Только посадить эту публику под домашний арест и лишить еды; ведь капризных мальчишек любят во всем мире. Наутро ссору замяли, все необходимые извинения принесли, но, по словам одного из приближенных короля, «если все пойдет так и дальше, нам конец».

Как уже нередко случалось, поворот в жизни Карла произошел как бы помимо него самого — благодаря стечению обстоятельств и усилиям других людей. Хотя английский народ признал Ричарда Кромвеля своим протектором спокойно, под поверхностью, на глубине национальной жизни уже начиналось волнение. Армии нужна была сильная политическая власть; кроме того, военные требовали от Ричарда укрепления в войсках высокого религиозного духа

путем подбора богобоязненных офицеров, которые будут ревниво следить за исправлением нравов и защищать мирные религиозные меньшинства. Участвовавшие в армии молитвенные сходы свидетельствовали о сильном недовольстве, и ситуация выправилась только после того, как Ричард созвал большое армейское собрание, на котором выразил согласие с общими устремлениями и отказался от множества властных прерогатив в военной жизни, за исключением важнейшей — назначения на высшие должности. На трудности подобного рода накладывалась так и не разрешенная проблема государственного долга. При всех победах кромвелевского флота в противостоянии с голландцами война в народе была крайне непопулярна и попросту разорительна. Испанские каперы подрывали британскую торговлю, а самому флоту не удавалось себя прокормить. Несмотря на высокие налоговые ставки, денег государству чувствительно не хватало, и в результате армейцам то и дело задерживали выплаты. Подсчеты показали, что внутренний государственный долг составляет более двух миллионов фунтов, а денег в казне фактически нет. Единственный выход — созвать сессию парламента, который еще больше увеличит налоги.

Узнав об истинном состоянии финансов, парламентарии пришли в ужас. Высшие армейские чины требовали роспуска законодательного собрания и, получив отказ, ответили демонстрациями в окрестностях Лондона. Ричард остался всего с двумя сотнями армейцев против нескольких тысяч, собравшихся в Сент-Джеймском дворце. Поражение его было очевидно, и когда солдаты начали грабить винные погреба в Уайтхолле, ему пришлось согласиться на роспуск парламента. Закаленный в боях протектор стремительно превращался в «Беднягу Дика»; под давлением армии парламента проголосовал за уплату всех его долгов

и предоставление ему пенсии — в обмен на отказ от участия в общественной жизни и мирное уединение. Эксперимент под названием «протекторат» закончился, однако страна была настолько возбуждена, что многие опасались вспышек насилия.

У двора в изгнании мог возникнуть сильный соблазн использовать это положение, однако Хайд призывал к величайшей осторожности и выражал надежду, что король «не даст себя спровоцировать на какие-либо резкие действия». Он считал, что существующий в Англии режим падет сам по себе, и призывал Карла и его приближенных к мудрому выжиданию. К тому же, по его мнению, у короля мог вот-вот появиться могучий, хотя, быть может, и невольный союзник. Выказывая незаурядную проницательность, Хайд и близкие ему люди все пристальнее поглядывали на генерала Монка, командующего военными силами протектората в Шотландии. Вот он действительно может способствовать Реставрации. Во всяком случае, общее мнение сводилось к тому, что генерал «не против этого — ни в принципиальном, ни в личном плане». Чрезвычайно важно и то, что он «командует абсолютно самовластно армией, превосходящей английскую». С таким человеком следовало обращаться с величайшей осмотрительностью. Монк был «замкнутый мужчина, чрезвычайно высокого мнения о себе, полагающий, судя по всему, что знания и авторитет в армии позволяют ему рассчитывать на титул пэра и место протектора». Критически важным представлялось удержать его от самостоятельных действий. Используя самые тонкие подходы, следовало «убедить его, дав надежные гарантии в том, что союз с королем соответствует его собственным интересам — интересам чести и положения, не говоря уже о материальных выгодах и уверенности в будущем». Что же касается способов достижения цели, то есть восстановления короля на троне, то это полностью прерогатива Монка.

Карл и его приближенные и не подумают вмешиваться или оспаривать его решения.

И все же, пренебрегая мудрыми советами Хайда, двор стремительно втягивался в разного рода заговоры, которые, впрочем, ничем не кончались. В мае 1659 года к Карлу явился один непримиримый роялист по имени Джон Мордаунт. У него возник смелый и на первый взгляд реальный план, по которому ячейки роялистов по всей стране должны были выступить одновременно и, собравшись в кулак, обрушиться на правительство. К середине июня Мордаунт счел, что к выступлению все готово, а еще через две недели Карл писал ему: «Решено, что либо я, либо брат, либо мы оба, коли на то будет воля Божия, будем с вами». Казалось, временам бездействия подошел конец и Карл вот-вот покинет Бретань, пересечет пролив, контролируемый флотом Английской республики, и лично возглавит повстанцев.

Но тут возникли обычные трудности. Участники задуманной операции проявили чрезмерный оптимизм и к тому же так и не сумели добиться единства. Уже само их количество породило фатальную утечку информации, чем не замедлили воспользоваться правительственные агенты. Лондон действовал без промедления — наиболее заметных вожakov заговорщиков арестовали, были захвачены большие запасы оружия. В общем, все или почти все пошло прахом. Лишь сэр Джордж Бут показал себя сильным военачальником: ему удалось взять под контроль большую часть Чешира и некоторые районы Ланкашира. Но даже и он, столкнувшись с контраступлением парламентских отрядов во главе с Джоном Ламбертом, вынужден был, преодевшись женщиной, бежать. При этом Бут по глупости попросил у хозяина гостиницы бритвенное лезвие, а тот сообщил куда нужно, его арестовали и бросили в Тауэр,

предъявив обвинение в измене. Надежды роялистов в очередной раз рухнули. Джермин писал, что вести из Англии «не только хуже, чем можно было ожидать, они просто ужасны».

Попытки поднять в Англии восстание проваливались одна за другой, и Карл задумал куда более амбициозный план. Франция и Испания были близки к заключению мирного договора, и он рассчитывал, что, организовав встречи с представителями обеих держав по отдельности, ему удастся добиться не только признания своего статуса законного европейского монарха, но и объединенной поддержки в восшествии на трон. Для достижения этой цели критически важным представлялось непосредственное общение с кардиналом Мазарини, и Карл обратился к матери с просьбой о поддержке. Несмотря на то что они не виделись уже целых пять лет и что Генриетта Мария не забыла, как повел себя ее старший сын по отношению к герцогу Глостерскому, она ответила, что сделает все от нее зависящее. Во Францию был отправлен граф Ормонд, но когда ему наконец удалось пробиться к Мазарини, кардинал заявил, что ничем не может быть полезен. Более того, по его мнению, со стороны Карла было бы чрезвычайно неразумно ехать в Испанию и пытаться затевать сепаратные переговоры. Чтобы придать больше веса своим словам, он добавил, что не гарантирует Карлу безопасный проезд через Францию.

Пренебрегая этим предупреждением, Карл все же отправился в Испанию. Ехал он инкогнито, в сопровождении всего лишь лорда Дигби и О'Нила. Путешествие, наминавшее скорее туристическую прогулку, затянулось на три месяца. Поначалу король двинулся в Ла-Рошель, где неделю ожидал попутного ветра; затем передумал и решил ехать в Испанию в общем дилижансе. Обозленный

и обеспокоенный Хайд время от времени получал от своего повелителя письма, в которых говорилось об отличной еде и удобных гостиницах, а также содержались намеки на всякие «дорожные приключения». «Дай Бог, — писал Карл, — чтобы у Вас на столе была такая же славная баранина, какую нам подают ежедневно». По прибытии в Испанию представитель двора приветствовал Карла с показной помпой: опустился на колени, поцеловал руку и проводил в отведенную резиденцию под оружейный салют, но чего-то реального пообещать не мог. Позиция Мазарини заставляла испанцев ограничиваться ничего не значащими заверениями в дружбе; когда же Карл, стремясь завоевать благорасположение великих держав, посетил мессу, что вызвало крайнее недовольство всей протестантской Европы, Хайд оказался вынужден объяснять англичанам-роялистам, что король вовсе не отходит от своей веры. Словом, весь грандиозный замысел рухнул, и в конце концов Карлу ясно дано было понять, что дальнейшее его пребывание в Испании нежелательно и лучше ему вернуться к своему двору в изгнании.

И лишь одно письмо Хайда удержало короля от того, чтобы впасть в полное отчаяние. Пусть собственные поползновения Карла эффекта не возымели, однако пронизательность Хайда, его глубокая осведомленность в европейских делах начинали приносить свои плоды. Генерал Монк и впрямь высказался в пользу Карла и, более того, судя по всему, готовился вступить с ним в союз. В этой связи Хайд просил Карла вернуться как можно быстрее, и тот сразу отправился в путь. Приметы благоприятствовали ему и укрепляли в самых радужных надеждах. Ормонд получил письмо, в котором рассказывалось, что в Лондоне один новорожденный — три дня сравнялось! — младенец внезапно закричал: «Король! Король! Отнесите меня к коро-

лю!» Возглас, как говорили, повторился несколько раз, а когда чудо-младенцу вложили в ладошку горсть монет и спросили, что бы он с ними сделал, тот ответил, что передал бы Карлу.

Сам же Карл спешил в Коломбос, где состоялась трогательная встреча с матерью и — что, возможно, еще важнее — с младшей сестрой, четырнадцатилетней Генриеттой Анной. Эта встреча пробудила в нем на удивление сильные братские чувства. Почти десять лет пребывал Карл в изгнании, оторванный не только от своей страны, но и от семьи. Мать раздражала его, братья утомляли, любовные приключения, как правило, не задевали душевных струн, а если речь шла о Люси Уолтер, то и вовсе становились поводом для болезненных переживаний. И вот эта девчушка, тонкая как тростинка, с одним плечом выше другого, высвободила дремавшее в нем дотоле чувство любви. Возникшая между братом и сестрой духовная связь оказалась впоследствии для Карла чрезвычайно важной — как в личном, так и в политическом смысле. В лице Генриетты Анны он нашел близкого человека, которому можно было полностью доверять. Вскоре между ними завяжется оживленная переписка, в которой он будет называть ее «любимой сестрой» и просить не злоупотреблять в своих письмах «величествами», ибо «я хочу, чтобы нас связывала одна только дружба». Но не прошло и двух недель, как им пришлось расстаться. Разворачивающиеся события настоятельно призывали Карла в Англию.

Напряженность в отношениях между «Парламентским охвостом» и армией достигла высшей точки, когда некоторые офицеры из отряда Ламберта, одержавшего некогда победу над Бутом, направили в палату общин петицию с перечислением разного рода претензий как финансового, так и церковного толка. В Вестминстере петиция была за-

читана за закрытыми дверями и вызвала чрезвычайное недовольство. Армия начала усиливать нажим, и напуганные парламентарии приняли решение уволить авторов петиции. Разъяренный Ламберт собрал своих людей, и парламентская резиденция вновь была занята военными. Но неподготовленный переворот смутил самих его вожаков. Принимая меры самозащиты, они вдруг оказались ответственными за жизнь страны. Военные предложили, чтобы роль правительства взял на себя Комитет Безопасности, но пока шли разговоры о том, как и из кого его формировать, события приняли новый, совершенно неожиданный и, как выяснилось, решающий оборот. Из Шотландии пришло письмо за подписью генерала Монка. Он решительно осуждал действия своих товарищей по офицерскому корпусу и заявлял о полной и своей, и своих людей поддержке свергнутых парламентариев.

Как бы ни колебался Монк относительно самой формы монархического правления, он не сомневался, что сейчас надо возвращаться к парламентской демократии, и общественное мнение было на его стороне. Лондонские ремесленники решительно возражали против свержения парламента и составили петицию, которая к началу декабря собрала до 20 тысяч подписей. Комитет Безопасности попытался воспрепятствовать представлению этой петиции городской власти и издал соответствующее постановление. Однако в то самое время, когда командир одного из конных отрядов зачитывал с балкона Биржи документ о запрете петиции, ее с триумфом пронесли по улицам города, направляясь к Гилдхоллу. Начался ропот. На усмирение толпы бросили солдат, и когда в них полетели камни и куски льда, в ответ раздался ружейный огонь. Несколько демонстрантов были убиты, другие ранены. Крупномасштабные волнения в столице казались неизбежными. Монк

начал медленное продвижение на юг, большая часть страны выступила за парламентскую форму правления — хотя и не за нынешний парламент. К тому времени как генерал дошел до столицы, юный Сэмюэль Пепис, помощник командующего королевским флотом, записывал в только что начатом дневнике: «Народ не кричит «поцелуй парламент» вместо «поцелуй меня в задницу», слишком велико презрение к «Парламентскому охвосту» со стороны всех, хороших и дурных».

Монк потребовал, чтобы парламент в течение недели объявил о проведении новых выборов и самораспустился. Это был чрезвычайно популярный шаг. Начались фейерверки (Пепис насчитал тридцать один), и люди под оглушительный звон церковных колоколов, не сдерживая чувств, зажаривали, с явным намеком на «охвостье», бараньи огузки. Кто-то показал Пепису трубу, на которой были намалеваны запрещенные изображения льва и единорога, на улицах народ во всеуслышание заговаривал о короле. В письме Джермину граф Ормонд точно передал господствующее настроение, «для короля весьма благоприятное: четыре пятых населения Англии, не говоря уж о знати и сельском дворянстве, на его стороне». Карл решил действовать не торопясь, осторожно и мягко; преследуя вполне эгоистические цели, он всячески пытался представить себя в самом благоприятном свете. Так поступают зрелые люди. Он писал Монку в тоне одновременно дипломатическом и интимном: «Мне слишком хорошо известны Ваши возможности сделать мне добро либо причинить ущерб, чтобы не желать видеть Вас своим другом». Вот фраза, в точности соответствующая деликатности сложившегося положения; генерал оценил ее и решил начать тайные переговоры. В Брюссель отправился гонец с посланием от Монка, в котором наряду с готовностью сотрудничать содержалось твер-

дое убеждение в том, что Карл оставит этот город, с его явно выраженными испанскими и римско-католическими симпатиями. Король, энергично поддержанный Хайдом и Ормондом, внял этому призыву и, пояснив испанцам, что собирается навестить сестру, вместе со своим двором перебрался в Бреду — голландский город в основном с протестантским населением.

Здесь Карл и его советники составили два документа, представляющие чрезвычайный интерес. Один документ — письмо спикеру и тем самым всей палате общин. Другой — так называемое Бредское соглашение. Целью обоих документов было успокоить нацию, внушить людям чувство устойчивости и ощущение, что традиции продолжаются. В документах также содержалась близкая современникам мысль о том, что история свершается не по воле случая, а направляется рукой провидения. Предстоящая Реставрация должна рассматриваться как не человеческое, но Божие деяние. Вера, примирение, традиция предстают средством укрепления гражданского порядка, и Карл, прокладывая путь к нему, предлагает даровать общую амнистию всем врагам дома Стюартов, за вычетом тех, кого сочтет недостойными парламент.

О полномочиях парламента Карл говорил с особым нажимом. «Своим королевским словом мы заверяем вас, — пишет он спикеру, — что никто из наших предшественников не питал такого почтения к парламенту, какое питаем мы. В этом состоят равно и наше убеждение, и наша обязанность. Мы твердо стоим на том, что парламент представляет собою жизненно важную часть устройства нашего королевства, что без него невозможно эффективное правление и потому без него не обойтись ни монарху, ни народу». Эти слова, мягко говоря, преувеличение. Ни звука о традиционных прерогативах королевской власти, но сейчас

время собирать, а не разбрасывать камни. Парламентариев следует ублажить, и поэтому, обращается Карл к спикеру, «вы можете не сомневаться, что мы всегда будем прислушиваться к их совету с величайшим вниманием, а их привилегии будем охранять с таким же тщанием, как если бы это были наши собственные привилегии».

Страна не только жаждала мира, она требовала явления короля в полном его блеске. Но когда делегаты парламента появились в Бреде, первое, что бросилось им в глаза, была нищета. Финансы Карла находились в таком плачевном состоянии, что он даже не мог себе позволить заказать новый костюм. Делегаты были совершенно шокированы его обносками, которые, по словам одного из них, и гроша ломаного не стоили. Подарок в виде сундука, набитого серебряными соверенами, помог решить эту проблему, и к Карлу и его ближайшим родственникам были немедленно вызваны портные. Йорк заказал себе костюм, расшитый ярко-желтыми лентами, Глостер — алыми, а придворные теперь неизменно будут расхаживать в блестящих шелках. Однако сам Карл — высокий, с насупленными бровями, резкими чертами лица и начинающими слегка седеть волосами — понимал, что такая безвкусица не идет к его внешности и не соответствует чину. Больше всего ему подходили темные тона. Он еще не выработал своего собственного стиля — длинные, богато расшитые камзолы, подчеркивающие его рост и, как ни странно, самоуглубленность, — но уже склонялся к коричневым, красноватым и темно-голубым оттенкам. Даже сейчас, в возрасте еще весьма юном, окружающие находили его «чрезвычайно степенным мужчиной».

Именно такой образ требовался толпящейся вокруг него публике. Помимо братьев и сестры, принцессы Марии, визиты королю наносили многочисленные герцоги, послы, члены местного законодательного собрания. При-

ходили с поздравлениями, а также в надежде урвать свой кусок от королевских щедрот и его собственные подданные, причем в количестве немалом. Карл принимал их с тем подчеркнутым интересом к нуждам людей, который уже успел стать его второй натурой. Это было далеко не простодушное выражение признательности; даже незначительные детали поведения короля указывали на то, что при всей царящей вокруг эйфории он был осмотрителен и не отдавал предпочтения ни одной из групп. Все его поведение свидетельствовало о том, что он хочет быть отцом народа, но не лидером одной из фракций. К тому же, несмотря на все оговорки, содержащиеся в Бредском соглашении, оставалась проблема прерогатив королевской власти, то есть неповторимое, уникальное положение самой английской монархии. Время покажет, что Карл отнюдь не собирался делиться этой властью — ни с кем. Сейчас еще не пришла пора говорить об этом в открытую, но в нем где-то глубоко, невидимый современниками, мощный и таинственный, залегал древний пласт королевского величия — непререкаемое право созывать и распускать парламент, назначать пэров, епископов и судей, объявлять войны и заключать мир. Иными словами — воплощать в своей персоне всю мощь государства.

Даже и сейчас Карл мог использовать тот или иной случай, чтобы подчеркнуть свое положение. Как-то к нему пришла группа роялистов. Карл выслушал их заверения в искренней преданности и велел принести вина. Как королю, бокал ему подали, преклонив колена, и, отпивая глоток, он произнес с холодным достоинством: «Ваше здоровье! Теперь я с вами, с теми, для кого я сделал не меньше, чем вы для меня». Едва визитеры, раскланявшись, удалились, как Карл повернулся к своему брату Якову и сказал: «Все, с этими я расплатился». С другими людьми, попроще, мож-

но было обращаться с королевской иронией, заключавшей в себе, впрочем, и некую жестокость. Как бы ни отнекивался Карл, некий мистер Кейс, престарелый пресвитеринин, всячески выспрашивал его относительно религиозных убеждений. Верно ли говорят, что за долгие годы изгнания, посреди европейских угроз он стал католиком? Урезонить собеседника явно не удавалось, надо было искать какие-то другие пути. Мистера Кейса следовало убедить, что он человек необычный, по-особому проникательный, способный проникнуть даже в королевскую душу. Для этого его спрятали в шкафу, откуда можно было слышать, как его величество молится. «О Боже Всемогущий, — начал Карл, — коли уж Тебе было угодно вернуть мне трон моих предков, пусть сердце мое навсегда укрепитя в истинно протестантской вере. И да не протянется длань моя против тех, кому чуткая совесть не позволяет примириться с внешней и пустой обрядностью». Мистер Кейс был вполне удовлетворен и, более того, счастлив. Ему приоткрылась дверь в тайники королевского величия, и он вернулся к друзьям с хорошей, успокоившей их вестью: «Бог послал нам истинно верующего монарха!»

Подошло время отправляться в Гаагу. После долгого, утомительного путешествия на яхте, во время которого принцесса Мария жестоко страдала от морской болезни, 72 экипажа, запряженных чистокровными рысаками, повлекли королевскую процессию к этому прекрасному городу. Прибыли 16 мая, в одиннадцать утра, и сразу же погрузились в роскошь поистине царскую. Деньги, которые еще несколько недель назад представляли неразрешимую проблему, теперь лились на Карла нескончаемым водопадом. Голландцы, словно компенсируя бывшее небрежение, немедленно передали королю 70 тысяч фунтов, а затем, вдобавок к ним, — золотое блюдо и гигантское ложе, бал-

дахин которого был прошит золотыми и серебряными нитями. Потом пришла очередь англичан. От имени обеих палат парламента королю вручили 50 тысяч фунтов вкуче с письменными заверениями в преданности, а некий сэр Джон Гренвилл почтительно выговорил слово «величество», которое «еще недавно отвращало безумцев и фанатиков». Естественно, не дал о себе забыть и город Лондон. Его представители привезли Карлу 10 тысяч и были вознаграждены великодушной речью, в которой Карл говорил, что всегда испытывал «особую любовь» к столице, «месту моего рождения»; подчеркивая искренность этих слов, он посвятил каждого из посланников в рыцарское достоинство.

В такой атмосфере даже одетым во все черное представителям пресвитерианской церкви можно было выказывать некоторое благорасположение — по крайней мере до поры до времени. Старейшины обратились к Карлу в характерной для них агрессивной манере. «Мы всегда желали вашему величеству всяческого благополучия», — начали они и сразу же скучно и нескончаемо заговорили о серьезности переживаемого момента. «Мы не враги умеренному епископату», заявили старейшины в качестве вступления к скрытому, неуверенному призыву к терпимости, в которой другим, как правило, отказывали. Карл, знавший эту публику слишком хорошо, чтобы отнестись к такого рода поползновениям вполне цинично, ответил тем не менее с подобающим тактом. «Мне известно о вашем добропорядочном поведении, — сказал он, — и я не имею никакого намерения как-либо притеснять вас. Все разногласия будет решать парламент». Это было чистое лукавство, и старейшины, которым стало явно не по себе от такой реакции (впрочем, они ее предвидели), решили поставить вопрос прямо. Собирается ли его величество и впредь

пользоваться молитвенником? Если по лицу короля и скользнула тень неудовольствия, то он умело подавил свои истинные чувства и произнес речь, рассчитанную на большинство из тех англичан, которые были свидетелями этой аудиенции. «Предоставляя свободу вам, — обратился Карл к старейшинам, — я вовсе не намерен отказываться от своей. Я неизменно посещал те службы, которые считаю лучшими в мире, даже там, где к ним относятся с большей подозрительностью, чем, надеюсь, относитесь вы».

Затем последовала сцена, глубоко раскрывающая древние ритуалы и тайну королевского величия. К королю приблизилось несколько десятков человек, страдающих золотухой, которую тогда называли «королевским проклятием». Симптомы этого заболевания на примере одного молодого человека описал современник: «На шее выступает какое-то зловонное вещество, а на горле опухоли и затвердения, которые практически не дают возможности дышать». Согласно широко распространенному поверью, излечение от золотухи приносит только прикосновение руки короля. Был выработан целый сложный ритуал, долженствующий подчеркнуть божественную, сакраментальную силу подлинной монархии. Карл, восседающий на троне в полном облачении, выглядел наполовину волшебником, наполовину священником. В пальцах его была якобы сосредоточена чудесная сила, изливающаяся на несчастных, которых врачи призывали опуститься перед ним на колени. Капеллан торжественно говорил: «Он возложил на них руки и исцелил их», — и при этих словах Карл наклонялся и прижимал ладони к напряженным, умоляющим лицам. По окончании церемонии страждущие вновь подходили к трону, склоняли головы, и Карл надевал им на шею золотую монетку на голубой ленте под слова капеллана: «Вот истинный свет, пролившийся на наш мир». Церемония эта

имела колоссальный пропагандистский эффект; впоследствии подсчитали, что за годы царствования Карл «прикоснулся» к лицам 92 тысяч золотушных.

Подобного рода публичные действия проходили параллельно с новым увлечением Карла, которое он пронес через первые годы своего правления. Это была женщина. Ее звали Барбарой, и в глазах молодого короля она обладала поистине неотразимой притягательностью. Слегка косящие, сонно прикрытые веками глаза и пухлые губы вскоре сделали ее образцом женской красоты времен Реставрации. Темперамент и сексуальные аппетиты Барбары пробуждали в Карле сильные эмоции. Она приехала в Голландию со своим мужем, бедным Роджером Палмером, которому была предначертана судьба одного из самых известных в истории рогоносцев. К тому времени он уже изрядно наскучил Барбаре, да и ее роман с любвеобильным лордом Честерфилдом тоже подошел к концу. Она искала нового любовника и нашла в лице Карла сильного, битого жизнью тридцатилетнего мужчину, который мог переместить ее в самый эпицентр власти. Теперь Барбара могла испытать свой неукротимый характер не на ком-нибудь, а на самом короле. Насколько далеко зашло дело к тому времени, как Карл готовился отплыть в Англию, можно судить по его письму к Палмеру, в котором он выражает признательность за денежный перевод — тысячу фунтов. «Мне много за что надо вас благодарить», — двусмысленно пишет Карл тогда еще пребывающему в блаженном неведении Палмеру.

К 23 мая все было готово к отъезду. Об этом с помощью верного Пеписа позаботился сэр Эдвард Монтегю, командующий королевским флотом. Королю предстояло плыть в Лондон на «Нейсби», только что переименованном в «Ройал Чарлза». Пока же в сопровождении братьев

он направился в Схевединген, где на берегу собралась толпа из более чем 50 тысяч горожан. Прозвучал королевский салют из корабельных пушек, гости поднялись на борт и сразу же проследовали в украшенную тяжелыми гобеленами и золотом кают-компанию, где для них были приготовлены прохладительные напитки. «Потрясающее зрелище», — отмечает в своем дневнике Пепис. Последовало трогательное прощание короля с сестрой, после чего, пишет тот же Пепис, «мы подняли якорь и, подгоняемые свежим ветром, поплыли в Англию».

Пепис, не сводивший с короля глаз, был поражен, насколько тот «брызжет энергией». После стольких лет лишений почти неправдоподобный поворот судьбы, казалось, добавил Карлу чисто мышечной силы. Похоже, даже простое движение доставляло ему радость, и он часами мерил шагами палубу. Карл был настолько поглощен чувствами, что даже не пытался взяться за штурвал, а ведь раньше он ни за что не упустил бы такой возможности. Но сейчас возбужденный ум то и дело возвращал его в прошлое, особенно в самые драматические моменты жизни, и он рвался поведать о них — например, о сражении при Уорчестере — окружающим, среди которых был и Пепис. В момент триумфа память возвращала Карла к временам, когда он испытывал постоянный страх, когда его стопы были разбиты в кровь, когда ему приходилось то и дело переодеваться в чужое платье и все время что-то придумывать. Король вспоминал, как он был вынужден прикинуться слугой, как провел кузнеца, когда тот перековывал лошадь Джейн Лейн, как одурачил кухарку, объясняя свое неумение справиться с вертелом. Славные все это, конечно, истории, и Пепис слушал их в оба уха, отвлекаясь лишь на королевских спаниелей. 25 мая в девять утра впередсмотрящий «Ройал Чарлза» увидел английский берег. Судно там от-

швартуется лишь через шесть часов, а пока Карл с братьями убивал время, отдавая должное обильному завтраку из свинины, горохового пудинга и вареной говядины. Покончив с трапезой, король облачился в темное одеяние, на котором по контрасту выделялось алое перо на шляпе. В три часа пополудни он перешел на адмиральский катер и вскоре ступил на землю, которую наконец-то мог назвать своей. Для огромной толпы, чьи приветственные возгласы почти полностью заглушал гром корабельных орудий, возвращение короля было моментом одновременно и торжественным, и радостным. Собравшиеся с благоговением наблюдали, как Карл опускается на колени и возносит благодарность Всевышнему за чудесное возвращение на престол. Именно так и следовало себя вести. Для большинства зрителей в этой сцене заключались смирение и готовность склониться перед волей провидения, но был в ней и иной намек. Годы правления людей, называвших себя праведниками, ни на йоту не приблизили англичан к Новому Иерусалиму. «Святые», добившись власти, повели себя вполне по-человечески. А теперь у нации появился законный король — посланник Бога на земле, священная личность, которой издревле дарована мистическая сила исцелять людей, а также глава церкви, являющей собою в глазах многих заверщенное воплощение протестантизма в его английской ипостаси.

Закончив молитву, король встал и направился к коленапоклоненной фигуре генерала Монка. Приглашая своего политического спасителя распрямиться, Карл расцеловал его в обе щеки и под крики толпы «Боже, спаси короля» обратился к нему просто и трогательно: «Отец!» Затем пришел черед мэра Дувра. Он твердым шагом подошел к Карлу, остановился и передал ему свой жезл и роскошную, в кожаном переплете и золотом шитье Библию. Карл

с достоинством и величайшим тактом принял Книгу и произнес: «Нет ничего для меня в мире дороже».

Далее королевская процессия двинулась в Кентербери, где впервые дали о себе знать проблемы, связанные с восшествием на трон, ибо тут-то как раз Монк и передал Карлу список лиц, чьи услуги, по его мнению, должны быть вознаграждены членством в Тайном Совете. Сложив лист бумаги пополам и сунув его в карман, Карл сказал Монку, что всегда готов воспользоваться его советом, если только он «не противоречит (его) принципам». К сожалению, ознакомившись с документом, Карл обнаружил, что Монк включил в список около сорока пресвитериан — бунтовщиков-ветеранов и только двух роялистов. Поскольку Карл, в чем он отдавал себе полный отчет, все еще сильно зависел от генерала, принять решение оказалось делом чрезвычайно трудным, и в конце концов сколь важная, столь и неприятная миссия разочаровать великого человека выпала Хайду. Из Кентербери королевская процессия переехала в Рочестер, а оттуда в Денифорд, где король с превеликим удовольствием наблюдал, как сотня юных девиц, одетых в белое, с голубыми шарфами на шее устлали ему путь цветами. 29 мая — в день своего тридцатилетия — король готов был к триумфальному въезду в столицу.

С гигантской помпой, в невиданном сиянии славы Карл вошел в город через Блэкхитские ворота. У Сент-Джордж-Филдза его встретил лорд-мэр Лондона в сопровождении олдерменов. Представители различных гильдий вручили ему городской меч, а ректор школы Св. Павла — еще один экземпляр Библии. Семь часов двигалась процессия к Уайтхоллу улицами, устланными цветами и обвешанными с обеих сторон гобеленами. На всем пути от ворот Темпл-Бар до улицы Странд из окон и с балконов глазели любопытствующие дамы, звенели трубы, палила артилле-

рия, низвергались винными струями фонтаны. В целом — несравненная демонстрация национального единства и восторга, о чем и пишет в сенат венецианский посол: «Перемены в настроении людей просто поразительные. Само имя короля вызывает сегодня любовь, уважение и признательность, равные той ненависти и презрению, которые вызывало вчера».

Да, именно так огромные толпы, высыпавшие на улицы города, встретили раззолоченные экипажи, придворных в расшитых серебром камзолах, слуг в алых и зеленых ливреях, 20 тысяч солдат. Во главе процессии следовали трубачи, стражники и герольды, и даже такие сдержанные люди, как Джон Ивлин, оказались во власти всеобщей эйфории. Реставрацию Карла он уподобляет чуду, равного которому не случалось со времени возвращения евреев из вавилонского пленения. Сама процессия, приведшая меуариста в такой восторг, свидетельствует, с его точки зрения, что история и судьба нации находится в руках самого Всевышнего. «Я стоял на Странде, — пишет Ивлин, — я наблюдал за происходящим и благословлял Бога».

Тот, кого так страстно жаждала увидеть толпа, ехал между братьями. Как нередко случалось, вид Карла остро контрастировал с окружающим его безвкусным блеском. На нем был, как уже говорилось, строгий темный костюм, который оттеняли лишь перо на шляпе и голубая лента ордена Подвязки на груди. Но при этом в поведении короля не было и тени отчужденности. Приметливый, как всегда, венецианский посол обратил внимание, как Карл «поднимает голову, смотрит каждому в глаза, размахивает шляпой, приветствует всех, кто громоподобно выражает восторг по поводу возвращения этого великого правителя, являющего собою воплощение всех добродетелей и достоинств». Кто-то отдавал должное внешнему облику Карла, его вы-

сокой фигуре, «вылепленной так точно, что даже самый придирчивый глаз не смог бы увидеть ни малейшего дефекта». Кто-то отмечал «быстрый и сверкающий взгляд» короля. В то же время некоторые особенности королевского облика могли показаться противоречащими этому портрету. Одни из его черт даны были от природы, другие достались ему в наследство от долгих лет лишений и тайной тоски. Угрюмое выражение лица, черные волосы, густые черные ресницы намекали на жесткость и даже жестокость в поведении; те же, кто имел возможность приглядеться к нему поближе, наверняка заметили глубокие морщины, сбегающие от носа к подбородку и огибающие кончики тонких, как нить, усов, — морщины, образующиеся у человека, которого часто посещали подозрения и разочарования, — и губы, кривящиеся в иронической усмешке.

Даже сейчас, в обстановке всеобщего восторга, следовало соблюдать осторожность. Хотя многие могли бы счесть, что колесо истории совершило наконец полный круг и власть, по словам Гоббса, перешла от одного узурпатора к другому — от отца к сыну, толпы просителей, осаждавшие Карла в Гааге, и список Монка, содержащий имена людей, заслуживающих, с его точки зрения, поощрения, — все свидетельствовало о том, что монарха неизбежно окружают корысть, вражда и себялюбие. Карл прекрасно отдавал себе в этом отчет. Опыт у него на этот счет был немалый. «Быстрый и сверкающий взгляд» мог зафиксировать столь внезапные пируэты в поведении и обманные действия так многих мужчин и женщин, что обладатель этого взгляда вряд ли верил, будто царствование его всегда будет оставаться таким же радужным, как это может показаться сейчас, в окружении ликующей толпы. По словам епископа Барнетта, Карл «считает, что мир управляется исключительно личными интересами, а кроме того, он слыш-

ком хорошо знает низость человеческой природы, так что не следует удивляться его невысокому мнению о людях».

Были у Карла и иные, не столь явные причины для скепсиса. Он ведь прекрасно понимал, как мала его непосредственная роль в Реставрации. В тех случаях, когда он лично участвовал в попытках возвращения короны, результатом неизменно становились кровопролитие, поражение и смерть. Теперь короля вернул к власти собственный народ, вернул бескровно, и единственный его личный вклад заключался в искусности, с какой он сумел себя представить подданным. Пожалуй, только таким образом он мог хоть как-то компенсировать череду неудач периода междуцарствия. Карл вернулся на трон не благодаря тому, каким он был, а благодаря тому, кем был, — законным монархом государства. В то же время его так долго не было дома, что он вернулся сюда почти чужим, вернулся человеком, которому, если он хочет здравствовать и править благополучно, придется выверять каждый свой шаг. Вот откуда эта настороженность и даже подозрительность в миг триумфа; частично это оправдывает впечатление одного подростка, который откололся от процессии, чтобы сказать отцу, что король — «черный человек».

Если во взгляде Карла застыл некий вопрос, то в его характере имелись слабости, которые со временем серьезно осложнят ему царствование. Внешним трудностям сопутствовали внутренние. Одни из особенностей, о которых идет речь, уже проявились, другие в полной мере проявятся только после того, как Карл наденет корону. Хотя временами Карл демонстрировал способность к напряженной работе и концентрации всех сил, в целом это был — и чем дальше, тем больше — человек ленивый, которого ничего не стоит отвлечь от дела. Хайд давно уже бранил его за нежелание вникнуть в детали искусства управления, и даже

сейчас, когда королю исполнилось тридцать, он по-прежнему готов был наставлять его, как неприлежного школьника. Эта природная леность короля давно уже стала притчей во языцех. По словам сэра Джона Рирсби, Карл «по нраву не был человеком беспокойным или амбициозным, напротив, он обожал удовольствия и больше всего хотел, чтобы никто не мешал его спокойному времяпрепровождению».

Частично эта любовь к досугу проявлялась в том, какими людьми Карл себя окружил. Как правило, людей остроумных он предпочитал людям, умудренным опытом. При всем глубочайшем почтении к Хайду своим наперсником Карл избрал Бэкингема, того самого Бэкингема, который ехал сейчас неподалеку от короля в совершенно не подходящей для него компании Монка. Отношения, завязавшиеся в детстве и сохранившиеся в отрочестве, так легко не отбросишь, пусть даже герцог был ветрен и склонен к обману. Более того, непоследовательность Бэкингема, поверхностный блеск его ума, постоянное желание получать удовольствия — все это как раз и привлекало Карла, в то же время, как правило, отталкивая его подданных. Джон Драйден назвал герцога «государственником и шутом одновременно», и эта характеристика сохранилась в памяти поколений. А Барнетт люто ненавидел его и писал, что он «не верен никому и ничему, готов бросить любого и отказаться от всякого сказанного им слова порой из-за ветренности, по чистой прихоти, а порой из-за глубокой порочности своей натуры». Но именно из таких людей — или похожих на родственницу Бэкингема Барбару Палмер — будет состоять двор в эпоху Реставрации. И лишь немногие догадывались, что за бросающимися в глаза свойствами короля, его леностью, склонностью предаваться удовольствиям, кажущейся нерешительностью всегда стояло

главное: стремление выдержать. В конце своего правления он не остановится ни перед чем ради сохранения короны. Строго одетый мужчина, триумфально проезжающий в настоящий момент по Странду, никогда уже больше не позволит себе вновь пуститься в странствия. Он вернулся домой и останется дома.

Глава 10

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

Для начала следовало покарать приверженцев прежнего режима и стереть самую память о нем. Отчасти по совету Генриетты Марии извлеченные из могил тела Кромвеля и еще двух ведущих парламентариев были выставлены на всеобщее обозрение как устрашающее напоминание о цене бунта. Карл, со своей стороны, категорически потребовал самого сурового наказания тем, кто несет «непосредственную ответственность» за гибель его отца. И оставшиеся в живых цареубийцы понесли его. Под конец 1660 года прокатилась волна судебных процессов по обвинению в измене. К повешению и четвертованию было приговорено столько людей, что жители домов в районе Чаринг-Кросс жаловались на невозможность дышать — настолько атмосфера пропиталась запахом горелых внутренностей. Те, кто избежал казни, попали в тюрьму, имущество было конфисковано. Раз в год этих людей проводили по улицам Лондона под улюлюканье жаждущей крови толпы. Никакой пощады не дождутся и те, кто отказывался примириться с переменами. Карл, человек вообще-то от природы терпимый, заявил, что со всей суровостью будет преследовать всех, «кто словом или делом демонстрирует неприятие власти и подстрекает к бунту против нее».

Задача восстановления монархии как эффективной системы правления легла по преимуществу на плечи Хайда. Выглядел он, как и в прежние годы, величественно, чему в немалой степени способствовало его новое положение лорд-канцлера, был, как всегда, неутомим, а отличающие его тщательно взвешенные консервативные позиции позволяли ему надеяться, что с Реставрацией страна вернется «к своим старым добрым нравам, старому доброму юмору и старым добрым повадкам». Однако Хайд ждало горькое разочарование. Человек, твердо приверженный традиционным формам, он был неприятно поражен стремительными переменами, происходящими в обществе. Особенно опасным ему казался критический, более того — подрывной дух молодого поколения. Он сетовал на недостаток (как ему представлялось) дисциплины, чему, по его мнению, во многом способствовала гражданская война. Новоиспеченному лорд-канцлеру не нравилось постоянное ворчание по поводу разного рода неудобств, а также тот факт, что люди явно уходят от традиции «твердого и безоговорочного подчинения» власти, каковое он считал единственно надежной основой здорового общества. Хайд станет говорить об этом настойчиво и энергично. Англия времен Карла II будет искать новые пути развития. Ну а пока, самолично решая задачи формирования королевской администрации, Хайд, естественно, обращался к уже испытанным формам.

Свою основную задачу он видел в том, чтобы восстановить стабильность в обществе и авторитет власти — светской и церковной. Как лорд-канцлер, Хайд и сам мог объединить достижение этой двуединой цели на основе уважения к закону, но публичного признания своей роли первого министра короля всячески избегал. Все принципиальные политические решения должны были исходить непосред-

ственно от Карла. Закрепив это важное положение, Хайд обратился к очередным задачам. Одна из них состояла в том, чтобы наладить взаимодействие Карла и его министров с самыми достойными людьми в суде и в регионах. Страной должна править элита, и Хайд, конструируя свою систему, в ее основание ставил Тайный Совет, в который должны были войти ведущие государственные деятели и самые богатые люди страны. Он рассчитывал также примирить интересы соперничающих групп. Брат Карла Яков и его приближенные, остававшиеся с ним все годы изгнания, были наряду с другими ведущими роялистами включены в Совет. Вошли в него и такие бывшие приверженцы Кромвеля, как Монк, ныне главнокомандующий вооруженными силами Англии, и несколько знатных лиц — приверженцев пресвитерианской церкви. Престарелый и в общем-то уже мало на что годный граф Саутгемптон был назначен государственным казначеем, а его зять, блестящий Энтони Эшли Купер, — министром финансов. Получилось мудрое сочетание интересов, дарования и общественного престижа, однако вскоре возникла потребность в формировании более тесного круга советников, и в его центр Хайд поставил влиятельный Комитет по иностранным делам.

Предстояло решить тьму проблем. В числе главных — расформирование крупных частей армии «Новой модели». Поначалу, правда, Карл предложил, чтобы все эти люди перешли на службу к нему, но этому воспротивился парламент, совершенно не желавший, чтобы у короля непонятно для какой цели под рукой были крупные военные силы; в конце концов эти грозные, непокорные отряды сначала сократили, а потом и вовсе распустили, погасив перед «драконом» денежную задолженность, но вырвав ему зубы. Параллельно был принят Акт об амнистии, под которую попадали пассивные союзники бывшего парламента. Этим же

актом им компенсировались убытки, понесенные в гражданской войне. Разочарованные роялисты были недовольны, утверждая, что враги короля наживаются за счет его друзей. Это было не так: Карл щедро награждал тех, кто активно способствовал Реставрации, что было, конечно, мудрым шагом. Монку, например, были дарованы титул графа Орбермарла, дворец и земля, приносящая 9000 фунтов годового дохода. Такими же милостями осыпал король и товарищей по изгнанию, в частности Ормонда; и даже те, кто возглавлял во времена междуцарствия неудачные восстания, не были забыты: так, генерал Бут стал лордом Деламером.

Самым трудным вопросом было конфессиональное примирение. По Бредскому соглашению эта проблема входила в компетенцию парламента, но дебаты в палате общин оказались такими бурными и затянулись так надолго (однажды даже пришлось задувать свечи, чтобы объявить перерыв в заседаниях), — что легкого решения явно не предвиделось. Вскоре стало ясно, что надежды Карла достичь разумного компромисса между англиканцами и пресвитерианами не были достаточно обоснованы. Особенно жесткую позицию заняли пресвитериане. Они отклонили предложенные их лидерам несколько епархий, и в конце концов большинство этих вакансий досталось роялистам, проявившим себя в военное время; так, чрезвычайно способный, но упрямый Шелдон стал епископом Лондона.

Непримиримым англиканам такого типа сильная монархия казалась единственным лекарством от всех болезней страны. Это был не столько фанатизм, сколько выношенная мысль и четкая политическая позиция. Депутаты нового парламента пришли в Вестминстер «в ужасе при одной только мысли о недавнем кошмаре гражданской вой-

ны и преисполненные решимости... не допустить в будущем ничего похожего». Они удовлетворяют все финансовые запросы Карла, будучи искренне — хотя и безосновательно — убеждены, что предложенных ему средств хватит для покрытия обычных расходов на административные нужды. Они не хотели, чтобы король был слишком беден, слишком зависим и слишком слаб. Они не хотели также отнимать у вновь взошедшего на трон монарха прежних королевских прерогатив. Карл получит полный контроль над вооруженными силами, право свободного выбора советников и неоспоримое главенство во внешнеполитических делах.

В такой позиции не было ничего от наивного альтруизма, ибо эти люди и о себе не забывали, надеясь вернуть утраченное. Конституционные эксперименты времен междоусобицы постепенно лишили их того, что они считали своим наследственным правом — правом существенного участия в решении государственных дел. Им открылся весьма печальный факт: лишая прежнего короля чрезмерных, как им казалось, полномочий, они на самом деле подрывали собственные позиции и в конце концов вынуждены были стать свидетелями того, как люди, которых они же считали фанатиками, все ужесточают и ужесточают власть так называемых «святых». Так что теперь сельское дворянство стремилось восстановить свои традиционные права, и традиционная же монархия представлялась им самым надежным средством достижения этой цели.

Но их умы занимала не только сила монархии. Главенство англиканской церкви тоже было чрезвычайно существенно для восстановления прежнего статуса. Вернее сказать, это две стороны одной медали. Сельское дворянство было убеждено, что англиканская церковь воплощает Божью волю в самом чистом ее виде и король, как глава церкви, является гарантом достойного положения дворян в ра-

зумно устроенном иерархическом обществе. Подчинение личности короля предначертано свыше, и гражданская война показала, каким хаосом чревато нарушение закона небес. Такого рода непримиримое англиканство поставит перед Карлом целый ряд серьезных проблем. Сектантство следовало вырвать с корнем, однако же король далеко не сразу осознал его опасность, к тому же доходившая до него в изгнании скудная и отрывочная информация привела его к завышенной оценке роли нонконформизма в стране. Знаменитый лозунг «Свобода совести», содержащийся в Бредском соглашении, отчасти был выдвинут благодаря природной конфессиональной терпимости Карла, однако же у него были и иные, политического толка соображения, правда, не вполне додуманные. Карл считал, что, проявляя терпимость к сектантам и пресвитерианам, он расширяет базу своей поддержки в стране и, таким образом, менее зависит от твердокаменных англикан, принадлежащих к сельской знати, которые «на самом деле и вернули его в родной дом». Так созрел первый крупный конфликт времен царствования Карла II.

Мало государственных забот — случилась и личная трагедия. 13 сентября 1660 года от незначительной, как всем поначалу казалось, эпидемии оспы внезапно умер младший брат Карла Генрих, герцог Глостерский. Горе короля было глубоко и неподдельно, тем более что Генрих успел зарекомендовать себя способным и доброжелательным молодым человеком. Вскоре после его смерти в Лондон приехала сестра Карла Мария, и этот визит принес с собой новые переживания. Теперь, когда брат утвердился на троне, Мария ожидала награды за помощь, предоставленную ею в лихую годину изгнания. Цена этой помощи оказалась высока. Мария хотела, чтобы Карл использовал свой вес и влияние для возвращения Оранских в центр политической

жизни Нидерландов. В частности, она давно настаивала, чтобы Карл помог сделать Вильгельма, ее сына, генерал-капитаном республики, то есть командующим вооруженными силами Голландии. Карл сразу же отправил туда письмо соответствующего содержания, но благоразумно решил, что на данном этапе втягиваться в дипломатические свары еще глубже не стоит. И вот Мария, пылая благородным негодованием, пересекла море, чтобы встретиться с братом лицом к лицу. Но она тоже стала жертвой оспы и просила брата стать опекуном ее сына, однако, к тому моменту как сестра скончалась, Карл оказался в ситуации еще более тяжелой — в первый, но далеко не в последний раз из-за герцога Йоркского, чье поведение стало настоящей бедой его царствования. Герцог положил, как говорится, глаз на дочь Хайда Анну, ничем не примечательную, но неглупую и остроумную девушку, бывшую некоторое время фрейлиной Марии Оранской. Анна забеременела, был заключен тайный брак, но, едва поставив свою подпись, Яков горько пожалел о содеянном и решил во что бы то ни стало выбраться из этой ловушки. Средством он избрал клевету, наветы и интриги. Ничего не вышло. Яков заявил, будто отцом ребенка может быть другой, но доказать свое обвинение не сумел. Тогда он попытался уговорить брата, чтобы тот заставил парламент аннулировать брак, но Карл воспротивился: на карту были поставлены важные государственные интересы. Яков был ближайшим наследником трона, а его ребенок от этого мезальянса — следующим. Карл считал, что участие парламента в решении вопросов престолонаследия может всерьез подорвать авторитет королевской власти. Поэтому он всячески настаивал, чтобы его упрямый братец оставался верен обязательствам, которые по глупости взял на себя. Затем Карл пришел на выручку своему лорд-канцлеру. Хайд считал себя всерьез

скомпрометированным. Он любил дочь, презирал зятя и страшно переживал всю эту историю, произошедшую из-за легкомыслия обоих. Хайд опасался, что на его достоинство могут бросить тень те, кто не знает, как все обстоит на самом деле, и потому готов заподозрить лорд-канцлера в династических притязаниях. Хайд считал, что только король может спасти его честь. Карл предложил ему герцогский титул, однако он, опасаясь, что столь высокое отличие лишь поспособствует распространению порочащих его слухов, занял свое место в палате лордов (случилось это 6 ноября) в качестве только что возведенного в это достоинство графа Кларендона.

Все эти события лишний раз напоминали о том, как важно самому королю побыстрее жениться и произвести на свет наследника. Секретные переговоры по этому поводу уже велись. Португальцы видели в Карле ценного союзника и забросили удочку первыми. В Англию был направлен Франциско де Мелло. Ублажив нужное число видных придворных щедрыми дарами, он добился свидания с Карлом и заговорил о возможности его женитьбы на португальской принцессе. Приданое, заверил он, превзойдет все ожидания. Карл с интересом выслушал де Мелло, но, когда тот возвратился в Португалию, повернулся в сторону его соперника-испанца, который предложил не только руку дочери герцога Пармы, но и крупные концессии, а также щедрую цену за перекупку двух территорий, захваченных Кромвелем, — Ямайки и Дюнкерка. Подобного рода международные сделки не могли не привлечь внимания французов, и Людовик XIV (омерзительный братец которого уже был женат на любимой сестре Карла Генриетте Анне) выступил в поддержку португальского предложения. Ту же сторону взял и Тайный Совет. Взамен на отправку в Португалию десятитысячной армии Карлу была обещана

не только рука Екатерины Браганза, но и торговые привилегии, богатые города Танжер и Бомбей, а также почти треть миллиона фунтов наличными.

В такой напряженной атмосфере ожиданий произошла коронация — торжественное, пышное событие, призванное подчеркнуть триумф монархии. Вечером накануне церемонии Карл, к восторгу подданных, самолично возглавил традиционную процессию, прошедшую от Тауэра к Уайтхоллу. Празднования начались на следующее утро, в восемь. Вновь из фонтанов били струи вина, солдаты, украшенные красными, белыми и черными перьями, маршировали по огороженным перилами и заново вымощенным улицам. На расходы казна не поскупилась. Кларендон, по свидетельствам очевидцев, «сверкал, как бриллиант», а одяние одного пэра стоило, по слухам, 30 тысяч фунтов. Конь без всадника, символизирующий мощь короны, был покрыт роскошной попоной, украшенный золотом, жемчугом и исключительной красоты рубинами, а на его стремянах сверкали 12 тысяч драгоценных камней. Вот подлинное торжество монархии! Поэты, живописцы, архитекторы, историки, проповедники одаривали просвещенную публику героическими образами, призванными восславить возвращение Стюартов на трон. Короля, принимающего скипетр в тридцать первый год своего рождения, уподобляли Христу, входящему во храм. Это новый Давид, новый Соломон. Его восхождение на трон означает возрождение Эдема после ужасов гражданской войны. Вновь наступил Золотой век, и триумфальная арка, сквозь которую проследовала процессия, словно символизировала славное будущее страны, демонстрируя распространение британского владычества, подобно тому, как под сенью королевского флота развиваются британские торговля и коммерция.

Церемония самой коронации должна была отличаться не меньшей пышностью, во всяком случае, для этого все было подготовлено. В годы междуцарствия большая часть королевских регалий пропала, так что для начала следовало заказать новые короны. На королевское одеяние ушли целые ярды золотистого и красного бархата и темно-красного шелка. Специально для короля были изготовлены ботинки на высоких каблуках с золотыми пряжками, и теперь он, и без того немаленького роста, еще больше возвышался над церковниками, собравшимися в Вестминстерском аббатстве, стены которого по такому случаю обили алой и голубой тканью. На представителей европейских держав все это произвело, как и задумывалось, сильное впечатление. Англия, страна, в которой всегда заключалась некоторая тайна, страна, язык, литературу и историю которой мало кто знал, страна, печально знаменитая казнью своего короля, ныне, после явно неудачных республиканских экспериментов, воочию заявляет о себе как о мощной монархии. В подтверждение этому собравшиеся приветствовали торжественный миг возложения короны громкими возгласами, а затем, подходя один за другим к возвышению, на котором стоял трон, и прикасаясь к короне, произносили клятву верности.

Средневековым великолепием отличался и гигантский пир, состоявшийся в Вестминстер-Холле. Начало его возвести главный церемониймейстер, лорд-распорядитель и лорд-констебль, каждый в праздничном одеянии пэров и на лошадях в пышных пополах. За ними, в темных атласных костюмах и бархатных шляпах, следовали люди, отвечающие за кухню. Заклучал процессию официальный королевский телохранитель. Сбросив на землю перчатку, он произнес освященную временем ритуальную фразу: «Если кто-нибудь, не важно, какого звания, высокого или низко-

го, не признает нашего суверена, Его Величество короля Карла II... перед вами его телохранитель, который скажет, что этот человек лжет, что он низкий изменник». Что ж, действительно, теперь Карл был сувереном своей страны и обладал, по крайней мере теоретически, высшей властью. Насколько он мог ею воспользоваться, насколько уверенно он мог проводить свою политику — вопрос иной.

Конфликт вышел на поверхность, когда в 1661 году на свою первую сессию собрался «Кавалерский парламент». Если что и можно сказать о его депутатах, то прежде всего что это были куда более воинствующие англикане, нежели их предшественники, и хотя целый ряд принятых ими актов был явно направлен на поддержку короля, другие акты должны были укрепить позиции сельской знати, пусть даже вопреки желаниям Карла. Таким образом, трудности возникли с самого начала. И король, и Кларендон настаивали, чтобы «Кавалерский парламент» как парламентский институт, избранный на основе королевского указа, подтвердил законодательные акты парламента прежнего созыва, и прежде всего Акт о добровольном и общем прощении, освобождении и забвении. Некоторые депутаты предлагали внести в него поправки, которые меняли суть дела и фактически были направлены против старых противников. Однако Карл этому решительно воспротивился. Акт должен быть подтвержден, это, не уставал подчеркивать король, дело чести. И в конце концов он своего добился.

«Кавалерскому парламенту» пришлось также решать финансовые проблемы. Предшественники постановили обеспечить короля годовым доходом, который они считали достойным его положения, — миллион двести тысяч фунтов, но, увы, во-первых, парламентарии неважно разбирались в финансах (например, в доходную часть бюджета

та акциз на вино включили почему-то дважды), а во-вторых, информация, на основе которой этот бюджет строился, скорее напоминала гадание на кофейной гуще. Наконец, налоговые поступления оказались гораздо меньше запланированных — не отработан был сам механизм сбора. В результате Карл сразу же залез в долги, и отныне годовой баланс станет для него головной болью до самого конца царствования.

Будучи целиком зависим в своих денежных делах от парламента (преимущественное право на получение дохода было утрачено давно), Карл представил депутатам свое положение в весьма мрачных тонах и заметил, что королям просить подаяние куда стеснительнее, нежели обыкновенным людям. Парламентарии пошли на уступки, предоставив королю дополнительное годовое содержание, но исключительно за счет введения непопулярного налога на тепло. Последний основывался на предпосылке, будто количество очагов в доме свидетельствует о благополучии хозяина. С характерным для парламентариев, но малообоснованным оптимизмом сторонники нового налога утверждали, что налог этот принесет миллион фунтов в год; на деле, однако же, сумма получилась в пять раз меньше, да и собрать ее оказалось совсем нелегко.

Законодательная деятельность «Кавалерского парламента» отражала в основном стремление подавить внутреннее сопротивление и свести до минимума силу религиозного нонконформизма. Один довольно комичный эпизод показал, что внутренние церковные распри все еще представляют угрозу миру в стране. Воодушевленный предсмертными выступлениями цареубийц, некто Томас Веннер, лондонский бочар и лидер церковной общины нонконформистов, вознамерился вместе с тремя десятками единомышленников захватить город и установить правле-

ние «святых». Система сыска еще не была отлажена должным образом, и в результате арестовали не тех, кого следовало: возникло опасение, что выступление Веннера — лишь часть организованного восстания. Охваченные паникой, власти запретили проведение стихийных митингов и подняли на ноги полицию. В провинции арестовали всех подозреваемых в инакомыслии. Среди них оказалось около пяти тысяч квакеров. Затем наступило некоторое отрезвление. Тайный Совет распорядился прекратить аресты и отпустить большинство квакеров-лондонцев. Атмосфера подозрительности тем не менее сохранялась, Карл не решился уменьшить охрану до обычного уровня, а страна в целом пребывала в страхе перед возможным бунтом.

Напуганные парламентарии поспешно приняли акт, направленный против демонстраций, — он ставил вне закона обращение с петициями, под которыми стояло более двадцати подписей, если на то не было специального разрешения как минимум трех мировых судей; при этом подавать петицию имели право не более десяти человек разом. Подавив эту форму общественного протеста, парламент далее принял так называемый Акт о лицензировании. Направленный против широкого распространения памфлетов, которые в поистине огромном количестве начали появляться после отмены в 1640 году цензуры, он восстанавливал государственный контроль над печатной продукцией. Этот шаг представлялся Карлу особенно важным. Он дважды обращался в парламент с требованием ускорить его принятие, что скорее всего объясняется острой реакцией короля на памфлет (так, во всяком случае, показалось многим читателям), в котором он сам стал объектом едкой критики за неблагодарность по отношению к давним приверженцам.

Затем закон обратил внимание на противников англиканской церкви. Первым ударом стал Акт о корпорациях.

Большие города считались рассадниками протеста, нонконформизм был здесь делом обычным, население политически активно. Многие из таких городов имели самоуправление, осуществляемое выборными органами — корпорациями, в чьей лояльности по отношению к короне и церкви можно было сомневаться. Палата общин готова была немедленно упразднить самоуправление, однако этому воспротивились лорды, полагавшие, что такие перемены нуждаются в непосредственном вмешательстве короля. Это, в свою очередь, не понравилось членам нижней палаты, им вовсе не хотелось, чтобы монарх занимался решением местных проблем. Спор зашел в тупик, выйти из которого удалось лишь благодаря новой редакции акта, отдающей дело на откуп специальным уполномоченным парламентской комиссии. Помимо введения этой надзирающей инстанции, от членов корпораций требовалось дать клятву верности высшей власти, публично осудить «Ковенант», как минимум раз в год принимать участие в церковной службе по англиканскому обряду, а также торжественно заявить о том, что выступление против короны невозможно ни при каких обстоятельствах. Таким образом «Кавалерскому парламенту» удалось убрать с видных постов диссентеров и пресвитериан, не расширяя при этом полномочий короля.

Как раз в конфессиональном законодательстве сельская знать англиканского вероисповедания и проявила главным образом свою неуступчивость. Уже на открытии парламентской сессии было принято постановление, по которому все депутаты должны были соблюдать англиканский канон, а полномочия тех, кто отказывался, приостанавливались. Текст «Ковенанта» публично уничтожили руками обыкновенного палача. По Акту о безопасности королевской особы церкви возвращалось положение, которое она занимала до гражданской войны. Ни на что меньшее, чем преж-

ний порядок в его чистой форме, парламентарии не соглашались, и сразу встал вопрос, как его сочетать с желанием короля сохранить добрые отношения с умеренными пресвитерианами. Карл всячески пытался сделать этот вопрос предметом более широкого обсуждения и решить вне стен парламента. Сначала он созвал Савойскую конференцию, затем, после ее провала, Синод — представительную ассамблею церковников. Однако заупрямилось и это возглавляемое Шелдоном собрание; парламент же ни в какую не соглашался принять пресвитерианские предложения, касающиеся текста молитвенника. В конце концов парламентарии безапелляционно заявили, что, если король воспротивится их воле, они могут пересмотреть билль об увеличении его финансового содержания. Шантажу Карл не поддался, но и попытки найти компромисс оказались тщетными, и первые его шаги, направленные на расширение свободы совести, фактически ни к чему не привели: около 1800 священников потеряли свои приходы. Победа англиканской церкви, и без того убедительная, вскоре стала абсолютной: вновь пробудившиеся в 1664—1665 годах страхи перед возможным восстанием заставили парламент принять Акт о тайных молельнях, возбраняющий встречи в количестве более пяти человек под «любым религиозным предлогом», а затем Пятимильный акт, запрещающий священникам и учителям, не подчиняющимся Акту о единообразии, приближаться менее чем на пять миль к месту, где они ранее проповедовали.

Результатом утверждения законодательных актов в области вероисповедания, широко, хотя и безосновательно известных под названием «Кодекса Кларендона», стали глубокие перемены в английской жизни, сказывавшиеся затем на протяжении не менее двухсот пятидесяти лет. Принятие этих актов означало, что англиканство сделалось

средоточием духовного, общественного и политического консерватизма в стране. Английская церковь с ее епископами, священниками и дьяконами сплотилась под сенью единой доктрины и одного и того же молитвенника. Консенсус был достигнут. В то же время верхушка церкви во главе с монархом фактически получила монополию на управление страной. Лишь те, кто разделял ее верования и ритуалы, мог занимать государственную должность. Таким образом, сложился союз между приходским священником и сквайром, союз, который потом наведет в стране порядок и дисциплину, а также покончит с фанатизмом «святых», жаждущих Нового Иерусалима. По всей стране усадьба и церковь сделались оплотом общественного порядка. Церковь, по крайней мере внешне, восторжествовала над часовней, а деревенская знать — опора англиканства — обрела влияние, от которого по своей воле уже никогда не отказывалась.

Принятие такого рода законов свидетельствовало о неспособности короля справиться с парламентом, падал и его личный престиж. Эйфория первых месяцев Реставрации быстро сменилась горьким разочарованием. Поведение Карла при обсуждении законов, касающихся жизни церкви и дворян-англикан, раздражало людей, а диссентерам не приносило ничего, кроме расстройств. Карл попытался было ослабить эффект новых законов, предложив принять Декларацию о веротерпимости, но натолкнулся на сопротивление палаты лордов. Это лишний раз засвидетельствовало, что возможности короля ограничены, и в то же время усилило всеобщие сомнения по поводу его истинных религиозных воззрений. «Одобрительные ссылки на римско-католическую церковь многих шокируют», — отмечает Генри Беннет. Человек утонченный и способный, протезе Барбары Палмер, он лишь недавно вошел в круг

приближенных Карла и сразу, как отмечают очевидцы, обнаружил умение «усмирять его нрав».

А вот властный Кларендон таким умением решительно не обладал или не хотел им пользоваться. Это он нес основную долю ответственности еще за один, на сей раз не имеющий отношения к церкви проект, который лишь способствовал дальнейшему падению популярности короля, продажу Дюнкерка. Дюнкерк — один из крупнейших внешнеполитических успехов Кромвеля, тем более ценимый в Англии с ее традиционной франкофобией, что впервые с отдаленных уже времен царствования Марии Тюдор, когда был потерян порт Кале, англичане получили плацдарм на французской земле. Иное дело, что защищать Дюнкерк было трудно, практической пользы от него никакой, а содержание его обходилось очень дорого, особенно когда в казне оставалось мало денег. Кларендон охотно ухватился за идею продать порт Людовику XIV, но публика, и без того недовольная новым налогообложением, узнав о готовящейся сделке, заволновалась всерьез.

На все это накладывались мотивы, особенно раздражавшие англичан. Карл и его окружение быстро завоевали репутацию гуляк и юбочников. Еще в сентябре 1661 года Пепис, человек вообще-то либеральных взглядов, записывал в дневнике: «Дела при дворе обстоят худо — подковерная борьба, зависть, нищета, сквернословие, пьянство, разврат. Не знаю, чем все это кончится». Неудивительно, что по всей стране ходили сплетни. Говорили, будто при дворе свирепствует сифилис. И что в карты там режутся день и ночь. И что придворные пьют как сапожники. Как-то группа юных бездельников, известных своей близостью королю, обедала в таверне на Боу-стрит. В какой-то момент один из них, сэр Чарлз Седли, уже изрядно подвыпив, вышел на балкон и произнес издевательскую проповедь. Прохожие забросали

ли его грязью и камнями. В ответ они получили то же самое. «Перестрелка» продолжалась до появления стражи. Седли взяли, судили, отправили в тюрьму, затем под домашний арест, но тем дело не кончилось. Пепису кто-то сказал, что на протяжении всей сцены Седли щеголял голышом. По дороге в Оксфорд история обросла новыми подробностями: якобы не только он, но и все остальные были пьяны, а любители «жареного» во Флинтшире слышали, что вместе с молодыми людьми разделись и официантки — все шестеро. Иные поджимали губы и бормотали под нос, что от двора, где привечают французских наставников, носят парики и пользуются косметическими средствами, другого нельзя и ожидать.

Но больше всего судачили, конечно, о самом Карле. Со времен Генриха XVIII королевская распущенность так не бросалась в глаза. Возвращение на трон словно высвободило в Карле глубоко запрятанную чувственность, превратившуюся со временем буквально в манию. Власть дала ему возможность удовлетворять все свои желания, и он пользовался этой возможностью безудержно. Лорд Галифакс был, несомненно, прав, Карла «влекло к женщинам, ибо это был физически исключительно здоровый и сильный мужчина»; иное дело, что ничего «ангельского» в этой любви, конечно, не было, а вот ущерб авторитету короля она наносила немалый. Быть может, легенды о размерах королевского пениса (поэт Рочестер утверждал, что по длине он равен его же скипетру) и способны вызвать улыбку, но слухи о разврате, царящем при дворе, постепенно начали вызывать в стране содрогание.

Пепис, которого никак нельзя назвать ханжой, считал, что язык друзей короля «настолько груб и непристойен, что от него у слуг уши вянут». Ему было чрезвычайно неприятно думать, что король «распоряжается женщинами, как

рабынями». Пепис, подобно многим из подданных Карла, всерьез задумываясь над этой его страстью, в конце концов пришел к выводу, что король, хотя у него и было множество внебрачных детей, в глубине души просто был влюблен в женскую красоту. «Карл, — пишет он, — проводит большую часть времени в постели, лаская женщин; другого ему ничего не надо, достаточно и этого, и от такого распутства ему не отказаться никогда».

Все это было весьма печально и как-то не по-английски. Пепис считал, что власть хоть как-то должна демонстрировать свою религиозность, да и «умеренность... настолько соприродна обыкновенному англичанину, что ее никак из него не вытравить». Но пугало не одно лишь любвеобилие Карла. Столь же (если не более) опасной многим казалась распущенность придворных дам. Условности были отброшены настолько, что даже мужчины чувствовали неловкость. Сама мысль о том, что женщины могут пить, предаваться азартным играм и говорить непристойности легче мужчин, казалась возмутительной. Тревога становилась все глубже, особенное отвращение вызывала Барбара Палмер — дама откровенно властная, честолюбивая, алчная и к тому же сделавшаяся реальной политической силой, что для многих было совершенно неприемлемо.

Визиты Карла к Барбаре стали настолько привычными, что даже стража шушукалась, когда он в разное время дня и ночи возвращался в свои дворцовые покои от женщины, которую Джон Ивлин называл «проклятием нации». Пепис, правда, был не столь категоричен. В конце концов Барбара была сексуальным символом века, когда мужчины отнюдь не скрывали своих походов. Больше того, Барбара Палмер явно имела сильную, хотя и двусмысленную власть над Пеписом. Он жаждал иметь ее портрет и в конце концов купил литографию. В дневнике Пепис оста-

вил весьма откровенные записи, касающиеся Барбары. Увидев ее чулки и кружевную нижнюю юбку развешанными во внутреннем дворе Уайтхолла, он, по собственному признанию, «получил удовольствие от одного взгляда на них». Когда служанка его начальника рассказала о Барбаре сальную историю, Пепис настолько возбудился, что набросился на девушку и «кончил в штаны».

В то же время Пепис отдавал себе отчет в том, что Барбара оказывает на Карла недоброе влияние, и страшился того, что это видно всем. В феврале 1661 года у Барбары родилась дочь Анна, и хотя все считали, что ее отец — прежний любовник Барбары лорд Честерфилд, Карл в конечном итоге признал девочку своей дочерью, главным образом имея в виду перспективы ее замужества. Тем временем роман матери Анны с королем встречал все большее сопротивление. Вдовствующая герцогиня Ричмондская как-то выразила надежду, что бесстыжая Барбара закончит жизнь, как Джейн Шор, злополучная любовница Эдуарда IV: она умерла в нищете, а тело ее было брошено в навозную кучу. Кларендон, родственник Барбары по линии своей первой жены, с трудом заставлял себе произнести ее имя, чаще всего называя ее «этой женщиной». Как-то случилась неприятная сцена: трое мужчин в масках, скорее всего придворные, остановили Барбару в Сент-Джеймском парке и осыпали ее ругательствами. Она в страхе бежала домой.

Карл не обращал на поднимающийся вокруг ропот ни малейшего внимания. Чтобы закрепить за Барбарой положение первой любовницы, а также дать статус детям, которых она может от него родить, Карл решил наградить ее мужа-рогоносца титулом ирландского пэра. Его и унаследуют дети Барбары. Это был явный и оскорбительный вызов обществу, но то обстоятельство, что Карл избрал имен-

но такое звание, свидетельствует о том, что он все рассчитал, включая и сопротивление со стороны Кларендона. А на Ирландию власть лорд-канцлера не распространялась. Карл приказал своему статс-секретарю заготовить указ о производстве мистера Роджера Палмера в сан барона Лимбрика и графа Калсмана и «дать его на подпись уже к обеду». Тот повиновался, и в 1662 году Барбара родила от Карла сына уже в качестве графини Калсман. Мальчика окрестили Карлом в вестминстерской церкви Св. Маргариты, но сам обряд крещения вызвал яростную стычку Барбары с Роджером Палмером, в то время прихожанином римско-католической церкви, и когда она вылетела из его дома, захватив с собой все ценности, которые сумела рассовать по карманам, он, непримиренный, отправился во Францию. Свежеиспеченная графиня была только рада избавиться от этой обузы, но тут случилась неприятная неожиданность: она столкнулась с соперницей.

Теперь Карлу предстояло ввести в медвежью берлогу двора английской Реставрации свою будущую жену. Между тем мало кто из женщин того времени был бы столь же плохо подготовлен к этому знакомству, как Екатерина Браганза. Да и не подходила она для этой среды. В свои двадцать три года девушка жила настолько замкнуто, что светская жизнь оставалась для нее тайной за семью печатями. Воспитывалась она как истовая и даже фанатичная католичка, и путешествие в местную часовню, чтобы помолиться при известии о своем надвигающемся замужестве, было едва ли не единственным ее выходом за пределы дворца, где она жила в Португалии. Подготовившись таким образом, Екатерина Браганза отправилась в долгий, сопровождавшийся штормами морской переход в Англию. С ней вместе была ее свита, состоявшая из духовников, парикмахеров, парфюмеров, глухой дуэньи и шестерых «страхолю-

дин»-фрейлин, чьи уродливые юбки с фижмами и пуританские нравы в скором будущем доставят ей немало неудобств. По прибытии на место робкая маленькая принцесса попросила чашку чая, но в те времена это была еще редкость, чая не нашлось, и ей пришлось удовольствоваться бокалом слабого пива. Внешность у нее была не слишком впечатляющая. Ивлин описывает женщину «невысокую, хотя и неплохо сложенную, с печальными красивыми глазами, выступающими вперед зубами, портящими рот, но в остальном довольно приятную». Однако самого короля больше всего удивили волосы невесты, густыми прядями ниспадающие с обеих сторон лба. «Господа, — якобы сказал Карл своим приближенным, — вы привезли мне летучую мышь».

Принцесса, естественно, была католичкой, и к ее бракосочетанию с Карлом готовились со всем тщанием. Португальский посол твердо заверил английского короля, что Екатерина при всей своей набожности «полностью свободна от фанатизма, который отличает столь многих приверженцев этой веры, делая их совершенно непереносимыми в общении». Тем не менее декорум должен был быть соблюден. Кларендон всячески настаивал, чтобы Карл отправился в Портсмут встречать принцессу в сопровождении какого-нибудь епископа-англиканина, подчеркивая тем самым свои протестантские симпатии. Согласились на том, что из уважения к чувствам Екатерины будет тайно проведена краткая служба по католическому обряду, но для широкой публики чрезвычайно важна была именно протестантская церемония. Ее и провели в Большой Палате официальной резиденции портсмутского губернатора. Королевская чета восседала на троне, отделенном от собравшихся высоким помостом. По завершении церемонии от платья принцессы отвязали по португальской традиции так

называемые любовные узелки из голубого шелка и роздали их гостям, но от этого брачная ночь успешнее не стала. Из-за морского перехода у Екатерины разладились ее женские дела, и Карл, утомленный собственным путешествием, писал впоследствии, что «это только способствовало сохранению чести нации, ибо, по правде говоря, спать хотелось невероятно».

В эти первые дни Карл желал быть со своей неопытной юной женой как можно отзывчивее. Ведь Екатерина, сразу оказавшаяся под властью его обаяния, явно хотела во всем ему угодить. Карл писал Кларендону: «Если я что-нибудь понимаю в людях — а думаю, это так и есть, — королева прекрасная женщина». Испытание праведности не замедлило произойти. В переписке с дочерью португальская королева-мать предупреждала ее насчет леди Калсман и энергично советовала ей, чтобы она даже имя этой дамы запретила называть в своем присутствии. Но графиню, ожидавшую от Карла ребенка, было не так-то легко укротить. Со всей решительностью она потребовала, чтобы роды состоялись в Хэмптон-Корте, где проводили свой медовый месяц Карл и Екатерина. Король отказал, но его любовница, явно не желая примириться с поражением, сделала весьма характерный для себя ход.

При дворе был пущен слух, будто окружающие королеву девственницы оказывают на нее, по мнению Карла, нежелательное иноземное воздействие. Они не понимают английских нравов и отказываются спать в постели, которую когда-либо занимал мужчина, а также с отвращением относятся к английской привычке оправляться на людях, жалуясь, что «и шагу не ступишь, чтобы на каждом углу не увидеть свинью-англичанина, поливающего стену». Ясно, что от этих дам с их предрассудками надо срочно избавляться. Между тем, пока на место первой фрейлины коро-

левы из англичанок претендовала одна лишь графиня Суффолкская, леди Калсман увидела, что и у нее лично есть шанс. Она устроила королю несколько сцен с заламыванием рук и слезами, сыграла на чувстве вины, которое он не мог не испытывать, и в конце концов сломила сопротивление венценосца: теперь претендентский список возглавляла она.

К изумлению Карла, его послушная маленькая королева вспылала латинским гневом. Повторяя с явным отворачиванием ненавистное имя, она заявила, что если король будет настаивать на том, чтобы при дворе появилась эта дама, пусть он лучше отошлет ее, Екатерину, назад в Португалию. Карл попытался было успокоить жену: мол, все это дело прошлое, с графиней у него покончено. Это была откровенная ложь, о чем Екатерина уже прекрасно знала. Так или иначе, графине удалось уговорить любовника включить ее в круг дам, которых должны были представить королеве. Когда рука Екатерины протянулась для поцелуя, одна из «страхолюдин» наклонилась к ней и прошептала на ухо имя женщины, стоящей перед нею на коленях. Королева отдернула руку. Последовали слезы, кровь из носа, и Екатерина в судорогах вынесли из комнаты.

Замять дело поручили Кларендону. Карл же, заставив других стирать свое грязное белье, упорно сохранял остатки собственного достоинства. В разговоре с лорд-канцлером он прямо заявил, что честь обязывает его не оставлять мать своего ребенка, а долг жены — повиноваться мужу. В противном случае, добавил Карл безо всякой видимой логики, он возьмет себе кучу любовниц, лишь бы только досадить ей. Кларендон принял за дело. Снова полились слезы, начались бесконечные разговоры. Униженной королеве было ясно дано понять, что английский закон требует от нее взять фрейлиной даму, которую они оба с лорд-канцлером ненавидят, хоть и по разным причинам. Разгне-

ванная Екатерина заявила, что немедленно возвращается в Португалию. «Вы не можете уехать без согласия его величества», — возразил Кларендон. Карлу же он посоветовал выждать несколько дней — пусть дело уладится само собой. Когда супруги наконец встретились, крик был слышен во всем дворце. Королева несколько дней проплакала, упрямо отказываясь даже видеться с мужем. На Карла это, похоже, произвело некоторое впечатление. Оказывается, у его жены есть сила духа. Это новость. Карл почувствовал себя пристыженным, и хотя от своего отступить был не намерен (и действительно, в конце концов Екатерина вынуждена была сдаться), его чувства к жене сделались глубже, чем он прежде мог себе представить.

Леди Калсман получила свое место, правда, за него пришлось заплатить: король явно потеплел к жене. Впрочем, графине нужно было нечто большее, нежели положение при дворе королевы. Конечно, это имело значение, и немалое: сопровождая Екатерину, куда бы та ни пошла, Барбара была всегда на виду. Но этого ей было недостаточно. Графиня желала ясного и недвусмысленного признания своей роли первой любовницы короля. Она хотела иметь покои в Уайтхолле и, получив их в апреле 1663 года, принялась со всем энтузиазмом обживать. По уши влюбленный в Барбару король регулярно туда навещался и несколько не возражал, что его любовница принимает там и других. Быть может, этой терпимости способствовал его собственный любвеобильный нрав. Среди визитеров леди Калсман были такие известные люди, как сэр Чарлз Беркли, Джеймс Гамильтон, лорд Сэндвич и похотливый племянник Генри Джермина. Даже первый внебрачный сын короля, Джеймс Крофтс, которому исполнилось уже 13 лет и который был, судя по миниатюре Сэмюэла Купера, неотразимо привлекательным подростком, проложил себе

путь в ее спальню. У Джеймса, правда, была уже к этому времени собственная любовница, но неизменно наблюдательный Пепис отмечал, что герцог Монмат (как вскоре все станут называть молодого человека) «постоянно трется подле леди Калсман».

Дети, прижитые королем с леди Калсман, всегда были под рукой у любящего отца, а когда они ему надоедали, его ждал богатый стол графини, высоко ценимый даже французским послом. Король проводил в покоях любовницы — на что она и рассчитывала — все больше и больше времени. Даже Пеписа, при всем его восторге перед женщинами, это шокировало. «Леди Калсман, — записывал он в дневнике, — вертит им как хочет; в ее распоряжении — все любовные ухищрения Аретино*, в которых и он знает толк, не зря ведь... у него длинный; но в том-то и беда, ведь, как говорится в итальянской пословице, «Cazzo dritto non vuol consiglio»** Результат всего этого был и предсказуем, и ужасен. Политику Карла отныне определяла похоть. «Если одни советники, люди здравомыслящие, — записывает Пепис, — дают королю хороший совет и подталкивают его к действиям, идущим ему на пользу, то другие — советники в удовольствиях, которые подкатываются к нему, когда он пребывает в компании леди Калсман, в настроении веселом, и всячески убеждают не слушать этих старых, выживших из ума олухов».

Среди «старых олухов» был и Кларендон. Графиня, зная, как он к ней относится, отвечала ему ненавистью прямо-таки утробной. Она во всеуслышание заявляла, что хотела бы видеть его голову на пике, а поскольку это было за

* Пьетро Аретино — прозаик времен Возрождения, автор известных эротических сюжетов.

** Мужчина, у которого «стоит», ничего не желает слушать.

пределами ее возможностей, решила окружить его врагами. В осуществлении этого плана главным оружием Барбары были Беннет и лорд Дигби. Их-то графиня всячески и побуждала очернять в глазах короля финансовую и церковную политику лорд-канцлера; особые надежды она возлагала на Беннета, которого король в последнее время приблизил к себе: сделал государственным секретарем и предоставил ему резиденцию в Уайтхолле, что открывало этому вельможе прямой доступ к его величеству. Но Карл, полностью поглощенный любовницей, уделял повседневным государственным делам все меньше и меньше внимания. Кларендон был в отчаянии. «Хуже всего, — писал он Ормонду, — что король, как обычно, рассеян и делами почти не занимается. Это буквально разбивает мне сердце. Просто руки опускаются. И не только у меня, но и у других ваших друзей». Карл перестал наносить домашние визиты лорд-канцлеру, и ведение внешнеполитических дел перешло в основном к Беннету.

Но даже при том, что леди завлекала Карла на потенциально опасный политический путь, влияние ее на короля все-таки было уже на ущербе. Почти весь 1663 год она была беременна (ребенок, Генри Палмер, родился в сентябре и лишь позже был признан Карлом), а между тем при дворе у нее появилась опасная соперница в лице прелестной пятнадцатилетней особы Фрэнсис Стюарт. Даже Генриетта Анна, знавшая ее по Парижу, отзывалась о ней как о «редкостно очаровательной девушке, способной украсить своим присутствием любой двор». *La belle Stuart*, как ее все называли, разительно отличалась от леди Калсман. Она была миниатюрна, наивна и довольно глупа, разговорам о политике предпочитала строительство карточных домиков и при том, что была падкой на лесть и склонной к флирту, отличалась совершенной, неправдоподобной невинностью.

Карл увлекся ею не на шутку, и вскоре парочка уже не скрывалась от публики.

Как обычно, Пепис с интересом наблюдал за происходящим издалека. Таких красоток, как *la belle Stuart*, писал он, «я в жизни не видывал; пожалуй, она превосходит даже леди Калсман... неудивительно, что король к ней переменялся, о причинах его нынешней холодности гадать не приходится». Пройдет совсем немного времени, и объект его вожделений будет избран символом Британии для чеканки английских монет: профиль Фрэнсис Стюарт будет украшать их почти три столетия. Иное дело, что графиню не заставишь так просто капитулировать. Она была слишком умна, чтобы бороться в открытую. Прикинувшись подругой, наставницей, старшей confidentкой юной девушки, леди Калсман приглашала ее на приемы, где наверняка должен был появиться король. На одном из таких приемов она, чтобы раззадорить Карла, затеяла нечто вроде спектакля с лесбийскими мотивами. Графиня и Фрэнсис, пройдя через воображаемую брачную церемонию, удалились — впрочем, на глазах у зрителей — в супружескую спальню. Миледи играла роль мужа и лишь с появлением Карла уступила ему свое место, приглашая возлечь с Фрэнсис. Однако король не позволил игре зайти слишком далеко. Он всерьез привязался к девушке.

А осенью 1663 года случилась уже действительная и куда более печальная постельная сцена. Екатерина Браганза всерьез заболела. Карл сидел у ее изголовья, испытывая одновременно чувства сострадания и вины. У жены явно началась лихорадка, мысли больной путались, и наружу прорвался вечно преследующий ее страх. Екатерине показалось, что она разрешилась «мальчиком-уродцем».

— Нет-нет, что ты, очень славный мальчуган! — Карл вложил в свои слова всю нежность, на какую только был способен.

Екатерина продолжала что-то бессвязно говорить о ребенке, а потом спросила:

— Как дети?

Это был один из самых трудных вопросов эпохи Реставрации. У королевской четы при всех стараниях ничего не получалось с рождением наследника престола, который рассеял бы приближающиеся тучи.

Глава 11

ВСАДНИКИ АПОКАЛИПСИСА

Оглядываясь окрест, Карл видел за границами своего королевства три континентальные державы. Самой могущественной среди них, бесспорно, была Испания, но сейчас она находилась в стремительно прогрессирующем упадке. Испанская империя охватывала огромные пространства Южной Америки и немалую часть Европы, однако попытки управлять такими огромными и богатыми территориями обессиливали страну. Истощение, углубляющаяся нищета приводили к таким унижениям, как, например, утрата после восьмидесятилетней войны Северных Нидерландов, не говоря уже о возрастающей зависимости от чужеземцев, у которых доставало воли и знаний руководить больной испанской экономикой. Национальный упадок находил гротескное отражение в положении испанской королевской семьи. После смерти в 1665 году Филиппа IV его наследником стал слабоумный Карлос II, жертва кровосмесительных браков и габсбургского наследственного уродства: его нижняя челюсть выдавалась вперед так сильно, что в тех нечастых случаях, когда он закрывал рот, верхние зубы не сходились с нижними. Европейские властители следили за ним с ястребиной зоркостью, рассчитывая,

что долго такой король не протянет, а после его смерти за подвластные ему гигантские территории можно и побороться, отхватив при удаче кусок повкуснее.

В то же время Франция являла собой картину сильной, процветающей и амбициозной державы, возглавляемой молодым и способным властелином. Вскоре после смерти кардинала Мазарини (1661) двадцатидвухлетний Людовик XIV объявил, к изумлению своих министров, что страной будет править сам. И надо сказать, мало кто из королей был лучше подготовлен к выполнению многообразных обязанностей, которые накладывает абсолютная власть. Людовик получил превосходное образование и в отличие от Карла II был на редкость трудолюбив. Целые дни он проводил за рабочим столом, переваривая огромное количество информации, которую по его настоянию ему поставляли. К тому же это был человек железной воли и безграничного тщеславия: слава победителя его прельщала, как ничто другое. И впрямь, слава была целью всех действий Людовика, ради нее он собрал гигантскую армию и восстановил флот — силы, которые должны были обезопасить границы от Габсбургов и императора Священной Римской империи, придав вместе с тем весомость притязаниям на те территории, которые он считал своим законным наследством.

Людовик был — и чем дальше, тем очевиднее — не только образцом деятельного и целеустремленного повелителя. В глазах многих он воплощал саму суть абсолютизма. Подобно Карлу, он был свидетелем погружения своей страны в пучину гражданской войны. Ему были ведомы опасности и унижение бегства, открытое неповиновение и непростые вопросы парламентариев, желающих ограничить королевскую власть. Но Людовик в отличие от английского короля правил, сидя на троне, который не был окружен людьми, подвергающими сомнению его волю. Он мог стро-

ить политику и назначать министров, не обращившись опасливо всякий раз через плечо и не отвлекаясь в своих претензиях на поиски средств. Наделенный способностью заставлять людей беспрекословно повиноваться своей воле, Король-Солнце в результате, пребывая посреди сказочной роскоши Версаля, сделался монархом, не признающим никакого земного авторитета.

И наконец, Голландия — у нее своя, особая история. Это была федерация, состоящая из семи провинций, освободившихся сначала от испанского владычества, а затем от угрозы абсолютизма, символом которого выступала местная аристократическая семья номер один — Оранский дом. Власть дается деньгами, и первую скрипку в стране играл грозный Ян де Витт, главный распорядитель кредитов провинции Голландия, в крупнейших городах которой, и прежде всего в Амстердаме, производилась продукция, обеспечивающая половину национального дохода. Такие масштабы позволяли Голландии и лично Яну де Витту оказывать решающее воздействие на властный орган страны, Генеральные Штаты, и быть, таким образом, ведущими игроками на европейской политической сцене.

Процветание Голландии зиждилось на коммерции. Голландцы скопили огромные валютные резервы, Амстердам стал крупнейшим в мире денежным рынком. К тому же на страну работала обширная коммерческая сеть в Африке и особенно на Востоке, не говоря уже о мощной системе европейских перевозок — реках и каналах, открывающих удобный доступ в голландские склады крупным партиям товаров, на чем и держался весь бизнес. Почти ничего не производя сами, голландцы зарабатывали на услугах, и другие страны, особенно Англия, посматривали на них с откровенной завистью. Она проявилась, в частности, в привычных сетованиях сэра Уильяма Петти. «Разве не через

них идет, — вопрошал он, — сахар с запада? Лес и железо из Прибалтики? Олово, свинец и шерсть из Англии? Пенька из России? Пряжа и красители из Турции?» История преподает простой урок: «Богатыми были те античные республики и империи, которые занимались перевозками». То же самое справедливо и для второй половины XVII века.

Англия времен Реставрации в этом смысле заметно отставала. С укреплением монархии английские купцы накопят огромные богатства, завалив мир шелками и специями, красным деревом, табаком, сахаром, самым разнообразным сырьем, а также такими экзотическими товарами, как панцири черепах, певчие птички, шоколад и огурцы. Многие наживутся на таком гнусном явлении, как работорговля, — впрочем, в 1660 году перспективы ее были еще невнятные. Огромные торговые корпорации елизаветинских и ранних стюартовских времен, например, «Мерчант энд Гринлэнд эдвенчерерз», «Левант», «Африка энд Ист-Индия кампаниз», то залезали в долги, то становились жертвой мошенничества и острой зарубежной конкуренции. Даже треску, плавающую в английских водах, ловили и продавали другие.

Тем не менее если не все, то многие понимали, что «торговля способствует укреплению абсолютной власти монарха в большей степени, нежели оружие и территории», и поскольку внешняя торговля оставалась монополией короны, то правительство предпринимало огромные усилия, чтобы улучшить ситуацию в этой сфере. Подтверждались льготы старых, традиционных торговых компаний. Учреждались новые. Начиная с 1660 года был издан ряд навигационных актов, существенно корректирующих прежние. Направлены эти реформы были, как говорилось в первом же из вновь принятых документов, на «увеличение грузооборота и поощрение навигации в стране». Открытый кон-

фликт с голландцами представлялся неизбежным, и молодежь при дворе Карла II, особенно приближенные герцога Йоркского, главнокомандующего военно-морскими силами страны, ожидали его с нетерпением. Юные офицеры флота были амбициозны, жаждали наград и повышения по службе, ну а гражданские чиновники из окружения Якова видели в войне с голландцами возможность вытеснить старую, испытанную гвардию — вроде Кларендона: все более и более мучимый подагрой, он оставался одним из немногих, кто последовательно выступал против любых насильственных действий.

В свою очередь, в кругах Якова насилие представлялось способом обогащения, так что публичная политика была лишь прикрытием личной корысти. Иное дело, что эта корысть подогревалась ненавистью к республиканской форме правления у голландцев. Говорили, будто они, лишенные родовой аристократии, откуда выходят естественные лидеры, не обладают ни чувством чести, ни мужеством, необходимыми для успешного ведения войны. Короче, гром победы раздавайся! — победа английского оружия будет быстрой и решительной, купцы разбегутся из поверженной республики, сама Голландия развалится на куски, а Англию ждет великолепный триумф. Мало того, что такого рода громогласные заявления отличались высокомерием, они еще совершенно не учитывали плачевного состояния английского флота. Лучше других отдавал себе в том отчет Сэмюэл Пепис, офицер канцелярии адмиралтейства. Вот одна из записей его дневника за 1664 год: «Сейчас только и разговоров о том, что будет с голландской торговлей в случае войны; все вроде бы ее ждут не дождутся, полагая, что на данный момент мы сильнее; но я лично ожидаю ее со страхом».

Поначалу Карл, похоже, оставался совершенно равнодушным к военным замыслам брата, но затем занял не-

сколько двусмысленную позицию, что, впрочем, будет характерно для всего его царствования. С одной стороны, он публично поддержал идею мирной и дружественной договоренности с голландцами. Но с другой, не уставая повторять миролюбивые слова, все больше склонялся в пользу военного решения вопроса. К тому же на него, хотя и не напрямую, учитывая его природную лень, оказывали давление, и ключевую роль здесь играл сэр Чарлз Беркли. Будучи своим человеком и в кругу леди Калсман, и в кругу герцога Йоркского, он занимал самую удобную позицию для завоевания доверия короля. Беркли нашептывал Карлу, что, поддержав торговую войну с Голландией, тот значительно улучшит свое благосостояние и впоследствии сможет избавиться от опеки парламента. Все это прекрасно, но, согласуясь со своим чаще всего непоследовательным стилем руководства, король предоставил придворным и чиновникам самим проявлять инициативу. А это означало, что страна движется к войне.

В то время как Яков со своими приближенными пытался подтолкнуть Карла к открытому конфликту с Голландией, его посол в Гааге сэр Джордж Даунинг оказывал на голландцев дипломатическое давление, вымогая торговые концессии и пытаясь возмутить людей против их правителей, в особенности де Витта. Цель и Яков, и Даунинг преследовали одну и ту же, однако посол руководствовался мотивами, отличными от желаний двора. Если Яков и его люди хотели войны, ибо она, по их расчетам, обогатит казну и таким образом поднимет авторитет королевской власти, то Даунинг заботился прежде всего о благосостоянии всей нации. Работая день и ночь, вникая в малейшие детали, он рисовал перед своим внутренним взором картину Британии как процветающего торгового государства. Его усилия нашли поддержку в виде решительных дей-

ствий со стороны англичан. Мелкие стычки происходили зимой 1663—1664 годов на западном побережье Африки, где нападению подверглись принадлежащие Голландской Ост-Индской компании форты, в также в Америке, где англичане захватили Новые Нидерланды. Де Витт отказался пойти на мировую, напротив, он явно собирался ответить ударом на удар, и тогда англичане начали нападать на голландские торговые суда.

Яков и его окружение, решив, что война неизбежна, стали обрабатывать в этом духе парламент и городские власти Лондона. Им хитростью удалось убедить соответствующий парламентский комитет обнародовать цифры, из которых следовало, что финансовые потери Англии из-за конкуренции со стороны голландцев столь велики, что для «чести, безопасности и благосостояния страны в будущем» необходимы самые решительные действия. В конце октября 1665 года парламент специальным постановлением выделил три миллиона семьсот пятьдесят тысяч фунтов, но, как обычно, собрать их оказалось делом нелегким; более того, недостача оказалась настолько велика, что под угрозой попали не только долгосрочные военные перспективы, но и карьера Кларендона, который упрямо отказывался реформировать систему финансирования, что могло бы способствовать увеличению доходов. Семена крупных перемен произрастают в глубинах надвигающихся кровавых катаклизмов.

Яков, воодушевленный своим положением морского военачальника, которому предстоит повести флот в сражение, совершенно новое по своему характеру, с энтузиазмом принялся за подготовку. Столкнувшись с голландцами, он и его окружение не только приумножат собственное состояние и поднимут личный авторитет в стране; они определят саму технологию власти при Реставрации. До Кромве-

ля морские сражения в Северной Европе, как правило, велись силами переделанных на военный лад торговых судов. Водоизмещение их было невелико, вооружение слабое, и поэтому они представляли удобную мишень. Ныне сроки таких судов вышли, и на их месте появились «большие корабли», ошестинившиеся сотней орудий. Ясно, что подобное суда нуждаются в основательном и регулярном осмотре, а это означает повышенные требования к докам, судостроителям и артиллеристам. Война на море приобрела новые масштабы, и денег на нее уходило немерено.

Даже в мирное время на содержание флота шла впечатляющая сумма — 500 тысяч фунтов в год; таких денег в бюджете никогда не было, и это заставляло влезать в долги, бремя которых становилось все более непосильным. Истощенность морского кредита сделалась постоянной головной болью власти и вынуждала ее идти на крайние меры. При отсутствии крупных сумм наличными приходилось использовать в качестве оборотного средства товары, цены на которые задирались безбожно. Порой дефицит наличных денег был настолько велик, что даже с матросами оказывалось нечем расплатиться; приходилось списывать корабли — слишком дорого стоил их ремонт. В доках дело обстояло так плохо, что летом 1665 года канатные мастера вышли на демонстрацию, а докеров Портсмута, которым давно уже не платили ни пенса, хозяева повыкидывали из квартир на улицу, и люди попросту умирали от голода.

Вот на этом-то обескураживающем фоне Яков и начал готовить свой флот к сражениям. В его распоряжении было 98 боевых кораблей, включая 3 «больших судна», или «первоклассника», 11 «второклассников», 15 «третьеклассников», 32 «четыреклассника» и 11 «пятиклассников», а остальные — бывшие торговые суда, брандеры и катера. К концу марта 1665 года на борту флагмана «Ройал Чарлз»

ежедневно проводились совещания высшего офицерства, участники которых склонялись к тому, что войну можно выиграть быстро, если сразу же заманить голландцев в открытое море и заставить их принять крупное сражение. Главное — подойти к противнику с наветренной стороны, а затем либо обрушить на него артиллерийский огонь, либо взять суда на бордаж и отвести на мелководе. С наветренной стороны можно и приблизиться незаметно, и атаковать с максимально удобной позиции. Бомбардирам не будет мешать дым, к тому же легко спустить на воду брандеры, которые обычно сеют панику в рядах противника.

Рядовые моряки, которым предстояло осуществить этот замысел, по-прежнему несли на себе главное бремя тяжести флотских долгов; они дурно питались, платили им мало и нерегулярно. А хуже всего, что многие стали жертвами совершенно варварских методов вербовки. Любого, у кого был хоть ничтожный морской опыт, могли призвать на службу. Моряков на торговых судах, направляющихся домой, «впечатляли». Мужчин и даже подростков, гонявших барки по Темзе, хватали на месте. В прибрежных графствах местная власть прочесывала дом за домом; кого находили, забирали сразу же, остальным оставляли уведомление с четко выраженной альтернативой: либо морская служба, либо тюрьма. Потребность в людях была столь велика, что даже фермеров прямо с полей отправляли на корабль, забирали и семидесятилетних; потом, правда, убедившись, что для службы они не годятся, отпускали домой без гроша в кармане. Да и вся эта команда: оборванцы, больные, необученные, иные почти дети — на что она годилась?

В воскресенье 28 мая стало известно, что голландский флот вышел в море. Шпионская сеть, созданная Даунингом, действовала исправно, информацией командующего флотом снабжали регулярно, и ему сообщили, что голланд-

цы получили приказ атаковать, хотя их командир, Якоб ван Обдам, был человек больной, да и начальник никудышный: новейшую тактику он применять не хотел и не умел, не способен был и объединить разрозненные группы своих моряков. Готовясь к столкновению в открытом море, Яков распорядился идти к Саусволдскому заливу. Там противники встретились и даже сблизились, ибо направление ветра изменилось, что и позволило Якову подойти с желаемой наветренной стороны. К четырем утра 3 июня оба флота, подгоняемые свежим бризом, оказались на траверзе Лауэстофта. Корабли англичан шли под белым флагом впереди, голубым в арьергарде и алым (эти были вооружены лучше всех) посередине. Все заняли свои места. Капитан и боцманы — на полуюте, готовые отдавать приказания. Артиллеристы у орудий. В трюме — плотники, если придется срочно латать дыры, на своем месте — корабельные капелланы и хирурги, в чьи руки попадут раненые и умирающие.

Сначала флотилии, обмениваясь выстрелами, трижды прошли друг против друга на встречных курсах, и лишь к полудню Якову удалось вклиниться в строй голландцев и нарушить его. Теперь флагманы — «Де Эндрахт» и «Ройал Чарлз» — сошлись борт к борту, другие же корабли два часа поливали друг друга огнем. Грохот бортовой артиллерии был слышен даже в Лондоне, так что, по словам Джона Драйдена, «все не на шутку перепугались, и каждый, дрожа от страшного напряжения и рисуя в воображении жуткие картины, невольно направился в сторону, откуда доносился шум; одни, оставляя дома, почти налегке двигались к парку, другие переправлялись через Темзу, третьи шли вниз по течению, словно гонясь за раскатами грома посреди тишины». Тем временем все вокруг окуталось густым дымом, видимость пропала почти полностью, и суда,

устрашающе скрипя мачтами и путаясь в собственных парусах, от которых остались одни лохмотья, в беспорядке рассеялись по заливу. Потерь становилось все больше. Своего апогея сражение достигло, когда в склад боеприпасов «Де Эндрахта» попало ядро, раздался страшный взрыв, и 400 матросов и офицеров вместе с командиром погибли. Заменить Обдама оказалось некому, голландский флот полностью потерял управление, безнадежно рассеялся, и английские брандеры начали по одному топить его корабли. Шесть тысяч голландских моряков оказались убиты или попали в плен, 17 кораблей сожжены или потоплены. Остальные пустились в беспорядочное бегство.

Англичане потеряли только одно судно и уже готовы были начать погоню, однако плоды славной победы оказались упущены из-за явной трусости и некомпетентности одного из приближенных Якова, Генри Брункера, человека, пользующегося чрезвычайно дурной репутацией. На него гибель огромного числа людей так подействовала, что он буквально затрясся от страха. Едва корабль, на борту которого находился Брункер, последовал за голландцами, как он вышел на палубу и объявил, что герцог якобы приказал свернуть паруса. Капитан поверил ему на слово и остановил судно, а вслед за ним остановились и другие английские корабли. Так план Якова вклиниться между судами противника и голландским берегом пошел прахом. Этим воспользовался не потерявший духа Ян де Витт, чтобы собрать свои разрозненные и деморализованные силы. Он поднялся на борт корабля, находившегося дальше других от берега, и оставался там до тех пор, пока не начался прилив, позволивший судну ошвартоваться в порту. Спустившись на берег, де Витт распорядился провести заседание военного трибунала, назначил нового командующего флотом и организовал срочный ремонт потрепанных в бою

кораблей. Англичане фатально упустили шанс добить противника, и продолжение войны стало неизбежным.

Яков в подавленном состоянии вернулся ко двору, где Карл, встревоженный физической опасностью, которой подверг себя наследник престола, запретил ему участвовать в очередном морском сражении. На его место был поставлен граф Сэнвдич. Он-то и возглавил в августе 1665 года столь бесславно закончившийся поход против голландского торгового флота, стоявшего на якоре в нейтральном порту Берген. Перспективы казались блестящими, ведь речь шла о судах, трюмы которых были забиты товарами из Смирны и Индии, но дело было не только в деньгах. Англичане заручились поддержкой датчан; война между Голландией и Данией могла закрыть Балтику для датской торговли, покрыв тем самым ущерб, который нанесла бы гибель флота с грузом специй. Однако этот хитроумный план рухнул, когда английский флот, приблизившись к Бергену, был встречен мощным огнем с берега. После трехчасовой перестрелки англичане вынуждены были отойти, и голландцы с триумфом вернулись домой.

Позор при Бергене оказался не только ударом по национальной гордости. Флот под командованием Сэндвича был снаряжен еще хуже, чем обычно, и это со всей очевидностью отразила обрушившаяся на страну стихийная катастрофа — эпидемия чумы. На флоте хронически не хватало еды, свежей воды, пива и одежды, так как поставщики либо перемерли, либо бежали из Лондона в страхе перед чумой. Упорно поговаривали (хотя чего в этих слухах было больше — правды или суеверия, сказать трудно), будто беда пришла из Леванта с голландскими товарами. С большей определенностью можно утверждать, что началась бубонная чума, источником ее стали крысы, а разносчиками вши и передавалась она капельным путем. Инфекция

распространялась с устрашающей скоростью. В мае 1665 года было зарегистрировано 43 случая смерти, а в июне уже 600. В знойном июле люди умирали уже тысячами, а пика эпидемия достигла в сентябре, когда жертвами ее стали 30 тысяч человек. Голая статистика не дает представления о повседневном ужасе, царившем в домах людей.

Король со свитой удалился сначала в Солсбери, а затем в Оксфорд (где развратное поведение придворных шокировало и городских жителей, и профессуру, и студентов); меж тем несчастные лондонцы вынуждены были жить и умирать в полном кошмаре. Подходящих лечебных центров не было, приходилось изолировать людей в домах. А поскольку среди зараженных были в основном бедняки, жившие в страшной тесноте, болезнь одного означала верную смерть пяти-шести семей. Масштабы эпидемии были таковы, что не оставалось времени и возможности убирать трупы, их складывали штабелями в специально отрытые мелкие рвы, и сюда на нежданный пир стаями слеталось воронье.

Власти выпускали всяческие инструкции, надеясь победить эпидемию мерами предосторожности. Так, были строго запрещены публичные сходки, а если они все же состоятся, предписывалось «использовать переносные печи... и сжигать дезинфицирующие средства сразу по использовании». Равным образом запрещалось выводить на улицы домашних животных, а количество публичных мест было сокращено до «самого необходимого минимума». В городе устраивали импровизированные прибежища для зараженных в виде сараев и хижин. По средам и пятницам предписывалось только поститься и молиться. Наконец, был объявлен сбор средств в пользу бедных, проживающих «в зараженных местах». Быть может, такие меры и давали некоторый эффект, однако же масштабы инфекции требова-

ли иных действий. В каждый приход назначался специальный инспектор, в задачи которого входило выявление зараженных домов; главы семейств обязаны были сообщать ему о появлении любых примет — опухолей, пятен, — свидетельствующих о том, что в доме завелась чума. Такие дома закрывали, на дверях вывешивали красный крест в фут высотой, и часовые охраняли его день и ночь, не позволяя никому ни войти, ни выйти. Пищу и необходимые вещи доставляли констебли, а когда смерть настигала обреченных, трупы вывозили и захоранивали ночью, в отсутствие кого бы то ни было, включая родственников. Опустевшие дома закрывали на месячный карантин.

Люди реагировали на беду по-разному: от смирения до богохульства, от героизма до самых низменных проявлений эгоизма. Дома, на окнах которых было начертано «О Господи, спаси нас и помилуй», соседствовали с домами, где день и ночь пьянствовали и предавались пороку. Так называемые «чумные медсестры» безжалостно обирали мертвых и умирающих; подлинное страдание порою перемешивалось с черным юмором. Рассказывали, что как-то на смертные дроги уложили допившегося до бессознательного состояния волынщика. В конце концов он проснулся и машинально дунул в трубу. Среди трупов зазвучала слабая музыка, а волынщика «утащил к себе дьявол». Президент Королевского общества медиков оставил столицу, но врачи, не облеченные столь высоким званием, трудились не покладая рук и проявляли истинное мужество; иное дело, что у них практически не было медикаментов и рекомендации сводились к использованию соляного раствора для разного рода примочек. В кругу преуспевающих аристократов тоже находились люди, поведение которых являло собою образец нравственности. В то время как множество богачей бежали из Лондона, негоциант, истовый пу-

ританин, сэр Эдмунд Берри Годфри с места не тронулся. В черном парике и шляпе, перевязанной золотой лентой, он чуть ли не ежедневно посещал массовые похороны и отдавал много сил борьбе с мародерами. Заслуги этого замечательного человека, сутулого, с удлинненным лицом, на уровне общественного служения были столь велики и неоспоримы, что снискали ему любовь и признание в самых широких массах людей, а Карл, когда мор кончился, наградил его блюдом из чистого золота весом в 800 унций.

К осени чума отступила, зато с приближением нового, 1666 года началась новая, и весьма тяжелая, фаза войны с голландцами. Теперь инициаторами боевых действий выступали голландцы, ибо де Витт понял, что его правление в немалой степени зависит как раз от умелого руководства вооруженными силами в борьбе с Англией. Собрав в кулак всю свою незаурядную энергию и личное мужество, он решил лично принять командование всем флотом. В его подчинении находился самый способный из голландских морских офицеров, адмирал Мишель де Рютьер. Смелый план де Витта заключался не только в том, чтобы дать англичанам бой в открытом море; главным было сделать следующий шаг, а именно: потопить в устье Темзы сторожевые корабли противника, тем самым практически перекрыв доступ в лондонский порт. Первая попытка, предпринятая в октябре 1665 года, оказалась неудачной потому, что английский флот находился в столь жалком состоянии, что даже не отважился выйти в открытое море, чтобы схватиться с противником. Корабли стояли на якорях, и разочарованным голландцам пришлось возвратиться домой не солоно хлебавши.

Последующие кровавые события англо-голландского противостояния были отчасти спровоцированы общим состоянием дел в Европе. После смерти испанского коро-

ля Филиппа IV борьба между Англией и Голландией стала делом европейской политики, в ней оказались затронуты интересы Людовика XIV. К тому времени король Франции уже подписал договор с Голландией, и теперь, в надежде заполучить немалую часть Испанских Нидерландов, рассматривал де Витта как исключительно важного союзника. Поражение голландцев у Лауэстофта показало, что флот их далеко не так уж хорош, и Людовика чрезвычайно беспокоила перспектива замены де Витта кем-нибудь из Оранского дома, в результате чего страна могла превратиться просто в английский протекторат. Поддержка де Витта стала, таким образом, одним из приоритетов французской внешней политики, и Людовику, хотя и с большой неохотой, пришлось вступить в войну на море; правда, при этом он строго предупредил своих адмиралов, что главное — сохранить французский флот, который только еще набирал силу.

Решение Людовика XIV вступить в войну оказалось чрезвычайно непопулярно при французском дворе; сестра Карла Генриетта Анна (теперь, после замужества, ее следовало называть Мадам) противостояла этому по личным причинам, другим не нравилось, что Король-Солнце выступил на стороне буржуазной республики. Но Людовик был ловким политиком и сумел даже оппозицию (если говорить о дальней перспективе) повернуть себе на пользу: поощряя Генриетту Анну к дальнейшей переписке с братом, он таким образом скрыто давал ему понять, что ввязывается в противостояние с Англией крайне неохотно. Так началась дипломатическая игра, в центре которой оказалась Мадам и которая со временем приобретет чрезвычайное значение. Пока же, ввиду скорого начала боевых действий, Людовик приказал своему флоту отплыть из Тулона. Разведка у англичан была поставлена из рук вон плохо,

Карл и члены его Совета не сомневались, что французы движутся в сторону Ла-Манша, в то время как на самом деле они бросили якорь у Лиссабона, где Людовик приказал им ждать известий о результатах первой стычки англичан с голландцами.

Эта путаница повлечет весьма серьезные последствия. Тайный Совет, решив, что в сложившихся условиях лучшая тактика — война на двух фронтах, предложит разделить флот надвое. Принц Руперт во главе 20 судов отправился на поиски постоянно ускользающих французов, а Орбермарлу (некогда генералу Монку) было приказано перекрыть устье Темзы. Но положение Орбермарла было тяжелое, и не просто потому, что английский флот оставлял желать лучшего. При дворе были люди, которым совершенно не нравилось, что столь высокий пост занимает бывший парламентарий; Орбермарлу предстояло убедиться, что даже среди собственных офицеров далеко не все поддерживают его полностью. Когда появились крупные (84 корабля) силы голландцев, нашлось немало таких, кто советовал графу уклониться от сражения. Орбермарл с характерным для него высокомерием отверг все подобные советы и приказал развернуть паруса. Это было 31 мая 1666 года — день самой кровавой из морских схваток Англии с Голландией.

Орбермарл двинулся к Остенде и зашел голландцам в тыл. Его встретил мощным огнем адмирал Корнелиус Тромп. Англичанам пришлось перестраиваться, и в этот момент подоспевшие де Рютьер и Эверстен рассекли надвое флот противника, в результате чего Орбермарл оказался под двойным обстрелом. На борту «Свифтшера» погиб сэр Чарлз Беркли, правда, в свою очередь «Генри», растерзанный и пылающий «Генри» во главе с сэром Джоном Харманом, дал мощный бортовой залп, и Эверстен был

убит. В безуспешных попытках прорвать блокаду потонули корабли «Свифтшер», «Севен Оукс» и «Лойал Джордж». Лишь с наступлением сумерек бой затих, и в обоих лагерях принялись латать дыры.

Наутро Орбермарл, хотя и с трудом, поймал попутный ветер, но, обнаружив, что у него практически нет целых судов, чтобы отважиться на атаку, скоординировал отправление домой. Голландцы преследовали его весь день, а назавтра в полдень на горизонте показались корабли принца Руперта, возвращающиеся от Ла-Манша. Совместно с Орбермарлом они все-таки решили утром атаковать голландцев, хотя в их распоряжении находилось всего 58 судов против 78 голландских. Непосредственной схватке предшествовала длительная артиллерийская перестрелка, в ходе которой несколько английских судов прорвали строй голландцев. Сэр Кристофер Мингс покрыл себя неувядаемой славой: окруженный со всех сторон противником, он продолжал отдавать приказы, хотя и получил рваную рану в горло и вынужден был зажимать ее руками. Пуля, угодившая в висок, положила конец его мучениям. Голландцы в это время яростно атаковали корабли «Ройал Чарлз» и «Ройал Джеймс». Мачты у обоих были поломаны, команда изнемогала, и лишь внезапно сгустившийся туман спас англичан от полного поражения. Они потеряли двух адмиралов и 20 боевых судов. 8 тысяч матросов были убиты, ранены или взяты в плен. У голландцев потери были меньше — полдюжины судов и 2 тысячи моряков, но в любом случае бойня, вошедшая впоследствии в историю под названием Четырехдневного сражения, не принесла решающего преимущества ни одной из сторон.

Реакция в Англии была нервной. Орбермарл ругал на чем свет стоит своих капитанов, его самого обвиняли в недооценке голландцев. Некоторые видные лица стали объек-

том жестоких нападков за то, что слишком поздно приказали Руперту возвращаться, оставив бесплодные поиски французов. Сам Руперт, полагали многие, потерял контроль над своим флотом; возник, естественно, и вопрос о катастрофическом положении с морской разведкой. На этом фоне прекрасно сработали доки: всего шесть дней понадобилось, чтобы вернуть корабли в боевую форму, и вот уже Орбермарл и Руперт начали маневры в виду голландских берегов, жадно стремясь к реваншу и наградам. Спорили о целесообразности морского налета на остров Тершеллинг, и когда сэр Роберт Холмс добрался-таки до него, обнаружилось, что на якоре у острова беспечно покачивается целая флотилия голландских торговых судов, трюмы которых доверху набиты разнообразными товарами. Англичане немедленно начали атаку, и в «Холмсовом фейерверке», как его впоследствии называли, было потоплено или повреждено 170 судов, убыток составил миллион фунтов стерлингов, и тяжелый урон потерпела вся амстердамская торговля.

Но эйфория длилась недолго — по окончании войны и чумы на Англию обрушилась еще одна, третья, катастрофа. В воскресенье 2 сентября 1666 года в два часа утра загорелся дом пекаря Томаса Фарринора, и в Лондоне начался Большой пожар. Что бы ни было причиной, лавка Фарринора запылала в считанные минуты, а поскольку после долгого жаркого лета в Лондоне было особенно сухо да еще и дул восточный ветер, пожар распространялся стремительно. Тесно прижавшиеся друг к другу деревянные дома и трактиры, а также солома, устилавшая их дворы, представляли собой прекрасный горючий материал. Пылающие головешки взлетали в воздух, катились по мостовой, и скоро в огне был уже весь город. Лондонцы к таким вещам привыкли — пожар входил в обиход жизни, и

поэтому прежде не обращали внимания на попытки короля упорядочить ситуацию. За полгода до этого Карл обратился к городским властям, предупреждая их об опасности, которую таили узкие улочки. Отцам города было дано высочайшее соизволение сносить некоторые дома, но ничего так и не было сделано. Считалось, что хватает обычных мер предосторожности, и теперь, когда на замощенных улицах появились водяные насосы, лорд-мэр, обозленный, что его вытащили из постели, взирал на огонь и презрительно бурчал, что тут достаточно «женщине пописать».

Вскоре огонь достиг Темз-стрит, а далее всепожирающее пламя перекинулось на Фиш-стрит-Хилл, Ломбард-стрит и достигло здания Королевской биржи. Языки огня все слизывали на своем пути, пролегавшем в сторону Лондонского моста, где треть прилепившихся к нему ветхих строений успела сгореть еще до того, как удалось остановить распространение пожара на юг. Вскоре вышел из строя самый большой насос, и Джону Ивлину оставалось лишь с ужасом наблюдать, как пламя пожирает «церкви, общественные места, биржу, больницы, памятники, скульптуры, хищно перекидываясь со здания на здание, с улицы на улицу». А городские власти по-прежнему не принимали каких-либо чрезвычайных мер. В принципе следовало бы, создавая пустое пространство, срочно сносить дома, тогда огню просто нечем было бы поживиться. Но мэр и Городская корпорация знали, что в этом случае бремя расходов на восстановление жилья ляжет на них и лишь король может освободить их от этой ответственности. Через некоторое время, когда начал заниматься рассвет, согласие короля было получено, но огонь уже распространялся на запад, в сторону ратуши и собора Св. Павла, превращая все на своем пути в груды булыжников.

Сам король вел себя с образцовым хладнокровием и решительностью. Он распорядился доставить себя на королевском баркасе из Уайтхолла в Квинхит, чтобы лично оценить масштабы катастрофы. Убедившись, что, кроме него, с ситуацией справиться некому, Карл с риском для жизни принялся убеждать людей сносить дома. При Тайном Совете был сформирован специальный комитет во главе с герцогом Йоркским. Комитет распорядился установить пожарные посты и выплатить пособия тем, кто будет на них дежурить. Карл послал отряд личной гвардии на помощь спасателям, разбирающим завалы на Флит-стрит, где сгорели деревянные верфи. Из соседних графств были вызваны на борьбу с неутихающим пожаром специально подготовленные отряды. Меж тем из огненного ада валили толпы обезумевших от ужаса людей, захватывая с собой все, что можно унести в руках. Многие устремлялись на открытые места, в район Мерфилдз и Спайталфилдз, где был разбит палаточный городок и десятки тысяч измученных людей валялись на земле, «как стадо животных». Им выдавали галеты, и, как выяснилось, совершенно несъедобные.

Огонь бушевал по-прежнему. Полыхала Чип-стрит. От огромных конюшен осталась лишь куча золы. Пламя поглотило церковь Св. Марии, расплавившиеся колокола рухнули на землю. Воздух раскалился настолько, что случались вещи ужасные и совершенно непредвиденные. По городу катились гигантские огненные шары, сея повсюду разор, поглощая воздух, создавая вакуум столь значительный, что рушились, словно под напором неведомой силы, шпили и древние стены. Казалось, наступил Судный день и на землю обрушился гнев Божий — в наказание, как кое-кто повторял, за грехи двора. Что может сделать в такой ситуации человек? Но король продолжал показывать пример

мужества. С лицом, почерневшим от сажи, в одежде, пропитавшейся потом и влагой, он разъезжал по столице, превратившейся в руины. С плеча у него свисала сумка с сотней гиней, которыми он поощрял не сдающихся в борьбе с всесильным противником. При необходимости Карл соскакивал с лошади и вставал, по словам одного свидетеля, «как простой рабочий» в цепочку, по которой передавались ведра с водой. Велено было молиться и соблюдать пост, но никакие призывы к небесам не могли остановить огонь, добравшийся до собора Св. Павла и набросившийся с новой яростью на балки и перекрытия. Через некоторое время крыша рухнула, и расплавленный свинец хлынул в сторону Лайдгейт-Хилл.

6 сентября пожар наконец обессилел, и пришла пора подсчитывать потери. Занялись этим два специально назначенных инспектора, и отчет они представили ужасающий. Лишь 67 акров из 450, на которых располагался Лондон, остались нетронутыми огнем. Сгорело более 13 тысяч домов, от 89 церквей остались лишь груды камней, от 44 конюшен со всей их роскошью — зола. Рухнули 4 моста. Более 100 тысяч горожан ожидала голодная и бездомная зима. Один из крупнейших средневековых городов Европы лежал в руинах, и, чтобы отстроить его заново, требовалось не менее 10 миллионов фунтов стерлингов.

Ключевую роль в этой работе играл Карл. У него уже появился интерес к строительству. Его попытки перестроить дворец в Уайтхолле некогда не удались из-за недостатка денег; теперь же он решил возвести новый дворец в Гринвиче, и разрушения, вызванные Большим пожаром, пробудили в нем градостроителя. Карл сформировал при Тайном Совете группу, которой было поручено заняться этим делом. Отцам города король строго наказал позаботиться, чтобы новый Лондон выглядел свежо и красиво. Самым

тщательным образом изучал он все предложения по расширению и выпрямлению старых улиц, нередко выдвигал собственные идеи и прежде всего настаивал на том, чтобы при строительстве взамен огнеопасного дерева использовали камень. Амбициозный проект перепланировать город, логически организовав его вокруг прямых, пересекающихся проспектов-артерий, не удался, однако в лице сэра Кристофера Рена Карл нашел гения архитектуры. Быть может, его вклад в строительство нового города порой и преувеличивается, но факт остается фактом: именно ему Сити обязан большинством своих красивых приходских церквей и шедевром барокко — новым собором Св. Павла. Это массивное сооружение, весь вид которого вполне отвечает торжественности церемоний, проходящих здесь, а шпиль представляет одно из высших достижений европейской архитектуры, остается самым внушительным, а может, и пробуждающим самую большую любовь свидетельством художественного расцвета эпохи Реставрации.

Процесс перестройки Лондона протекал мучительно медленно, хотя и бытует горделивая легенда, будто «на то, что считалось работой на века, понадобилось каких-то три года». Тем временем долгие лишения лишь углубляли недовольство и подозрительность людей, для которых пожар послужил импульсом. Несчастные лондонцы никак не могли понять, за что на них обрушились такие беды, хотя Карл и попытался с самого начала рассеять всяческие слухи. 6 сентября 1666 года он при огромном скоплении народа заявил, что пожар — это никакой не заговор, это воля Божья. Но многие не удовлетворились таким объяснением. Люди искали случившемуся нравственное оправдание, и в результате в стране опасно обострились религиозные противоречия. Квakerы были убеждены, что пожар — это справедливое наказание городу, который столь откровенно их

преследует. Другие подозревали, что это результат деятельности экстремистских сект. Однако в общем-то большая часть всех этих подозрений, ни на чем, впрочем, не основанных, относилась к старому традиционному противнику: Большой пожар — это не иначе как работа католиков, стремящихся подорвать покой и преуспевание добродетельного протестантского народа. Яд фанатизма, порожденный страхом, с новой силой отравлял организм страны, и вскоре антипапизму предстояло стать одной из самых опасных национальных фобий.

Между тем по другую сторону Северного моря, у голландцев, возникло свое объяснение причин Большого пожара: это будто бы Божья месть англичанам за то, что они сожгли их флот. В одном памфлете злорадно говорилось, что «горделивый и высокомерный» Лондон недолго праздновал свой триумф, ибо Всемогущий «простер Свою длань и превратил в пыль здания, прекрасные дворцы и богатые лавки». А теперь, с точки зрения голландцев, работу Бога могли бы завершить люди. Они послали тайного агента разведать подходы к английскому побережью, и в особенности к Чатему, где находился крупнейший док; летом 1667 года стало ясно, что ситуация для нападения сложилась самая благоприятная. Постоянные финансовые затруднения заставляли англичан держать суда на якоре. Средства, выделенные парламентом на снабжение флота, приходилось тратить на покрытие его же гигантского долга, и денег на то, чтобы рассчитываться с подрядчиками и поставщиками, а также на боеподготовку просто не оставалось. Даже средства, предназначенные для ремонта, растаяли, и докеры, которым давно уже не платили зарплаты, бросили инструменты и разошлись кто куда. А наличные, из тех что оставались, власти тратили на сравнительно ненадежные средства обороны вроде огромной цепи, протянутой через

весь приток Темзы Меуэй. Правда, позади нее располагались артиллерийские батареи.

Голландцы были готовы к тому, чтобы осуществить давно лелеемую мечту о глубоком вторжении в английские воды. По сообщениям шпионов они составили точную карту течений в Меуэе и приурочили отплытие к весеннему паводку. Едва подняв паруса, голландский флот разделился надвое: большая его часть отправилась в устье Темзы, а отряд из 17 боевых судов в сопровождении 24 кораблей — в Меуэй. Среди англичан немедленно началась паника. Ни Грейвсенд, ни Тилбери не обладали достаточными средствами обороны. А в самом Чатеме, как обнаружил Орбермарл, ни корабли, ни береговая артиллерия не были готовы к отражению атаки противника. Важнее всего, как он считал, было сохранить большую цепь, но и тут вновь сказались недостаточный уровень подготовки и низкий боевой дух. Все же Орбермарлу ценой огромных усилий удалось потопить несколько вспомогательных судов противника по обе стороны последней линии обороны, затруднив тем самым доступ в глубь реки, но вскоре выяснилось, что батареи, прикрывающие цепь, обслуживают любители и, хуже того, кто-то украл орудийные чехлы из дуба, а фанера, поставленная на их место, оказалась настолько тонкой, что при каждом выстреле орудийные колеса зарывались в грязь. Таким образом, базирующаяся в Чатеме большая часть английского флота с его явным недостатком в людях была практически беззащитна. Ко всему этому добавился еще и бунт. Матросы и докеры с прохуdivшимися карманами, утратившие всякий боевой дух, пассивно наблюдали, как в устье реки входят голландские корабли. Команда «Юнити», фрегата, прикрывающего цепь, дезертировала, а после первых же выстрелов с голландской стороны прекратили сопротивление и другие суда, включая «Ройал

Чарлз». Новые залпы отправили на дно «Ройал Оук», «Ройал Лондон» и «Ройал Джеймс». Артиллерия Орбермарла отстреливалась вяло и беспорядочно, торжествующие голландцы творили что угодно и отошли, лишь выпустив последние ядра и используя всего лишь «спасательную шлюпку с шестью гребцами» для того, чтобы отбуксировать главный свой приз — флагман английского флота «Ройал Чарлз». Знаменуя национальный позор, в небо поднялась густая струя дыма. По словам Джона Ивлина, «такого кошмара англичане еще не переживали... такое бесчестье не смоешь ничем и никогда».

Торжествующие голландцы раздавали ордена и награждали своих капитанов золотыми чашами, а в Англии все обвиняли всех. Особенно громко раздавались голоса простого люда. Ясно, откуда все зло. Национальное унижение — прямой итог «порока и пьянства при дворе», впрочем, чего другого можно ожидать, когда «насквозь прогнившая папистская партия находится в таком почете». Эта гремучая смесь секса и сектантства с огромной силой бродила в общественном сознании, улицы превратились в политическую арену. За всем этим угадывался глубоко спрятанный страх, что Англия может стать добычей двуликого зла, исходящего из-за границы, — папства и тирании. Пепис записывал в дневнике: «На каждом углу люди говорят... что их покупают и продают паписты и командуют тоже паписты, а окружение короля — изменники, французские наймиты».

Недовольство выражали и парламентарии, а то, что нельзя сказать в зале заседаний, нередко звучало со страниц газет. В годы Реставрации широкое распространение получила подпольная политическая сатира — по рукам ходили памфлеты, либо тайно отпечатанные в типографиях, либо переписанные от руки дома. Пепис жадно собирал по-

добного рода литературу и об одном из таких сочинений отозвался так: «Оно обжигает сердце, но все тут правда». Самым острым и плодовитым среди сатириков был поэт Эндрю Марвелл, депутат парламента от Гулля. Его «Последние указания художнику» ярко изображают худосочных вельмож и чиновников, трущихся при дворе. С особой яростью набрасывается Марвелл на леди Калсман. Он создает карикатурное изображение потаскухи, преследующей смазливую груму, затем моющей его ароматное тело, щекочущей пятки, а после возвращающейся к Генри Джермину с его более гигиеничными, по-видимому, ласками.

Примерно такую картину и представляли себе современники, думая о дворе короля Карла II. Марвелл запечатлел чувства отвращения и гнева, которые испытывало большинство думающих людей, но, что примечательно, самого короля не задевал. В глазах поэта прогнившая аристократия и продажные чиновники — лишь пятна на солнце королевской короны. Насколько лучше жилось бы народу, если бы среди советников короля были люди чести, такие, как члены Сельской партии, к которой принадлежал и Марвелл, — истинные, неподкупные патриоты, пекущиеся о народном благе. В глазах Марвелла лишь сельское дворянство могло противостоять коррупции, поразившей двор, «сборищу пьяниц, сводников и дураков».

В этой накаленной атмосфере вдруг возник дикий слух, будто Карл отрекся от престола и бежал из страны. Банки залихорадило, люди печально сравнивали морские успехи Кромвеля с нынешними поражениями. Единственным выходом казалось срочное начало мирных переговоров. На этом энергично настаивал Кларендон. «Пусть даже мир придется покупать дорогой ценой, — писал он, — в сложившихся обстоятельствах это именно то, что нам нужно, и мы просто не можем себе позволить отказаться от такой

возможности. Мир нужен, чтобы успокоить людей и избавить короля от бремени, которое ему становится все более непосильным». Английским переговорщикам были даны инструкции вести себя покладисто, и в конце концов удалось заключить Бредский мирный договор, по которому Голландии отходили Западная Африка и Суринам, а англичане сохраняли за собой североамериканские колонии — Нью-Йорк, Нью-Джерси и Нью-Делавэр. Голландские суда будут приспускать флаг при встрече с английскими только в Ла-Манше. Тем не менее национальная гордость была не вполне удовлетворена. По-прежнему требовался козел отпущения.

Кто это, большинству было совершенно ясно. Разъяренная толпа, которая давно уже не могла простить Кларендону дюнкеркской сделки, побила окна в его роскошном особняке на Пиккадилли, повалила деревья вокруг. Таким образом, сомнений в том, кого общественное мнение считало виновником недавнего поражения, не оставалось. Но у канцлера были могущественные противники и при дворе, и сейчас это, пожалуй, значило больше. Молодежь вроде Генри Беннета, недавно получившего титул графа Арлингтона, протеже Бэкингема Томаса Клиффорда, а также Томаса Осборна и вновь назначенного главного казначея сэра Уильяма Ковентри — все они считали опалу канцлера трамплином для своего возвышения. Их естественной союзницей оказалась леди Калсман, которая без усталости обрабатывала короля в соответствующем духе. Графине лично важнее всего было, чтобы ее родич, герцог Бэкингем, недавно брошенный в Тауэр за откровенные нападки на короля, был возвращен ко двору. В какой-то момент она явно перегнула палку. Король обозвал ее шлюхой, которой не следовало бы совать нос в дела, ее никак не касающиеся. В ответ она обозвала Карла дураком, не

умеющим распознавать истинных друзей. Четыре дня они не разговаривали, потом Карл смягчился. Бэкингом был освобожден из-под стражи, что позволило ему оказать энергичную поддержку своим приближенным, добывающимся смещения Кларендона.

Графиня своего добилась, но тут у короля появилась другая доука, и тоже в женском облике. Фрэнсис Стюарт отказалась покориться его воле и, вернув в апреле 1667 года подарки, сбежала с герцогом Ричмондским. Вот благодарность за все благодеяния, радости любви, профиль на монетах, лежащих в кошельке у каждого по всей стране! Разочарование и гнев Карла выплеснулись в письме к сестре. «Может, я покажусь тебе грубым, — писал он, — но, согласившись с тем, как трудно проглотить оскорбление со стороны того, к кому испытывал такую нежность, ты хоть в какой-то мере поймешь мою обиду». «Обида» была понятна многим, как, впрочем, и то, что чувство пересиливало разум. Наблюдатели были немилосердны. Пепис считал, что Карл чем дальше, тем больше становится жертвой спиртного, женщин и мошенников. По столице ходил слухок, что в вечер, когда был сожжен английский флот, король ужинал с леди Калсман и новоиспеченной герцогиней Монматской; другие говорили, что, в то время как рушились морские опоры нации, он гонялся по комнате за мотыльком. Моралистам все было ясно. Чума, пожар, война — все это кара небес за «чудовищную неблагодарность, порок, развратность двора, несправедную жизнь». Англия — новый Египет, второй Содом.

Жертвоприношение в виде отставки непопулярного сановника могло успокоить людей. К тому же Кларендон начал вызывать раздражение и у самого Карла. Ему, человеку, входящему в зрелый возраст, все труднее становилось мириться с издавна знакомыми чертами канцлера — уве-

ренностью в собственном нравственном превосходстве, нетерпимостью, подозрительностью к молодым, враждебностью ко всему новому. То, что Кларендон часто оказывался прав, только усугубляло положение. Ему было уже много лет, энергии в полной мере справляться с обязанностями, которыми он ревниво не хотел ни с кем делиться, не хватало. А ко всему прочему Кларендон был непопулярен не только при дворе и среди простого народа, но и в парламенте. Все очевиднее становилось, что он считал палату общин институтом, который следует держать в узде, а кое-кто не мог простить ему брошенных будто бы слов, что единственный смысл существования этого органа — собирать деньги на проведение политики, вмешиваться в которую никоим образом не должно. К концу августа 1667 года Карл уверился, что палата общин собирается отправить Кларендона в отставку, и дал понять, что лучше бы ему самому попросить об этом. Кларендон отказался, резонно заметив, что никакого преступления не совершил. Однако же давление на короля возрастало, и в конце месяца он потребовал от канцлера сдать дела.

И все же до полной победы над Кларендоном было еще далеко. Леди Калсман могла торжествовать, придворные лизоблюды твердить, что лишь теперь Карл станет истинным королем. Но Бэкингему надо было расправиться с Кларендоном до конца, он тонко и незаметно продолжал обрабатывать Карла и в конце концов добился того, что тот, потеряв терпение, распорядился завести дело на своего старейшего и самого верного друга. К концу октября палата общин сформировала специальный комитет с поручением провести процедуру импичмента. Бэкингем, в свою очередь, твердил королю, что парламент удовлетворит лишь казнь Кларендона. Был подготовлен перечень его прегре-

шений. Большая часть из них основывалась на слухах, а также представляла жалобы на произвол и жадность канцлера, чего действительно нельзя было отрицать. Тем не менее палата общин вынесла свой вердикт, и лишь лорды, несмотря на сильнейшее давление со стороны Бэкингема и самого короля, продолжали стоять твердо.

Но Карл зашел слишком далеко, чтобы отступить. На кону стояло его собственное политическое выживание, и он сделал так, чтобы Кларендону стал известен план, по которому в сессии парламента будет объявлен перерыв, в ходе которого суд, состоящий из 24 враждебно относящихся к нему пэров, заслушает выдвинутые против него обвинения в измене. С точки зрения права обвинения могут показаться голословными, но право в этом случае будет бессильно. Последняя встреча с королем, в ходе которой Кларендон довольно безрассудно пытался втолковать ему, какое губительное воздействие производит на него леди Калсман, показала, что ни старый слуга не признает своей вины, ни король не испытывает к нему никакого сострадания. Все же в конце концов Кларендон понял, что под угрозой находится сама его жизнь и единственная возможность спасти ее — бегство. Когда он, направляясь во Францию (где напишет свою известную впоследствии историю гражданской войны), покидал Уайтхолл, торжествующая леди Калсман, в одном пеньюаре, «всячески выказывала свою радость». Говорят, он поднял глаза на женщину, столь много сделавшую для его падения, и молвил: «А, это вы, мадам? Помните, если вам суждено жить и далее, когда-нибудь вы сделаетесь старухой». Позорно избавившись от этого великого представителя консерватизма, Карл вынужден был отныне искать новые способы правления, новые пути выживания.

Глава 12

ГРАНДИОЗНЫЙ ЗАМЫСЕЛ

Падение Кларендона разрушило налаженную систему английской политики и положило начало периоду интриг, обмана и растущей подозрительности. Со временем результаты этого сдвига скажутся во всей стране, отравляя атмосферу восторга, с которым было встречено возвращение Карла на престол. Прежде всего, и наиболее остро, проблемы возникли в его собственной семье.

Хотя брак Якова, брата Карла, с Анной Хайд давно уже стал формальностью и тот почему зря волочился за женщинами, но все же он считал делом чести вступить за тестя. Герцог упорно нажимал на короля, требуя для старика разрешения вернуться на родину. Карл этому всячески противился, не возражая, впрочем, против того, чтобы за рубежом Кларендону оказывалось любое гостеприимство. Ему и самому некогда приходилось прилагать усилия, чтобы выразить недовольствие теми, кто поддерживал бывшего лорд-канцлера; особенно суров он был к клиру, который фактически в полном составе видел в Кларендоне гаранта англиканского законодательства. В результате епископы Винчестерский и Рочестерский оказались в опале, а всемогущего Шелдона исключили из Тайного Совета — ему дали понять, что королю надоели его проповеди. Такие шаги не могли остаться незамеченными, и обеспокоенные консерваторы потянулись к герцогу; в свою очередь, между ним и королем возникло внутреннее отчуждение.

То, что союзники принимали в Якове за прямодушие, на самом деле было своего рода упрямством. Герцог отнюдь не был глупцом. Храбрый и энергичный человек, он признавал все же лишь некие бесспорные постулаты, которые

(и он стоял на этом чем дальше, тем тверже) могут осуществиться лишь под сенью католической церкви. Корни этой убежденности уходят в опыт его жизни за рубежом, а он, лишенный гибкости и прагматизма брата, был совестлив до фанатизма. В годы Реставрации шептались, будто Яков — «преданный друг католиков», и его личная жизнь подтверждала эти слухи. Как женщина Анна Хайд могла больше не занимать супруга: любительница поесть, она поправилась необыкновенно, — но в силе характера ей не откажешь, а она тоже клонилась в сторону Рима и умерла (в марте 1671 года) уже правоверной католичкой. В конце 60-х годов Яков переживал религиозный кризис — свой переход в другую веру он позднее датировал 1669 годом. Потом герцог еще семь лет посещал англиканскую церковь, испытывая при этом все большие душевные муки и чувство вины. Иное дело, что Яков вынужден был всячески скрывать это, ибо в отсутствие прямого наследника он оставался ближайшим претендентом на английский престол — престол протестантской страны.

Бесплодие королевы поднимало значение Якова, но для нее самой было несчастьем. В коридорах дворцов мужа отдавалось эхо шагов его многочисленных незаконных детей, а у нее в это время случался выкидыш за выкидышем. В начале мая 1668 года у Екатерины родился первый мертвый ребенок, и Карл, как обычно делясь своими самыми интимными мыслями с Генриеттой Анной, писал ей, что чрезвычайно «удручен». Оставалось только одно утешение: «Ясно хотя бы, что она понесла, а то уж я боялся, что у нее вообще не может быть детей». За второй беременностью, на будущий год, король, а вместе с ним двор да и вся страна наблюдали с тревогой и надеждой. Пепис записал в дневнике, что издали видел Екатерину в белом фартуке будущей матери. На Мадам вновь обрушились всякие подроб-

ности. «Она уже дважды пропустила сроки», — сообщает Карл. Бедняга страшно опасалась, что у нее снова случится выкидыш, и хваталась за всякую соломинку. «Акушерки, наблюдающие за ней, говорят, что у нее слишком неразвитая матка, но скорее она немного опущена, — сообщает Карл сестре. — Порой у нее бывает нечто вроде «этого», но так немного, что самые опытные женщины лишь подтверждают, что все идет хорошо». Увы, в июне 1669 года ожидания не подтвердились, и Карл вообще перестал надеяться, что жена может забеременеть еще раз.

У несостоявшегося отца оставались, однако же, королевские обязанности; утешая жену, приходилось думать и о политике. В обстановке множащихся слухов — поговаривали о возможности в случае смерти королевы нового брака, толковали, и это было уже опаснее, что Монмат либо является, либо может быть провозглашен законным наследником, — в такой обстановке Карл проявил недолговечный, но живой интерес к легальной стороне проблемы. В это время палата лордов занималась делом Росса. Церковь уже дала лорду Россу развод с неверной женой, что автоматически превращало ее детей в незаконнорожденных. Теперь он выяснял гражданскую процедуру, которая позволит ему заключить новый брак. К неудовольствию большей части епископата, Карл способствовал прохождению соответствующего билля через палату лордов: он понял, что таким образом создается прецедент, который и ему пойдет на пользу, если он решит развестись с Екатериной из-за ее бесплодия. Столь эгоистический интерес встретил сопротивление не только в религиозных кругах. Любовницы короля обеспокоились своим положением, герцог Йоркский своим: останется ли он наследником? В конце концов Карл решил не пользоваться возможностями, которые

давало ему решение палаты. Брак с Екатериной будет сохранен, а естественные права брата не нарушены.

Среди тех, кто всячески подогревал интерес Карла к делу Росса, был Бэкингем, чей живой, изобретательный ум на сей раз подталкивал его в сторону политики. Впрочем, как всегда, идеи герцога были совершенно неосуществимы. Например, проблему королевы он, по слухам, предлагал решить так: если она не согласится по-доброму уйти в монастырь, надо просто похитить ее. Интересы его простирались дальше, нежели развод короля с женой. Бэкингема удавалось провоцировать разногласия между королем и его братом, что грозило полным разрывом их и без того напряженных отношений. И это у него неплохо получалось, чему, во-первых, способствовала долготелая дружба герцога с Карлом, а во-вторых, его острый ум. С Бэкингемом всегда было интересно, но в данном случае просто опасно, потому что, по свидетельству современников, «на короля можно было воздействовать только одним способом — энергией убеждения, а ею Бэкингем обладал в полной мере».

Бэкингем понимал, что для достижения собственных амбициозных политических целей следует заменить нынешних деятелей на своих людей. Иногда этому способствовали личные свары. Напористый и к тому же весьма сведущий в своем деле Уильям Ковентри, уполномоченный по финансовым делам и личный секретарь Якова, потерял свое место после того, как опрометчиво вызвал Бэкингема на дуэль. Интрига была затеяна и против Ормонда. Стремясь посадить своего человека в кресло генерал-губернатора Ирландии, Бэкингем заявил, что эти функции может выполнять кто-нибудь из второстепенных чиновников. Ормонд, естественно, забеспокоился, но получил заверения от короля, что все останется как прежде и тот вполне может рассчитывать на его, Карла, благоволение. Это

была ложь. На каком-то из празднеств Бэкингем дожал-таки короля, и Ормонд был отставлен от должности. Столь беспардонное обращение с таким прекрасным человеком, как Ормонд, немало говорит о стиле поведения Карла, как, впрочем, и тот факт, что он действительно — тут Бэкингем перехитрил самого себя — назначил на его место какое-то ничтожество.

Впрочем, друг Карлу по-прежнему был нужен, а такой, как Бэкингем, особенно, ибо король считал, что он обладает большим влиянием среди «раскольников». Отчасти именно поэтому Карл настоял, чтобы герцог выступил в парламенте в поддержку старой и все еще чрезвычайно непопулярной идеи. В феврале 1668 года король обратился к парламенту с просьбой «найти возможности внести покой в душу моих подданных-протестантов и изыскать более приемлемую форму согласия». В переводе на общепонятный язык это означало, что он стремился к установлению атмосферы религиозной терпимости, чего доньше достичь не удалось. Освободившись от опеки Кларендона, Карл вовсе не хотел вновь от кого-то зависеть, а добившись недвусмысленной поддержки со стороны своих подданных нонконформистов, он получал возможность положить конец всеобъемлющему влиянию верхушки англиканской церкви. Пора править единолично.

Бэкингем продолжал свою кампанию со столь откровенной неуклюжестью, что Шелдон, несколько придя к себе, начал контрнаступление. В отличие от своего оппонента епископ действовал как опытный политик. Из робких выступлений диссентеров, принимавших чаще всего форму небольших молитвенных собраний, он раздул целое дело, повторяя, сколь губительно они воздействуют на климат в стране. Прямо-таки гнездо мятежа. Бэкингему удалось в принципе договориться с парламентариями, но

Эндрю Марвелл — депутат парламента от Гуллия и один из самых знаменитых поэтов-сатириков эпохи Реставрации.
Неизвестный художник

Джон Ивлин — знаток и ценитель искусств, покровитель наук, а также личный друг короля.
Художник Роберт Нантей

Сэмюэл Пепис. Его «Дневник» — летопись жизни эпохи Реставрации, а служба Пеписа в военном флоте сыграла важнейшую роль в ходе англо-голландских войн.
Художник Джон Хейлс

Джон Уилмот, граф Рочестер, венчает почетным венком обезьянку — сюжет отражает саркастическое отношение Рочестера к нравам эпохи Реставрации.
Неизвестный художник

Екатерина Браганза. Всегда держалась в тени супруга Карла. По слухам, впервые увидев ее, король воскликнул: «Джентльмены, вы привезли мне летучую мышку!»
Художник Дирк Ступ

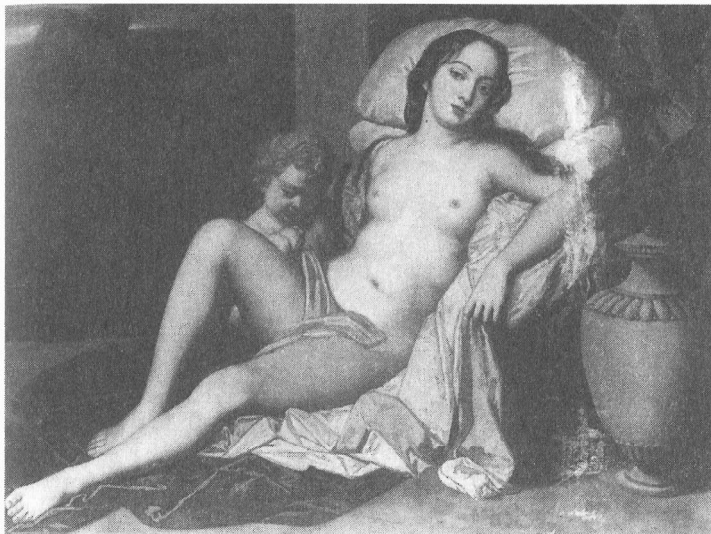
Барбара Палмер, герцогиня Кливлендская. Пользовавшаяся дурной репутацией любовница Карла изображена вместе с сыном. Композиция полотна копирует традиционное изображение Непорочной Девы с младенцем.
Неизвестный художник

Фрэнсис Стюарт, герцогиня Ричмондская, герцогиня Леннокская. Ее профиль почти три столетия чеканили на британских монетах.
Художник Уильям Уиссинг

Луиза де Керуаль, герцогиня Портсмутская, утешение Карла в старости.
Художник Пьер Минар

Нелл Гвинн. Продавщица апельсинов — позирует в образе Венеры. *Предположительно художник сэра Питера Лели*

Гортензия Манчини, герцогиня Мазарини. В ее богатой судьбе Карл II был лишь эпизодом. *Неизвестный художник*

Генриетта Анна, герцогиня Орлеанская. Обожаемая сестра и единственно преданный Карлу друг. *Неизвестный художник*

Джордж Уильерс, второй герцог Бэкингемский. Старший друг Карла, настолько деятельный и сообразительный, что казалось, он воплотил в себе все лучшие человеческие качества. Художник сэр Питер Лели

Другие участники заговора:

Томас Клиффорд, первый барон Клиффорд Чадли. *Неизвестный художник*

Генри Беннет, первый граф Арлингтон. *Неизвестный художник*

Энтони Эшли Купер, первый граф Шефтсбери. *Неизвестный художник*

Джон Мейтланд, первый герцог Лодердейл. *Художник Яков Хьюсманс*

Титус Оутс. Злой гений папистского заговора. Художник Роберт Уайт

Джордж Сейвил, первый маркиз Галифакс. Суровый критик Карла и политики Реставрации. Художник Мэри Бил

Яков II и Анна Хайд. Брат Карла, Яков, недолго наследовал королевский трон. Художник сэра Питера Лели

Карл II в 1685 году. «Гармония старости и опыта» — таков образ Карла в эпоху папистского заговора. *Художник Джон Райли*

Вильгельм III, неофициальный глава голландского Оранского дома и вдохновитель английской Славной революции. *Неизвестный художник*

секретари его, или, как их называли, «гробовщики», действовали так грубо, что не только оказались похоронены самые радужные надежды короля, но и возникла парламентская оппозиция среди тех, кто называл себя «друзьями закона в церкви и государстве». Они противились любым новациям, хотя до сего времени лично против короля не выступали; да и сейчас призывали Карла «сделать правильные выводы из их поведения... и удалить от себя «гробовщиков», которые уверяют его, будто большинство и во всем королевстве, и в нашей палате склонно к компромиссу».

Палата не собиралась более мириться и с равенством, возникшим в отношениях с шотландцами. Главным представителем Карла в Шотландии был граф Лодердейл, человек поистине незаурядный, сочетавший в себе экстравагантность манер с грубостью, широкую ученость (он владел латынью, ивритом и древнегреческим) с крайним шотландским национализмом. На содержание двора граф вместе со своей женой, несравненной Бесс, графиней Дизарт, денег тратил немерено, однако, «как человек крайне националистических взглядов, человек, которым шотландцы могут гордиться», полагал, что это необходимо для выполнения важнейшей задачи — убедить Карла в том, что Шотландия может стать «цитаделью королевства». Лодердейл рассчитывал достичь этого нового положения, смягчив репрессивные меры, направленные против шотландцев, которые тогда с благодарностью примут союз с Англией и станут твердой опорой королевской власти. Да Карл и сам, соблазненный рассказами о сильной шотландской армии, которая может оказаться в его распоряжении, рекомендовал палате общин поддержать идею союза, но эта идея встретила яростное сопротивление. Равноправный союз был неприемлем для парламентариев, и, столкнувшись со столь откровенной оппозицией, Карл утратил к

нему какой бы то ни было интерес. Раздраженный сопротивлением своей церковной и внутренней политике, он распустил парламент на каникулы.

Не улучшало отношений короля с парламентом и ведение внешнеполитических дел. Катастрофические итоги голландских войн убедили Карла, что ввязываться в борьбу с объединенными силами Франции и Голландии ни в коем случае не следует, и теперь помыслы его были направлены на подрыв союза между этими двумя странами, причем отныне он будет проводить внешнюю политику сам, без подсказок с чьей-либо стороны. На пути у него стояли весьма значительные трудности. Благодарные за поддержку, голландцы и впредь хотели бы сохранять дружественные отношения с Францией; в то же время открытый союз с этой католической страной был противен духу любого истинного англичанина-протестанта. Оставалось подумать об укреплении выгодных торговых связей с Испанией, традиционным врагом Франции. И действительно, недавно с ней был подписан договор, секретная статья которого гласила, что одна сторона обязуется не оказывать поддержки противнику другой стороны. Таким образом, практические и дипломатические соображения делали союз с Францией невозможным, но вот что показательно: в частном письме Карл сообщал Людовику XIV, что сделка с Испанией имеет «сугубо коммерческий характер и никоим образом не направлена против Франции». Король английский опять хотел всем понравиться и, хитроумно маневрируя, что давно сделалось его второй натурой, уверял Людовика, что в будущем году заключит соглашение о тесном сотрудничестве и с ним. В общем, внешняя политика действительно становилась в центр деятельности короля.

Но этим тонким шагам мешали территориальные претензии Людовика. Король-Солнце сам несколько лет спу-

стя напишет, что его «всепоглощающей страстью, бесспорно, является слава», и именно в стремлении к славе он вошел в Испанские Нидерланды и от имени жены заявил свои права на эту местность. Легкий успех Людовика обеспокоил Европу, и, поняв, какие это дает ему козыри на дипломатической ниве, он окоротил своих ретивых генералов и начал переговоры с властителями Священной Римской империи, Голландии и Англии. У каждого из них, полагал Людовик, есть основания желать с ним союза. Собственно, Карл и сам на это недвусмысленно намекал, и в Лондон на переговоры был отправлен маркиз де Ровиньи, протестант по вероисповеданию. Открытый союз с Францией все еще был для Англии немыслим, но нейтралитет можно купить. Уступая настояниям Бэкингема, Карл выдвинул следующие условия: французская субсидия, доля в территориальных приобретениях французов и торговые льготы. Французы сочли такие требования за пределами, сухо их отклонили, и таким образом первая попытка Карла наладить союзнические отношения с самым агрессивным государством Европы окончилась ничем.

Но он не сдался. На заседании Комитета по иностранным делам, состоявшемся 1 января 1668 года, Карл выдвинул новый, отличающийся на сей раз немалым хитроумием план. Чтобы положить конец войне в Испанских Нидерландах без ущерба для самолюбия французов, Карл предложил следующее: Англия воспринимает намек голландцев и объединяется с ними в оказании совместного давления на Испанию, вынуждая ее принять условия Людовика. Переговоры на сей раз возглавил Арлингтон — давний недруг Бэкингема, осторожный и опытный дипломат, протестант по вере и человек, целиком обязанный своим жизненным благополучием милостям короля. Соглашение было достигнуто. Тайный протокол к нему гласил, что, если

Людовик нарушит взятые на себя обязательства, союзники совместно выступят против Франции. К договору присоединилась Швеция, и Карл вроде бы стал ключевым игроком в Тройственном протестантском альянсе. Иными словами, сделался силой, с которой Европе, в том числе и Людовику, следовало считаться. Из письма к сестре явствует, что Карл и сам ясно это осознавал. «Быть может, — писал он, — тебя немного удивит договор, заключенный мною с Генеральными Штатами». Но сделано это исключительно для того, чтобы Людовик мог достичь мира и чтобы «ничто в этом договоре не было направлено против французских интересов». К тому же разве был у него, Карла, иной выход? Ведь он и раньше пытался завязать с Людвигом дружбу, «но, столкнувшись со столь холодным ответом, означающим, по существу, отказ, я решил, что иначе себя не обезопасить».

Публично выступив таким образом на стороне протестантского дела, Карл решил, что может рассчитывать на щедрость парламента. «Минувшая война оставила мне в наследство большие долги, — писал он законодателям, — и к тому же взаимоотношения, сложившиеся с соседями за рубежом, и обязательства, вытекающие из недавно заключенного соглашения, вынуждают меня ради нашей национальной безопасности летом нынешнего года снарядить сильный флот». Требуется усилить вооружение, необходимо построить новые, более крупные корабли. На парламентариев это послание не произвело ни малейшего впечатления. Они все еще не могли забыть королевской атаки на верхушку англиканской церкви, а также были заняты подсчетом расходов и расследованием причин поражения от голландцев. К щедрости парламентарии не были склонны еще и потому, что опасались, как бы выделенные деньги не пошли совсем на другие цели. Карла все это начало

сильно раздражать. «В парламенте с деньгами тянут, — писал он сестре, — что ни день, то у них новые вопросы». В конце концов парламент выделил королю небольшую сумму — 300 тысяч фунтов, которую предполагалось собрать за счет налогов с продаж французских винограда и вин. А свое отношение к церковной политике Карла парламентарии выразили принятием во втором чтении билля против молитвенных собраний, который предполагал конфискацию имущества у их участников.

Именно в это беспокойное время, отправив парламент на каникулы, Карл начал вырабатывать новые основы своей политики. Наконец-то он преисполнился решимости понастоящему возглавить страну, и отныне все его усилия будут направлены на увеличение авторитета королевской власти, для чего необходимо было избавиться от опеки англиканской церкви и парламента. Осторожность, политика компромисса и консенсуса так и не привели к появлению сильной, европейского масштаба политической фигуры, а Карл явно хотел таковой стать. Если с чем и можно было сравнить его энергию и решимость, то лишь с хитроумием и глубиной политического маневра.

Этот маневр был связан с огромным личным риском. Карл рассчитывал освободиться от англиканской сельской знати и заручиться поддержкой католиков и нонконформистов, предложив им политику терпимости. Он хотел попытаться усилить свое международное положение, одновременно укрепив тыл, на основе тайного альянса с Францией. И последнее по счету, но ни в коей мере не по значению: он вновь пойдет войной на Голландию. Успех в битве поможет превозмочь чувство национального унижения. Сила, которую в результате обретет Карл, а также уважение к нему со стороны европейских монархов позволят ему возвести на голландский трон своего племянника, юного

Вильгельма Оранского, в лице которого он обретет мощного союзника. Главное же — победа на море принесет деньги, качественно увеличит объем морской торговли и позволит поднять пошлинные сборы, что, в свою очередь, освободит Карла от унижительной в его глазах финансовой зависимости от парламента.

Из всего этого сложилась первая часть так называемого «Грандиозного замысла». Во второй учитывались его друзья и враги. Чтобы получше разобраться с теми и другими, Карл раскрыл Людовику содержание секретной статьи Тройственного протестантского альянса, по которой его участники должны договориться об объединении против Франции в случае, если Людовик нарушит обещания, данные Испании. Таким образом Карл давал понять французскому королю, в чем состоят его подлинные интересы. Он отнюдь не является монархом-протестантом, он — надежный друг, которым не стоит пренебрегать. Переговоры начались в апреле 1668 года, но Карл оказался так неуступчив, что их пришлось прервать. Именно на это он и рассчитывал. Международные соглашения такого масштаба — не дипломатов дело. Король английский лично хотел заняться этим, и Людовик охотно его в этом поддержал. В самом деле, что терять наиболее искушенному из европейских монархов в прямом общении с самым неопытным и самым ленивым?

Стороны согласились, что идеальным посредником в их секретных контактах будет Генриетта Анна. Для Людовика такое посредничество означало, помимо всего прочего («это наша естественная связующая нить»), что министры Карла не будут автоматически посвящаться во все европейские тайны. Что же касается Карла, то любимая его сестра, с которой он делился самыми интимными подробностями своей супружеской жизни, становилась инстру-

ментом достижения его политических целей. Он неустанно повторял, что рассчитывает на ее щепетильность. «Еще раз заклинаю, — писал он, — все должно остаться в полной тайне, иначе нам никогда не добиться своего». Со своей стороны и Генриетта Анна охотно согласилась с назначенной ей ролью — таким образом можно было отвлечься от рутины несчастливо сложившегося брака и в то же время поспособствовать росту престижа обожаемого брата. «Этот замысел и на пользу тебе, и во славу, — писала она, имея в виду надвигающуюся войну с Голландией. — В самом деле, что может быть лучше, чем расширить заморские владения королевства и преуспеть в торговле, чего так хочет твой народ и на что вряд ли можно рассчитывать, пока существует Голландская республика». Если не все, то многое тут сходится: новые территории, отеческая забота короля о своем народе, презрение к демократии, семейные узы. А вот голая алчность себя не обнаруживает.

Между тем именно она подталкивала к войне обоих — и Карла, и Людовика. Голландия было баснословно богата, доход на душу населения там был выше, чем в стране у любого из них. Мировое золото буквально стекалось в Амстердам и оседало в крупнейшем из банков Европы, активы которого к 1670 году достигли пяти миллионов флоринов. На городской бирже царила лихорадочная активность, и завистливым наблюдателям оставалось лишь ворчать себе под нос: голландцы, мол, «наложили лапу почти на всю мировую торговлю, оставляя другим одни лишь крохи». В этом-то и состояла суть дела. Экономисты того времени считали, что мировое богатство — это слитки золота, что существуют они в более или менее определенном количестве и что единственный способ увеличить долю того или иного народа — задействовать государственную машину и захватить золото силой. Крайняя мера — война. Даже

Людовик при всех своих неустанных и отнюдь не бесплодных усилиях, направленных на рост французской индустрии, готов был с этим согласиться и как раз собирался отхватить немалый кусок голландского пирога, используя для этого гигантский флот и невиданную по своей мощи армию — 119 тысяч солдат и офицеров. В подготовке ее немалую роль сыграл некий полковник Мартине.

Преимущества, которые Карл извлекал из союза со столь могущественным властителем, превосходили в его глазах риск, хотя вообще-то игру он затеял исключительно опасную. Когда тайное станет явным, союз этот большинству его подданных покажется делом богопротивным, а мотивы, которыми он руководствовался: беспардонное расширение своих полномочий за счет церкви и парламента, — слишком живо воскрешают в памяти годы единоличного правления его отца. Достаточно сильной и преданной королю лично армии, чтобы защитить его от гнева собственного народа, у него не было, как не было и никаких гарантий, что такой коварный и несентиментальный политик, как Людовик, не отбросит короля Англии за ненадобностью, едва тот отыграет свою роль. Следовало, таким образом, найти какой-то способ обезопасить себя от самого могущественного человека в Европе; именно эта тяжелая задача и заставила Карла пойти на совершенно экстраординарный шаг: было решено, что в обмен на французские субсидии и обязательство предоставить военную помощь он в тот момент, какой сам сочтет удобным, объявит о своем переходе в католичество.

Предположить, будто все это делалось с чистым сердцем, значит явно преувеличить простодушие Карла. Да, в Англии его окружало немало открытых и тайных католиков, но он отлично отдавал себе отчет в том, что в целом общественное мнение не приемлет этой веры. Быть может

(хотя источник сведений ненадежный), правда и то, что во время празднеств, связанных с обращением св. Павла в христианство, Карл в слезах признался брату и нескольким его друзьям, как тяжело скрывать веру, которой истинно предан. Однако шотландская коронация показала ему, как важно в таких ситуациях быть актером, и с тех пор прошло немало времени, чтобы усовершенствовать свое сценическое мастерство. Ясно, Людовику Карл не продался — предоставленная субсидия была слишком незначительна. Точно так же он вовсе не рассматривал католическую церковь как незаменимую опору сильной монархии. В конце концов, король Швеции — протестант. Остается только одно объяснение: Карлу нравилось поиграть в шантаж. Если дела в Англии пойдут совсем скверно, что ж, тогда он заявит о своем переходе в католичество, и король Людовик — *le roi tres chretien** — вынужден будет прийти к нему на помощь ради чести и спокойствия всей католической Европы. Это вопрос выживания. В общем, Карл, внук Генриха IV, понимал, что Англия ничуть не в меньшей степени, чем Париж, стоит мессы.

К маю 1670 года сложные, с таким трудом давшиеся переговоры о создании Большого альянса подошли к концу. Осталось только поставить подпись. Можно ли придумать лучшее прикрытие для такой тайной сделки, как эта, нежели пышный государственный визит Генриетты Анны? Карл не виделся с ней целых девять лет, поддерживая отношения лишь в переписке, и ему явно не терпелось обнять сестру. Поначалу было решено, что венценосные особы встретятся в Дувре, но Карл приехал туда слишком рано. Пришлось возвращаться в Лондон, где он сел на корабль, рассчитывая на сей раз встретиться с Генриеттой Анной на море. Но ветер оказался противником Карла, и он вновь

* христианейший король (фр.).

направился в Дувр. Тут-то, на королевском боте, король и приветствовал сестру.

Холодный майский дождь не испортил удовольствия от встречи, особенно Генриетте Анне, которой лишь с огромным трудом удалось уговорить своего ничтожного мужа отпустить ее в эту поездку. Родственники от души расцеловались. Последовали празднества на кораблях в открытом море, где Генриетта Анна показала себя в полном блеске. Далее — визит в Кентербери, посещение драмы и балета. Брат осыпал ее подарками и вдобавок — при всем скудном состоянии казны — передал тысячу крон на строительство часовни в память о недавно скончавшейся матери. И только одна капля дегтя пролилась в эту бочку меда. В свите сестры оказалась очаровательная, с лицом херувима, фрейлина по имени Луиза де Керуаль. Король попытался завлечь ее к себе в спальню, но Генриетта Анна решительно воспротивилась. Она-де несет за нее ответственность перед родителями, честь девушки священна.

Тем временем благополучно завершилась главная — дипломатическая — часть визита. Дуврский договор создавал основу для франко-английского союза и, в общем, по крайней мере для Карла, представлял собой всего лишь сделку, притом в высшей степени циничную. По договору Франция обязывалась выплатить ему два миллиона ливров, а, в свою очередь, «король Великобритании, убежденный в истинности католической веры, решил объявить об этом открыто и перейти под сень римской церкви, как только позволят интересы его государства». Таким образом, как и было оговорено, сроки оставались на усмотрение Карла, но, чтобы защитить его от последствий столь решительного шага — если, конечно, у английского короля хватит глупости этот шаг совершить, — Людовик обязывался передать в его распоряжение 6000 пеших солдат, обеспече-

ние которых брал на себя. Пятая статья договора полностью обнажала истинные мотивы, заставившие обоих королей сплести всю эту хитроумную паутину лжи и притворства. В ней говорилось, что Карл и Людовик намерены объявить войну Нидерландам, чтобы «ограничить влияние государства, которое, выказывая столь часто неблагодарность по отношению к собственным основателям, сделалось притчей во языцех». Лишь тонкой дымовой завесой морали прикрыли высокие договаривающиеся стороны свои откровенные враждебные поползновения и чистую алчность. Договор был подписан 22 мая 1670 года, и теперь, как только высохнут чернила, Карлу предстояла деликатная миссия — подать его соответствующим образом большинству своих ближайших советников.

Арлингтон и упрямый, не терпящий возражений Томас Клиффорд — оба они уйдут из жизни правоверными католиками — уже поставили свои подписи под договором и, таким образом, прекрасно знали истинные намерения своего хозяина. Но Карл счел необходимым посвятить в дело еще и Бэкингема, Лодердейла и Эшли и, чтобы обвести их вокруг пальца, велел подготовить другой договор — фальшивку. В нем уже ничего не говорилось о возможности перехода Карла в католическую веру. В конце года под этим поддельным документом поставили свои инициалы все пятеро ближайших советников короля — Клиффорд, Арлингтон, Бэкингом, Эшли и Лодердейл. Из первых букв их фамилий составляется акроним: слово «Кабал», означающее интригу, политический маневр, подковерные сделки; но сам тот факт, что трое из пятерых не были посвящены в общий замысел короля, свидетельствует о том, что в этом акрониме содержится некая двусмысленность, подчеркивающая внутренний раскол и отсутствие доверия внутри тесного, казалось бы, круга. Именно к этому Карл и стре-

мился. «Когда между мошенниками затевается ссора, говорил он, — хозяин должен знать правду».

Миссия Генриетты Анны была исчерпана, и ей подошла пора уезжать. Карлу было явно жаль отпускать ее. Даже французский посол нашел необходимым поделиться с Парижем своим удивлением, что такой лукавый и непостоянный человек, как Карл, окажется способен на столь глубокое чувство, — брат и сестра крепко обнялись на прощание и, расходясь, не меньше трех раз оглянулись друг на друга. За этой демонстрацией чувств скрывалась и подлинная печаль, Генриетта Анна была уже сильно больна. За все время пребывания в Англии трапезы ее ограничивались несколькими глотками молока, она легко утомлялась. По возвращении домой Генриетта Анна, выражая сестринские чувства, отправила брату «первый письмо, который написан на английском». К 29 июня состояние ее ухудшилось настолько, что она уже не вставала с постели, жестоко страдая от язвенных болей. На следующий день Генриетта Анна скончалась. «Верите ли вы в Бога, мадам?» — спросил ее в последние мгновения аббат Босье. «Всем сердцем», — якобы ответила умирающая, но, судя по словам английского посла, бывшего свидетелем этой сцены, думала она в эти последние минуты только о брате. «Я любила его больше жизни, — прошептала Генриетта Анна, — и умирать мне жаль только потому, что оставляю его».

Горе Карла было неизмеримо, он надолго погрузился в тяжелую тоску, и встряхнуться его заставила только необходимость завершить дело, в котором сестра сыграла столь значительную роль. Первое и главное — деньги. Когда в октябре 1670 года возобновила свои заседания палата общин, парламентариям было сообщено, что королю требуется миллион 300 тысяч фунтов на покрытие рутинных расходов по содержанию двора и на выплаты государственным служащим, а

также 800 тысяч на строительство и перевооружение флота. Нужны эти деньги были срочно, так срочно, что Карл вопреки обыкновению пригласил депутатов в Уайтхолл и заявил, что считает угрозу со стороны Франции настолько серьезной, что изыскание средств на оборону должно стать первой заботой парламента. Последовало несколько предложений. Одно из них — налог на землю. Другое — на театры, столкнувшееся с энергичным сопротивлением. В конце концов было принято несколько постановлений о снабжении, а налог на прибыль и доходы принес флоту дополнительные 350 тысяч. Тем не менее когда Карл официально возобновил работу палаты общин, билль об обложении пошлинами импорта не прошел, и тогда уже сам король, который совсем не собирался вновь созывать сессию перед объявлением войны, отважился на экстраординарные и весьма рискованные меры, направленные на сбор наличных.

В практику работы правительства давно вошли займы, часто под заоблачные проценты, у лондонских банкиров. Займы делались под будущие налоги, которые выплачивались непосредственно банкирам. Если же эти так называемые «текущие платежи» приостановить, казначейство сможет направить высвободившиеся деньги на другие цели. Искушение вступить на этот скользкий путь было слишком велико, и Карл распорядился прекратить выплаты по казначейским векселям. Результат, чего нетрудно было ожидать, оказался ошеломляющим: взорвался даже обычно сдержанный Джон Ивлин. Он заявил, что эта акция — «не только удар прямо в сердце подданным его величества, не только ограбление вдов и сирот, одолживших ему свои деньги, но и непоправимый подрыв репутации самого казначейства». Действительно, пострадали по крайней мере два ведущих банка, в которых потеряли вклады как богатые, так и бедные, а долгосрочный эффект этого предприятия оказался таким, что самому Карлу пришлось впоследствии признать его «ложным шагом».

Столь же печальными стали последствия другого шага, который Карл предпринял в надежде укрепить свои позиции. 15 марта 1672 года он издал так называемую Декларацию о веротерпимости, которая приостанавливала действие карательных законов, направленных против религиозных меньшинств, и давала католикам право проводить мессы в частных домах, а диссентерам открыто отправлять обряды при том условии, что служба организуется в разрешенных властями местах, а священники должным образом рукоположены. Мотивы, толкнувшие Карла на этот шаг, представляются вполне либеральными, и цели он преследовал самые добрые. Декларация принималась, по его словам, «для успокоения умов моих добрых подданных», а также «для привлечения к нам иноземцев». И тем не менее действия Карла, как и встающие за ними замыслы, столкнулись с глубочайшим недоверием.

Разве не легион имя католикам при дворе? Известно было, что перешла в католичество леди Калсман, а конфессиональные пристрастия герцога Йоркского волновали вообще всех и каждого. Многие считали, что Декларация о веротерпимости — это «тайный папистский заговор», знаменующий пришествие антихриста; помимо того, такого рода страхи переплетались с тяжелыми подозрениями касательно методов, которые король применял для осуществления своих целей. Карл исходил из того, что называется «высшей властью в церковных делах, которая не только принадлежит нам по естественному праву, но и неоднократно была провозглашена и признана в целом ряде постановлений и парламентских актов». Но далеко не все были с этим согласны. Судьи утверждали, что Карл узурпирует власть, какой на самом деле не располагает, а многие не столь образованные люди просто выражали свою крайнюю обеспокоенность. Венецианский посол писал: «Удивительно, какое волнение вызывают во всей стране

эти шаги». Правда, нашлась у Карла и поддержка. Одним из главных его сторонников стал Эшли, который увидел в декларации способ привлечения более широких симпатий к протестантизму. Неудивительно, что на «Кабал», и без того не обделенный вниманием короля, посыпались новые щедроты: Эшли стал графом Шефтсбери — именно под этим титулом ему предстоит совершить свои главные дела.

Сам же Карл, похоже, приближался к пику своего могущества. Он заключил тайное соглашение с сильнейшим из европейских монархов, и личной его безопасности, видимо, ничто не угрожало. Столь долго лелеемая мечта о религиозной терпимости с принятием декларации, казалось, нашла свое осуществление, а это означало поддержку со стороны бесправных ранее религиозных меньшинств. Остановив выплаты по казначейским обязательствам, Карл, не спрашивая на то согласия парламента, получил в свое распоряжение немалые средства. И все это стало возможным в результате использования того, что он считал своим законным правом. Теперь ему предстояло сделать в этом направлении последний и решительный шаг — объявить войну Голландии. К вспышкам недовольства Карл был готов, и некоторым современникам он казался самым сильным повелителем, какой только был в Англии со времен норманнского завоевания.

Глава 13

КОРОЛЬ В ДЕЛЕ

Пока подготовка к войне шла своим чередом, Карлу было чем занять себя на досуге. Перевалив за рубеж сорока лет, он оставался чрезвычайно энергичным мужчиной. Но сколь бы насыщено ни протекали его ночи, вставал он нередко в пять утра и большими быстрыми шагами мерил

парки королевского дворца, направляясь поплавать в личном своем канале или на реку, за весла. Нередко с ним увязывались верткие маленькие спаниели — эта порода впоследствии получила его имя.

Для человека, обремененного всяческими тайнами, вовлеченного в сложные интриги мировой политики, постоянно ощущающего враждебность окружения и служащего мишенью разнообразных нападок, домашние любимцы, эти верные друзья — настоящая радость. Для них были заказаны роскошные подушки, и, когда Карлу самому было некогда ими заниматься, на прогулку выходил специально нанятый человек, чьи услуги оплачивались весьма щедро. Собачкам разрешалось спать в королевской постели, они, говорят, и дела свои тут же делали. Но чужому приближаться к ним было небезопасно. Однажды рьяный роялист наклонился почесать у одной из них за ухом и тут же получил в «награду» болезненный укус. «Да благословит Господь ваше величество, — пробормотал бедняга, — и да проклянет он ваших псин!» Карл ограничился добродушно-иронической улыбкой, которая давно уже стала маской этого обычно замкнутого и неразговорчивого человека.

Прогулками, плаванием и греблей спортивные занятия Карла не ограничивались. В Сент-Джеймском парке он играл в крокет и кегли, но с особым азартом отдавался всеобщему увлечению времен Реставрации — пэл-мэлу, игре, в которой, ударяя по шару деревянной битой, надо попасть в подвешенный над землей обруч; чтобы король мог играть в пэл-мэл, для него специально разбили аллею в полторы тысячи футов длиной. Находилась она в той части города, которая и поныне носит это название: Пэлл-Мэлл. Аллея была устлана скорлупками, этим занимался слуга, весьма гордившийся своим титулом королевского скорлупочника. Но любимым занятием Карла оставался теннис или,

точнее говоря, королевский теннис. Эта игра и впрямь долгие годы была постоянной физической нагрузкой короля, на корте он себя не щадил и однажды за одну игру сбросил четыре с половиной фунта. Карл любил теннис так беззаветно, что велел реставрировать старинную теннисную площадку в Хэмптон-Корте, да и новых понастроили в Уайтхолле и Виндзоре. Рядом с кортами непременно устанавливали кушетку, чтобы король мог отдохнуть после утомительного сражения; тут же по десять шиллингов за пару продавались полотенца с монограммами.

Отдохновением были и рыбалка, и охота в фазаньем заповеднике или большом утином пруду, вырытом по приказанию короля в Сент-Джеймском парке (к нему примыкал целый каскад бассейнов, наполнявшихся водой из Темзы). Был Карл и отличным наездником, что чрезвычайно льстило самолюбию его старого наставника и признанного мастера конной езды герцога Ньюкасла. «Отлично сидит в седле», — писал Ньюкасл, добавляя, что и объезжать молодняк Карл тоже умеет, а это верный признак высокого мастерства. Предмет особых забот (и статью немалых расходов) составляли охотничьи птицы, не говоря уж о конюшнях и их обитателях. На одно только сено как-то раз была потрачена за год тысяча фунтов.

Не менее шестидесяти едоков этого сена составляли верховые лошади, и Карл долгие годы обожал азарт преследования. После возвращения в Лондон король, который, будучи в изгнании, не знал, что делать с преподнесенной ему в подарок сворой борзых, сразу распорядился развести в королевских парках и лесах оленей. Нью-Форест, Шервудский лес, Виндзорский лес, Уолтэм-Форест, Энфилдчейз — все эти места постоянно оглашались шумом королевской охоты; тех же, кто посмеет убить оленя без специального разрешения короля, ждала суровая кара. И

все-таки, если говорить о лошадях, главным для Карла оставались скачки. Центром этого спорта королей вскоре сделался Ньюмаркет. Сюда Карл, оставляя все дела, отправлялся два-три раза в год, иногда на несколько недель. Это было место отдыха и развлечений, и сам вид Ньюмаркета вызывал порой желчные замечания. 19 октября 1671 года здесь случилось провести ночь вездесущему Ивлину, и он обнаружил, судя по записи в дневнике, «веселую публику, все куда-то скачут, пляшут, пируют, веселятся почем зря, короче, все это больше напоминает останки роскошного пиршества, нежели христианский двор». Чтобы было где разместить многочисленных гостей этих празднеств, Карл купил (хотя до конца так за покупку и не расплатился) Одли-энд, а потом Рен построил ему дворец в самом Ньюмаркете; правда, его архитектура оказалась неудачной, Ивлин нашел здание уродливым, а Карл неудобным: потолки слишком низкие.

Появившись в Ньюмаркете впервые, Карл сразу же обнаружил живой интерес ко всем деталям скачек. Он всегда с удовольствием беседовал с жокеями и даже обедал с ними. Толковали о весе скакунов, заездах, тренировке. В качестве приза Карл подарил устроителям королевское блюдо, а за разминкой наблюдал из небольшого павильона, выстроенного неподалеку на склоне холма, или прямо из седла. Его замечания всегда отличались профессиональной точностью, да и сам он как жокей оставался на высоте, особенно если учесть его возраст и рост. Изрядно перешагнув за сорок, Карл все еще вполне находил в себе силы соревноваться, а в 1675 году даже выиграл им же преподнесенное блюдо — исключительно за счет мастерства. Эти скачки оставили по себе память, сохранившуюся и поныне, — так называемую Раули Майл в Ньюмаркете, получившую свое название от самого известного королевского рысака, чьи

выдающиеся достоинства были таковы, что самого наездника — а он был под стать коню — прозвали Старым Раули.

Самое верное свидетельство этой открытости короля — живая признательность лондонцев, ведь это Карл сделал Сент-Джеймский парк общедоступным местом. Здесь он гулял, здесь развлекался различными играми, здесь можно было его увидеть и запросто подойти к нему; определенно это был «веселый монарх», находивший удовольствие в занятиях, которые нравились и его подданным, и не застегнутый на все пуговицы, что всегда противоречило его природным склонностям. Способствовали укреплению всеобщей симпатии и повседневные, а также художественные интересы короля. Парк должен был быть не только общедоступным, но и красивым. Обдумывая геометрию этого пространства с его аллеями, расположенными между рядами деревьев, каналом, озерами причудливой формы — этими поистине живительными источниками в душной, нездоровой атмосфере большого города, — Карл в соответствии со своими французскими вкусами пользовался советами великого Ле Нотра.

Любопытствующие могли здесь также поглазеть на экзотических птиц, в том числе на пару пеликанов, которых король выписал из Астрахани; ошеломленному Ивлину они показались чем-то средним между аистом и лебедем. О королевском вольере все еще напоминает «Птичья дорожка», а о его хозяине — массивные ворота. Но короля занимали не только проекты, отличающиеся грандиозными масштабами. Человеку живому и практическому, Карлу интересны были разного рода растения и посадки; на одной из самых славных картин времен Реставрации изображен королевский садовник мистер Роуз, преподносящий ему первый ананас, выращенный в Англии. Фоном этой

милой сцены служит Дорни-Корт — дом, где жила семья покинутого мужа леди Калсман.

Содержится здесь и намек на некие тайные глубины, ибо сама миледи ныне олицетворяла все то, что простой народ особенно отвращало и чего больше всего люди боялись в распутном дворе Реставрации. Казалось, тщеславие и алчность этой дамы, ее сексуальные аппетиты и стремление к власти не имеют пределов. Все, что с нею было связано, подрывало уважение и вызывало недоверие к власти. Ее демонстративный переход в католицизм только усугублял всеобщее недовольство, и даже королева — правоверная католичка — отнюдь не радовалась тому, что в лоне ее церкви оказалась эта ставшая притчей во языцех прихожанка. Екатерина ясно дала понять, что не желает видеть леди Калсман на мессе у себя в часовне, но Карл со своим обычным юмором лишь посмеялся над женой, заметив, что женская душа — потемки, лучше туда не заглядывать. В то же время иные высокопоставленные англикане только радовались тому, что королевская *maitresse en titre* покинула лоно их церкви. «Если римско-католическая церковь приобрела в ее лице не больше, чем мы потеряли, — заметил будущий епископ Норвичский, — то и говорить не о чем».

Сарказм нередко оказывался лучшим оружием в отношениях с этой женщиной. Когда в 1665 году в Оксфорде у нее родился сын от Карла, которого называли Джорджем, студенты прикрепили к дверям ее дома записку на латыни, которая вскоре превратится в неприличное двестишестидесятилетие на английском, — повторять его будут долго, лишь подогревая тем самым всеобщую злость и отвращение, которые вызывали половая распущенность и политические амбиции этой дамы:

Отчего ее не утопили?
Оттого, что трахнул Цезарь сам.

В какой-то момент уверенность миледи в своей власти над королем достигла гротескных масштабов — она решила заставить его признать себя отцом ребенка, которым была беременна от распутного Генри Джермина. Последовала бурная сцена, в ходе которой графиня потребовала, чтобы младенца крестили в королевской часовне Уайтхолла, иначе она расшибет ему голову о мраморный пол прямо у Карла на глазах. На возражения короля, что они не спят вместе уже несколько месяцев и он никак не может быть отцом ребенка, она не обратила ни малейшего внимания. «Какого черта! Ну так вы будете им!» — последовал яростный взрыв. Король явно растерялся, а любовница готова была торжествовать победу. Она требовала полного согласия. Говорила, что предаст гласности письма короля. Заставила его опуститься на колени и просить прощения. Грозила «привести всех его ублюдков к нему в кабинет». Настаивала на том, чтобы он признал своим любого ее ребенка, независимо от того, кто его отец на самом деле. Под этим напором Карл только ежилась, отступал, прикрывал лицо руками, но какое-то сильное чувство, сидевшее глубоко внутри, наверное, чувство самосохранения, удерживало его от того, чтобы выставить себя полным дураком. Скандал удалось замять, отцом ребенка он признать себя отказался. А утешаться пришлось на стороне.

Среди многочисленных обязанностей королевского пажа-постельничего Уилла Чифинча были и обязанности главного сводника. Тайком провести женщину в Уайтхолл было несложно. Дел становилось все больше, и Карл искал отдохновения в объятиях многочисленных дам. Их перечень включает в себя и самых высокопоставленных придворных — графиню Фалмут, графиню Килдейр, — и, скажем, фрейлину королевы Уинифред Уэллс, которая, го-

ворят, осанкой напоминала богиню, а глазами — дремлющую овцу. Уступали королевским домогательствам даже дочери священников, например миссис Джейн Робертс. Правда, под конец жизни они горько в этом каялись. Миссис Райт, несравненная певица и, по свидетельству современников, самая доступная женщина в Англии, развлекала Ивлину своим голосом, а Карла телом. Очаровательную танцовщицу Молл Дэвис оказалось нетрудно увести из театра герцога Йоркского, король не на шутку влюбился в эту нахальную шлюшку, снял ей дом, обставил его, подарил кольцо стоимостью в 600 фунтов. Эти победы несколько ослабляли, но до конца не подавляли страсти короля к царственной леди Калсман. Пепис отмечает, что он «сам бесконечно устал от нее и чего бы только не дал, чтобы избавиться; но он слишком слаб, слишком влюблен и просто не отваживается на разрыв». Самое большее, на что король был способен, — компромисс. Он переселил ее из Уайтхолла в Беркшир-Хаус, где она и жила до тех пор, пока растущие долги не вынудили ее продать дворец и построить неподалеку дом поменьше.

Тем временем множились и любовные победы самой графини. Большинство из них становились достоянием публики. Проезжая как-то по Пэлл-Мэлл, миледи небрежно окликнула драматурга Уильяма Уичерли. Тот, как боевой конь, слышавший звук горна, последовал за ней, и это положило начало роману, который стал известен всем после того, как писатель посвятил ей свою первую пьесу «Любовь в лесу». Будущий герцог Мальборо — привлекательный, мужественный юноша двадцати одного года — с охотой длил отношения, которые, можно было не сомневаться, должны были обогатить его. И когда леди Калсман подарила ему 5000 фунтов, он демонстративно отказался тратить их так, как принято, а без всякой сентиментально-

сти вложил в ежегодную ренту. Карл отозвался снисходительной репликой: «Прощаю, ведь тебе надо зарабатывать на хлеб насущный».

Добычей леди Калсман становились не только писатели и юные офицеры. У нее был развитой вкус на все необычное (недаром Марвелл, как мы видели, представил ее в виде соблазнительницы смазливового груга), и вот она связалась на какое-то время с канатоходцем Джейкобом Холлом, заказала двойной портрет и даже назначила ему жалованье. Другие, еще более увлекательные истории, быть может, не более чем апокриф, но атмосферу, в какой жила эта женщина, они передают. Когда почти через триста лет после смерти, последовавшей в 1440 году, было подвергнуто эксгумации тело епископа Роберта Брейбрука, выяснилось, что оно сохранилось в редкостной целости. Некто лорд Колрен стал свидетелем такой ошеломившей его сцены: к телу подошла в сопровождении джентльмена и еще двух или трех спутниц дама, судя по виду, из высшего света и попросила оставить ее одну. Ею оказалась леди Калсман, а то, что Колрен обнаружил, вернувшись через некоторое время к трупу, лучше всего передать его собственными словами. Добрый епископ, пишет он, «походил на евнуха из турецкого гарема. Крайняя плоть его была откушена настолько, насколько могли захватить зубы женщины. За какие-то четверть часа, — заключает он, — эта добрая дама сделала то, чего не смогли за почти три столетия сделать зубы времени».

По мере того как король охладевал к леди Калсман, возрастала ее алчность. Деньги она тратила не считая и к тридцати годам поняла, что надо готовиться к старости. Ей нужны были титулы, и она их получила. В 1670 году она стала разом графиней Саутгемптонской, герцогиней Кливлендской и баронессой Нонзух. Эта последняя почесть сопро-

вождалась актом дарения потрясающего дворца в ренессансном стиле, выстроенного некогда Генрихом VIII. Новоиспеченная хозяйка быстро очистила его от всего, что можно было продать, а затем оставила приходить в упадок. Но даже такого рода мародерство не удовлетворило запросов графини-герцогини-баронессы. При дворе день и ночь играли, долги ее стремительно росли (как-то раз она за день просадила 20 тысяч), и это несмотря на то, что Карл не раз ее выручал. Теперь он назначил ей ежегодную пенсию в 4700 фунтов, из доходов почтового ведомства. Судя по всему, для леди Калсман всегда был открыт и кошелек Тайного Совета, так что вскоре ее доходы достигли примерно 30 тысяч фунтов в год. Этому безумию пришел конец лишь в 1676 году, когда она в сопровождении пятнадцатилетней беременной дочери уехала в Париж, откуда, впрочем, продолжала бомбардировать Карла письмами со все новыми требованиями.

Одним из немногих мест, где несчастный король мог хоть иногда найти отдохновение, была яхта. Взявшись некогда юношей за руль «Черного гордого орла», он не утратил любви к морю. Вернувшись на трон, Карл переоборудовал и переименовал судно (теперь оно называлось «Побег короля»), на котором в свое время бежал из Брайтелмстоуна. Помимо этого, Голландская Ост-Индская компания подарила ему точную копию яхты, которая с триумфом доставила его из Бреды в Дельфт. Опытный в этих делах Пепис, осмотрев «Марию» (так называлась яхта), чрезвычайно высоко оценил ее. «Даже не поверишь, — писал он, сколько места на таком, казалось бы, крохотном суденышке». Вскоре братья Петт приняли по образцу этого судна строить яхты для знати, уснащая их пуховиками и восточными портъерами, роскошными, в золоте и коже, каютами и оловянными ночными горшками — от них тоже никуда

не денешься. Несмотря на свой воинственный вид (иные из таких яхт были вооружены восемью пушками), они более всего подходили для гонок, и Карл увлекся этим видом спорта не меньше, чем конными скачками. И опять это был не просто азарт, но и профессиональный интерес. Карл, можно сказать, стал авторитетом в области «философии судебного дела», хотя кое-кто считал, что это ниже королевского достоинства. По словам епископа Барнетта, Карл «хорошо разбирался в навигации, но еще лучше — в устройстве судов, в этом отношении он меньше всего походил на венценосца».

Интерес к внутреннему устройству судна лишний раз свидетельствует о практическом складе ума Карла. Ивлин отмечает, как часто он толковал с ним об убранстве яхт, хотя сам-то этот великий любитель дневников и знаток искусств и наук (современники называли его виртуозом) хотел бы поговорить со своим монархом о предметах более серьезных. В результате возникла обоюдодружелюбная близость. Ивлин высоко, хотя и с достойной сдержанностью, отзывается о короле — «человеке жизнерадостном, доступном, вовсе не жестоким или кровавым». Ему нравилась королевская статья Карла, у него «великий» голос, «все движения естественны». Ивлин наслаждался его «незаурядным талантом рассказчика всяких забавных историй», и, естественно, ему доставляло удовольствие, что король — как и он, Ивлин, — любит растения и строительное дело.

Тем и другим Ивлин занимался профессионально, и ему было приятно, когда его величество при случайной встрече в Уайтхолле в присутствии знатных придворных поблагодарил его за книги «Архитектура» и «Сильва»* С характерными для Карла непринужденностью и живым интересом к практическим делам он наговорил автору кучу

* Название трактата Ивлипа о лесных растениях.

комплиментов, особо отметив важность предметов и отличное оформление обоих изданий. Что со стороны короля это был не просто реверанс, подчеркивает произошедшая следом небольшая сцена. Карл знаком предложил Ивлину идти за ним. Они подошли к окну, и король попросил дать ему чистый лист бумаги и мелок. По случайности у Ивли-на оказалось и то и другое. Король, записывает Ивлин, расправил бумагу на сиденье стула и «набросал план перестройки Уайтхолла, включая залы государственных приемов и иные подробности». Ивлин вынужден был признать, что схема сделана «не лучшим образом», но тем не менее он сохранил рисунок как «большую редкость».

Именно Ивлин познакомил Карла с человеком, которому предстояло заняться резьбой по дереву в целом ряде королевских дворцов. Это был некто Гринлинг Гиббонс. Ивлин нашел этого молодого человека в деревенской глуши, где он в одиночку занимался своим делом. Тогда Гиббонс создавал рельефное изображение одного из полотен Тинторетто, и на гостя произвели большое впечатление как мастерство, с каким копиист передал не менее сотни человеческих фигур, так и прекрасно орнаментированная рама. Ивлину показалось, что «даже в природе нет той нежности, той тонкости, что отличает вырезанные на ней цветы и фестоны». Такого человека непременно надо было представить королю, и, дождавшись удобного момента, Ивлин «попросил Его Величество отпустить (его) на несколько дней и доставить мастера вместе с работами во дворец; готов поручиться, что ничего подобного прежде Его Величеству видеть не приходилось, Вы будете довольны, сир, и наверняка найдете ему применение». «Отличный образец резьбы по дереву» был обычным порядком переправлен в Уайтхолл и помещен в покоях сэра Ричарда Брауна, тестя Ивли-на. Ивлин спросил Карла, не желает ли тот, чтобы

произведение перенесли к нему в кабинет, но Карл с обычной легкостью бросил: «Зачем же? Лучше проводите меня к сэру Ричарду». Увиденное Карлу чрезвычайно понравилось. «Едва войдя, он сразу же стал рассматривать работу, долго от нее не отрывался, а потом заговорил с мистером Гиббонсом, которого я привел поцеловать королю руку. Далее Его Величество распорядился немедленно перенести работу на сторону королевы и показать Ее Величеству».

Однако же королевское покровительство давалось нелегко. Едва королева бросила взгляд на работу Гиббонса, как некая мадам де Бур, «француженка, снабжавшая придворных дам юбками, лентами и всяческими безделушками из Парижа», разразилась придирками, хотя «разбиралась в этих вещах не больше, чем осел или обезьяна». Тем не менее Екатерина Браганза сочла нужным прислушаться к ней, а не к Ивлину, и, к большому неудовольствию последнего, его протеже пришлось вернуться в свой деревенский домик. Чтобы помочь талантливому юноше, надо было искать другие способы, и наилучшей средой для этого оказался небольшой и замкнутый круг художников и интеллектуалов того времени: «Мистер Рен заверил меня, что все будет в порядке; помимо того мне удалось уговорить Его Величество использовать Гиббонса на работах в Виндзоре, который перестраивался под руководством моего друга, архитектора мистера Мэя».

К Виндзору Карл выказывал особый интерес. Сэру Сэмюэлу Морланду — инженеру, руководившему строительными работами, Карл велел окружить замок фонтанами и соорудить насос, через который струи воды, поступающей из Темзы, будут выбрасываться на высоту 60 футов. Из самого замка были убраны многие средневековые скульптуры и картины, чтобы освободить место работам таких художников, как, например, создатель фресок итальянец

Антонио Веррио. Теперь, занимаясь повседневной рутинной — обедая с придворными в зале приемов, или беседуя с высокопоставленными лицами у себя в кабинете, или отдавая распоряжения слугам, — король мог разглядывать извивающиеся на стенах и потолках аллегорические фигуры. Здесь же он удовлетворял свой интерес к музыке. Балет его скорее раздражал, а нечастые маскарады не шли ни в какое сравнение с пышными представлениями в Уайтхолле, когда был жив отец, однако инструментальной музыкой он неизменно и искренне восхищался. Тон, как и во всем остальном, задавали французы, но Карл внес свой вклад и в развитие английской музыки, сначала включив Генри Перселла в состав детского хора, певшего в королевской часовне, а затем, когда молодой человек обнаружил дар композитора, заказывая ему инструментальные произведения. Впоследствии Карл назначил Перселла органистом Вестминстерского аббатства и, наконец, в 1682 году — придворным композитором.

Ивлин, тоже большой любитель музыки, называл Перселла величайшим английским композитором. Разделял этот вельможа с Карлом и интерес к живописи. В его дневниках есть любопытный фрагмент, где описывается вечер, который они с королем провели в обществе Сэмюэла Купера, считавшегося лучшим миниатюристом своего времени. Как-то Ивлин был приглашен в личные покои короля, где застал его позирующим (занятие, которое он страшно не любил) Куперу, делавшему мелом наброски его лица и головы для новых монет. Ивлину «была оказана честь держать свечу, при пламени которой тени получались лучше, чем при дневном свете». Кроме того, он должен был развлекать короля, пока тот позирует, чем Ивлин и занимался, «толкуя о разных предметах, связанных с живописью и гравюрами».

Купер сделал множество зарисовок, а миниатюра, которую он создал в 1665 году, и поныне остается одним из лучших изображений Карла II. В ней схвачены многие из его самых характерных черт. Переплетенные ленты ордена Подвязки передают ощущение роскоши и силы, а настороженный, пронизательный взгляд — опыт властителя, который всегда выходит за пределы близлежащего, проникая в потаенные, эгоистические мотивы человеческого поведения. В этом смысле лицо скорее напоминает маску, нечто одновременно застывшее и подвижное. Современники были заинтригованы, отчасти растеряны. «Знавшие короля не могли отвести глаз от портрета, — писал лорд Галифакс, — многим казалось, что увидеть портрет важнее, чем услышать самого монарха. Отчасти это было, как и у большинства мужчин, лицо весельчака, и хотя всего на нем не прочитаешь, пронизательному наблюдателю оно могло сказать немало». Действительно, холодным это лицо не назовешь никак. Хотя Ивлин нередко называл взгляд Карла «свирепым», Куперу удалось передать его чувственность, столь же характерную для внешности короля, сколь и властность. Тяжелые брови и впрямь выдают человека, который может внушать страх, но нос картошкой и большая складка посреди подбородка, а также полные губы, которые в детстве называли «уродливыми», намекают на то, что их обладатель ценит многочисленные радости жизни. Не скажешь, что это лицо красивое, но оно привлекает к себе внимание, в чем Карл и сам отлично отдавал себе отчет. «Н-да, та еще птица, — бросил он как-то, разглядывая собственный портрет, — настоящий урод».

На портрете, выполненном Купером, изображен мужчина со слегка отечным лицом, глубокими морщинами вокруг носа и губами, свидетельствующими о мягкости и изнеженности. Именно эти черты отталкивали в короле боль-

шинство его подданных, и Ивлин различал их ничуть не менее остро, нежели Купер. Он с болью признавался себе во «множестве несовершенств» короля. Для него была неприемлема жизнь, «проходящая в роскоши и расточительстве». Он питал отвращение к «юбочничеству» короля, ему было тяжело видеть, как легко он меняет мнения и обманывает своих советников. Не по душе ему было и то, что Карл «слишком уж интересуется французской модой». О соперничестве между ним и Людовиком XIV смехотворно свидетельствует один эпизод, получивший известность как «история персидского жилета».

После Большого пожара в Лондоне и вызванного им упадка английской торговли Карл решил, что двор должен продемонстрировать всей стране пример экономии, отказавшись от дорогой французской моды и «заменив камзол, жесткий воротник, ленты, плащи и так далее на скромный, по персидскому образцу, жилет с поясом или лентой, а шнурки и подвязки с драгоценными камнями — на пряжки». Ивлин верноподданно отдал должное «скромности и полезности» новой моды, и на день рождения королевы, отмечавшийся в ноябре, около ста придворных явились одетыми как положено. Иные из них заключили с королем пари, что долго на своем он стоять не будет, и не ошиблись, хотя изменить свое решение Карла заставило не только его обычное непостоянство. Когда новости о переменах в Лондоне достигли Парижа, Людовику вся эта история показалась настолько дикой, что он велел переодеть на новый английский манер лакеев. Еще какое-то время Карл держался, но потом вынужден был уступить и вернуться к прежнему французскому стилю.

Надежды Ивлины на то, что король откажется от своих причуд, не оправдались, а посещение королевской библиотеки убедило его, что, несмотря на интерес к искусствам и

наукам, Карл не был ни прилежным читателем, ни серьезным исследователем. Доступ в библиотеку Уайтхолла Ивлину удалось получить, когда король был в Виндзоре, и переступал он ее порог «в ожидании каких-нибудь любопытных открытий». Но его ждало разочарование. «Среди тысячи примерно томов нашлось буквально два-три, в которые я не заглядывал бы раньше». Библиотека оказалась не рабочим местом, а скорее хранилищем, куда венценосец складывал подарки. Ивлину попались «несколько книг по истории, дневники путешественников, французские книги, множество карт, морских и сухопутных, развлекательная литература, подарочные издания, книги по строительству, наконец, издания, связанные с флотом». Его внимание привлекло несколько богато иллюстрированных средневековых манускриптов, но три-четыре дня, проведенных за их чтением безвылазно, в целом лишь укрепили его в чувстве разочарованности.

Коллекция картин, размещенных неподалеку от библиотеки, оказалась гораздо интереснее; помимо полотен Рафаэля и Тициана, на Ивлину особое впечатление произвело изображение Марии Магдалины и воскресшего Христа кисти Ханса Гольбейна — работа, «отличающаяся каким-то неповторимым благоговением и небесным восторгом». Разглядывая эти шедевры, Ивлин попутно знакомился с королевской коллекцией старинных часов и маятников. Карл и впрямь испытывал особенное влечение к предметам, отмечающим течение времени (в Англии тогда был расцвет часового производства), пусть даже эти красивые изделия в отлакированных ящиках черного дерева редко показывали одно и то же время. Собрание этих раритетов лишний раз свидетельствует об интересе Карла к технике; наверное, именно это отчасти подвигло монарха на самый,

быть может, важный шаг всей его меценатской деятельности — основание английского Королевского общества.

Оно было создано по хартии 15 июля 1662 года, и неподдельный интерес Карла к науке привел к тому, что исследования и споры на научные темы вошли в обиход жизни и городской, и сельской знати. Через одного из приближенных Карл обратился к академикам с просьбой ответить на вопросы, почему особо чувствительные растения при прикосновении скукоживаются, а яйца муравьев иногда оказываются по размеру крупнее, чем сами муравьи. Он даже распорядился устроить на территории Уайтхолла лабораторию, в которой мог бы наблюдать за ходом соответствующих экспериментов либо проводить их сам. Карл проявлял живой интерес к различным изобретениям членов общества, дарил ему всякие забавные вещи и на протяжении всей своей жизни посылал каждому академику персонально оленину, которая обычно подавалась к столу на ежегодном праздничном обеде. Таким образом Карл не только способствовал расцвету наук — он поощрял фундаментальные сдвиги во всем мировидении верхушки английского общества. Ее представители уже не удовлетворялись простым созерцательством, они стремились истолковать явления природы в строгом соответствии с текстами античных философов, прежде всего Аристотеля. Деятели церкви, например епископ Барнетт, немедленно объявили о начале бескровной революции и наступлении благотворных перемен, служащих благу человечества. «Истина заключается в том, — писал Барнетт, — что вместе с Реставрацией возторжествовал дух знания, и миряне, точно так же, как и священство, бескорыстно соревнуются в различных его областях». «В особом почете, — продолжал он, — математика и новейшая философия».

Конечно, это хоть и объяснимое, но преувеличение: на самом деле основы нового научного знания были заложены

ны в начале столетия «натурфилософами», и в частности Фрэнсисом Бэконом. В его знаменитой «Новой Атлантиде» развернута картина великолепно организованной социально-политической структуры, в которой «Дом Соломона» предоставляет все возможности для овладения естественным миром на благо всех людей. Лондонский Грэм-колледж укреплял дух научного эксперимента начиная где-то с 80-х годов предыдущего столетия, развивались науки и в Оксфорде. В годы, непосредственно предшествовавшие Реставрации, Ивлин вынашивал идею создания небольшого колледжа, в котором ученые могли бы исследовать проблемы садоводства, медицины и химии. «Развитие экспериментального знания — вот главная цель такого института», — писал он, и с основанием Королевского общества эта мечта, казалось, была близка к осуществлению. Томасу Спратту, который приступил к написанию своей «Истории Королевского общества» еще в 1663 году, представлялось, что рост научного знания есть наилучший способ совершенствования подлинно христианского сообщества людей и укрепления того, что он называл «мирной взвешенностью суждения».

Из работы Спратта следует, что в то время Королевское общество уже было занято наблюдениями над спутниками Юпитера и исследованием различных вопросов метеорологии, географии и садоводства; в то же время его члены разрабатывали различные проекты, направленные на укрепление национальной безопасности, включая исследования по баллистике и анализ селитры. Важнейшей частью деятельности Королевского общества была регулярная публикация результатов исследований; не все из замыслов его основателей осуществились сразу, однако достижения составляют впечатляющую картину. В группу ученых и дворян-любителей, привлеченных Карлом к на-

учным изысканиям, входили, в частности, Роберт Гук, Роберт Бойль и прежде всего сэр Исаак Ньютон. Благодаря открытиям этих людей стало ясно, что законы Вселенной едины и познаваемы. Соответственно Карл, как вдохновитель и меценат (пусть эксперименты этих ученых вызывали у него порой скептическую улыбку), занял место не только в истории Англии, но и во всеобщей истории идей.

Одним из главных направлений деятельности общества стала реформа разговорного английского языка. Нам нужен, пишет Спратт, «связный, обнаженный, естественный разговорный язык; четкие выражения; ясные чувства; непринужденная легкость; по возможности математическая определенность; языку высоколобых мы предпочитаем язык ремесленников, крестьян и купцов». Такого рода очищение языка от всяких наносов казалось желательным и целому ряду сочинителей, включая Джона Драйдена, который впоследствии станет при Карле поэтом-лауреатом. Драйдену нравилась непринужденная элегантность светской беседы, зеркалом которой он считал возникшую в годы Реставрации моду на комедию нравов. Развитие того и другого Драйден приписывал королю лично. «Если спросить, отчего наша беседа сделалась так изящна, меня, — писал он, — я прямо и безо всякой лести скажу: этим она обязана двору, и в особенности самому королю, который своим авторитетом как бы узаконивает ее». Его тонкий вкус, его легкость освобождают английский язык «от природной скованности» и «застывших форм».

Все эти лингвистические сдвиги находят отражение в комедии эпохи Реставрации. Карл проявлял к ней самый непосредственный интерес, нередко подсказывал авторам сюжеты, придирчиво читал отдельные сцены. Окружение следовало его примеру, и, хотя самые выдающиеся образцы литературы этого времени — «Потерянный рай» Миль-

тона и «Путь паломника» Баньяна — напрямую связаны с пуританским мироощущением, многие из наиболее характерных произведений поэзии, прозы и драматургии своим появлением в немалой степени обязаны существованию группы высокородных аристократов, называвших себя «остроумцами». В кругу этих молодых людей, весьма образованных, настроенных критически и ведущих разгульную жизнь, выделялись драматург сэр Джордж Этеридж, Томас Сэквилл, сэр Чарлз Седли, печально прославившийся участием в пьяной драке в Ковент-Гарден, и прежде всего самый знаменитый и самый несчастный из распутников эпохи Реставрации Джон Уилмот, граф Рочестер.

Современники отмечают, что он был наделен «на редкость ярким умом и отнюдь не лишен природной скромности, пока его не развратил двор». Распутство приняло форму «пьянства в сочетании с развратом»; при этом возникало впечатление, будто маниакальное стремление графа к саморазрушению порождено вульгарностью и абсурдностью мира, в котором духовность столь очевидно уступила место тщеславию и глупости. В лучших сатирических вещах Уилмота, несущих следы двойного влияния — Горация и Буало, — ощущается сила и энергия, только направленные не туда, куда надо, и бездарно растроченные. Англия эпохи Реставрации и в особенности Лондон предстают в его сатирах пустыней, где истинную жизнь подменяет мишура. Даже естественные радости секса, и те утратили подлинность. Скажем, у читателя поэмы «Синьор Дидло», в которой главного героя преследуют по улицам Пэлл-Мэлл обезумевшие от разврата придворные дамы, возникает тоскливое ощущение распада, бессмысленности жизни. Еще острее оно проявляется в другом стихотворении — «Сатир против разума и человечества». Разумный изначально, твердый человек запутывается в тяжелейших

внутренних противоречиях и в конце концов горько заключает:

Года и опыт, пабегая,
Влскут к могилс, открывая,
Что жизнь ничтожна и мала,
Остались тлсп лишь и зола
От гордого ума полета...

Звезда графа Рочестера блистала на небосводе того времени так ярко, хотя и недолго, что писатели, и в особенности драматурги, невольно следовали его примеру, изображая самых характерных комических фигур эпохи Реставрации — повес и распутников. Один только перечень этих персонажей, нашедших наиболее полное воплощение в образах Дориманта, «утонченного демона» из комедии Этериджа «Щеголь», и Хорнера из «Крестьянки» Уичерли, свидетельствует, сколь тесно была связана со своим временем тогдашняя комедия. Именно актуальность, по крайней мере в театральном искусстве, и поощрял всячески король, что подтверждается, в частности, одним декретом, принятым еще в начале его царствования. В 1660 году он выдал лицензии Томасу Киллигру и сэру Уильяму Дэвенанту, по которым этим людям не только дозволялось построить театры и набрать труппы, но и предписывалось отныне поручать женские роли только актрисам, так, чтобы пьесы «представляли собою не одно лишь бездумное развлечение, но становились полезным и поучительным отражением текущей действительности».

Так возникли две труппы: «Актеры короля» и «Актеры герцога Йоркского», дававшие представления соответственно в Королевском театре, «Друри-Лейн», и театре, построенном Реном в Дорсет-Гарденз. Спектакли начинались во второй половине дня, залы заполняла самая разношерст-

ная публика — от женщин легкого поведения до аристократок, — одетая так, чтобы «возбудить аппетит» своих любовников. Кресла в самых дорогих рядах были обиты зеленым сукном, а перед входом в театр возбужденных зрителей встречали «апельсиновые девицы» с корзинами в руках, зазывно улыбающиеся гостям под строгим присмотром миссис Мэри Меггс, более известной под именем «апельсиновой хозяйки». Одна из этих девиц, Нелл Гвинн, станет со временем самой известной из любовниц Карла.

Считалось, что Нелл Гвинн родилась в Коул-Ярд-Элли, бедняцком районе к востоку от Друри-Лейн. Возможно, отцом ее был некий Томас Гвинн, торговец фруктами из Уэльса, и уж наверняка жила она с матерью и сестрой Розой в условиях самых жалких. Еще ребенком Нелл посылали торговать рыбой, потом она прислуживала в борделе неподалеку от Друри-Лейн. Такое детство приучило ее к нравам улицы, она умела постоять за себя, то надевая маску невинности, то пуская в ход когти. Нелл была прирожденной актрисой и рано поняла, что в мире, куда ее забросила судьба, благополучие, а порой и сама жизнь зависят от умения нравиться мужчинам. В 1663 году, когда ей было всего тринадцать, Нелл стала «апельсиновой девицей» при Королевском театре.

Здесь и развернулись все ее таланты. Сделавшись любовницей ведущего актера театра, внучатого племянника Шекспира Чарлза Харта, она при его покровительстве быстро прошла путь от прилавка на сцену. Харт учил ее играть, Джон Лейси — танцевать, и уже через два года Нелл Гвинн стала ведущей актрисой труппы. В комедийных ролях и ролях трагедии, в сценах, где страсть рвется в клочья, она была совершенно неотразима. Завзятый театрал и ценитель женской красоты Сэмюэл Пепис был ею буквально очарован. В марте 1667 года он видел Нелл в роли Флори-

мелл из «Королевы-девственницы» Драйдена и после просмотра спектакля записывал в дневнике: «В комедии ничего подобного мне раньше видеть не приходилось; Нелл — просто чудо, и как девчонка, сгорающая от любви, и главным образом как юный щеголь, у нее такая осанка, такие движения, каких мужчина не сыграл бы».

Но Пеписа привлекала в Нелл не только актриса. Она отличалась редкостной естественностью — настоящая «проказница», чей хриплый смех и острый, нестеснительный язычок повергали к ее ногам одного мужчину за другим. Однажды, заглянув за кулисы, Пепис наткнулся на Нелл и еще одну актрису, Ребекку Маршалл, и был совершенно потрясен и шокирован их речью. «О Господи, пишет он, — как все просто! И сколько мужчин к ним липнет, стоит им сойти со сцены, и как непосредственны они в своей речи». Потом Пепис увидел Нелл на майских празднествах 1667 года, когда она, в накладных рукавах и корсаже, смотрела с балкона своего дома на доярок с гирляндами, — «девчонка-загляденье».

Такой же Нелл показалась и Карлу. Шел 1667 год, выходки леди Калсман становились все невыносимее, и по контрасту Карл начал обнаруживать живой и откровенный интерес к этой девчонке с улицы. Возможность познакомиться с Нелл выпала, когда они с братом оказались однажды в театральной ложе по соседству с ней, пришедшей сюда в сопровождении некоего мистера Вильерса. Карл заговорил с Нелл и, когда спектакль кончился, пригласил ее вместе со спутником поужинать. Герцогу Йоркскому было поручено отвлекать Вильерса, пока Карл заигрывал с Нелл. Все шло прекрасно, но когда принесли счет, выяснилось, что у Карла и герцога не хватает денег расплатиться. Бедняге Вильерсу пришлось это взять на себя, а Нелл, демонстрируя тот самый острый язычок и остроумие, что дела-

ли ее столь желанной в глазах мужчин, съязвила: «Веселенькое дельце, с такими бедняками мне еще сидеть в таверне не приходилось».

К началу 1668 года Карл уже «несколько раз» посылал за Нелл, а еще два года спустя переселил ее в дом на Линкольн-Инн-Филдз. Там 8 мая 1670 года она родила ему первого ребенка, а на следующий год, когда вновь забеременела, король купил ей дом в гораздо более престижном районе, на Пэлл-Мэлл. Сад, примыкающий к дому, выходил на Сент-Джеймский парк, и Карл, которому всегда было наплевать, что думают люди о его интрижках, приказал сделать нечто вроде насыпи, чтобы Нелл легче было забираться на стену и болтать с ним. Как-то раз Ивлин был совершенно шокирован, оказавшись случайным свидетелем «интимного разговора между королем и миссис Нелли... она сидит на стене, а король стоит внизу на зеленой лужайке». Ну а в самом доме у Карла была полная возможность вступить с возлюбленной в более тесные отношения: он приходил на музыкальные вечера, которые она начала с недавнего времени устраивать, смотрел, как она порхает по залу в своем свободном, с развевающимся подолом платье, и любовался ею обнаженной — восхитительная шаловливая Венера, как изобразил ее сэр Питер Лели, с матовой кожей, полной грудью, готовой к любви. Поистине король находил в этом доме отдохновение от леди Калсман с ее политическими амбициями, ибо, как вскоре выяснилось, к великому облегчению и Карла, и публики, следившей за развитием романа, Нелл эта сторона жизни совсем не интересовала. Популярные версификаторы не преминули отметить этот факт:

Малютка Нелл живет на Пэлл.
Король ее пригрел.
В кровать его смогла загнать,
Но скипстр — он цел.

К тому же Нелл была слишком умна, чтобы объявлять войну своим соперницам, а Карл слишком любвеобилен, чтобы ради одной оставить других. Не забыл он, в частности, робкого шарма фрейлины, сопровождавшей его сестру в Дувре, и теперь, когда Генриетта Анна уже не могла остановить его, никто не мешал пустить в ход как щедрость, так и положение венценосца. Потребно было то и другое, потому что Луиза де Керуаль была и бедна, и тщеславна. Представлявшему короля на похоронах Генриетты Анны Бэкингему было поручено прощупать почву, но, как нередко с ним случалось, он явно превысил свои полномочия. Идея Карла заключалась в том, чтобы предложить Луизе стать фрейлиной королевы Екатерины, однако когда дело дошло до конфиденциального разговора, Бэкингем не удержался и наговорил столько всего, что у девушки голова пошла кругом: якобы брак Карла доживает последние дни, и Англии скоро понадобится новая королева. Луиза слушала, и ей рисовались самые радужные перспективы, особенно если учесть, что нынешнее ее положение явно оставляло желать лучшего.

К тому же после смерти Генриетты Анны она осталась безо всякой опеки и, происходя из семьи, насколько родовой, настолько и обнищавшей, понимала, что теперь ей самой придется предпринимать какие-то решительные шаги, иначе и о положении, и о преуспевании можно забыть. А претендовать на то и другое, считала Луиза, она может уже по праву рождения и поэтому затеяла хитроумную игру, которая должна была принести желаемый результат. В этой игре у нее было одно большое преимущество — современники находили Луизу де Керуаль несравненной красавицей. У нее были матовая кожа, темные волосы и, по словам Ивлины, «простодушное детское личико». Эти природные дары Луиза тщательно развивала, подражая мане-

рам самых утонченных дам при дворе короля Людовика XIV. В общем, она была, как тогда любили говорить, прекрасна. Менее всего поведение Луизы отличалось естественностью и непосредственностью, но она настолько овладела искусством нашептывать своим слабым и томным голоском элегантные банальности, надувать губки, вздыхать и устало откидывать головку, как героиня какого-нибудь модного романа, что производила именно то впечатление, какое хотела. Иное дело, что за этой маской всегда скрывалась надменная, хотя и без гроша в кармане, дама, твердо намерившаяся занять достойное положение в мире, дама, равно ценящая и роскошь королевской жизни, и ее денежное выражение.

Со всевозрастающим изумлением английский двор наблюдал, как очарованный король гоняется за женщиной, которая упорно отказывается ему уступить. Но если англичане заключали пари, сколько еще она продержится, то у французов появился иной, более серьезный интерес. Похоже, если есть нужда проникнуть в тайные замыслы Карла, то лучшего шпиона, чем эта дама, не найти; правда, как сообщал в Париж французский посол, «король вопреки слухам к ней еще не ходит». И пройдет более полугода, прежде чем эта в общем-то пресная, расчетливая красавица допустит Карла в роскошные апартаменты, которые были ей выделены в Уайтхолле. Но уж после того как двери их открылись, Карл заходил к Луизе дважды на день, бдительно следя, чтобы каждое ее желание выполнялось немедленно и беспрекословно.

Так продолжалось до осени 1671 года, когда во время одного из приемов во французском посольстве Луиза вдруг почувствовала приступ тошноты. Убежденные в отличном качестве своего стола, французы торжествуяще заключили, что Луиза беременна. Добрую весть немедленно сооб-

щили Людовику, что и неудивительно — в последние месяцы Версаль только об этом и думал. Один из королевских министров написал в Лондон, что король чрезвычайно доволен полученным известием и ждет новых сообщений. Слух, разумеется, оказался ложным, и тогда влиятельные соотечественники начали оказывать на Луизу нешуточное давление. Они требовали, чтобы она ради благополучия своей страны пожертвовала женской честью.

С ней имел конфиденциальную беседу французский посол, а обаятельный и искушенный Сент-Эвремон бросил на решение этой проблемы свой немалый литературный дар, мягко намекая Луизе, что по сравнению с бесспорными преимуществами капитуляции радости самообслуживания нездоровы и даже аморальны. «Так что, не слушая голоса гордости, уступи восторгу искушения». Но все это ни к чему не приводило, и тогда приближенные короля перешли к решительным действиям. Леди Арлингтон прямо заявила Луизе, что выбор у нее простой и ясный: либо стать любовницей короля, либо удалиться в монастырь. Высказавшись таким образом, леди Арлингтон действовала далее с решительностью героини комедии времен Реставрации.

Она отправилась к французскому послу, и они совместно выработали план. Надвигалась осень, когда король обычно отправлялся на скачки в Ньюмаркет. Что может быть естественнее, чем пригласить его на ужин в расположенный неподалеку роскошный особняк Арлингтонов? Само собой разумеется, приглашение получит и посол, и хозяева будут рады, если он возьмет с собой Луизу. За развитием событий наблюдал вездесущий Ивлин. Не однажды, а изо дня в день, отмечает он, Карл заходит к Арлингтонам и после застолья проводит несколько часов в обществе мадемуазель Керуаль. Королю явно хочется «угодить

ей, и, судя по всему, эти маленькие знаки внимания, за которыми скрывается большое чувство, эта щедрость великого монарха не оставляют ее равнодушной. Все мы надеемся, — продолжает Ивлин, — что мадемуазель будет вести себя так, что эта близость сохранится и вытеснит все остальное».

Если Ивлин надеялся, что король наконец-то кончит волочиться за каждой юбкой, то расчеты посла были куда масштабнее, и он продолжал обрабатывать Луизу, настаивая, чтобы она «умело использовала расположение короля». Ей не следует утомлять Карла, затеявая разговоры о делах, и тем более раздражать, высмеивая его друзей. Иными словами, надо играть роль безупречной любовницы так, чтобы его величество «находил радость исключительно в ее обществе». Леди Арлингтон тем временем удалось примирить поэтическое воображение и практический опыт. Уложить Карла и Луизу в постель стало отныне главной ее целью, и, если не удастся достичь желаемого за кулисами, то почему бы не привлечь публику? Например, коль скоро уж они за городом, не затеять ли сельские игры? Что может быть забавнее пейзажной свадьбы? Уступая общему нажиму, Луиза согласилась принять участие в спектакле. Наступил вечер. Покои роскошно убраны, Луиза, ослабив подвязки, укладывается под общий смех на кровать. Вскоре появляется жених, ложится рядом с нею, публика скромно удаляется, давая возможность новобрачным закрепить союз. Девять месяцев спустя Луиза родила сына, которого Карл впоследствии признает, дав ему титул герцога Ричмондского.

Потеряв невинность, Луиза решила, что следует закрепить свое положение в обществе. Ей пришлось столкнуться с сильным сопротивлением как при дворе, так и в стране в целом. Английский народ ее ненавидел. Она высоко-

мерна, она католичка, и она француженка. К тому же у нее совершенно непроизносимое имя, так что называть ее в Англии чаще всего предпочитали просто миссис Карвелл. Все с ужасом наблюдали, как совершенно обезумевший от страсти Карл осыпает ее такими подарками, какие даже леди Калсман не снились. Луизе были отведены сорок прекрасных комнат в Уайтхолле. Они были обставлены во французском стиле — на окнах тяжелые гобелены, на стенах картины из Версаля, повсюду — лакированные шкафы с выдвигаемыми ящиками и серебро, огромное количество серебра. И это еще далеко не все. Луизе весьма приглянулось жемчужное ожерелье стоимостью около 8000 фунтов, и она его получила. Леди Нортумберленд продавала за 3000 фунтов сережки, и они тоже достались Луизе. Похоже, государственный кошелек всегда открывался навстречу ее тонким, проворным пальцам. От продажи лицензий вино-торговцам она получала ежегодный доход в 10 тысяч фунтов. Карл назначил ей пенсию — 8600, как-то просто подарил 11 000, а в 1682 году она соизволила принять 22 952 фунта. Деньги нужны были Луизе на игру, которую она вела совершенно безрассудно: однажды на один-единственный бросок костей поставила 5000 гиней. В стране роптали на «слишком дорогостоящих женщин при дворе».

Теперь у Луизы было столько денег, сколько в некогда скромных ее снах и не снилось, однако надо было удовлетворить и другое ненасытное желание — обрести достойный статус. Влюбленный до безумия, Карл ни в чем не мог отказать своей «толстушке», он даже договорился с Людовиком, что ей будет предоставлено английское гражданство. Луиза стала герцогиней Портсмутской, а следом графиней Фэрем и баронессой Петерсфилд. Нелл Гвинн это задевало, но у нее оставалось острое орудие мести — смех. Эта женщина лондонского дна постоянно заставляла фран-

цузскую аристократку выглядеть посмешищем. Стоило Луизе прикинуться скорбящей по умершему шевалье де Роэну (который даже в дальнем родстве с нею не находился), как Нелл на следующий же день облачилась в траурное одеяние, а когда ее спросили, что случилось, откликнулась следующим образом: «Как, разве вы ничего не знаете? Умер татарский хан, а он мне приходится таким же родственником, как шевалье де Роэн герцогине Портсмутской». Когда пущенные ею стрелы достигали Луизы и та соответственно реагировала на них, Нелл называла ее плакучей ивой и постоянно подчеркивала, что общественные и нравственные претензии новоиспеченной герцогини вряд ли пристали содержанке. Ну а попытки Луизы ответить ударом на удар неизменно проваливались. Однажды Нелл появилась во дворце в необычно роскошном платье и драгоценностях.

— Да вы, я смотрю, разбогатели, Нелли, такое платье! — громогласно бросила Луиза. — Такая красавица, как вы, может сойти за королеву.

Нелл, как настоящее дитя улицы, за словом в карман не полезла:

— Вы совершенно правы, мадам, а такая шлюха, как я, — за герцогиню.

Единственное, что смущало Нелл всерьез, — титул сына Луизы. Однажды Нелл буквально накинулась на Карла:

— Даже ублюдки Барбары стали герцогами только в двенадцать или тринадцать лет, а сын этой французской шпионки еще младенец, а уже кем заделался!

Карл, как всегда в таких случаях, ушел от разговора, грозящего кончиться скандалом, и Нелл пришлось искать другие способы достижения цели. Говорят, однажды, когда Карл пришел к ней на Пэлл-Мэлл, она крикнула, обращаясь к старшему сыну:

— Эй ты, ублюдок, иди поздоровайся с отцом!

Эта манера явно покорила Карла, и он попросил Нелл никогда впредь не произносить слова «ублюдок».

— А как мне еще его называть? Ваше величество не дали другого имени, — последовал немедленный ответ, и вскоре мальчик получил титулы барона Хедингтона и графа Берфорда, а впоследствии, в 1684 году, герцога Сен-Альбанского.

Были, впрочем, и другие серьезные дела, требовавшие внимания. В начале ноября 1670 года в Лондоне появился один зарубежный визитер. Весь облик и интересы заметно отличали его от всякого рода повес, обычно окружавших Карла. Это был его племянник Вильгельм Оранский, энергичный юноша 21 года, весьма обещающий, как поговаривали, правитель. Английскому послу в Гааге он показался человеком в высшей степени здравомыслящим, трудолюбивым и скромным. Вильгельм терпеть не мог сквернословия, любил охоту и, избегая участия в различных пирушках, в десять вечера неизменно был в постели. Ивлин нашел юного принца человеком «мужественной внешности с умным взглядом», сам же Карл сразу решил оказать этому молодому и отнюдь немаловажному союзнику самое теплое гостеприимство.

Ему были приготовлены роскошные апартаменты, устроен государственный прием, организована охота, скачки, походы в театр. И только Бэкингом, которого всегда неудержимо тянуло все испортить, умудрился представить молодого человека в несколько смешном виде. Он устроил в честь принца Вильгельма обед, крепко напоил гостя и теперь с явным удовольствием смотрел, как тот, пошатываясь, направляется в ту часть дворца, где живут фрейлины. Впрочем, это мелочь, Карл только ухмыльнулся, и вообще принц Оранский ему, по собственным словам, весь

ма понравился; правда, имелись у него и крупные недостатки: Вильгельм был «убежденный» голландец и протестант. А главное, он воплощал в себе героическую решимость, которую вскоре продемонстрирует народ, против которого Карл собрался идти войной.

Глава 14

СЕТЬ ЗАТЯГИВАЕТСЯ

Для войны, которая должна была, по сути, стать откровенной агрессией, следовало найти предлог, но сделать это было нелегко. Что бы там Карл ни говорил о «многочисленных недружественных шагах со стороны Генеральных Штатов», когда дело дошло до конкретных претензий, выяснилось, что речь может идти лишь о нападениях на английских поселенцев в Суринаме, неудобствах, чинимых торговой компанией «Мерчант адвенчерерз», и таких совсем уж мелочах, как чеканка монет, которые могут показаться обидными для англичан, узор на тканом шитье, напоминающий о победоносном для голландцев сражении на Меузе и, наконец, введение нового экскурсионного маршрута — прогулки по флагману «Ройал Чарлз» — трофеем этой победы.

Этого было явно недостаточно, и Карл вспомнил о старинной традиции, согласно которой кораблям Англии, как владычицы морей, следует при встрече салютовать. Был организован специальный тест. К английскому послу в Гааге лорду Темплу засобиралась жена. Доставить ее к месту назначения должна была крохотная яхта под названием «Мерлин», командиру которой, капитану Крау, было велено пройти мимо голландских судов и потребовать приветствия. Если голландцы откажутся повиноваться, от-

крыть огонь и не прекращать его до тех пор, пока голландский флаг не будет разодран в клочья. Отважный капитан выполнил эту практически невыполнимую задачу, но когда на борт «Мерлина» поднялся голландский адмирал, чтобы выяснить, отчего это вдруг его флот был атакован обыкновенной яхтой, абсурд ситуации стал вполне очевиден. Крау не стал задерживать голландца да и огонь прекратил и за это вполне разумное поведение был по возвращении в Англию брошен в Тауэр.

Другие попытки в том же духе оказались не менее смехотворны. Тогда приняли решение совершить ряд нападений на голландские торговые суда, но одно из них, собственно, самое масштабное, провели на редкость бездарно. В результате столкновения с голландским морским караваном, идущим из Смирны, два английских судна получили тяжелые повреждения, в то время как противник с набитыми добром трюмами благополучно продолжил свой путь. Голландцев эти инциденты, конечно, раздражали, однако у Карла неудачи лишь подогревали боевой дух. Извращенная логика фанатика позволила ему убедить себя в том, что агрессором выступает как раз противник и разбить его — патриотический долг короля Англии. Венецианский посол отмечает: «Король убежден, что голландцы питают к Англии наследственную ненависть, а торговля ее только усиливает, и потому претензиям Соединенных провинций следует положить конец раз и навсегда».

Исполненный решимости осуществить эту задачу, Карл интенсивно готовился к войне. Дважды он съездил в Чатем, где герцог Йоркский планировал будущие морские баталии. Там к нему, как к командующему объединенным флотом союзников, должен был присоединиться французский вице-адмирал д'Эстре со своей эскадрой. Чтобы не допустить этого, голландцы отправили де Рюттера на пе-

рехват — его судно утюжило морское пространство между Саусволдским заливом и северной оконечностью Франции. Так и не дождавшись противника, де Рютьер ввел судно в Ла-Манш, но, остановленный туманом и встречным ветром, вынужден был повернуть к фламандскому побережью, где и готовился к атаке англо-французский флот, на стороне которого оказалось значительное преимущество в людской силе и вооружениях: 98 боевых кораблей, 6000 орудий и 34 000 матросов у союзников против 75 кораблей, 4500 орудий и 20 000 матросов у голландцев.

Понимая, что боевой дух и согласованность действий ничуть не менее важны, чем огневая мощь, Людовик строго наказал д'Эстре при встрече с англичанами, уж коли они считают свою страну владычицей морей, салютовать им. В то же время он ясно дал понять адмиралу, что долг его состоит в приумножении славы французского оружия, и поэтому следует, насколько возможно, превосходить союзников в мужестве и выучке. Таким образом, за дружбой с самого начала скрывалось соперничество, и вскоре это скажется, то и дело порождая взаимное недоверие. Ну а пока на носу была война, ее следовало выиграть, и Людовик, отдав необходимые распоряжения морякам, привел в боевую готовность крупнейшую в Европе армию, которой предстояло сокрушить голландцев на суше. Французский король был в своей стихии. «Я принял решение, — заявил он, — ради нашей славы надо атаковать одновременно в четырех местах, а наступление возглавим мы лично».

Как смерч пронесся Людовик во главе своей армии через Льеж и Кёльн и уже в начале июня принимал капитуляцию поверженных голландских городов — Арнема, Амерсфорта, Утрехта. Неся крупные потери, Вильгельм Оранский был вынужден отступить на территорию собственно Голландии, где охваченные паникой бюргеры, страшась

полного истребления, решили укрыться за шлюзами каналов, за плотинами и запросить мира. Но тщетно. Людовик даже толком не выслушал голландцев, а Карл, без труда догадавшись, что щедрые условия мира, предложенные ему Вильгельмом, явно направлены на то, чтобы вбить клин между союзниками, отклонил их. Он прекрасно понимал, что Людовик-триумфатор волен продиктовать такие условия мира, какие ему нужно, и решил встать на сторону сильного. Правда, ему пришел в голову некоторый маневр: надо убедить юного племянника отказаться от дальнейшей борьбы за явно проигранное дело, а после усадить его на трон в качестве марионеточного короля. Из этого можно будет извлечь некоторую выгоду.

Однако этот план можно было осуществить, только одержав решающую победу на море, но, увы, английская стратегия военных действий не отличалась новизной, а исполнение оставляло желать лучшего. Полагаясь исключительно на преимущество в силе, союзники решили, что смогут рассеять флот противника, а затем заблокировать вражеский берег. Но это было заблуждение. При сближении в Саусволдском заливе голландский флот разделился надвое и атаковал союзников. Пользуясь благоприятным течением и спешно выстраивая корабли в боевой порядок, англичане и французы приняли бой. Но все пошло не так, как задумывалось. Неверно прочитав сигнал, посланный с английского флагмана, французы вместо того, чтобы сблизиться с ним, двинулись в противоположную англичанам сторону, на юг. В результате единая эскадра раскололась надвое. Де Рютьер, понимая, что от его действий зависит судьба страны, навалился на герцога Йоркского. «Ройал Джеймс» загорелся и пошел ко дну. Многие уцелели, в том числе и адмирал запаса лорд Сэндвич, правда, ему не повезло: он пытался спастись на переполненной шлюпке, но

она перевернулась, и адмирал утонул. Следующий день тоже не принес союзникам успеха. Яков по-прежнему рвался в бой, но неопытный французский флот действовал слишком неуклюже, никак не мог построиться в правильный боевой порядок, а когда ему все же это удалось, погода испортилась настолько, что пришлось отойти к побережью.

Это ничем, в общем, не кончившееся сражение обернулось тяжелыми людскими потерями — английские составили 2500 матросов и офицеров. Об одержанной победе объявили обе стороны, но ясно было, что стратегическое преимущество, хоть и небольшое, получили голландцы. Англичанам не удалось взять под контроль Северное море и таким образом создать плацдарм для высадки на голландском берегу. Ивлин прав в своей скептической оценке этого бесславного эпизода, который, по его словам, продемонстрировал лишь, «как глупо было рисковать столь блестящим флотом и терять так много людей, преследуя исключительно торговые цели да удовлетворяя амбиции». Людей сколько-нибудь понимающих итоги войны обмануть не могли, а грандиозный замысел Карла одержать победу на море, дабы разбогатеть, обрести силу и избавиться от парламентской зависимости, с треском провалился.

Чтобы хоть как-то выправить ситуацию, он отправил Бэкингема и Арлингтона в Голландию с дипломатической миссией. Политическая ситуация там в свете недавнего военного поражения от французов кардинально изменилась. Униженная нация искала козлов отпущения, и на их роль были выбраны лидеры республиканской партии братья де Витты. На старшего, Иоганна, когда он возвращался домой с заседания правительства, напали на улице какие-то молодчики и избили так, что он месяц пролежал в постели, а оправившись, написал прошение об отставке. В тот же самый день, когда де Витт стал жертвой нападения,

Вильгельм Оранский был объявлен городским головой Дордрехта, примеру коего вскоре последовали другие крупные голландские города. Казалось, наследственные амбиции Оранского дома наконец удовлетворяются, и Карл решил воспользоваться этой драматической сменой декораций. Теперь он был более чем когда-либо уверен, что сможет заключить с племянником мир на выгодных для себя условиях. А условия эти были чрезвычайно жесткими: Карл считал, что ему в любом случае удастся застрашать молодого человека, который к тому же явно готов заплатить за обретенную наконец-то власть любую цену. Прежде всего — компенсация военных убытков. Карл потребовал от голландцев 10 фунтов ежегодно с каждого за право ловить сельдь в английских территориальных водах. Таким образом, не нажившись, как собирался, на войне, Карл решил нажиться на мире; но, помимо чисто финансовых соображений, он хотел заручиться пусть и младшим, но важным союзником, который наверняка понимает выгоды покровительства короля и потому уступит ему во всем.

Но и этот расчет оказался построен на песке. Еще во время своей поездки в Англию, при близком общении с дядей, Вильгельм точно распознал его склонность обвести другого вокруг пальца; теперь же военный опыт лишь укрепил его собственный характер. Важно было, с одной стороны, не поступиться интересами своей страны, а с другой — не показаться неблагодарным по отношению к Карлу и его французским союзникам. Бэкингом и Арлингтон скоро убедились, с каким человеком им приходится иметь дело. Вильгельм прямо заявил, что, с его точки зрения, не в интересах Англии и далее крепить союз с Францией. В ответ на замечание Бэкингема, что патриотизм его неуместен, ибо Голландия — сторона явно проигравшая, он мрачно промолчал, и Бэкингом взорвался:

— Да, да, с вами покончено. Неужели вы сами не видите?

— Да, положение у нас тяжелое, — спокойно ответил Вильгельм, — но всегда остается надежный способ отказаться признать поражение: умереть на последнем рубеже.

Такой язык в ту пору при английском дворе не понимали, и Карла постепенно начала злить несговорчивость племянника. Он даже намекнул, чтобы заставить его покориться, что готов продолжить войну и тогда Вильгельм будет нести личную ответственность за новые жертвы и поражения голландцев, а они неизбежны. Столь откровенному шантажу Вильгельм Оранский не поддался. Точно так же он пропустил мимо ушей циничное замечание Карла, будто финансовые претензии англичан настолько ослабят купцов и судовладельцев республики, что это лишь усилит позиции самого Вильгельма в качестве городского головы. Дальнейшее развитие событий лишь укрепило его решимость действовать самостоятельно и давлению не уступать. Вильгельма глубоко потрясла гибель братьев де Виттов, которых буквально растерзала разъяренная толпа, однако же он с презрением отверг поползновения Карла использовать это убийство в своих интересах. А дело было так. Вильгельм получил от дяди письмо, в котором тот цинично предупреждал, что, если принц не остановит непопулярную в народе войну, его ждет участь де Виттов. «Не следует воображать, — с ледяным презрением писал он в ответ, — будто Ваши угрозы хоть сколько-нибудь меня напугали. Я не из слабонервных».

Это чистая правда, но, не будучи трусом, Вильгельм не был и героем-романтиком. Вести международные игры он умел не хуже Карла. Пока Бэкингом с Арлингтоном вели переговоры с Людовиком, изо всех сил пытаясь вырвать у него обещание не заключать с голландцами сепаратного мира, Вильгельм начал в Англии собственную пропаган-

дистскую кампанию. Ее целью было не только изолировать своего воинственного дядюшку от окружающих его миротворцев (их число становилось все больше), но и убедить англичан, что их подлинные противники не добропорядочные голландцы, а католики-французы. Кампания шла с большим успехом, и вокруг Карла начала стягиваться сеть двусмысленности и подозрительности, в которой он вскоре безнадежно запутался.

Парламентарии этому всячески способствовали, и в конце концов королю пришлось созвать в феврале 1673 года сессию, в ходе которой он предполагал запросить новые фонды. Но еще до этого Карл предпринял ряд шагов, вполне ясно свидетельствовавших о решимости продолжать непопулярную войну. Он распорядился сформировать восемь новых полков для десанта на голландское побережье и одновременно, несмотря на зимнее время, держал в полной боевой готовности флот. Ясно обнажив таким образом свои намерения, Карл далее обратился к услугам тех участников «Кабала», которые по-прежнему полностью стояли на его стороне. Клиффорд, только что назначенный лорд-казначеем, сосредоточился на контроле над государственными расходами, а Энтони Эшли Купер, новоиспеченный лорд-канцлер, стал официальным представителем короля в парламенте. Расставив таким образом силы, Карл открыл сессию парламента 1673 года откровенно лицемерной речью.

Жестом чистого великодушия с его стороны, заявил король, было распустить парламент на столь долгие каникулы. Ему не хотелось беспокоить парламентариев просьбой голосовать за расходы (вотировать), пока в этом не возникнет крайней необходимости. Заявив, что продолжающаяся ныне несчастная война ведется «в интересах страны и ради ее чести», Карл далее оправдывал Декларацию о ве-

ротерпимости необходимостью «поддерживать мир дома в условиях войны с внешним противником». Уважаемым парламентариям нетрудно убедиться, что права, гарантированные католикам, куда как ограничены по сравнению с правами, которые предоставлены диссентерам; точно так же легко увидеть, что новые воинские части сформированы исключительно для отражения агрессии противника, а отнюдь не для того, как кое-кто полагает, чтобы укрепить положение короля в своей стране. Предприняв таким образом попытку поводить парламентариев за нос, Карл далее обратился с просьбой вотировать новые расходы.

В поддержку политики короля выступил Шефтсбери. Карл с удовлетворением слушал, как этот крохотный тщедушный человечек и первоклассный оратор разглагольствует о любви короля к протестантам и патриотической ненависти к голландцам (о секретном протоколе к Дуврскому договору он не был осведомлен). Все более и более разгораясь, Шефтсбери мрачно живописал голландцев-республиканцев как «врагов монархического правления во всем мире». Англичанам, говорил он, особенно хорошо известны опасности, проистекающие из республиканской формы правления, и они, вне всяких сомнений, сочтут себя морально обязанными выступить против нее. Застрасав таким образом присутствующих призраком республиканизма, Шефтсбери заговорил далее о колоссальных богатствах, которые голландцы нажили торговлей. Он прекрасно понимал, что страх и зависть — самые сильные аргументы. Тщеславные голландцы, вещал Шефтсбери, стремятся к установлению ни больше ни меньше как «всемирной империи наподобие Рима». Амбиции их настолько велики, что даже сейчас, потерпев поражение, они отклоняют предлагаемый им мир. При таких обстоятельствах каждый, несомненно, согласится, что наш общий долг — добить их. Если

же, грозно заключил оратор, «у кого-то дрогнет сердце и он позволит им подняться на ноги, то пусть помнит, что Голландские Штаты и по интересам своим, и по устройству — вечный враг Англии!».

Решив, что аудитория должным образом подготовлена, Шефтсбери выдвинул смелый, хотя и сомнительный тезис, долженствующий убедить ее, будто к войне короля подтолкнули сами же парламентарии. Разве обращение парламента от апреля 1664 года, говорил он, не содержит призыва предпринять необходимые действия против Голландии? Это-то верно, только в обращении ни слова не говорилось о насильственных акциях. Но Шефтсбери предпочел об этом умолчать. «Это ваша война, — заявил он. — Это вы подсказали королю, как следует действовать, и слово ваше было истинно и справедливо». Шефтсбери был убежден, что добропорядочные англичане накопили в своих сердцах ненависть против всего голландского и со страстью римлян стремятся повергнуть врага. «*Delenda est Carthago*» («Карфаген должен быть разрушен»), — с пафосом повторил он слова Катона Старшего и далее, дойдя до кульминационной точки своего выступления, начал демонстрировать чудеса цинизма и изворотливости. В 1668 году, напомнил Шефтсбери, парламент выделил деньги на заключение Тройственного протестантского альянса Англия — Голландия — Швеция, направленного против Людовика XIV. Альянс распался, Карл вступил в союз с Францией, совместно они повели войну против Голландии, и вот теперь, призывая предоставить королю кредиты, Шефтсбери выступает за новый тройственный альянс — «альянс между королем, парламентом и народом, и да пребудет он во веки веков».

На парламентариев все это не произвело особого впечатления. Выносить решение на основе пышных слов и ри-

торики они вовсе не собирались. Явно понижая тон дискуссии, депутаты обратились к деталям. У них есть некоторые законные, как им представляется, претензии, у истоков которых стоит как раз Шефтсбери. За время каникул в палате образовалось 36 вакансий, и Шефтсбери лично объявил выборы на освободившиеся места. Не менее восьми из них были отданы Дорсету, где его семья занимала сильные позиции, и среди депутатов бытовало мнение, что таким образом парламент хотят переманить на сторону двора. В результате всех 36 новых депутатов лишили полномочий и приняли резолюцию, согласно которой лишь парламент обладал правом объявлять новые выборы.

Покончив с этим, оппозиция и далее повела дело не без тонкости и с такой мерой организованности, что это позволило ей переиграть Шефтсбери и не дать ему решающим образом воздействовать на позицию парламента. Проблема, стоящая перед депутатами, была по-настоящему сложна. Как бы ни надоела им война, но их еще больше раздражали попытки Вильгельма Оранского наводнить Англию всякого рода пропагандистской литературой и склонить людей на свою сторону. Карл и сам изо всех сил старался поставить барьеры на пути ее распространения. Он арестовал двух голландцев, заподозренных в том, что с этой целью они и были тайно переправлены в Англию. Грузы и отдельные лица, прибывающие в страну, тщательно досматривались (существовала, в частности, версия, будто подстрекательскую литературу доставляют в бочонках из-под сливочного масла, предназначенных для испанского посольства). Было издано постановление, пресекающее «подрывные» речи. Кроме того, Карл выпустил ряд указов, направленных против подпольной прессы, а теперь (что показательно в свете предстоящих событий) изыскивал возможности поставить под контроль недавно вошед-

шие в Лондоне в моду кофейни. Именно здесь прежде всего собирались люди потолковать о текущих событиях, почитать газеты, и здесь же распространялись памфлеты и сатиры, играющие немалую роль в формировании общественного мнения. Все эти многочисленные меры свидетельствовали о серьезности ситуации, и ответственные и опытные депутаты считали, что в условиях, когда неприятель столь беспардонно нарушает правила международного поведения, пытаясь воздействовать на умонастроения законопослушных англичан, средства на военные расходы следует выделить. И казне действительно было разрешено расходовать дополнительно по 70 тысяч фунтов в месяц на протяжении ближайших полутора лет, однако на определенных и обязательных для выполнения условиях, связанных с тем, что волновало большинство депутатов, — Декларацией о веротерпимости. Тут они решили во что бы то ни стало заставить короля пойти на попятную.

Возражений против нее было два. Первое — юридически-конституционное. Карл декретировал веротерпимость указом, который получал преимущество перед парламентскими актами. Этого депутаты не могли и не собиралась допустить, правда, при всем возмущении свою позицию они сформулировали в выражениях хотя и твердых, но почти-тельных. «Мы считаем необходимым довести до сведения Вашего Величества, — говорилось в парламентском послании, — что штрафные санкции в церковных делах могут быть приостановлены исключительно парламентским актом». Карл понимал, что выделение денег, в которых он так остро нуждался, напрямую зависит от его согласия снять эту проблему, но поначалу на полную капитуляцию не пошел. Он утверждал, что обладает-таки известными прерогативами в церковных делах, но, смягчая свою позицию, признал, что права приостанавливать санкции у него не

было. Парламентарии этим не удовлетворились, заявив, что короля просто ввели в заблуждение. Мало того, палата единодушно проголосовала за то, чтобы направить королю послание с требованием принять меры против растущего в стране влияния папизма.

Таким образом парламент ясно давал понять, что по-прежнему чрезвычайно озабочен как альянсом короля с католической Францией, так и тем, что слишком много католиков получили в последнее время гражданские и военные посты. Главное, депутаты подчеркивали решимость защитить свою англиканскую церковь, свою англиканскую конституцию и свою англиканскую культуру. Преследуя эту цель, они составили так называемый Акт о присяге. Чрезвычайная резкость его формулировок свидетельствует о непримиримой позиции парламента. Отныне всякий, кто желает поступить на государственную службу, обратиться в суд, взять на воспитание ребенка, выполнять те или иные исполнительские функции, должен не только принести присягу на верность короне, но и принять причастие по англиканскому обряду, а также публично отречься от таинства католической мессы. Точная формулировка акта звучит так: «Заявляю, что, на мой взгляд, в таинстве Божественной Вечери нет никакого пресуществования, как нет его в хлебе и вине, кто бы их ни освящал».

В то время как фактически загнанный в угол король безуспешно пытался натравить одну палату на другую в попытках предотвратить принятие акта, члены палаты общин упрямо не хотели выпускать из рук другой акт — о военных кредитах. Они прекрасно понимали, что, если проголосовать за него и передать в верхнюю палату, он будет принят и там, затем одобрен королем и тот, заполучив деньги, сразу же распустит парламент на каникулы. Представители партии двора тщетно заклинали парламентариев не

тянуть с голосованием, если, конечно, они хотят скорейшей и безоговорочной победы над голландцами. Те отвечали, что сначала надо решить церковные дела. Это был старый принцип, давно установившаяся конституционная традиция, и она всегда служила палате общин добрую службу в ее борьбе с любыми формами религиозной терпимости.

Карл, с трудом сдерживая ярость, решил пойти с козыря. Эти упрямы настаивают на принятии совершенно неприемлемого акта? Что ж, в таком случае он просто распустит парламент. В конце концов, у французов кладовые обширные, а Людовику все еще нужен союзник на море. В Уайтхолл был вызван французский посол — но тут Карла ждало тяжелое разочарование, более того, он оказался в таком унижительном положении, какое не мог себе даже вообразить. Посол заявил, что Людовик не может дать Карлу требующейся суммы. Ему придется вернуться в парламент и как-то договариваться с депутатами. Если это означает согласие с Актом о присяге, что ж, так тому и быть. Посол также ясно дал понять, что король Франции по-прежнему рассчитывает на поддержку Карла. Уже полученные деньги надо отрабатывать. Ситуация сложилась патовая. Выходит, король Англии больше не может по своему усмотрению распустить парламент, более того, он вынужден получать указания и от французов, и от собственных депутатов. Карла II Стюарта, того самого Карла, который считал себя по силе и славе первым среди европейских монархов, переиграли и свой собственный парламент, и Король-Солнце. Это было катастрофическое падение — Карл прекратил действие Декларации о веротерпимости и одобрил Акт о присяге. На улицы Лондона высыпал торжествующий люд. Англиканское большинство страны добилось

своего, религиозная нетерпимость была легализована и стала фактом действительности.

Непосредственным результатом Акта о присяге стала уверенность многих в том, что страной руководили духовно порочные люди. Герцог Йоркский, который так и не сумел примирить совесть с амбициями, оставил свой пост командующего флотом. Таким образом, католические симпатии наследника престола получили открытое признание, и его сменил принц Руперт. Карл меж тем готовился к новой войне на море. План кампании был ясен, хотя и трудноосуществим, тем более что на его пути постоянно возникали новые препятствия. Идея заключалась в том, чтобы заставить де Рюттера принять сражение и уничтожить или блокировать его силы, дав этим возможность сухопутной армии Карла высадиться на побережье Зеландии, где она и объединится с французами.

Апатия, отсутствие дисциплины, интриги — все это вскоре не замедлило сказаться. Карл не нашел ничего лучшего, чем поставить во главе вновь набранной армии герцога Бэкингема, но того этот пост практически не интересовал, и дисциплина там упала настолько, что солдаты, которым не понравилось, что у них отобрали для каких-то иных нужд свежее, с иголки, обмундирование, просто-напросто взбунтовались. Бэкингом абсолютно не разбирался в военном деле, и Карл вынужден был в конце концов заменить его французским генералом Шомбергом, но у того совершенно не сложились отношения с раздувшимся от тщеславия Рупертом. Дело дошло до того, что Руперт фактически отдал приказ открыть огонь, когда Шомберг, готовясь принять на борт своих людей, поднял флаг на мачте, — английский принц счел это злостным нарушением порядка. Справиться с такого рода проблемами удалось лишь, когда стало ясно, что кампания может провалиться, даже

не начавшись, — силы вторжения просто не снимутся со своих ярмутских квартир, где пьяная солдатня, по словам историка, «прозябает в ничегонеделании и только набивает желудки».

Избавившись от одного соперника, Руперт продолжал множить врагов в собственном окружении. Будучи убежден, что герцог Йоркский тайно интригует против него, он всячески шпиныл офицеров, которым, как полагал принц, протезирует Яков. Эти подозрения были небезосновательны, но, пожалуй, еще опаснее в дальней перспективе военной кампании оказались противоречивые приказы короля, явно инициированные герцогом. Принца они доводили буквально до белого каления, не говоря уж о том, что лишали всякой самостоятельности, и в конце концов он вынужден был написать Карлу, требуя либо «дать ясные указания, либо оставить дело на мое усмотрение». Призыв этот не возымел никакого действия, поэтому была упущена масса возможностей, и принцу Руперту стало ясно, что он возглавляет воинство, которое обречено на поражение.

Спасая свое лицо, Руперт начал перекладывать ответственность за все беды на французов. Вскоре эти нападки приобрели публичный и систематический характер, в результате чего тлеющие в Англии антифранцузские настроения перешли в прямую враждебность. Когда де Рютьер вышел наконец в открытое море, Руперт поставил французов в авангард, однако голландцы легко обошли их; маневрировали французы так неуклюже, что перегруппировка заняла слишком много времени и на помощь основным силам они пришли с большим опозданием. Словом, вели себя французы, презрительно процедил Руперт, как и можно было ожидать. Нельзя, впрочем, сказать, что подобного рода эпизоды влекли за собой серьезные последствия; хуже то, что задержки в ремонтных работах и пополнении корабельных команд ста-

новились все продолжительнее. Вновь вмешиваясь в ход событий, Карл решил, что время упущено и атаковать де Рютьера неподалеку от его собственных берегов слишком рискованно. Таким образом, сколько-нибудь решительных результатов военно-морская кампания не принесла.

Тем временем соперничество между союзными флотами становилось все острее. Казалось, у английских офицеров и матросов нет иной заботы, кроме как унижить французов. Рассказы их, выдержанные в соответствующем духе, пересказывались в лондонских тавернах и кофейнях, англо-французские отношения становились все напряженнее, и вскоре стало ясно, что военно-морское сотрудничество двух стран полностью исчерпало себя. Карл не слишком преувеличивал, говоря, что в Англии у французов осталось только два друга — он сам и его брат. Все считали французов трусами или предателями, а может, и теми и другими. Говорили, что они нарочно подставили англичан под удар главных сил противника. На сигналы не реагировали. Никаких разумных действий не предпринимали. И вообще победа была упущена исключительно из-за них. Руперт старательно подогревал подобные настроения. Во всех неудачах он винил д'Эстре и даже ухитрился использовать для этого одного из его офицеров. В результате в Англии распространилось убеждение, что французы действовали согласно тайному приказу беречь, как только возможно, свои суда, подставляя под огонь союзника. Таким образом, национальным врагом номер один вместо Голландии становилась Франция.

Пропагандистская кампания Вильгельма Оранского лишь способствовала этому. Англичан беспокоило, что Людовик по мере роста своих военных амбиций все настойчивее убеждал Карла выступить с ним в союзе против всей остальной Европы. Союз же этот становился все более дорогостоящим да и, как неустанно подчеркивали голландцы, опасным, зло-

вещим. Разве не стоит за ним заговор, «план» установить в Британии католическую деспотию? Всеобщий страх уходил вглубь, распространялся вширь, принимал, подогреваемый помимо всего прочего такими памфлетами, как «Зов нации» (а расходились они в десятках тысяч экземпляров), характер прямо-таки параноидальный. Свободам добропорядочных протестантов угрожают иноземцы, которых их собственный король считает союзниками!

В такой атмосфере была созвана очередная сессия парламента. Карл обратился к депутатам с просьбой срочно вотировать военные расходы, чего «требуется безопасность и честь нации», затем охарактеризовал голландскую пропаганду как «происки врага». Вновь он использовал Шефтсбери для нападков на этого беспощадного врага, который «подпитывает наши застарелые страхи». Затем он взял паузу. Оппоненты двора, те «несколько прямодушных сельских дворян, что при всей своей неотесанности обладали добрым, как и у их товарищей депутатов, сердцем», понимали, что отказ предоставить кредиты поставит парламентариев в положение людей, которые несут всю полноту ответственности за возможные печальные последствия этого шага. Не забывали они и о том, что внешняя политика — прерогатива короля и, стало быть, коль скоро войну начал он, то и заканчивать ее, кроме него, некому. Чтобы подтолкнуть Карла на этот путь, требовались тонкие средства и умелый оратор. Он нашелся в лице сэра Уильяма Ковентри.

В двух превосходно выстроенных выступлениях он в пух и прах разбил всю аргументацию короля в пользу войны. Прежде всего Ковентри показал, что Людовик — союзник, с одной стороны, неестественный, с другой — ненадежный. «Интерес французов, — заявил он, — заключается в том, чтобы вытеснить нас с моря, и у них это вполне получается». Для достижения этой цели Франция прибе-

гает ко всяческим уловкам и по собственному усмотрению нарушает достигнутые договоренности. Союз с такой страной невозможен. Далее Ковентри подверг острой критике экономическую аргументацию Карла в пользу войны с голландцами. Он утверждал, что в цивилизованном мире простая агрессия, то есть международное ограбление путем насилия, не путь к увеличению богатства. Такая стратегия может сработать в «варварском мире», но для Европы она попросту слишком груба, чтобы возыметь хоть какой-то эффект. «Даже если мы побьем голландцев, — вопрошал, оглядывая зал, Ковентри, — где гарантия, что к нам перейдет контроль над торговлей?» Стремительный абордаж, пусть даже безупречный по исполнению, не может заменить «трудолюбия и экономии средств». Конкуренция, конкурентоспособные цены — вот главное.

Речь Ковентри свидетельствует о прогрессе экономической мысли в Англии, а его финальное заявление — о растущем политическом мастерстве парламентариев. Он ни в коей мере не подвергал сомнению исключительное право короля объявлять войну и заключать мир. И отнюдь не намеревался прямо нападать на эту норму закона. Нет, чтобы склонить короля к окончанию войны, он применил обходной маневр. Палата общин, заявил Ковентри, предоставит короне новый военный кредит, если все согласится с тем, что такая необходимость вызывается голландской агрессией. При этом Ковентри было прекрасно известно, что голландцы как раз готовы заключить мир на разумных условиях; он лишь усиливал свои позиции, призывая выделить деньги только в том случае, если будет обеспечена духовная безопасность нации. Ценой выделения кредита, подчеркнул оратор, должно быть обязательство короля защитить Англию от угрозы папизма.

Это была блестящая и тонкая речь, короля переиграли, и ему оставалось лишь объявить перерыв в заседаниях, что-

бы дать депутатам возможность еще раз как следует все взвесить и «прийти в себя». Но надежды на это не оправдались, и когда в начале 1674 года сессия возобновилась, Карл снова попал в унижительное положение. Не моргнув глазом он заявил, что никаких тайных соглашений между ним и французами не существует, как не существует «никаких договорных статей, способных повлечь за собой опасные последствия». Таким образом, секретный протокол к Дуврскому договору таковым и остался*, однако даже такой прожженный актер, как Карл, не мог сыграть свою роль с обычной невозмутимостью. Многим его утверждения показались неубедительными, он не столько говорил, сколько бормотал, постоянно перебирая какие-то бумажки.

Все было бесполезно. Карл проиграл по всем статьям и в начале февраля вынужден был подписать мир с голландцами. Обретения сравнительно с упованиями были жалки, а потери существенны. Голландцы согласились салютовать английскому флагу, но отказались признать морское господство Англии. Они согласились покрыть военные издержки Карла, но большую часть денег удержали, засчитав их как возвращение его долга Оранскому дому. Они закрыли глаза на инциденты в Суринаме, но ни на йоту не отступили, коль скоро речь пошла об их кармане. Так, голландцы отказались платить за право рыболовства в Северном море, а принудить их к этому у Карла просто не было средств. Короче, ему пришлось отступить на всех фронтах. Славы война не принесла, а прорехи в торговле сильно сократили поступления в казну. Карл предпринял попытку найти в стране более прочную и широкую опору, нежели англиканская церковь, а вынужден был согласиться с Актом о присяге. Он заключил союз с самым могущественным в Европе королем-католиком — и толь-

* И оставался до 1830 года, когда был обнародован историком Лингардом.

ко усилил в стране антипапистские настроения. В надежде освободиться от парламентского контроля он расширил свои прерогативы, а кончилось все тем, что депутаты переиграли его и народ стал выказывать явные признаки страха перед деспотической властью.

Да и ближайшие советники Карла, как выяснилось, мало чем могли облегчить его положение. «Кабал», раздираемый борьбой самолюбий, безнадежно распался. Принятие Акта о присяге заставило уйти в отставку со всех постов Клиффорда, и вскоре он скончался. Арлингтон с Бэкингом втянулись в бесконечную свару, примириться не могли, и в сентябре 1674 года Арлингтон удалился с политической сцены. А хуже всего, что хитроумный и обидчивый Шефтсбери (быть может, к этому времени ему стало известно о дуврском обмане) потерял пост лорд-канцлера и начал заигрывать с лидерами оппозиционной Сельской партии. В результате всего этого деятельность правительства оказалась совершенно парализованной. По словам венецианского посла, «король созывает заседания кабинета с тем, чтобы не слушать своих министров; последние же высказываются таким образом, чтобы не быть понятыми». Это чистая правда, и, для того чтобы монархия и монарх сохранились на политической арене в качестве реальной силы, надо было искать какие-то новые пути.

Глава 15

ПОЛИТИКА И ПАРТИИ

Казалось, спасение явилось Карлу в облике грубоватого и трудолюбивого йоркширца сэра Томаса Осборна. Когда он сменил Клиффорда на посту лорд-казначей, все решили, что это фигура временная. Осборна считали адми-

нистратором, делающим за Бэкингема большую часть его работы, однако же этот малоизвестный, бледный, как спирокета, чиновник вскоре заявит о себе как о человеке выдающихся способностей. Опыт, приобретенный на посту казначея флота, убедил его в необходимости регулировать государственные денежные потоки, и теперь он поставил свое незаурядное финансовое чутье на службу королю, стараясь, чтобы в денежных делах тот стал как можно независимее от парламента. Стремясь обеспечить Карлу бесперебойный кредит, Осборн позаботился, чтобы банки, сильно пострадавшие после прекращения выплат по государственным казначейским обязательствам, зарабатывали в год не менее 77 тысяч фунтов на процентах. Далее он договорился с ними о снижении процентных ставок по долгам и значительно увеличил их годовой доход от налогов на домовладения и акцизы. В результате всех этих мер удалось не только полностью выплатить все долги короля, но и увеличить его доход больше чем на 100 тысяч фунтов. Чрезвычайно довольный, король ввел Осборна в Тайный Совет, в 1673 году сделал виконтом, а еще год спустя, уступая непобедимой любви этого человека к титулам и рангам, возвысил до графского достоинства. Теперь сэр Томас Осборн стал графом Дэнби.

Финансовый дар нового пэра еще отчетливее проступал на фоне проводимой им внутренней политики, которая отличалась ясностью и прагматичностью. Едва завоевав положение при дворе, Дэнби прямо сказал королю, что тому не стать «великим и богатым», пока он не «пойдет навстречу желаниям людей». Поскольку нация все больше выступает против католицизма, не следует принимать мер, которые раздражают людей. Дэнби убеждал Карла, что от союза с Людовиком он ничего не выигрывает и, вместо того чтобы развивать отношения, порождающие двойной страх:

перед ужасами папизма и деспотией, — лучше взглянуть на Вильгельма Оранского как на естественного друга английского народа. Отчасти к такой позиции подталкивали Дэнби его собственные убеждения — убеждения протестанта. Это был твердый и непоколебимый англиканин, который, неизменно оставаясь в моральной оппозиции к веротерпимости, считал, что в духовных делах политическим интересам короны лучше всего служит епископат. Это надежная, традиционная опора королевской власти.

В попечении о ней Дэнби всячески укреплял и отношения с парламентом. В начале 1675 года он от имени короля издал декрет, ужесточающий преследования участников незаконных церковных собраний и предполагающий еще более строгие меры по отношению не только к тем англичанам, которые отправляют католические обряды, но и к тем, кто посещает мессу в некогда безопасных местах — часовнях при посольствах иностранных государств. Эти явные шаги вскоре были подкреплены тайными подпитками. В страну хлынули голландские деньги, часть их шла на взятки, и Дэнби наряду с учреждениями, непосредственно ему подведомственными, не забывал о парламенте, щедро, хотя и разборчиво одаривая депутатов, которые сочувствовали его устремлениям или хотя бы соблюдали нейтралитет. 13 апреля 1675 года, после почти 14-месячного перерыва, собралась на заседание палата общин. Депутаты нашли Карла в настроении добродушном и примирительном. Он убеждал их в том, что проводит теперь совершенно иную политику. Разве меры, принятые им против диссентеров и католиков, не убеждают в его горячей приверженности к англиканской церкви, «от которой, впрочем, (он) никогда не отпадал»? Что еще он мог сделать ради успокоения верхушки англиканства, как еще сгладить те огорчительные недоразумения в духовной области, кото-

рые возникли исключительно благодаря дурным советам некоторых его приближенных? Карл не сомневается, что теперь палата даст ему средства для снабжения флота. Но сладить с депутатами было не так-то легко. Из целого ряда выступлений стало ясно, что многие по-прежнему озабочены его истинными намерениями и политикой в целом; главное же, необходимо отказаться от отправки экспедиционного корпуса во Францию, что ранее было обещано Людовику. Затем депутаты занялись королевскими советниками.

Лодердейлу, единственному из участников «Кабала», сохранившему свои посты и влияние, вменили в вину действия, заслуживающие увольнения. Обеспокоенным парламентариям было совершенно ясно, что он играет заметную роль в заговоре, направленном на установление в стране режима абсолютной власти. Об этом свидетельствуют его размахистые действия в Шотландии, где он правил железной рукой. Далее ему приписывалось утверждение, будто королевские указы имеют силу закона, и уже поэтому Декларация о веротерпимости — документ вполне легитимный. А еще хуже то, что Лодердейл во многом способствовал формированию сильной шотландской армии, которая, как он якобы говорил, может быть использована где угодно для поддержания режима веротерпимости. Карл, однако, давлению не уступил, и депутаты, не сумев отправить в отставку одного из его приближенных, принялись за другого.

Возмущенные лидеры Сельской партии считали, что методы, которыми пользуется Дэнби для увеличения королевских доходов, нарушают старую традицию и чрезмерно усиливают его личное влияние. К тому же он утверждал, будто королевские указы обладают силой закона и даже стоят выше его. Эти обвинения также не имели под собой почвы, и при

ближайшем рассмотрении от них пришлось отказаться, но, пожалуй, еще больший скандал разгорелся, когда был сделан очередной запрос (на сей раз в Большой комитет палаты), связанный с отправкой экспедиционного корпуса за границу. Голоса разделились пополам, и депутаты вступили в нешуточную схватку, заплевывая друг друга и сдирая парики. Одни схватились за мечи, другие не давали спикеру вытащить из-под стола булаву (где она лежала, как того требует протокол заседаний Большого комитета) — символ своей власти. И лишь когда это сделать все же удалось, порядок был восстановлен, но уже было ясно, что в таком состоянии депутаты вряд ли проголосуют так, как этого хотелось бы королю и Дэнби.

Оба быстро увидели, какую угрозу таит нарастающая в парламенте оппозиция. Ее следовало подавить, воспользовавшись для этого приемами противника. По указанию Карла Дэнби приписал к Акту о присяге дополнение в форме клятвы, которую должны были принимать все государственные служащие, включая самих депутатов парламента. В нем, для начала, говорилось, что вооруженное выступление против короля и тех, кто выполняет его указания, чем бы оно ни оправдывалось, незаконно. За этим совершенно бесспорным положением следовала чрезвычайно хитроумная фраза, которая, на вид лишь подтверждая сказанное, на самом деле подразумевала подавление протеста в любой его форме. Отныне претендент на государственную должность брал на себе обязательство «не предпринимать никаких попыток вносить изменения в протестантский обряд, утвердившийся в английской церкви, а также покушаться на существующие прерогативы церковной и государственной власти». Вот здесь-то и скрывалось жало змеи. Любая оппозиция королю могла быть истолкована как нарушение данной клятвы и, стало быть, как

повод для увольнения. На самом деле королю и Дэнби нужен был показательный акт и ручной парламент.

Шефтсбери сразу разгадал таящийся здесь подвох и со всей решительностью выступил в палате лордов против новой редакции Акта о присяге, обнаруживая таким образом сдвиг в своих политических симпатиях. Подобно тому как Дэнби призывал короля учитывать, проводя тот или иной политический курс, настроения нации, Шефтсбери инстинктивно полагался на свою оценку общественного мнения, что и заставило его возглавить оппозицию, стремящуюся ограничить власть короны и расширить влияние парламента. Пока депутаты, вновь распущенные на каникулы, разъезжались по своим графствам, а Карл вынужден был отказаться от поправок к Акту о присяге, становилось все яснее, что в Вестминстере наступают качественно новые времена. Формировалась оппозиционная политика, а вместе с нею — политические партии. В своих открытых поисках союза с короной и церковью Дэнби закладывал основы того, что впоследствии станет партией тори, а его оппоненты строили объединение, из которого вырастет партия вигов.

В кругу последних многие считали, что Карл и Дэнби исподтишка покушаются на конституцию и что общественному мнению следует осознать угрозу абсолютистских и католических по своему духу поползновений. Например, Эндрю Марвелл, депутат парламента и автор целого ряда существенных конституционных поправок, принялся за сочинение памфлета «О росте папизма и деспотическом правлении в Англии». В нем отзываются многие из тех тревог, что переживала тогда страна. Все беды, которые свалились на Англию за последние десять лет, объясняются, утверждал автор, одной и той же таинственной и зловещей причиной. Людовик XIV, папство и иезуиты объединились в поддержке «заговорщи-

ков», которые сейчас, в этот самый момент, готовятся повергнуть страну в пучину тирании и предрассудков. «Сколько уже лет, — писал Марвелл, — вынашивается план свергнуть законное правительство Англии, заменив его абсолютной властью, а традиционную протестантскую религию вытеснить откровенным папизмом».

Эти страхи лишь укреплялись поведением видных лиц, например самого герцога Йоркского. Отставка с поста главнокомандующего флотом вполне откровенно обнажила католические симпатии Якова, но особую тревогу внушал тот факт, что после смерти своей первой жены (1671) он начал искать — и в конце концов нашел — новую невесту, католичку. Ему явно нужен был наследник мужского пола, который, будучи воспитан в вере матери, получит преимущество перед двумя его дочерьми-протестантками, Марией и Анной. Большинство населения такая перспектива страшила. Многим казалось, что английский трон вполне может перейти в руки антихриста, и ни Яков, ни сам Карл даже не пытались как-то рассеять эти страхи, полагая, что речь идет о сугубо династических делах, в которые никто не имеет права вмешиваться.

Напротив, надо решать эту проблему как можно скорее, так чтобы явно враждебный парламент столкнулся с *fait accompli**. Были рассмотрены различные варианты, при этом Карл безапелляционно заявил, что на сей раз решение примет сам, — Яков уже выставил себя полным дураком в матримониальных делах. Ситуация сложилась так, что об английских невестах не приходилось и думать, а за границей претенденток могло быть только три: австрийская эрцгерцогиня (но она предпочла куда более выгодную партию — императора Священной Римской империи), принцесса Вюртембергская (эту кандидатуру Карл отверг

* Поставить перед свершившимся фактом (*фр.*).

по политическим соображениям) и принцесса Нойбергская (ее отверг сам Яков: она была уродина). Положение становилось безнадежным, однако в этот момент на горизонте возникли две новые кандидатуры, обе принцессы Моденские. Преимущество явно следовало отдать пятнадцатилетней, с волосами черными как вороново крыло Марии Беатрис — у нее были кровные связи во Франции. Недаром Людовик сулил щедрый денежный дар в случае, если она войдет в английскую королевскую семью.

Была спешно организована заочная помолвка, и когда стало известно, что наследник престола женится на «дочери папы», страна пришла в необыкновенное волнение. Повсюду жгли изображения папы, все громче звучали разговоры о том, как Карлу следует поступить со своей бесплодной женой. Вопрос престолонаследия вышел на первый план. Одни считали, что Карлу необходимо развестись и найти себе новую жену, которая родит ему и Англии наследника; другие оборачивались на старшего и самого симпатичного из незаконных детей Карла, герцога Монматского. Этот пребывающий в тени двадцатитрехлетний молодой человек начал приобретать черты национального героя, народного любимца. Он был настоящий красавец, а что касается грешков, то кто же не грешит в молодости? Вину ему можно было поставить расквашенный нос сэра Джона Ковентри — тот позволил себе отпустить какое-то едкое замечание насчет пристрастия короля к молоденьким актрисам. Но ведь честь превыше всего, не так ли? Что за беда, если Монмат принял участие в убийстве церковного сторожа (с которым компания высокородных гуляк случайно столкнулась в воскресное утро) да и жизнь ведет пустую и разгульную? Повзрослеет. Карл отпустил сыну грехи — впрочем, и в самих этих грехах есть некоторый блеск. К тому же его жена — богатая англичанка протес-

тантского вероисповедания. А главное — он сам убежденный протестант. Нет ли каких-нибудь способов провозгласить наследником не Якова, а его, Монмата?

Что касается герцога Йоркского, то он лишь ужесточал свои политические и религиозные позиции. От католицизма Яков не отойдет ни за что, пусть даже такой шаг принесет ему широкую популярность. Точно так же, по причинам вполне очевидным, не изменит взгляда на престолонаследие в Англии. Герцог заявил даже, что воцарение Елизаветы I (в глазах католиков незаконной дочери короля Генриха VIII) было всего лишь узурпацией престола, результатом которой и стало весьма прискорбное расширение полномочий парламента. Якову же парламент представлялся анафемой вдвойне, ибо он, как никто, был предан идее абсолютной монархии по французскому образцу. Отчасти именно поэтому, формально не входя более в круг лиц, определяющих политику Англии, Яков нажимал на брата, чтобы тот не отклонялся от профранцузского курса.

В общем-то не кто иной, как именно герцог Йоркский, способствовал возобновлению заигрываний Карла с Людовиком; это поставило английского короля в очень запутанную и тонкую ситуацию, и ему, чтобы удержаться на ногах, пришлось призвать на помощь все свои актерские способности. Прежде всего, конечно, он думал о деньгах, однако понимал также, что тайный альянс с Францией не только избавит его от финансовой опеки парламента, но и позволит махнуть рукой на тех своих советников, кто подталкивает его к союзу с Вильгельмом Оранским. Агенты последнего продолжали свои активные действия в Англии, и Людовику это было прекрасно известно. Финансируя Карла, он убивал сразу трех зайцев: получал возможность настаивать на продолжении парламентских каникул, убеждал его не прислушиваться к тем, кто желал бы сближения

с голландцами, и добивался нейтралитета Англии в конфликтах, раздирающих ныне Европу. Ситуация для Людовика облегчалась еще и тем, что Карл сам настаивал на возобновлении переговоров о субсидии. И как нередко бывало, нелюбовь к бумажным делам и природная леность заставили его заключить сделку, куда менее доходную, чем можно было рассчитывать.

Подписав столь выгодное для своего хозяина соглашение, французский посол в Лондоне Анри де Ровиньи со вздохом облегчения оставил один из самых беспокойных и трудных постов в дипломатической службе Франции. Его преемник получил инструкции, свидетельствующие о том, как ясно и глубоко понимал Людовик состояние дел в Англии. Новому послу было сказано, что «при правильном развитии событий власть может быть сосредоточена в руках короля, герцога Йоркского, королевских министров и сведена к «*l'esprit de la nation general*»*. Французскому королю были ясны как минимум три вещи: Карл не хозяин в собственном доме; из всех министров наибольшей его доверенностью пользуется Лодердейл; Бэкингам, хотя постов и не занимает, однако влияние оказывает. Дэнби — исключительно способный, но заносчивый экономист. А из любовниц Карла французов больше других беспокоила Луиза де Керуаль: близость этой дамы к Дэнби могла заставить последнего открыть кошелек для удовлетворения ее безмерных потребностей. Это было бы тем более огорчительно, что французы сами заваливали Луизу бриллиантами и вообще всяческими почестями и подарками. Короче, за этой дамой послу следует приглядывать, но не только за ней: недавно в фавор к королю попала еще одна хищница.

В 1675 году в Лондоне появилась Гортензия Манчини, герцогиня Мазарини. Приехала она сюда в поисках удачи,

* духу народа в целом (*фр.*).

переодевшись мужчиной. К этому времени дама успела прожить весьма бурные и красочные годы. Племянница кардинала Мазарини, она обладала и богатством, и положением в обществе, и незаурядным, как у всех в этой семье, умом, который сочетался с полной свободой и бесспорной оригинальностью суждений. Именно это свойство и стало для нее подлинным благословением, ибо, выданная в пятнадцатилетнем возрасте замуж за Шарля де ла Порте де ла Мелерье, ставшего незадолго до этого герцогом Мазарини, она быстро убедилась, что этот на вид безупречно корректный молодой человек на самом деле — безнадежный шизофреник.

Муж не выпускал Гортензию на люди, а с англичанами вообще запрещал общаться. Заставлял неустанно молиться. Не разрешал садиться за стол с мужчинами. Рыскал по спальне в поисках злых духов, а не обнаружив оных, принялся за переустройство мира. Людовику он заявил, что является посланником архангела Гавриила и от его имени требует прекратить всякие отношения с любовницей. Король вежливо сообщил посланнику, что архангел Гавриил только что сообщил ему, что герцог — ненормальный. Разочарованный безумец удалился и, не сумев переделать общественную жизнь, обратился к искусству. Прихватив с собой молоток, стамеску и ножницы, он явился в богатейшую галерею дворца Мазарини. Не обращая внимания на заклинания хранителя, герцог набросился на скульптуры, и вскоре пол галереи покрылся мраморными гениталиями и белыми пышными грудями. Далее он вновь обратился к жене, отослав ее из Парижа в Бретань, подальше от похотливых взглядов мужчин. В ответ Гортензия завела бурный роман с шестнадцатилетним Сидони де Курселем, в результате чего угодила в женский монастырь. Напустив в дортуары мышей и сумев бежать на волю через дымоход, Гор-

тензия в конце концов вернулась в Париж, где выяснилось, что муж отсудил и растратил большую часть ее состояния. Она помчалась в Италию, забеременела там, затем вновь оказалась в Париже — лишь затем, чтобы убедиться, что муж ее теперь представляет себя тюльпаном, нуждающимся в каждодневной поливке.

Это было уже слишком, и Гортензия удалилась в Шамбре, где у нее развился вкус к философским штудиям. С помощью любовника и одновременно наставника (он укрывался под именем аббата Сен-Реаля) она написала и обнародовала мемуары, сделавшие ее международной знаменитостью. Среди английских читателей Гортензии Манчини оказался и герцог Бэкингем. Перелистывая страницы этой удивительной истории, он вдруг подумал, что эта дама вполне могла бы отвлечь Карла от опасных чар Луизы де Керуаль, и пригласил ее в Лондон, где снял для гостыи дом в Ковент-Гарден.

Гортензия была дамой умной, искушенной и сейчас, когда ей исполнилось тридцать, находилась в расцвете зрелой женственности. Даже на де Ровиньи она произвела сильнейшее впечатление. «Никогда не видел, чтобы люди так побеждали время и так прекрасно сохранялись», — пишет он. Гортензия была наделена природной красотой не только тела, но и духа. «Когда ей исполнится пятьдесят, — продолжает де Ровиньи, — она остановится перед зеркалом и с удовлетворением отметит, что ничуть не изменилась». Тем не менее знаток женской красоты уступает дорогу дипломату. Де Ровиньи был свидетелем того, как ловко Гортензия уговорила совершенно очарованного ею короля выделить ей четырехтысячное (в год) пособие. Отметил он и то, что Карл лично занялся ее финансовыми делами, в частности возвращением драгоценностей, оставленных во Франции. Приемника де Ровиньи уведомили,

что свое влияние при английском дворе Гортензия может использовать и против Людовика, так что лучше предложить — при всей чудовищной несправедливости претензий этой дамы, — чтобы ее бытом, хотя бы формально, занялась Франция.

Очаровав короля, Гортензия продолжала очаровывать Лондон, что ей удавалось благодаря неотразимому сочетанию прекрасной воспитанности и полной беспечности. В ее присутствии желал сверкать весь высший свет столицы. Остроумцы, и французские, и английские — Сент-Эвремон, дю Грамон, Бэкингам, — так и увивались вокруг Гортензии, а когда мужчины казались ей скучными, их вполне могли сменить придворные дамы. Особенно сблизилась она с дочерью леди Калсман леди Суссекс. В одних пеньюарах фехтовали они в Сент-Джеймском парке. Де Куртен — так звали нового французского посла — пунктуально отмечал «особые склонности» Гортензии и докладывал Людовику, что английский король открыто ухаживает за ней. «В дневное время он от нее практически не отходит, — пишет посол, — хотя ночи проводит, с кем ему заблагорассудится». Но в том-то и дело, что чаще всего это была Гортензия. Пройдя сквозь утомительную церемонию раздевания и укладывания в постель, Карл дождался, пока во дворце все утихнет и слуги разойдутся по своим помещениям; тогда он вставал, одевался и неслышно направлялся в апартаменты любовницы.

В середине 1676 года наблюдательный де Куртен сообщал в Париж, что Луиза де Керуаль практически оказалась в тени и, может, имеет смысл отправить ее домой. Дело в том, что отставленная возлюбленная слишком уж откровенно демонстрировала свое горе. Она то и дело заливалась слезами, она умудрилась засорить чем-то глаз, из-за чего он искривился, она бледна, она исхудала, она беремен-

на... Посол разрывался между состраданием и профессиональным долгом; однажды он провел с Луизой всю ночь, наставляя и утешая ее. «Она так трогательно печальна», — писал де Куртен Людовику, на которого, впрочем, эти слова не произвели никакого впечатления. Тогда на смену слезам пришла тактика. Пусть Гортензия Манчини пытается выставить Луизу вульгарной выскочкой, «толстушка» остается верной королю. Да и упускать своего счастья она не собирается.

Луиза начала обхаживать ненавистную чужеземную герцогиню. Она без умолку болтала с ней, а Гортензия, которой вообще-то вполне хватало самой себя, снисходила до того, чтобы слушать вполуха. Как-то Луиза непринужденно пригласила Гортензию покататься в своем экипаже. Здоровье ее заметно улучшилось, а вместе со здоровьем улучшилась и внешность. Де Куртен отметил происходящие перемены. Понимая, что от румянца, вернувшегося на щеки Луизы, отчасти зависит международная ситуация, он шепнул ей, что его повелитель, король Людовик XIV, чрезвычайно высоко ценит ее услуги. При лучах, которые отбрасывал Король-Солнце, Луиза так и расцвела, и де Куртен, передавая дела Полю Барилльону, предупредил своего преемника, толстяка и хитреца, что этой даме следует уделять особое внимание. Барилльон понял намек и вскоре писал Людовику: «У меня нет ни малейших сомнений в том, что, разговаривая с королем ежедневно, она вполне способна влиять на ход его мыслей». Но посол заблуждался. В его разыгравшемся воображении дело смешалось с удовольствием, а Карл давно уже разделял эти вещи. Тем не менее, воспользовавшись тем, что Гортензия слегка увлеклась приехавшим в Лондон с визитом принцем Монако, Карл вернулся к своей «толстушке». Так гуляка муж возвращается к привычным ласкам жены.

Пока Карл развлекался, Дэнби трудился. Ясно было, что главное сейчас — установить контроль над палатой общин, и Дэнби бомбардировал депутатов от придворной партии письмами с просьбой регулярно появляться в Вестминстере. Таким образом он надеялся обеспечить себе большинство, которое было нужно, ведь при всех своих реформаторских усилиях Дэнби нуждался в миллионе фунтов на расходы короля. Однако оппозиция с такой гигантской суммой не могла согласиться, ведь парламент отказал Карлу даже в военных кредитах. Столкнувшись с таким афронтом, король объявил в работе палаты перерыв и в знак крайнего недовольствия происходящим даже отказался произнести традиционную речь, предшествующую закрытию сессии. Затем Карл обратился за помощью к Людовику, но тот, как выяснилось, не собирался немедленно выполнять своих обещаний. Понадобились дополнительные переговоры, а также предложение Дэнби попросить субсидий у Вильгельма Оранского, чтобы Людовик наконец тряхнул мошной. Постепенно Карл начал понимать, что, оказавшись между двумя умелыми европейскими кукловодами, можно вести двойную игру.

Он заручился согласием французов на роль посредника в отношениях между воюющими государствами и уже отправил своих представителей в Ниймеген, где бесконечно продолжалась мирная конференция. Приказав им продолжать укреплять союз с французами, Карл предпочел игнорировать попытки Дэнби и особенно сэра Уильяма Темпла задобрить принца Оранского. Не высказываясь прямо, что давно вошло у него в привычку, Карл вновь пытался понравиться всем. Результаты такого рода двуличия могли оказаться катастрофическими, и прежде всего для него самого. Если раньше он лелеял надежду стать гарантом мира в Европе, то теперь сделался заложником партий,

которые собирался примирить. И Людовик, и Вильгельм Оранский стремились взять английскую внешнюю политику в свои руки и сражались, не жалея средств, за влияние при дворе Стюартов с такой же яростью, с какой воевали за территории на военных полях Европы. Эти территории, судя по всему, стремительно подпадали под французское владычество. Людовику сдавалась крепость за крепостью, а после поражения Вильгельма при Касселе в его руки, похоже, вот-вот должны были перейти все Испанские Нидерланды.

Англичане с нарастающим страхом следили за победоносным шествием абсолютизма с католической окраской. Отдавая себе отчет в том, что его победы лишь заставят английский парламент еще энергичнее выступить в поддержку голландцев, Людовик предложил Карлу очередное вспомоществование, добиваясь, чтобы тот продлил парламентские каникулы. Но ведь более чем двухлетний перерыв в заседаниях был равносителен роспуску парламента, а роспуск порождает зловещий призрак новых выборов. В результате Карлу пришлось отклонить предложение французов. Разъяренный Людовик усмотрел в этом интриги Дэнби и, решив, что влияние последнего в Вестминстере перешло всякие границы, принялся щедрой рукой раздавать взятки.

Герцог Йоркский по-прежнему подталкивал Карла к французам, в то время как Дэнби действительно бросил все свои незаурядные дипломатические способности на то, чтобы убедить короля в необходимости союза с голландцами: мол, именно такой союз соответствует подлинным его интересам. Наиболее убедительными аргументами Дэнби были накопившийся и так и не выплаченный долг и, естественно, собственная финансовая гениальность. Карла ему удалось убедить в том, что на французский заем не прожи-

вещь, а упирающихся членов палаты общин — чтобы они выделили 600 тысяч фунтов на переоборудование флота. Это последнее достижение производило особенное впечатление, поскольку многие депутаты были убеждены, что король собирается использовать эти деньги на совершенно иные цели. Подчеркивая свою настороженность, Дэнби оговорил окончательную выплату суммы условием открытого союза с Голландией. Карл пришел в бешенство. Заведение, что слову короля можно доверять, парламентарии пропустили мимо ушей, в связи с чем Карл сделал вывод, что они покушаются на его право объявлять войну и заключать мир по собственному усмотрению. Неужели они не понимают, что такого рода шаги заставят иностранных правителей думать, будто переговоры следует вести не с самим королем Англии, а с его парламентом?

Обозленный тем, что его вновь загнали в угол, и уверенный, что французы на благодарность не посядут, Карл продлил-таки парламентские каникулы. Ральф Монтегю, его посол в Париже, уже намекнул, что выделенная сумма будет значительно превосходить подачку парламента, и Карл решил лично принять участие в переговорах. В детали он, как обычно, вникать не стал и много потерял на этом, сделка оказалась скорее невыгодной. Узнав о происходящем, Дэнби пришел в ужас и попытался по возможности исправить положение. На саму договоренность он покуситься не отважился, но иное дело — условия, тут можно и поторговаться. Увы, многого Дэнби не достиг, а вот переписка, в которую он вступил по этому поводу, вскоре обернулась катастрофическими последствиями для него лично. У Карла же деньги теперь были, а стало быть, он мог в своей обычной манере сделать реверанс в другую сторону. И король вновь принялся заигрывать с голландцами. Ошибочно решив, что таким образом приобретет вли-

яние на Вильгельма Оранского, этого, как Карл его называл, «коротышку», он согласился на брак принца со старшей дочерью герцога Йоркского, принцессой Марией.

«Как нетерпеливый любовник, принц примчался из Харвича в Ньюмаркет», — пишет сэр Уильям Темпл. Примчался — и на месте также продолжал разыгрывать роль обезумевшего от любви молодого человека, явно надеясь извлечь из этого некоторые политические выгоды. Карл и Яков встретились с ним сразу же по прибытии и предложили немедленно перейти к делу. Вильгельм, однако, отказался, заявив, что, прежде чем говорить о политике, ему надо повидаться с прекрасной невестой. Знакомство состоялось, и Вильгельм нашел Марию рослой наивной болтушкой 15 лет от роду; она была тогда безнадежно влюблена во Фрэнсис Эпли, «дорогую, дорогую, любимую Аурелию, прекрасную дочь одного из приближенных герцога Йоркского». К встрече с мужчиной вообще, а с таким, как принц Оранский, тем более Мария была еще явно не подготовлена. Вильгельм был худ, суров, неулыбчив, говорил грубым гортанным голосом, о светскости понятия, в общем, не имел, а главное — не носил, как принято в Англии, парика, демонстрируя свои собственные прилизанные волосы.

Незадачливый претендент меж тем продолжал выказывать свои якобы переполняющие его чувства. Как можно ставить на одну доску международные соглашения и личное счастье? Отсрочка свадьбы приводит его в отчаяние. Однажды сэр Уильям Темпл «нашел его в особенно мрачном настроении» и, будучи проникательным, опытным дипломатом, решил, что правильно будет дать принцу возможность излить свои чувства и, быть может, оказать содействие. Вильгельм, записывает впечатления от этой встречи сэр Уильям, «выражает сожаление, что вообще приехал в Англию, и грозитя через два дня уехать, если король по-преж-

нему будет настаивать на заключении мира до заключения брака». Одна лишь любовь решит, жить ли им, Карлу и Вильгельму, «как самым близким друзьям или как самым непримиримым врагам».

На следующий день Темпл попросил короля о срочной аудиенции. Он умолял его задуматься обо всех немаловажных последствиях этого брака. Карл с кислой миной согласился переставить местами бракосочетание и переговоры о мире. Правда, в таком случае ему придется довериться Вильгельму, но как раз это его не особенно беспокоило: он гордился умением судить о людях по внешности, и «если только меня не обманывает выражение лица принца, это честнейший в мире человек, я ему верю, и он получит свою жену». Темплу было велено передать Якову, что король принял решение. Правда, кое-какие сомнения у него все же явно сохранились, и он пробормотал вслед удаляющемуся Темплу: «Надеюсь, теперь этот упрямец будет доволен». Другого упрянца — заносчивого герцога уговорить удалось, и, покончив с брачными соглашениями, король решил, что пришла пора поговорить с принцем как мужчина с женщиной. «Дорогой племянник, — начал он, — неплохо быть человеку одному, я сотворю тебе помощника». Затем Карл пояснил, что он на самом деле имеет в виду: «Запомни, война и любовь уживаются плохо». Военственный Вильгельм вежливо выслушал дядю и, поскольку желаемого достиг, передал Генеральным Штатам распоряжение переслать ему драгоценностей на 40 тысяч фунтов в качестве свадебного подарка.

Если официальные торжества отличались подобающей пышностью, то личные чувства брачащихся и их близких были отнюдь не радостны. 4 ноября 1677 года, в девять вечера, в спальне Марии для освящения брака собралась группа людей. Все они выглядели довольно подавленными. Ма-

рия в слезах, Вильгельм угрюм, герцог Йоркский явно недоволен перспективой расставания с дочерью. Провел церемонию бракосочетания епископ Лондонский. Служба кончилась, и новобрачным пришла пора ложиться в постель. Восторга ни у того, ни у другой это явно не вызывало — настолько не вызывало, что Вильгельм даже отказался снимать нижнее белье. Карл решил, что как раз тут не помешает совет любящего дядюшки. Надо бы принцу до конца раздеться. В конце концов разве это не его брачная ночь? А что по этому поводу думает новобрачная? Без малейшего намека на романтизм, который и вообще-то был менее всего ему свойствен, Вильгельм дал понять, что его это совершенно не интересует. Поскольку им с женой предстоит долгая совместная жизнь, заметил он, придется ей мириться с его привычками, а одна из них — спать в нижнем белье. Карлу не оставалось ничего, кроме как опустить балдахин и воскликнуть с притворным энтузиазмом: «Ну что ж, племянник, вперед! За работу! С нами и с Англией святой Георгий!»

Уже на следующий вечер, когда англичане пускали петарды, отмечая одновременно протестантское бракосочетание своей маленькой принцессы и протестантскую Ночь Гая Фокса*, появились свидетельства того, что этот грубый медведь принц Оранский отнюдь не собирается прекращать войну на континенте. Да и с чего бы? В конце концов, заполучил он не столько жену, сколько союзника, которого рассчитывал использовать в своих целях, восстанавливая таким образом дух народа, защищая свои территории и заставляя французов отступить. Тем временем Карл, по-

* Традиционное празднование дня раскрытия «Порохового заговора», устроенного католиками 5 ноября 1605 года с целью убийства короля Якова I; под зданием парламента, куда должен был прибыть король, заговорщики во главе с Гасем Фоксом заложили бочки с порохом. — *Примеч. пер.*

лучив через французского посла устное послание Людовика, в котором тот выражал крайнее неудовольствие происходящим, лично попытался загладить конфликт. Он, мол, не сомневается, что Людовик поймет резоны, подтолкнувшие Англию к заключению этого брака, и убедит народ в том, что у Карла нет никаких поползновений превращать страну в абсолютную католическую монархию наподобие той, что существует во Франции. И дело не только в этом. Вильгельм, по мнению Карла, теперь у него под каблуком, ну а сам он собирается сохранять с Францией наилучшие отношения. Со своей стороны Людовик, столкнувшись с подобным лицемерием, пришел в ярость. Он лишь укрепился во мнении, что Карл — и в личном, и в политическом плане — человек слабый, двоедушный, им легко манипулировать, что и делают силы, совладать с которыми он не способен. В то же время, при всем своем раздражении, Людовик понимал, что гнев — оружие обоюдоострое и что как раз слабость Карла позволяет использовать его в своих интересах. В общем, с Карлом можно договариваться, а вот о Дэнби, этом непримиримом протестанте, того же не скажешь. Убедившись, что лорд-казначей не подкупишь, Людовик решил, что от него пора избавляться, и французскому послу было приказано снестись с парламентской оппозицией. Следующий шаг — Людовик прекратил выплачивать Карлу субсидии.

Уже самое начало сессии парламента, созванной в первые дни нового, 1678 года, показало, что французский посол (с помощью многоопытного и весьма сведущего де Ровиньи) поработал неплохо. Карл вновь оказался в столь знакомом ему тупике. У него не было денег. Им, как марионеткой, играли союзники, ему приходилось иметь дело с недружественным парламентом. Формы эта враждебность принимала скрытые. Прямо против военных приготовле-

ний оппозиция не выступала, она лишь оговаривала свою поддержку выполнением определенных условий, притом весьма унижительных. Например, Карлу в нарушение существующих королевских prerogatives предлагалось в полном объеме информировать парламент о договоренностях с зарубежными монархами. Явно король был разгневан, тайно чрезвычайно обеспокоен. Громогласно осудив парламентариев, он спешно отправил Людовику послание, в котором выражал, по сути, готовность связать себя с Францией в обмен на ежегодную субсидию размером в 600 000 фунтов стерлингов.

Людовик тем временем продолжал войну. Пал Ипр, за ним Гент. Католицизм расползлся по Европе все шире, в Англии это вызывало нарастающую тревогу, и, хотя Карл, стремясь успокоить соотечественников, послал в Остенде небольшой отряд, а затем сформировал 30-тысячную армию, общественное мнение этим не удовлетворилось: люди слишком хорошо помнили, с какой легкостью ему удавалось собрать силы для защиты своих интересов дома. Оппозиция выказывала все большую настороженность относительно его истинных мотивов, и Карл вновь обратился к Людовику. Даже сейчас он хотел хоть что-то извлечь из своего безнадежного положения. Правда, козырь у него все же был — эта самая армия, состоящая из 30 тысяч штыков. И он, и Дэнби были уверены, что жажда избавиться от нее непременно заставит парламентариев вотировать военные кредиты. Людовик тоже отнюдь не был заинтересован в ее существовании, стало быть, и он возобновит финансовые вливания. Демонстрируя изворотливость обреченного, Карл надеялся, что заплатят все.

И лишь под самый конец своей хитроумной игры, когда французы и голландцы заключили Нимвегенский мирный договор, Карл убедился, что у Людовика нет ни ма-

лейших намерений выполнять свои финансовые обязательства. Оказавшись на краю финансовой пропасти, король и Дэнби подобно игрокам продолжали, уже проиграв, швырять деньги на кон. Парламент выделил 380 тысяч фунтов на расформирование собранной Карлом армии. Деньги пошли на то, чтобы ее сохранить. Кредиты брались, где только можно, и в конце концов стоимость содержания армии выросла до 750 тысяч фунтов. А ведь само ее существование было для многих знаком того, что Карл собирается утвердить в стране деспотический режим силой оружия. Парламент решительно отказался увеличить сумму ежегодных расходов короля, и тем не менее они росли. Бухгалтерский гений Дэнби ничем не мог помочь Карлу. Казна продолжала истощаться, и вскоре стало понятно, что финансовая политика государства превратилась в политику казино; королевский долг зашкалил за два с половиной миллиона фунтов.

Обессиленный король махнул рукой на все и поручил государственные дела Дэнби. Он вернулся к своему обычному распорядку жизни, и как-то во время утренней прогулки по внешней галерее Уайтхолла ему передали письмо. Спускаясь по лестнице, Карл прочитал его и уже у ворот Сент-Джеймского парка подозвал к себе принесшего письмо курьера: как все это следует понимать? Кристофер Киркби (так звали этого человека) сказал, что против короля существует заговор, жизнь его в опасности, нападения можно ждать в любую минуту, даже сегодня утром.

— Какого именно нападения? — спросил король.

— Будут стрелять.

Не выказывая никаких признаков страха, Карл сказал Киркби, что переговорит с ним у себя в спальне после возвращения с прогулки.

Глава 16

ПАПИСТЫ-ЗАГОВОРЩИКИ

К лету 1678 года Англия созрела для заговора. В последние месяцы люди обеспокоенно поглядывали на небо — все явно указывало на приближающуюся беду. Произошло не менее трех солнечных и двух лунных затмений, а в начале года комета с пылающим хвостом возвестила «потрясения, огонь, катастрофы» наряду с «беспорядками среди больших людей и знати». Волнения наверху сопровождалась растущей подозрительностью внизу. Слишком много было унижений, слишком много бед. Чума, пожар, война — все это подрывает дух людей, а страх порождает чудовищ. Эти чудовища нередко принимали облик католиков вообще, а иезуитов в особенности. И сколь бы ничтожную, исчезающе малую часть населения они ни составляли, это был внутренний враг, коварная сила, готовая поставить на колени добрых протестантов.

С новой энергией звучали старые нападки на католические ритуалы. «Презираю эту смехотворную, абсурдную веру, — заявлял лорд Рассел. — Кусок хлеба, который преломляет священник, — и это наш Спаситель?!» Мало этого. «А что становится с хлебом, когда съешь его и переваришь, вы и сами знаете». — Лорду надо было все договорить до конца. На отвращение к разного рода предрассудкам накладывался страх перед политическими претензиями католицизма. «От папства идет понятие действующей армии и деспотической власти, — заявлял сэр Генри Кейпел. Раньше испанская корона, теперь Франция укрепляют среди нас корни папизма; надо их вырвать, тогда и деспотии конец». Такого рода высказывания порождали истерию, которую памфлетисты доводили до температуры кипения.

Перед глазами людей вставляли страшные картины. «Посмотрите в сторону Смитфилда, — призывал своих читателей один автор, — и представьте себе, что вы видите своего отца, или мать, или кого-нибудь из самых близких и любимых родственников привязанными к столбу; их лижут языки пламени, глаза обращены к небу, они взывают к Богу, ради которого умирают. А ведь когда в нашей стране в последний раз утвердился папизм, такую картину можно было увидеть сплошь и рядом».

Уберечь людей от целенаправленного уничтожения, считалось, способна лишь протестантская монархия. Вот фон, на котором Карл договорился о встрече с Кристофером Киркби, человеком, случайно попавшимся ему на дворцовой лестнице. Вернувшись с прогулки, король спросил, что Киркби известно о предполагаемом покушении на его, Карла, жизнь. Тот сказал, что двое католиков — бенедиктинец Томас Пикеринг и иезуит брат Джон Гроув поклялись застрелить его. Если не получится, король будет отравлен врачом своей жены сэром Джорджем Уэйкменом. Карл недоверчиво спросил Киркби, откуда тому все это известно, и в ответ на заверение, что источник сведений надежный, велел привести носителя этого источника во дворец в тот же день, между восемью и девятью вечера.

Информатором Киркби оказался полубезумный священник-пуританин Израэль Тонг. В молодости Тонг выказывал способности к исследовательской деятельности, работал в Оксфорде, получил степень доктора богословия. В годы Реставрации он влачил довольно жалкое существование, перебиваясь кое-как, пока наконец в 1666 году не получил место в церкви Св. Марии в самом центре Лондона. Три месяца спустя надежды и жилье Тонга сгорели в Большом пожаре, а вместе с ними сгорел и его разум. Он теперь был убежден, что иезуиты не только подожгли го-

род, но и покушаются на страну в целом. В доказательство этого Тонг принялся за перевод огромного труда под названием «Иезуитские нравы», но стиль оказался настолько тяжел, что издатель, поняв, с кем связался, остановил публикацию, не дожидаясь появления третьего, самого пухлого тома. Этот удар лишь еще более помрачил разум бедняги. Тонг целиком погрузился в создание чего-то похожего на историю иезуитов, но как раз в этот момент в его жизни появился человек, готовый, кажется, укрепить самые безумные из его страхов.

Титус Оутс был гением мошенничества, а фантазии его были так же дики, как уродлива внешность. Люди с отвращением отшатывались от него. «Брови расположены низко, — пишет один современник, — маленькие глаза посажены глубоко; лицо гладкое и сплющенное, оно напоминает блюдо или диск; щеки красные, большие; нос курносый, рот где-то посередине, потому что всю нижнюю половину лица занимает подбородок». Ходил Оутс сильно сутулясь, его уродливое лицо почти касалось груди, голос у него был скрипучий, завывающий, монотонный. Вскоре к нему будет прислушиваться вся страна, но пока Оутс все еще полностью был занят собственной нескладной жизнью.

Первоначальное образование он получил в Вестминстере, затем был принят в Мерчант-Тейлорз-Скул — одну из девяти старейших и наиболее престижных средних школ в Англии, откуда, впрочем, был со временем исключен. Затем Оутс каким-то образом поступил в колледж Гонвилл-энд-Киз Кембриджского университета, где тоже не задержался и был переведен в другой колледж — Сент-Джонс. Степени он не получил, но тем не менее был отправлен в один из кентских приходов, однако прослужил там недолго. Последовала столь же краткая и не принесшая ему славы служба корабельным капелланом, а затем он после оче-

редного увольнения проболтался некоторое время в католической общине Лондона (где и познакомился с Израэлем Тонгом); потом его назначили личным капелланом графа Норвича и через три месяца уволили. Вскоре Оутс перешел в католицизм и привлек внимание деятелей из Английского общества Иисуса Христа, они послали его в Английский колледж в Вальядолиде, откуда он, в который уже раз, был исключен: выяснилось, что уровень его богословской подготовки явно недостаточен для обучения в столь серьезном заведении. Оутс вернулся в Англию и, вновь проникнув в иезуитские круги, был направлен в католический пансионат в Сент-Омере. Сверстники издевались над ним как хотели. Однажды они перевернули у него над головой кастрюлю и облили какой-то гадостью. Как нетрудно было ожидать, из школы Оутса исключили, и он вернулся в Лондон, пылая ненавистью ко всему, что хоть как-то связано с иезуитами.

В Лондоне Оутс вновь пересекся с Израэлем Тонгом. С расчетливостью опытного мошенника он намекнул несчастному клирику, что обладает некоторыми сведениями о деятельности иезуитов в Англии и за границей. Придя в необычайное возбуждение, Тонг попросил Оутса изложить все, что ему известно, на бумаге, и в начале августа 1678 года тот появился у него с краткой информацией о подготовке католического заговора, цель которого — убийство короля Карла и восстание в стране. Сам Тонг, со значени-ем заметил Оутс, также является мишенью заговорщиков, причем стоит на одном из первых мест. Приведя таким образом свою жертву в должное эмоциональное состояние, Оутс сложил лист бумаги, сунул его в карман Тонгу и удалился, оставив того наедине со своим воображением. Оно, по-видимому, нуждалось в дополнительной подпитке, и несколько дней спустя Оутс значительно расширил перво-

начальный набросок. Теперь это был документ, состоящий из 43 параграфов, и Оутс сделал так, чтобы адресат как бы случайно обнаружил его у себя дома. Тонг, у которого голова вконец пошла кругом, решил, что донесение следует немедленно показать королю. Вот тут-то в качестве идеального курьера и выплыл на свет Божий Кристофер Киркби, изредка сталкивавшийся с Карлом по делам Королевского общества.

И теперь, когда 13 августа 1678 года в восемь часов вечера Тонг ступил на лестницу, ведущую в Алую комнату Уайтхолла, казалось, что наконец-то его выслушают как спасителя нации. Тонга провели к королю, он прочитал вслух наиболее существенные извлечения из документа, подготовленного Оутсом, и передал его Карлу. Тот лениво заметил, что слишком занят, чтобы читать документ пункт за пунктом, пусть лучше визитер вкратце изложит самую суть. Безумный клирик сказал, что после убийства короля повсюду — в Англии, Шотландии и Ирландии — поднимется восстание, направленное против его брата-католика. Оно будет подавлено французской армией вторжения. Католицизм восторжествует. Все это слишком походило на бред, которому Карл, разумеется, не склонен был придавать сколько-нибудь серьезного значения. Тем не менее он насторожился, ибо, кто знает, может, крупницы правды в этом безумии и имелись. Вот пусть Дэнби их и извлечет. Карл распорядился немедленно доставить ему документ, а сам отправился в Виндзор.

Пролистав отчет, в котором его поразило страшное сочетание измышлений и конкретных подробностей, Дэнби вслед за Карлом усомнился в его подлинности. Ясно, что судебное преследование на столь шаткой основе не начнешь, но и полностью игнорировать полученные сведения граф не мог и велел передать Тонгу, что нужно больше

фактов. Оутс с энтузиазмом принялся за дело, однако же плодов его деятельности вновь оказалось недостаточно, и тогда, узнав, что Дэнби намеревается заняться перепиской предполагаемых заговорщиков, он сфабриковал пять писем и переправил их иезуиту — духовнику герцога Йоркского. По разгильдяйству письма перехвачены не были, и духовник передал их самому Якову. Тот решил, что эта фальшивка — часть развернутой парламентом кампании по дискредитации его единоверцев-католиков, и потребовал, чтобы дело было передано в Тайный Совет. Фарс начал превращаться в трагедию.

Но теперь заподозрили друг друга в нечистой игре настоящие конспираторы. События развивались с устрашающей быстротой, в них были втянуты первые лица государства, и Тонг опасался, что Оутс бросит его одного, превратив в посмешище и беззащитную жертву. Иное дело, если удастся заставить Оутса поклясться в присутствии какого-нибудь важного лица, что его сведения верны. Тогда все в порядке. В конце концов Тонгу удалось вырвать из Оутса согласие, а важным лицом оказался не кто иной, как сэр Эдмунд Берри Годфри, неустрашимый герой в борьбе с «большой чумой». Сообразив, какими последствиями чревато дело, о котором толкуют пришедшие к нему люди, Годфри, хотя и чрезвычайно неохотно, согласился выслушать их показания под присягой. Оутс продолжал вдохновенно фальсифицировать компромат на католиков, и Тайному Совету пришлось-таки принять дело к рассмотрению. Пребывающий в явном раздражении Карл открыл слушания, передал содержание своей встречи с Тонгом и распорядился принести письма. Все присутствующие нашли их явной фальшивкой, а когда перед членами Совета появился сам Тонг, он показал себя таким никудышным свидетелем, настолько путался в показаниях, что Карл быстро за-

крыл заседание и с легким сердцем уехал в Ньюмаркет. Реакция его была естественной, но в тактическом плане, как выяснилось, оказалась ошибкой: пока король и герцог Йоркский наблюдали за скачками, для дачи показаний был вызван Титус Оутс, и предстал он перед самыми слабыми и неопытными из оставшихся в Виндзоре членов Совета.

Вот когда Оутс пережил первый миг триумфа. Наконец-то он призван на политический Олимп! Дни неизвестности, дни позора позади. В его слова вслушиваются самые большие люди страны. Прежде всего Оутс поклялся на Библии говорить правду, и одну только правду, а затем, используя всю мощь и модуляции своего густого голоса, заговорил о католических заговорах и изменах, приправляя свои фантазии убедительными на первый взгляд деталями. Два или даже три часа Оутс отвечал на вопросы, ему то верили, то не верили, но в общем на членов Совета явно производили впечатление его «выдающаяся память, уверенность в себе и находчивость». Никого не смутили даже письма-фальшивки. Когда их развернули и начали показывать Оутсу строку за строкой, тот легко определил авторство (что неудивительно, ибо он сам написал все пять), а в ответ на вопрос, отчего почерк столь не похож на обычный почерк предполагаемых корреспондентов, беззаботно ответил, что иезуиты всегда прибегают к такой уловке — нарочно меняют начертание букв. Первоначальные колебания, которые были у членов Совета, все больше уступали место убежденности, что против его величества действительно зреет опасный заговор. Им нечего было возразить против утверждений Оутса, будто короля собираются убить, а Лондон спалить во второй раз, что под ружье станут как один 20 тысяч католиков и перережут горло 100 тысячам протестантов. В ту же ночь иезуиты, названные

Оутсом, были арестованы, а Карл по просьбе членов Совета спешно отбыл из Ньюмаркета в Лондон.

Занимая председательское место, Карл твердо пообещал себе не поддаваться страху и паранойе. Когда все в истерике, тем более важно сохранять хладнокровие, и он будет преследовать иезуитов, чьи имена назвал Оутс, лишь в том случае, если факты, свидетельствующие против них, окажутся неопровержимыми. Самого обвинителя Карл быстро поймал на мелких несоответствиях, но неожиданно Оутсу улыбнулась удача. Членов Совета заинтересовал некий Эдвард Коулмен, секретарь герцога Йоркского, а впоследствии и герцогини Йоркской. Бывший протестант, перекрестившийся в католическую веру, он якобы был вовлечен в предполагаемый заговор. Этому человека Оутс даже не знал, но оказался в своей стихии, поведав душераздирающие истории об активном участии мистера Коулмена во всех этих делах, и особенно о его переписке с мистером Ла Шезом, исповедником французского короля. Оутс добавил, что, если как следует покопаться в бумагах этого господина, выяснится такое, что может стоить ему головы.

Иезуиты, названные Оутсом, предстали перед Советом и легко опровергли выдвинутые против них обвинения, но бумаги Коулмена было действительно решено проверить. На это понадобится время — время, которое, с точки зрения нетерпеливого Карла, можно с бóльшим толком провести в Ньюмаркете, и он вернулся на скачки, заметив перед отъездом при встрече с французским послом, что не думает, будто под обвинениями есть хоть какие-то основания, а сам Оутс — «дурной человек». Другим Оутс тоже не понравился. Яков назвал его мошенником, а Ивлин писал, что это «наглый и в высшей степени несдержанный тип». Тем не менее все им сказанное нуждалось в «чрезвычайно тщательной», по словам самого Карла, проверке, ибо он от-

давал себе отчет в том, что «любая промашка Совета будет сразу же использована в палате общин».

Заниматься этим делом Карлу хотелось меньше всего, но обстоятельства сложились так, что «папистский заговор» оказался в центре всеобщего внимания. Прежде всего откровения, содержащиеся в письмах Коулмена. Это был не особенно умный, но неугомонный человек, который раньше вел оживленную переписку с известными людьми за границей, обсуждая с ними возможности восстановления римско-католического вероисповедания в Англии. Коулмен туманно писал о «большом плане», осуществляя который, он со своими единоверцами «покончит с интригами группы купчишек, зарабатывающих деньги на парламенте и на религии»; задача состоит в том, добавлял Коулмен, чтобы «насадить... католические общины по всей стране». Отца Ла Шеза, исповедника Людовика XIV, Коулмен просил оказать содействие Карлу в получении денег, что, по его мнению, позволило бы тому «впоследствии делать все, что Его Христианнейшее Величество сочтет нужным пожелать». Из переписки Коулмена видно, что у него было весьма смутное представление о королевских оргиях, как он их называл, а также что, с его точки зрения, герцог Йоркский куда больше подходил на роль английского монарха. Столь же невнятно пишет он об установлении неких отношений между Францией и Яковом — наподобие тех, которые Карл и сам уже тайно обсуждал с французами. Коулмена явно привлекали масштабы этого грандиозного замысла, и, собственно, подобное тщеславие и свидетельствует о его скудоумии как автора. «Перед нами стоит великая задача, — пишет он Ла Шезу, — конфессиональная революция, ни больше ни меньше, сразу в трех королевствах, и, решив ее, мы положим конец ереси, эпидемия которой уже долгие годы господствует в северном мире».

И все же Карлу совершенно не хотелось погружаться в эту атмосферу фанатизма и подозрительности. Он был против суда над иезуитами, утверждая, что все это дело шито белыми нитками. Король обратился к Высокому суду, и члены его вынесли вердикт, по которому одних только обвинений Оутса недостаточно для предания этих людей суду. Карл и далее пытался спустить дело на тормозах, но тут — случилось это 23 октября, в день открытия парламентской сессии — в деле о «папистском заговоре» произошел крутой поворот. В пустынном месте, неподалеку от Приморуз-Хилл, обнаружили труп сэра Эдмунда Берри Годфри. Несчастный был полностью одет, лицо в грязи, а все тело исколото его же мечом. Страна немедленно впала в истерику, хотя преступников так и не нашли* Событие это наложилось на арест иезуитов, что и без того вызывало настороженность в стране, а постановление Тайного Совета от 30 сентября о разоружении всех папистов лишь подлило масла в огонь. Показания перед Советом считаются конфиденциальными, тем не менее вполне возможно, что Оутс повторял их на каждом углу; во всяком случае, газеты печатали устрашающие отчеты. Люди считали, что королю и его советникам что-то известно, а что именно — подтверждает гибель Годфри. Иезуиты хотят поставить страну на колени, и убийство такого прекрасного и добродетельного человека, как сэр Эдмунд, всего лишь предвестие террора, который собираются развязать эти дурные люди.

Палата общин гудела, как растревоженный улей, и Карл попытался успокоить депутатов беглым замечанием о «зломышлении» против его жизни, исходящем, по слухам, от иезуитов. «Но от дальнейших высказываний на эту тему, — добавил он, — я воздержусь, чтобы не сказать слишком мно-

* Их имена неизвестны и по сей день.

го либо, напротив, слишком мало». А в общем, пусть разбирается суд. Однако в сложившейся ситуации такая осторожность оказалась неуместной. Депутаты заразились подозрительностью общества и, более того, стали главными разносчиками страха. Необходимо, считали они, принимать срочные меры. В подвальных помещениях Вестминстера искали бочки с порохом, у дверей выставили часовых, соседние дома прочесывали на предмет хранения оружия, в гостинице «Савой» сотни агентов заглядывали в каждую щель, где могли быть спрятаны «деньги на заговор», и даже близлежащий магазин бенгальских огней и петард стал предметом напряженного внимания. Повсюду чудилась угроза, и депутаты приступили к рассмотрению пакета дополнительных мер по обеспечению безопасности его величества. Они призывали Карла выселить всех иезуитов за пределы двадцатимильной зоны вокруг Лондона. Улицы столицы перегородили барьерами, были учреждены комитеты по расследованию убийства Годфри, писем Коулмена и заговора в целом. Парламент объявил начало слушаний по делу об измене, и Оутс предстал перед депутатами.

Лжесвидетельствовал он изощренно и вдохновенно. Своим гнусавым голосом, эхом разносящимся под сводами Вестминстера, Оутс говорил, что иезуиты уже назначают высших офицеров в будущую папистскую армию и министров в будущее папистское правительство. Многие английские аристократы-католики как в городах, так и в сельской местности уже подкуплены и готовы присоединиться к заговору. Аудитория слушала Оутса с нарастающим ужасом. Послали за лордом-председателем Высокого суда. Наглухо закрыли двери Вестминстера. Затребовали ордер на арест названных Оутсом католиков, и на следующий день пятеро несчастных были брошены в тюрьму Гейтхаус. Оутс же тем временем продолжал нагнетать страхи. В то самое

время, как огромная толпа лондонцев провожала в последний путь сэра Эдмунда Берри Годфри, Оутс давал показания перед палатой лордов и, закончив, попросил выделить ему охрану: «В темноте одному возвращаться домой опасно». Торжествующего мошенника проводили до самых дверей, а замороженные депутаты единодушно выразили «убежденность в существовании дьявольского заговора преступников-папистов, направленного на убийство короля, свержение правительства и уничтожение протестантской веры». Казалось, истерия достигла предела — но нет, последовали новые разоблачения.

Особое впечатление и в Лондоне, и во всей Англии произвела переписка Коулмена — с ее обнаружением, казалось, сам ад разверзся. Эти письма неизбежно переключили внимание людей на главного католика — герцога Йоркского, у которого Коулмен некогда служил секретарем. Шефтсбери, пользуясь моментом, выступил с предложением удалить Якова из всех королевских советов, и 3 ноября это требование было удовлетворено. Яков был «отстранен от участия в обсуждение любых дел общегосударственного значения». Одновременно Карл подписал указ, означающий, по существу, домашний арест папистов. По стране прокатилась новая волна слухов и самых диких домыслов. Говорили, например, что наследником престола провозглашен герцог Монматский, за чье здоровье, как и за здоровье Карла и Шефтсбери, «единственных столпов национальной безопасности», пили по всей стране.

Ситуация усугублялась тем, что до сих пор не были найдены убийцы Годфри. И тут некто Уильям Бедлоу, тип совершенно растленный, довел до сведения членов палаты лордов, что обладает совершенно достоверной информацией, будто мировой судья был убит иезуитами в доме самой королевы. Получается, таким образом, что в заговор

вовлечена явно католическая по своим симпатиям королевская семья. Вот тогда-то общенациональная истерия достигла кульминации. Люди боялись выходить на улицу без охраны. Центральную часть Лондона патрулировали вооруженные отряды. Распространились панические слухи, будто паписты отравили городскую систему водоснабжения. По всем углам шептались о щелях, в которых укрылись монахи, о найденных в тайниках книг папистского содержания, толпах священнослужителей-католиков, прибывающих в Англию морем. Повсюду, от Уайлтшира до Йоркшира, замечены были «ночные всадники», а появившийся якобы на острове Пербек крупный отряд пеших и конных породил слух о французском нашествии.

Карл был одним из немногих, кто держался в стороне от всего этого безумия, но фантастические домыслы насчет королевы привели его в бешенство. Да, признавал он, Екатерина «слабая женщина, и у нее есть свои капризы, но на дурные поступки она не способна... и на произвол судьбы (он) ее не бросит». Король послал за Оутсом и в присутствии двух секретарей подверг его допросу с пристрастием. Речь шла о принадлежности королевы к ордену иезуитов. Оутс утверждал, что собственными глазами видел письма некоторых руководителей ордена с выражением признательности за подаренные 4 тысячи фунтов; более того, он попросил о повторном допросе, и вот в его-то ходе дал полную волю фантазии. Стремясь показать себя источником несравненно более осведомленным, нежели его соперник Бедлоу, Оутс заявил, будто ему известно о приватной беседе королевы с иезуитами, в которой она заявила, что не потерпит более многочисленных любовных интрижек Карла и «отомстит за осквернение ее ложа». Вышеупомянутые 4 тысячи (превратившиеся за это время в пять) — явно оплата услуг предполагаемого убийцы короля.

Все это был бред сумасшедшего, и Карл твердо решил вывести Оутса на чистую воду. Его еще раз со всей строгостью допросили в Тайном Совете и затем спешно отправили под стражей в Сомерсет-Хаус. Если уж Оутсу так хорошо известны дом королевы и беседы, которые она якобы там вела, то он без труда укажет, где именно, в какой комнате они происходили. Сделать это ему не удалось. Оутс совершенно запутался в лабиринте галерей, лестниц и садов. Он бормотал что-то насчет больших двустворчатых дверей, но в конце концов вынужден был сдаться. Разгневанный Карл приказал доставить его под стражей в Уайтхолл и не спускать с него глаз.

Тем временем Бедлоу, пользуясь сложившимися обстоятельствами, проталкивал в палате общин свою версию предательства королевы. Во время его показаний Оутс был вновь призван в Вестминстер, где горько пожаловался на то, как обращались с ним в королевском дворце. Депутаты обратились к Карлу с просьбой хоть немного ослабить режим содержания Оутса в Уайтхолле. И вот тут-то, ободренный их поддержкой, Оутс произнес свою злополучную фразу: «Да, я обвиняю королеву в покушении на жизнь короля». В созданной им же самим атмосфере страха и подозрительности эти невнятно произнесенные слова прозвучали громче трибунного лозунга, и депутаты дружно проголосовали за то, чтобы попросить лордов поддержать их в обращении к королю с призывом изгнать Екатерину и ее приближенных из Лондона. Лорды эту безумную просьбу отклонили, да и депутаты палаты общин, несколько опомнившись, отменили свое решение; теперь их внимание было сосредоточено на публичной казни Эдварда Коулмена, единственного на данный момент разоблаченного изменника.

По порядкам, принятым в XVII веке, человек, обвиненный в измене, должен был выдержать все ужасы показательного процесса, и Коулмен не стал исключением. Он был явно виновен в одном из самых тяжелых преступлений, и в соответствии с юридической процедурой того времени ему не обязаны были предоставить ни адвоката, ни экземпляра обвинительного заключения, ни состава присяжных и свидетелей. Судил Коулмена сэр Уильям Скроггс, главный судья Высокого суда. Это был человек суровый и непреклонный, он сделал все возможное, чтобы приговор Коулмену был предрешен. Тем не менее процесс потряс множество людей, ибо представленные свидетельства лишь выпустили наружу их собственные, глубоко заправятанные страхи. Из писем Коулмена явствовало, что герцог Йоркский — этот, по словам Шефтсбери, жестокий и безрассудный человек — ни перед чем не остановится, лишь бы восстановить в Англии католическую церковь. А один современный памфлетист писал, что «этот фанатик, этот герцог-папист рассчитывает с помощью шотландской армии лорда Лодердейла, ирландских, а также французских сил вернуть нас под пяту Рима». Обеспокоенные власти решили, что такого рода страхи можно умерить кровопусканием, и вот католические священники, арестованные ранее по навету Оутса, предстали перед лицом грозного Скроггса, который, протягивая руку в сторону невинных людей, стоящих за барьером, фактически выразил общие настроения: «Они пожрали своего Бога, они убили своего короля, они причислили к лику святых убийцу!» В таких обстоятельствах был возможен лишь один приговор, и когда послушное жюри присяжных сделало свое дело, Скроггз поощрительно заметил: «Господа, вы поступили как добрые христиане, то есть я хочу сказать — как добрые протестанты».

Пока страна переживала разоблачительные откровения Оутса и Бедлоу, действовали и двое других, куда более могущественных заговорщиков. В момент, когда все только и толковали о несуществующем папском заговоре, Карл возобновил тайные переговоры с Людовиком XIV и католической Францией. На его пути стояли две трудности. Во-первых, ему все никак не удавалось расформировать свою постоянную армию, во-вторых, Людовик по-прежнему испытывал крайнее недоверие к Дэнби — его чрезвычайно раздражала роль, которую он некогда играл в попытках Карла получить французский заем. В общем, Дэнби надо было удалить, и решающую роль в этой интриге должен был сыграть прежний английский посол в Париже Ральф Монтегю.

Монтегю был вполне в курсе связей Карла с Францией, и у него тоже были свои счеты с Дэнби, да и с самим королем. Он полагал, что Дэнби поломал его карьеру, хотя на словах обещал ему поспособствовать, а из писем, полученных им от леди Калсман, видно, что о короле он отзывался весьма пренебрежительно. Это стало известно, и когда Монтегю без разрешения явился в Лондон, чтобы оправдаться, первым побуждением Карла стало отозвать его с должности посла и лишить места в Тайном Совете. Таким образом, и Дэнби, и король нажили себе врага в лице человека, который стал посредником в компрометирующей их переписке с Людовиком, и Монтегю решил во что бы то ни стало отомстить. Он снесся с французским послом в Лондоне Бариллоном и за солидное вознаграждение согласился предать гласности письма Дэнби Людовику. Тот, в свою очередь, готов был раскрыть истинные цели действий Дэнби — так, как он их понимал, и в частности мотивы которыми руководствовался, формируя королевскую армию. А суть этих мотивов была в том, чтобы утвердить в стране

деспотию. Подготовившись таким образом, Монтегю добился избрания в парламент от Нортхэмптона и получил возможность разоблачить и короля, и первого министра королевства с трибуны.

Узнав об этом замысле, Карл немедленно начал действовать. Он распорядился перехватить бумаги Монтегю, рассчитывая таким образом не только перекрыть канал утечки опасной информации, но скомпрометировать самого Монтегю, представив доказательства его связей с папским нунцием в Париже. Этого будет вполне достаточно для обвинения в государственной измене, а поскольку страна охвачена антикатолической истерией, Монтегю можно сделать искупительной жертвой, и его публичная казнь станет доказательством того, как сильно король печется о благополучии англиканской церкви. План этот с треском провалился. К этому времени парламент уже провозгласил себя главным прокурором по делу об угрозе католицизма и распорядился зачитать на одном из своих заседаний соответствующие извлечения из архива Монтегю.

Два письма Дэнби Людовику XIV засвидетельствовали его участие в изменнической интриге и вызвали падение всесильного министра. Потрясенным и возмущенным депутатам стало известно, что он вполне согласен с Людовиком в том, что «королю Англии понадобится в ближайшие три года по 6 миллионов ливров в год... ибо ранее этого времени не удастся добиться от парламента средств на расформирование армии». Самого короля в злоумышлении обвинить было невозможно по конституции, но ясно, что его ближайший помощник самовольно, за спиной парламента заигрывает с врагом. Немедленно был подготовлен проект указа об отставке; более того, в глазах многих Дэнби выглядел не только изменником, но и, несмотря на свою демонстративную приверженность высокой англи-

канской церкви, тайным папистом, человеком, который изо всех сил старается скрыть доказательства существования ужасного заговора. А ко всему прочему он набивает за счет государства как свои собственные карманы, так и карманы своих приверженцев.

Все это поставило Карла в опасное и весьма щекотливое положение. Хотя Дэнби и не удалось доказать, что палата депутатов — единственный оплот борьбы с папистским заговором, король из-за продолжающихся финансовых затруднений все еще нуждался в экономических дарованиях своего первого министра. Карл также считал, и не без оснований, что если пожертвовать Дэнби, то разобиженный министр, особо не задумываясь, воспользуется своей осведомленностью о его переговорах с французами и будет шантажировать короля. Дэнби был одновременно помехой и необходимостью, и, судя по всему, лишь тонкое сочетание изворотливости и отваги могло дать Карлу возможность разрешить возникший кризис. Он избрал единственный путь, открывающийся перед ним с очевидностью, — отступил, чтобы победить. Карл затеял тайные переговоры с группой парламентариев из провинции во главе с Дензилом Холлисом — казалось, лишь они готовы предложить конструктивное решение проблемы. Явно превышая свои полномочия да и возможности, парламентарии заявили королю, что будут вполне удовлетворены, если Дэнби без шума отправится в отставку; тогда, а также при условии роспуска нынешнего парламента и немедленного созыва нового они готовы проголосовать за выделение средств, необходимых для расформирования его личных воинских частей. Иного пути, кроме как заключить тайную сделку со своими оппонентами, Карл не видел. В конце декабря парламента был отправлен на каникулы, а в самом начале следующего года специальным указом распущен. Таким образом, загнанный

в угол, Карл избавился от того самого парламента, который восемнадцать лет назад приветствовал его возвращение как спасителя нации и законного короля растерянного, блуждающего в потемках народа.

Нужно было искать новые способы руководства страной, и последующие кризисные месяцы в полной мере выявили те качества неукротимой решимости, политической воли, а также чистой воды лицемерия, которое Карл демонстрировал ранее лишь спорадически. Прежде всего требовалось решить проблемы, связанные с собственным братом. По совету Дэнби Карл велел ему оставить Англию и ни под каким видом не искать убежища во Франции. Одновременно Карл, чтобы на корню пресечь всякие слухи о претензиях Монмата на престол, сделал заявление, из которого следует, что единственной его законной женой является и всегда являлась ее величество королева. Решив таким образом вопросы престолонаследия, Карл занялся своим первым министром. Судя по всему, Дэнби — фигура в политике отыгранная, и Карл, следуя избранному им курсу крутых перемен, предложил ему уйти в отставку. Однако сделал он это по-доброму, гарантировав Дэнби не только помилование, но и солидную пенсию. Но подобная щедрость со стороны короля привела в неистовство депутатов нового парламента, последовало не менее восемнадцати бурных обсуждений, в результате чего Карлу пришлось заключить Дэнби в Тауэр. Правда, мудро соглашаясь на компромисс, он упорно отказывался от безоговорочной капитуляции. Пусть у Дэнби не будет пенсии, но помилование остается в силе — на этом король стоит твердо.

Так проявилась суть политики Карла II. Помилование — неотъемлемая прерогатива королевской власти; в кризисной обстановке Карл считал абсолютно необходимым сохранить свои прерогативы любой ценой и именно в этом

направлении действовал со всей настойчивостью и незаурядным мастерством. Иное дело, что жертвы в такой обстановке были неизбежны, и самые наблюдательные отмечают, что, уступая ее давлению, Карл менялся как человек. Он сделался более самопоглощенным, менее предсказуемым. «Поведение его так таинственно и загадочно, — пишет в Париж Бариллон, — что даже самые проникательные теряются в догадках».

Все это так. Ощущая растущее сопротивление вигов, Карл вынужден был сделать все возможное, чтобы завоевать доверие в стране и укрепить свое положение. Казалось бы, самая естественная опора Карла — двор, но король был достаточно умен, чтобы понять: недовольство многих пэров порождает в рядах аристократии брожение, так что эта опора на самом деле не такая уж прочная. Отсутствие военных кредитов приводит к необходимости режима строгой государственной экономии, и кое-кто из недовольных придворных либо заигрывал с вигами, либо демонстрировал многозначительную преданность Якову. Другие сомневались. Всем ведь известно, что в критический момент Карл может вышвырнуть министров (как это случилось с Кларендоном) или отказаться от собственных решений (как было с Декларацией о веротерпимости). Тем не менее если уж видеть в тори альтернативу хорошо организованной и последовательной партии вигов, то жизненно необходимо привлечь на свою сторону столичную и провинциальную знать, горожан и зажиточных фермеров — всех, кто в принципе является естественным союзником короля. Многие из представителей этих групп гордятся давними семейными традициями верности короне, верности, которая немало способствовала их престижу и достоинству. Есть и такие, кто видит в королевской власти нечто мистическое, и через непродолжительное время пропагандисты использо-

ют это в интересах партии тори. Неудивительно, что такие представления всячески укреплялись англиканской церковью. Священство опасалось, что любое ослабление королевской власти нанесет ущерб его собственному положению, ведь учит же опыт Шелдона, как важно, чтобы сквайр и пастор были едины в своей поддержке короля. Вот фундамент, на котором стоит партия, и именно эти люди должны оставаться естественными последователями Карла.

Привлекая на свою сторону колеблющихся, Карл продолжал политику крупных перемен в структуре власти. Вслед за новым парламентом появился новый Тайный Совет. Представлялось необходимым предпринять кое-какие шаги, которые позволили бы избежать упреков со стороны вигов, будто корона стремится к установлению режима деспотии; вот Карл, создавая хотя бы для видимости консультативный орган, и переформировал Совет таким образом, что половина из тридцати мест в нем принадлежала высшим чиновникам государства, а половина — пэрам и людям простого звания, «чьи всем известные способности, а также уважение в народе» дают полную уверенность в том, что они «не совершат ошибки, не предадут подлинных интересов королевства и, следовательно, не дадут дурного совета». Ни один министр не получит исключительных полномочий, никакой «Кабал» не сделается тайным сборищем кукловодов. В узкий круг руководителей вошли Эссекс, отвечавший отныне за состояние финансов, сын Кларендона Лоренс Хайд, человек чрезвычайно способный, Сандерленд, в ведении которого оказалась внешняя политика, проницательный и находчивый Галифакс и, наконец, Шефтсбери, получивший пост лорда-председателя Совета суда. Таким образом, возникла видимость сочетания традиции, неподкупности и равновесия; а возникнув, могла

быть благополучно забыта, ибо Карл ни с кем советоваться не собирался, он следовал своим путем.

О том, что король демонстрировал скорее ловкость, нежели стремление примирить разнообразные интересы, свидетельствует карьера Шефтсбери. Включая своего главного оппонента в состав Совета, Карл укреплял легковерных во мнении, будто он намерен прислушиваться ко всем; на самом же деле король вел свою любимую двойную игру. Вполне возможно, думал он, что Шефтсбери купится на крупный пост и оплатит своему королю лояльностью, ну а если нет, то сам факт, что он согласился стать председателем, понизит его статус среди твердолобых вигов. Это был умный ход, но все-таки недостаточно умный. Шефтсбери не понадобилось много времени, чтобы сообразить, что он получил лишь видимость власти. К тому же у него были свои планы. Не первый уже день он изучал стенограммы заседаний палаты общин, связанных с папистским заговором. Распутывая этот клубок, сотканный из наветов и подозрений, страхов и растерянности, Шефтсбери готовил почву для самого крупного кризиса, с которым Карлу предстояло столкнуться на протяжении всего своего царствования, — речь идет о попытке исключить Якова — католика, герцога Йоркского, из числа претендентов на английский трон.

В конце марта Шефтсбери обнаружил свои намерения. Он заговорил о якобы неизбежной связи между католицизмом и абсолютной королевской властью. А месяц спустя персонифицировал эту мысль, когда в палате общин была поставлена на голосование резолюция, в которой, в частности, говорилось: «Герцог Йоркский — папист, и надежды на его воцарение в этом качестве всячески поощряют существующие замыслы и заговоры папистов, направленные против короля и протестантской религии». Реак-

ция Карла не заставила себя ждать, и он поступил в истинно макиавеллиевском духе. Предложение его сводилось к тому, что в случае, если Яков все-таки унаследует трон, власть его будет ограничена множеством сдержек и противовесов. Это был компромисс, главная ценность которого заключалась в том, что, как рассчитывал Карл, парламент надолго застрянет в обсуждении сложного и намеренно запутанного документа. При этом он действовал отнюдь не из личных симпатий к брату, ибо давно уже успел убедиться, что Яков — совершенный глупец. Как-то, когда Яков упрекнул Карла, зачем, мол, он так свободно, без охраны, разгуливает по Сент-Джеймскому парку, тот повернулся и, не скрывая слегка презрительной улыбки, сказал: «Уверен, что никому в Англии и в голову не придет покушаться на мою жизнь, ведь в этом случае королем сделаешься ты». А в разговоре с Вильгельмом Оранским Карл однажды заметил, на сей раз пророчески, что если Яков на самом деле унаследует английскую корону, то «со своим буйным, несдержанным нравом» усидит на троне не более четырех лет.

В действительности Карлом в его противодействии плану лишить Якова наследственных прав двигала полная убежденность в том, что это — исключительная прерогатива королевской власти и парламент не должен в нее вмешиваться ни при каких обстоятельствах. В то же время разделяя, возможно, мнение брата, что нынешний парламент состоит из «множества молодых спаниелей, гонящихся за каждым жаворонком и лающих на них», он понимал, что в отличие от его славных и верных домашних псов у этих есть зубы и они способны больно кусать. У парламентариев есть идеи, идеи революционные и чрезвычайно опасные. Они намерены ограничить его власть и утвердить собственную. Дебаты, связанные с помилованием Дэнби, уже дока-

зали это. Как высказался один горячий виг, «подтвердив помилование, дарованное лорду Дэнби, они (парламентарии) тем самым признают абсолютную власть короля». Последствия ясны, ибо разве существует «разница между такой властью и деспотией»? Главное для таких людей состояло в уверенности, что они способны «убедить короля в своей доброй воле и привлечь его на свою сторону». А как же иначе? Ведь именно они — представители народа (или по крайней мере небольшой его части, имеющей право голоса), а «любое правительство имеет опору в сердцах людей».

Шефтсбери вполне мог бы подписаться под этими словами — он чрезвычайно дорожил своей репутацией «народного трибуна» и был убежден в психологическом преимуществе перед королем. Он считал Карла человеком слабым, подверженным влияниям и был уверен, что король при всем своем сопротивлении, когда обстоятельства заставят, согласится-таки с требованием парламента лишить Якова наследственных прав. Шефтсбери исходил из широкоизвестной слабыхарактерности Карла, но он не имел представления, что у короля есть хоть и незримая, но твердая вера в незыблемость королевских прерогатив, а также решимость, энергия и сметка, которые он готов пустить в ход ради их защиты. И вот, когда 11 мая парламент поставил на голосование резолюцию, призывающую «лишить герцога Йоркского права на наследование имперской короны государства», Карл решил, что настала пора действовать — иначе враждебно настроенный парламент и расколотый Совет поставят под сомнение его политическое будущее.

Король вполне ясно видел, что имеет дело с объединенной и хорошо организованной оппозицией. Политические дарования Шефтсбери определялись в немалой степени тем, что он умел распознать подноготную того мира влас-

ти, который ему открывался. Это был не только способный, хотя и высокомерный, лидер своей партии, он еще и чутко улавливал пульс общественного мнения, и поэтому растущее политическое самосознание нации было важной составной частью его деятельности. Шефтсбери был преисполнен решимости укрепить атмосферу, благоприятную для политической карьеры, и ради этого вознамерился использовать возможности, предоставляемые ему продолжающимися волнениями вокруг папистского заговора. В частности, он собирался подтолкнуть процесс над пятью пэрами, якобы вовлеченными в него, и добиться осуждения сэра Джорджа Уэйкмена, бывшего врача королевы, которому будто бы дали взятку за отравление Карла. С запутанной ситуацией, в которой оказался Дэнби, тоже надо было что-то решать, и если все три дела дойдут в парламенте до своего логического исхода, Карл рискует стать жертвой таких разоблачений и оказаться в положении, которое не сможет контролировать. Это заставило короля пойти на шаг, всегда имеющийся в его распоряжении. Пока члены двух палат пререкались, что следует рассмотреть сначала: дело Дэнби или дело пэров, — Карл отправил парламент на каникулы, иронически заметив при этом, что возникшие разногласия разочаровывают его в тех больших надеждах, которые он возлагал на депутатов этого созыва.

Даже по собственным меркам новый, неискушенный парламент достиг весьма немногого. По сути дела, он ввел лишь одну законодательную норму — правда, она ненароком возымела крупные последствия. В стремлении ограничить прерогативы королевской власти парламентарии переключили свое внимание на право короля подвергать своих подданных тюремному заключению на основании своего постановления. Вопрос оказался сложным, очень запутанным, так что первоначальный замысел вскоре пото-

нул в массе деталей. Вышло так, что, разбираясь в них, парламентарии приняли акт, которому предстояло сделаться краеугольным камнем британских свобод. Согласно давней традиции, арестованному в письменном виде предъявляется Акт о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточения за морями — судебный приказ о доставке в суд, где рассматривается его дело. Однако же в последнее время вокруг этой нормы возникли жаркие споры, адвокаты без устали толковали о том, кто, собственно, имеет право предъявлять этот акт — только Королевский суд или кто-нибудь еще, а также достаточно ли в иных случаях этого предъявления, чтобы учесть все возможные последствия. Парламентарии твердо решили, если уж не удастся ничего другого, хоть с этой проблемой справиться раз и навсегда; так, без шума, почти без обсуждения, был принят этот акт — закон о неприкосновенности личности, предписывающий доставку арестованного в суд в течение строго определенного срока. Даже у Карла были основания радоваться этому небольшому завоеванию, ибо принятый закон давал ему возможность прикрыть и Дэнби, и пятерых пэров, арестованных фактически по произволу парламента.

Но тогда акт казался чем-то совершенно незначительным по сравнению с процессом врача королевы сэра Джорджа Уэйкмена. Некогда Израэль Тонг обвинил Уэйкмена в злоумышлении — покушении на жизнь короля. Оутс и Бедлоу с энтузиазмом подхватили эту выдумку, а теперь в ее пользу высказался и третий лжесвидетель — Майлз Прэнс. Эта массивная попытка подорвать репутацию королевы оказалась тактической ошибкой по целому ряду соображений. Даже будучи католичкой, Екатерина пользовалась большим уважением как со стороны власть имущих, так и в народе. В отличие от экстравагантной, во все вме-

шивающейся, повсюду себя демонстрирующей Генриетты Анны Екатерина вела себя скромно и достойно. Это определенно была добродетельная женщина, делавшая все от нее зависящее, чтобы войти в жизнь своей новой родины, и даже не сетующая на многочисленные измены мужа. Такое поведение явно сыграло ей на руку в период расследования в палате лордов ее мнимого участия в папистском заговоре; в то же время на таком фоне Карл чувствовал себя виноватым и не мог не выступить в ее защиту.

Тем не менее были и такие, кто желал бы развода Карла со своей бесплодной женой; правда, и в этом случае самое большее, на что могла бы рассчитывать оппозиция вигов, — рождение наследника-протестанта, а отнюдь не уменьшение властных полномочий короны как таковой. Потому предпочтительнее было бы, на взгляд многих, признать Екатерину виновной в преступных деяниях или замыслах — это позволило бы представить дело таким образом, что источник католической заразы — сам двор. Не из одних лишь соображений чести и не по зову совести Карл лично вмешался в процесс над врачом: он прекрасно понимал, в какое щекотливое политическое положение попадет, если над Екатериной нависнет серьезная угроза. В результате его вмешательства традиционная форма показательного процесса по обвинению в измене перевернулась с ног на голову. Ключевые свидетели со стороны защиты получили возможность лично присутствовать на процессе (по существующему порядку им даже повестка с вызовом в суд не должна была вручаться), а Уэйкмена ознакомили с деталями выдвинутого против него обвинения. Одновременно был оказан нажим на неуступчивого Скрогса с целью вынесения им нужного приговора. Судья не подвел. Действуя в своей обычной агрессивной манере, он загнал в угол Оутса и других свидетелей обвинения, а присяж-

ным дал понять, что ожидает вердикта «Не виновен». Так оно и получилось. Теперь, казалось, волна антипапской истерии должна была наконец пойти на спад.

Отправив в очередной раз парламент на каникулы, Карл возобновил переговоры с Людовиком. Несмотря на былые неудачи, он по-прежнему тщеславно полагал, что способен заключить выгодную сделку с самым тонким дипломатом в Европе. Однако же если домашними делами Карл действительно занимался искусно, то четыре летние встречи с Бариллоном показали, что на ниве международной дипломатии он — любитель. Не исключено, конечно, что сказалась усталость и подступающая серьезная болезнь, но, так или иначе, урожай он собрал крайне скудный. К тому же Карл с самого начала вел переговоры с позиции не силы, а слабости, поскольку Людовику было выгодно исключить охваченную смутой Англию из участия в европейских делах.

Другое дело, что масштабы смуты Карл сильно преувеличивал (а стало быть, преувеличивал и слабость своей позиции), потому и выглядел готовым с благодарностью принять любую подачку. Такого переговорщика обвести вокруг пальца легче легкого. Бариллон на этом и сыграл. Посол ясно дал понять Карлу, что если он рассчитывает на помощь Людовика, то сначала надо добиться его доверия. Но как? Единственное, что мог сделать английский король, — объяснить свою антифранцузскую политику происками Дэнби и просто попросить поверить себе на слово. А дальше предстояло обратиться с просьбой о большом займе. Бариллон был уверен, что на руках у него все козыри, и вел себя решительно и напористо, в духе своего господина. Если парламент соберется на очередную сессию — никаких денег. Сохраняются не только дух, но и буква всех прежних соглашений. Понимая, что перекрывает потенци-

альные каналы получения средств дома без гарантии зарубежного займа, Карл самым постыдным образом согласился на все требования и взамен получил какие-то жалкие 500 тысяч ливров. Ничего серьезного достичь ему не удалось, ибо и предложить он ничего серьезного не мог, и вскоре, униженный и больной, слег в постель.

Скорее всего это был острый приступ малярии. Лечили короля хинином, средством, к которому он — «самый любознательный король во всем мире и к тому же величайший попечитель наук» — проявлял живой интерес. Несмотря на упорное сопротивление медицинских светил, Карл всячески поощрял нервничающего Роберта Тейлора применять именно это средство. Таким образом, его содрогющееся, покрытое потом тело стало полем битвы малярии и хинина, а меж тем собравшиеся у постели больного приближенные не сводили с него тревожных взглядов, заботясь не столько, быть может, о его здоровье, сколько о будущем страны. Карл был монархом сильным, это все признавали, но ему пятьдесят, и он серьезно — не исключено, что смертельно, — болен. Вопрос о престолонаследии совершенно неожиданно из теоретической плоскости переместился в повестку дня — или, во всяком случае, в любой момент мог стать проблемой, требующей срочного решения. Что делать с законным — пока законным — наследником герцогом Йоркским? Готова ли нация принести присягу на верность королю-католику? Или все же следует лишить его права на престол и рассмотреть кандидатуру фаворита вигов герцога Монматского, который всячески демонстрирует свои протестантские симпатии?

Монмат популярен, а недавние события только прибавили ему популярности. Он обладает влиянием в армии, волнения в Шотландии позволили ему проявить свои военные дарования. Вечно беспокойные ковенантеры взбун-

товались в очередной раз, а когда против них прямо выступил архиепископ Шарп, они вытащили его из экипажа и буквально разорвали на куски на глазах у дочери. Затем ковенантеры разбили правительственные войска, и на усмирение бунта был послан во главе вновь сформированного отряда Монмат. Действовал он, по крайней мере по мнению многих англичан, превосходно: разгромил противника и проявил себя милосердным победителем. Вот истинный герой-протестант: храбрый, патриотично настроенный, душевно щедрый, открытый, честный — в общем, прямая противоположность этим интриганам и злодеям папистам. И когда отец Монмата безнадежно болен, иные из его рядовых товарищей по оружию откровенно высказываются в том духе, что в случае смерти короля на трон должен взойти их командир. В столь напряженной ситуации Совет счел необходимым сообщить Якову о болезни брата, а затем, через день, обратился к нему с просьбой немедленно вернуться в Англию. 2 сентября герцог Йоркский достиг Лондона, но к этому времени малярия отступила, Карл постепенно выздоравливал, однако, выздоравливая, столкнулся с драматической ситуацией, разрешить которую надо было немедленно. И вот как он поступил, восстанавливая силы бараньими котлетами и куропатками и даже подумывая о поездке в свой любимый Ньюмаркет: послал Якова наводить порядок в Шотландию (где не действовал Акт о присяге), а Монмата отправил в Голландию, освободив его (с обещанием, что это совсем ненадолго) почти от всех нынешних должностей. Таким образом, претенденты на престол разъехались в разные стороны.

Решив эту проблему, Карл занялся Шефтсбери. Во время болезни короля лорд-председатель Совета настойчиво возражал против возвращения герцога Йоркского в Англию, и вот теперь Карл наказал его, освободив от должно-

сти за дерзкое и вызывающее поведение. Это был рискованный шаг, ибо Шефтсбери, как Карл наверняка и предвидел, сразу же переключил всю свою незаурядную энергию на защиту дела вигов. Теперь у него появились новые возможности заставить страну согласиться с отстранением Якова, а там и значительно ограничить власть короны. Обстоятельства, личности, собственная политическая находчивость — все это работало на Шефтсбери, особенно если учесть, что железная решимость Карла сохранить все prerogatives королевской власти сталкивалась с сильнейшей оппозицией в стране.

В этот момент в Англию, без разрешения короля, но зато под приветственные возгласы сограждан, вернулся Монмат. Такая встреча чрезвычайно его воодушевила, и к тому же он был уверен, что всегда такой снисходительный отец простит ему любой грех. В этом он самым печальным образом заблуждался. К огромному изумлению герцога, Карл не только отказал сыну в личной встрече, но даже лишил всех оставшихся постов. Куда тревожнее, однако, нежели дела блудного незаконного сына, был новый поворот в сюжете о заговоре, спровоцированный на сей раз теми, кто просто любил поиграть с огнем. На сцене появился некий Томас Дейнджерфилд. Он утверждал, будто раскрыл заговор Шефтсбери и вигов против короля. Когда выяснилось, что это чистый блеф, Дейнджерфилд полностью сменил тактику. Теперь он клялся, что ходящие по стране дикие слухи, нагромождение лжи, вымыслы — это заговор католиков, покушающихся на самые основы английского государства. Участие в нем Якова и тайны, якобы ставшие известными Дейнджерфилду, превратили так называемый «Заговор Мучной Кадки» в серьезную угрозу для Карла. Серьезную, но не единственную.

Рациональное мышление было так же опасно для короля, как и несуществующие заговоры, а лучшие интеллектуальные силы вигов как раз начали формировать те идеи, которые секретарь Шефтсбери — великий английский философ Джон Локк впоследствии изложит в своих «Двух трактатах о правительстве». В зрелом своем виде они сводятся к тому, что истинная основа государственного образования — это отнюдь не наследственная монархия, а общественный договор, участники которого соглашаются следовать воле большинства. В мире, каков он есть ныне, установившаяся система беспристрастных законов будет стоять на страже интересов класса собственников (о нихто по преимуществу Локк и пишет), а специальный орган законодательной власти, подотчетной большинству — парламент, — будет обнародовать законы и установления. При такой системе prerogatives монархии, которые с такой страстью отстаивал Карл, переставали быть наследственной собственностью богоизбранного рода Стюартов и превращались в инструмент, который монарх пускал в ход лишь в тех редчайших случаях, когда тот или иной вопрос не мог быть решен другими ветвями власти. По схеме вигов сувереном становился парламент, составленный из землевладельцев, а король, утратив свое автократическое положение, должен был довольствоваться ролью арбитра, которого время от времени приглашают решить какое-либо спорное дело.

Идеи Локка окажут на умы воздействие не менее глубокое, нежели открытия Ньютона. А виги, укрепляя организацию, продолжали упорно распространять свои идеи. Если Карл, объявляя перерыв в работе парламента, рассчитывал заткнуть Шефтсбери рот и лишить его трибуны для высказывания собственных взглядов, то его ждало глубокое разочарование. По всей стране собирались петиции с

требованием созвать сессию парламента уже в начале 1680 года. Декреты, направленные против этих «подрывных и бунтарских» действий, цели не достигали, и энергия, с которой Шефтсбери подстегивал своих приверженцев, втуне не пропадала: вопрос о лишении герцога Йоркского прав престолонаследия оставался в центре общественного внимания. Не давая подданным короля отвлекаться на что-либо иное, Шефтсбери и ведущие деятели его партии перенесли политику на городские улицы, где шумная пропаганда делала свое дело, поддерживая волнения, порожденные некогда существованием папистского заговора.

Какие только средства не шли в ход, чтобы убедить людей, что король-католик несет угрозу их жизни, свободам и собственности (если таковая имеется)! Горожан специально нанимали, чтобы агитировать за вигов в кофейнях. Современники вспоминают, что на улицах декламировали сатиры, которые затем передавались из рук в руки. По всей стране множились клубы вигов, и когда люди уставали читать или слушать пропагандистские материалы, ничто не мешало им перекинуться в карты, на которых были изображены самые устрашающие, кровавые сцены папского разгула. И даже когда игра заканчивалась и посетители кофейен и пабов направлялись домой, вездесущая партийная машина вигов не оставляла их своим вниманием. На улицах раздавали, а в окна экипажей забрасывали листовки с напечатанными на них виршами или карикатурами. А иногда и то и другое вместе. Например, «Раек» — стихотворение, иллюстрированное изображением короля о двух головах (одна протестантская, другая — папистская) в виде коробейника, который расхаживает по стране и за деньги предлагает посмотреть свой карманный кукольный театр (парламент). На ярмарке в Саутворке простому люду показывали устрашающее представление, в котором папа со-

блазняет монашенку. А где-то в середине ноября прошли процессии, участники которых жгли чучело папы, демонстрируя, как политика эксплуатирует ритуалы народного праздника — Марди-Гра. Началу процессии предшествовало появление глашатая. «Помните судью Годфри», взывал он, а в это время актер, переодетый иезуитом, метался в толпе, заранее отпуская грехи тем, кто готов убивать протестантов. Далее на улице появлялось изображение покойного мирового судьи, живо напоминающее оригинал, — на нем тот же галстук, какой был повязан на Годфри, когда его душили, а на запястьях, рубашке и белых перчатках — пятна крови. Затем выходили иезуиты с окровавленными ножами в руках, их сменяли папские епископы и, наконец, сам папа, которому что-то нашептывал прямо в ухо сатана. Похоже, весь Лондон наблюдал, как 600 юных ремесленников тащили по улицам города восковое чучело (а по свидетельству одного наблюдателя, тысячные толпы), скандируя: «Нет папе! Нет папистам! Боже, храни короля и герцога Монматского!», выражая таким образом свою приверженность протестантской вере.

Но момент наивысшего триумфа виги пережили, когда в октябре 1680 года открылась очередная сессия парламента. К этому времени в городе только и говорили о некоем черном ящике, где якобы хранится неопровержимое свидетельство тайного брака Карла и матери Монмата Люси Уолтер. Незадолго до этого виги одержали убедительную победу на выборах в городские органы власти, и воодушевленный этим успехом Шефтсбери решил провести показательные процессы: над Яковом как папистом и Луизой де Керуаль как проституткой. В этом он не преуспел, однако народ был столь очевидно настроен в пользу вигов, что в успехе попытки вновь вынести на обсуждение вопрос о престолонаследии и даже импичменте герцога Йоркского мож-

но было не сомневаться. Иные из министров Карла были убеждены, что король не выдержит давления и согласится с требованиями парламентариев. Кое-кто уже делал предложения Вильгельму Оранскому, считая, что он-то прежде всего и выиграет от капитуляции короля. Ближайшее окружение Карла было настолько расколото, что, по существу, он остался в одиночестве и мог полагаться только на собственную решимость. Ясно, что испытание предстояло нелегкое. Речь короля при открытии сессии оказалась неубедительной, а запрос на выделение средств для поддержки английского гарнизона в Танжере (где он был заперт маврами) отклика не нашел. Тори мало что оставалось, кроме как настоять на поправке к биллю об исключении, по которой Яков лишался права на престолонаследие, однако вопрос о наследнике оставался открытым. В таком виде билль прошел третье чтение в палате общин и был передан лордам.

Но как раз в этот момент ситуация переломилась в пользу Карла. Пропагандистский аппарат тори тоже трудился не покладая рук, стремясь перетянуть на свою сторону «сбитое с толку большинство». Подобно вигам, тори также проводили политику устрашения, но если Шефтсбери и его соратники черпали свои аргументы из глубокого колодца антикатолических настроений, то их оппоненты апеллировали к потрясениям времен гражданской войны и протектората. В конце концов, кто такие виги, как не дети этих сектантов, нонконформистов и безумцев-фундаменталистов, которые двадцать лет назад насаждали в стране режим самой дикой анархии? Это типично подрывные элементы, открыто угрожающие безопасности церкви и государства. Так возрождались старые страхи перед тиранией демократического правления. Так, очень настойчиво и отнюдь не без успеха, пугали людей жупелом власти тол-

пы. Лишь неограниченная монархия может предотвратить эту угрозу, и недаром Карла представляли неким мифическим героем, высоко вознесшимся над всеми фракциями и группами: «Слуга Господа, но не раб народа».

Подобные идеи, близкие, естественно, аристократии, находили отклик и у все большего числа запуганных простолюдинов. Впрочем, Карл, отнюдь не так уж убежденный в своем божественном статусе, понимал, что просто полагаться на настроения людей нельзя, надо и самому действовать, иначе может быть плохо. Он ходил на заседания палаты лордов, хмурился, когда выступали оппоненты, улыбался сторонникам. В кругу последних с самой яркой и самой решительной речью выступил Галифакс. Десять долгих, изнурительно долгих часов не сходил он с трибуны, опровергая один за другим высказанные и невысказанные аргументы Шефтсбери. Он разглагольствовал об опасностях народных брожений, которые могут возникнуть, если принять билль об исключении. Рассуждал о престиже герцога Йоркского. Указывал на преимущества половинчатого решения, при котором Яков сохранял власть, но власть ограниченную. С приближением вечера Шефтсбери начал выказывать «все большие признаки беспокойства». Он понимал, что постепенно теряет поддержку — и в парламенте, и за его стенами. Он возбудил страхи, которые сам же ничем не мог подкрепить, а свойственные ему диктаторские замашки отталкивали от него многих приверженцев. Из-за него и вся фракция вигов в палате общин начинала выгладеть группой твердолобых и непримиримых политиков; в верхней же палате ораторское искусство Галифакса сделало свое дело: подавляющим большинством депутаты отклонили билль в первом чтении. Чувствуя сдвиг в общественном мнении и видя, как виги сами с собою грызутся со все нарастающим ожесточением,

Карл распустил парламент и начал готовиться к самому важному политическому действию своего царствования.

Он понимал, что, хотя и вторая попытка принять билль провалилась, борьба с вигами не окончена. Полной победы он не добился. Однако партия сохранила боевой дух, что стало ясно на следующий же день после неудачного для вигов голосования по биллю, когда выступил Шефтсбери. Вид у него, по свидетельству очевидцев, был болезненный, но говорил он, как всегда, энергично, суть же его предложения сводилась к тому, что Карлу необходимо избавиться от королевы. Он рассчитывал, что новая жена — протестантка подарит стране наследника-протестанта, в котором ему, Шефтсбери, виделся «единственный оставшийся нам шанс сохранить свободу, безопасность и истинную веру». На лордов этот пафос не произвел решительно никакого впечатления, виги же, особенно в свете того, что Карл демонстративно отобедал на публике с женой, вознамерились пополнить перечень уже судимых и казненных за предполагаемое соучастие в папистском заговоре именами пятирех католиков-пэров, ожидающих ныне своей участи в заключении. Общество следует держать в напряжении. Самой легкой добычей казался старый лорд Стаффорд, и он, «совершенно не повинный в том, в чем его обвиняют, и надеющийся лишь на милосердие Божие», действительно был отправлен на эшафот по сфабрикованному свидетельству. Хотя и со слезами на глазах, Карл подписал приговор; в раскалившейся донельзя атмосфере он не мог себе позволить быть милосердным, разве что избавил старика от мучений, сопровождавших обычно казнь по обвинению в государственной измене.

Близкие королю люди отмечали появившуюся у Карла непреклонность; да и сам он, преисполненный решимости преодолеть кризис, угрожающий его царствованию,

чувствовал, что изменяется сам и свыкается наконец с жестокими реальностями власти. «Обычно люди с годами становятся мягче, нерешительнее, — скажет он некоторое время спустя. — Что касается меня, то все наоборот, я делаюсь решительнее и тверже». Стиль, в котором Карл провел эндшпиль шахматной партии под названием билль об исключении, свидетельствует, что так оно и было. Никаких компромиссов, никаких уступок противнику, никакой игры на его поле. Напротив, если хотите повеситься, вот вам веревка. Он незаметно заставит их вырыть собственную могилу и выставит на общее обозрение все уродство того, что его поэт-лауреат Джон Драйден называл «демократическим дерьмом». Сам же Карл триумфально вознесется во всем блеске своей законной королевской власти. Он станет королем, каким всегда стремился стать.

В качестве шага на пути к этой цели Карл запросил мнение суда относительно своего права запрещать публикации на том основании, что они угрожают общественному порядку. Ответ был положительным. Он также занялся ревизией королевских указов, по которым муниципальным корпорациям предоставлялись хартии и избирательные права. Таким образом Карл рассчитывал разобраться с немалым количеством виггов-депутатов от различных округов, но в избирательные дела тори предпочел не вмешиваться. Он отлично понимал, что эффект от поползновений в этом роде будет невелик, и, соблюдая дистанцию и возвышаясь над предвыборной борьбой, сохранял мистическое таинство королевской власти. Такая власть совсем не зависит от количества голосов, напротив, Карл хотел бы убедить всех, что голоса эти вообще никому не нужны. Избегая открытых действий, он предпочитал закулисные переговоры. В то время как пропагандистская кампания виггов достигла своей кульминации и им казалось, что

удастся провести этот злополучный билль, укрепить положение англиканской церкви и ограничить власть короля, последний прислушивался к тому, что нашептывал ему Людовик XIV. А нашептывал он, право, вещи приятные. В свете своей новой политики территориальных приобретений Людовик полагал желательным держать Карла подальше от европейских дел; к тому же он руководствовался актуальными идеологическими соображениями, и тут на одно из важных мест выходил папистский заговор — истинный заговор. Выдумки Оутса и ему подобных кое-кому могли казаться серьезными и внушительными, однако же по сравнению с глубокими замыслами короля Франции они были совершенно ничтожными.

В сентябре 1679 года Людовик писал, что его политика в отношении Англии основывается на укреплении в этой стране верховенства королевской власти и католической веры — «*la confirmation de royaume et de religion Catholique en Angleterre*». Он действительно был убежден, что поддержка в установлении сильного монархического режима будет способствовать восстановлению католицизма в Англии. Долгий опыт взаимоотношений с Карлом не позволял Людовику многого от него ожидать; примерно так он и писал Бариллону: договорам, которые король Англии готов заключить с ним, большой веры нет. Но, сильно сомневаясь в Карле, его брата-католика Людовик бросать не собирался. В Якова он верил и, подписывая соглашение, по которому обязывался единовременно передать Карлу два миллиона крон, а затем в ближайшие два года выплатить еще по полмиллиона в качестве субсидии, считал, что щедростью своей прокладывает дорогу католическому абсолютизму в Англии. Людовик крепко надеялся, что эти деньги помогут Карлу смягчить карательные законы и он «перестанет навлекать на себя гнев Божий неправедным

преследованием католиков». Что ж, будучи первоклассным дипломатом, король Франции в душе оставался идеалистом.

Ободренный щедростью Людовика, Карл готовился сыграть политическую роль, которую репетировал всю жизнь. Демонстрируя полную уверенность в себе, он издал декрет о созыве очередной сессии парламента в Оксфорде, городе, известном своими роялистскими симпатиями. Это было его право, и Карл, поставив бурлящий, вечно недовольный Лондон под военный контроль графа Крейвена, принялся с величайшим тщанием обставлять сцену будущего спектакля. Пока виги в сопровождении вооруженной охраны, нацепив на себя шляпы с голубой шелковой лентой, на которой было начертано «Нет папизму! Нет рабству!», съезжались в Оксфорд, Карл в который уже раз просматривал текст речи; ее он должен был произнести перед открытием сессии. Тон ее будет твердым и в то же время корректным, аргументы четкими. На фоне того, что многим кажется стремлением вигов к абсолютной власти, Карл выступит сторонником и гарантом традиции.

«Никакие сбои в работе парламента не лишат депутатов моей любви», — заявил Карл, но тут же ясно дал понять, что шантажу не поддастся и загнать себя в угол всего лишь избранным представителям не позволит. «Не имея ни малейших намерений устанавливать в стране режим деспотического правления, — говорил он, — я в то же время не позволю это сделать никому другому». Он, король, — воплощение и гарант конституции, и вигам должно следовать его примеру, «принимая такие законы в стране, которой вы правите, чтобы я мог назвать их своими». Далее Карл отверг идею лишения герцога Йоркского права престолонаследия, предложив парламентариям обдумать новый принцип регентства, при котором за Яковом остава-

лось мало что, кроме королевского титула, а подлинный контроль над страной переходил в другие руки.

Идея была привлекательна, обладала множеством достоинств (не последнее заключалось в том, что она нравилась Вильгельму Оранскому, самому вероятному претенденту на пост регента), и Карл тщательно готовил ораторов, которым вменялось в обязанность растолковать ее депутатам в подробностях. Но виги, как он, впрочем, и предполагал, отвергли замысел с порога. Отстранение герцога Йоркского стало для них главной идеей, и других вариантов они даже рассматривать не желали. Такая неуступчивость была только на руку Карлу. Виги саморазоблачаются как шайка опасных фанатиков, не желающих считаться с конституцией и порядком, от них лучше держаться подальше. И еще. Нацеливая вигов на решение одной-единственной проблемы, Карл мог надеяться, что у них не хватит ни времени, ни энергии заниматься вопросами французского импорта, запрет на который истек в начале года. В страну потоком хлынули роскошные товары, заработала таможня, в казну начала поступать пошлина, так что, кроме французского займа, Карл смело мог рассчитывать на финансовый эффект от внешней торговли. В этой ситуации утрачивали свое первостепенное значение парламентские кредиты.

Смущало только одно. Луиза де Керуаль наняла какого-то сомнительного типа из Ирландии по имени Эдвард Фитцхаррис для выяснения, оставили ее виги в покое или по-прежнему намерены вывалить в грязь. Фитцхаррис с энтузиазмом, а главное, давая полную волю воображению, взялся за дело и вскоре собрал громадное количество «фактов», свидетельствующих о том, что виги-экстремисты трудятся не покладая рук. Когда фантазии Фитцхарриса превзошли всякие мыслимые пределы и ложь выплыла нару-

жу, Луиза дала ему отставку, и он решил, что сейчас самый момент перебежать на сторону вигов и скормить им всякие домыслы, касающиеся самой Луизы, а также герцога Йоркского, королевы и целого ряда ведущих деятелей из лагеря тори. Виги клюнули на этот крючок, решив, что теперь у них есть рычаг, с помощью которого можно затянуть парламентскую сессию и подогреть общенациональную истерию. Быстро распознав таящуюся тут угрозу, Карл распорядился выслать распоясавшегося интригана из Оксфорда и поместить его в лондонский Тауэр. Этому человеку известно слишком много. Если король хочет, чтобы спектакль, который он приготовил для лидеров вигов, прошел с успехом, Фитцхарриса надо заставить замолчать.

Можно было и приступить к решению куда более важной задачи — уничтожению самих вигов. Вели они себя в полном соответствии с расчетами Карла — агрессивно и глупо. Заявили, что требуют устранения герцога Йоркского по наказу своих избирателей. Наотрез отказались даже рассматривать предложение Карла ввести институт регентства. Шумно протестовали против недолжного обращения с Фитцхаррисом. Решили вынести на обсуждение новую редакцию билля об исключении и намеревались опубликовать стенограмму заседания в виде обращения к нации, которая, как им казалось, полностью стоит на их стороне. Дошли до жалоб на условия пребывания в Оксфорде — мол, слишком тесные квартиры. Король, со своей обычной учтивостью и сговорчивостью, посулил предоставить в их распоряжение шелдоновский театр и лично проследил, чтобы там были проведены соответствующие работы, дабы депутаты могли разместиться со всеми удобствами.

В понедельник 28 марта, когда виги приступили к обсуждению в первом чтении новой редакции билля, Карл

занял свое обычное место среди лордов в актовом зале Крайст-Черч — одного из крупнейших колледжей Оксфордского университета. При нем, как обычно, находился «Черный жезл» — герольдмейстер, в чьи обязанности входит приглашение членов палаты общин на тронную речь короля. За ними Карл его и послал, и, дрожа от нетерпения, депутаты повиновались: они были уверены, что Карл объявит о принципиально новых крупных уступках. У входа в актовый зал депутаты устроили такую толкотню и гвалт, что парламентский пристав вынужден был трижды призывать их к порядку; лишь после этого они соизволили обратить свои взгляды в сторону короля, сидевшего на троне в полном облачении, включая корону английской монархии.

В зале установилась полная, почти благоговейная тишина. Карл ничуть не походил на того слабого, податливого, неуверенного в себе человека, который, как считали виги, полностью находится у них в руках. Он предстал перед парламентариями во всем величии верховной власти. Он — помазанник Божий, он наделен священным авторитетом, он — воплощение совершенства. Если пришедшие в уныние виги опирались в своей аргументации на доводы разума, то король черпал их у самого Господа Бога, и, именно на него (а также на французские деньги) и опираясь, Карл в одной-единственной фразе расправился с демократией — этой явно негодной системой правления. «Весь мир видит, до чего мы дошли, — с притворной печалью сказал он, — и нам никогда не достичь доброго конца, если мы так расколоты в начале». С этими словами король покинул зал; наскоро перекусив, он сел в экипаж и отправился тщательно охраняемой дорогой в Виндзор. До конца своего царствования Карл уж больше не созовет парламент.

Глава 17

ГОДЫ ЕДИНОЛИЧНОГО ПРАВЛЕНИЯ

Благодарный народ засыпал короля верноподданническими адресами: он оказался дальновиднее всех, он не поддался всеобщему безумию, и призрак анархии исчез. Карл справился с глубочайшим за годы всего своего царствования кризисом, но при этом понимал, что работа еще не закончена. Он вышел из недавнего сражения, сохранив все свои властные полномочия. За ним — народ в своем большинстве. Финансовое здоровье государства никогда не было таким крепким. Но просто победить недостаточно. Надо еще, чтобы другие проиграли и чтобы это поражение было видно всем. Карл решил предпринять по отношению к вигам самые энергичные действия.

Когда справедливость приносят в жертву политике, одинаково страдают и большие, и малые. Несчастному Эдварду Фитцхаррису были предъявлены обвинения, и, когда дело дошло до суда, выяснилось (больше на эмоциональном, нежели на фактическом уровне), что этот ирландец принадлежит к римско-католической церкви и что он клеветал на корону, покушаясь на мир в государстве и вступив в комплот (заговор) с французами. По сумме этих преступлений Фитцхаррис был заключен в Тайберн. Обвинение было выдвинуто также против некоего Стивена Колледжа, лондонского столяра, человека довольно буйного нрава, о котором говорили, что в Оксфорде он появился «вооруженным до зубов» с явным намерением лишить жизни короля. Напрасно Колледж протестовал, указывая, что единственное доказательство против него — конь, а также меч и пара пистолетов на поясе. Публике нужен был пример, и, когда измученное жюри присяжных вынесло

вердикт «Виновен», в зале суда эхом отозвался шумный вздох одобрения. Столь же позорным был суд над другим, куда более известным человеком — Оливером Планкеттом, архиепископом графства Арма в Северной Ирландии. По навету Оутса его обвиняли в соучастии в заговоре, предполагающем отправление французских вооруженных отрядов в Ирландию. Обвинение было абсурдно, однако у Планкетта оказалось слишком мало свидетелей его невиновности, и он тоже отправился в Тайберн, «всеми оплакиваемый и почитаемый невиновным в том преступлении, которое ему вменяют».

Но самый большой сюрприз ожидал Шефтсбери. Через день после казни Фитцхарриса и Планкетта лидер виггов был заключен в Тауэр по обвинению в государственной измене. Ему вменялось в вину намерение силой заставить короля согласиться с биллем об исключении, лишаящим герцога Йоркского права на престолонаследие. Обвинялся он и в замысле отменить законы против диссентеров, а знакомая шайка лжесвидетелей уже готова была подтвердить, что он произносил изменнические речи. К тому времени Шефтсбери был серьезно болен. Он послал Карлу письмо с обещанием не заниматься больше политикой, если с него снимут все обвинения, и пообещал удалиться в Дорсет или даже в Каролину, где у него имеются деловые интересы. Но Карл не был склонен к милосердию, ибо считал, что «маленький правдолюбец», как он именовал Шефтсбери, никогда не откажется от своих амбиций. Поэтому он решил отдать его в руки закона, хотя и понимал, что суд над таким совсем еще недавно популярным человеком вряд ли пройдет без сучка без задоринки. Вновь назначенный лорд-главный судья делал все от него зависящее, лишь бы добиться обвинительного заключения, но сам состав жюри присяжных, в которое вошли люди твер-

дых демократических принципов, означал, что Карлу не удастся добиться своего. Так оно и получилось. Обвинения, выдвинутые против Шефтсбери, рассыпались на глазах, и присяжные вопреки ясно выраженной воле короля вынесли вердикт: «Ignoramus», то есть — нет состава преступления. Обрадованные виги отчеканили медаль, на которой изображен выходящий из-за туч, сгустившихся над Тауэром, солнечный диск с надписью на латыни: «Радуйся!»

Но взбешенный Карл и не думал сдаваться. Если в его собственной столице у вигов хватает безрассудства перечить его воле, что ж, тогда надо заняться их жожаками. Огонь велся из всех калибров. В самой значительной из многочисленных политических сатир времен Реставрации, «Авессаломе и Ахтитофеле» Джона Драйдена, Шефтсбери предстал в карикатурном виде; его якобы плоское политическое мышление высмеивалось, а божественные достоинства короля превозносились. Одновременно применялись и другие, более сомнительные средства воздействия на людей. Власти заигрывали со столичными тори; на сценах театров ставились пьесы, в типографиях печатались брошюры разоблачительного по отношению к вигам свойства; процветающим поставщикам двора и флота ясно давали понять, что нужно королю. Мировых судей побуждали открывать дела против лондонских диссентеров, в массе своей стоящих на стороне вигов. Немалую роль в разъяснении истинных намерений короля играла лондонская полиция. При помощи хитроумной операции на ближайших выборах были возвращены на свои места шерифы-тори; в знак благодарности они предоставили Карлу возможность заняться законодательными актами, на которых базируется городская хартия. Королевскому суду были даны соответствующие указания, и вскоре на свет Божий

появились обвинения в нарушении порядка подачи петиций и незаконном налогообложении, в результате объявленные достаточным основанием для отзыва хартии. При этом неизменно услужливый судья Джеффрис пояснил: «Король Англии — это и король Лондона». Это уж точно, и Шефтсбери, видя, как рушится последний бастион его влияния, бежал в Амстердам, где и умер в начале 1683 года — сраженный и разочарованный апологет английской парламентской демократии.

И все-таки жало у змеи было вырвано не до конца. В начале лета того же года был раскрыт совершенно бездарно составленный заговор против Карла и его брата. На самом деле этот так называемый «Ржаной заговор» состоял из двух частей. Первая, которая и дала ему название, была придумана лондонскими радикалами и предполагала покушение на жизнь короля из удобно расположенного в сужающемся месте ньюмаркетской дороги ржаного склада. Вторая, разработанная группой вигов-аристократов, включала в себя нападение на охрану и захват в плен короля, который затем вынужден будет удовлетворить требования заговорщиков. Первый план не удался, так как из-за неожиданно вспыхнувшего пожара королю и герцогу Йоркскому пришлось покинуть Ньюмаркет раньше, чем предполагалось; что же касается второго, то разоблачение видных вигов только воспламенило мстительные чувства, тлеющие в сердце Карла, который все еще никак не мог пережить свою неудачу в деле Шефтсбери.

Он распорядился провести немедленные аресты вигов. Некогда верный ему Эссекс избежал карающей королевской десницы, совершив самоубийство, а лорд Уильям Рассел и Алджернон Сидни, этот великий приверженец идеи Английской республики, чудом избежавший виселицы в 1660 году, предстали перед судом. Карл лично проследил,

чтобы их допросили в Тайном Совете. Наученный недавним горьким опытом, когда пришлось распутывать узлы, завязанные Оутсом, он на сей раз не допустил слишком подробных свидетельских показаний и сосредоточился на голых фактах. Милосердия Карл проявлять не собирался — даже по отношению к такому видному аристократу, как Рассел. «Все верно, — заметил он в ответ на призывы смягчить его участь, — но верно и то, что если я не отниму жизни у него, то скоро он отнимет жизнь у меня». Рассел был казнен, а затем, ближе к концу года, суд, которым бессовестнейшим образом манипулировал все тот же Джеффрис, признал виновным Алджернона Сидни. И он тоже поднялся на плаху — «с большим, — по словам свидетеля, — достоинством, как истинный республиканец».

В глазах самого Карла казнь участников «Ржаного заговора» оправдывала его праведное презрение к делу вигов, но если смерть Рассела и Сидни стала публичной демонстрацией политической позиции короля, то личных проблем она не решила. Дело в том, что многие виги по-прежнему считали герцога Монматского желанным и даже законным наследником престола, да и сам он делал все от него зависящее, чтобы утвердиться в своих сомнительных правах. Медные трубы славы звучали в ходе парламентских дебатов об отстранении слишком громко, чтобы смутить этот неглубокий и неразвитый ум. К тому же Монмат был совершенно не готов смириться с мыслью, что хотя отец его и любит, но любовь эта безгранична, как ему хотелось бы верить. Монмата не смутило, что, когда он поручился за арестованного Шефтсбери, отец отдал его прежние должности единокровным братьям. И даже когда герцог был лишен поста президента Кембриджского университета, а портрет его сожжен, он все еще ничего не понял.

В конце концов присутствие при дворе сделалось для Монмата нестерпимым, и, вспомнив советы Шефтсбери (которым герцог следовал и ранее), он отправился в поездку по стране. Монмат успел зарекомендовать себя природным лицедеем. В разгар лета 1682 года он нанес пышный визит богачам-вигам Стратфордшира, и на скачках в Уоллесе толпы людей приветствовали его так шумно, что не хватало только клича: «Vive le Roy!» — «Да здравствует король!» На его стороне были удача и личное обаяние. На скачках Монмат выиграл приз — блюдо и подарил его новорожденной дочери местного мэра. Выиграл он и несколько стартов на беговой дорожке. Аплодисменты были столь оглушительны, что победитель даже был вынужден призвать зрителей к спокойствию. В Ливерпуле он умудрился подхватить золотуху, за ней последовал приступ эпилепсии, да такой сильный, что подумывали даже, не стоит ли его изолировать. Но к началу 1683 года все круто переменялось. Спортивные победы не собирали уже тысячных толп. При въезде в Чичестер на пути Монмата возник шериф во главе конного отряда, а на службе в местном соборе священник произнес настолько прозрачную проповедь, что Монмат предпочел за благо удалиться. По следам «Ржаного заговора» «большое жюри» вынесло частное определение в адрес герцога, за его поимку было назначено вознаграждение, но король проявлял снисходительность. Вскоре после казни Рассела и Сидни Карл согласился принять сына. Встреча получилась нервной и напряженной, Монмат при всем своем раскаянии отказался выдать друзей-вигов и предпочел изгнание. В конце концов Карл выделил Монмату содержание (6 тысяч фунтов в год), однако расположение короля не простиралось настолько далеко, чтобы позволить сыну вернуться домой, и свои планы

на будущее, оказавшееся трагическим, тот вынашивал за границей.

Отсутствие Монмата прежде всего шло на пользу герцогу Йоркскому. Отстояв в борьбе с парламентом наследственные права брата, Карл начал понемногу возвращать его в центр текущей политической жизни. При этом король соблюдал мудрую осмотрительность: готовый безжалостно убирать противников с пути, он вовсе не собирался отдавать кому-либо особое предпочтение в кругу ближайших советников, каждый из которых норовил вырваться вперед. Якову было предписано являться на все заседания Тайного Совета в ходе расследования «Ржаного заговора», а к маю 1684 года Карлу удалось устроить так, что герцог, невзирая на все ограничения, которые накладывал Акт о присяге, вновь оказался во главе английского флота. Правда, диктовать свою волю Карл брату не разрешал, как, впрочем, не разрешал и никому другому.

Из войны с парламентом Карл вышел абсолютным сувереном и намеревался оставаться таковым и впредь. Он дистанцировался от своих сторонников из лагеря тори, отказав им в привилегиях, на которые они вообще-то могли вполне законно рассчитывать. В целом Карл твердо намеревался понизить уровень политического самосознания и активности в стране и в особенности — уменьшить влияние партий. В идеале он видел нацию, объединенную спокойной верностью короне, нацию, пребывающую с собой в мире и вместо опасной политики или иных форм общественной деятельности занимающуюся личным преуспеванием. Карл ни в коем случае не собирался созывать парламент и дал ясно понять, что даже рассматривать не будет никаких обращений, связанных с жизнью общества и страны. Он предпринял некоторые шаги, направленные на введение цензуры и контроля над «нетерпимой свободой прес-

сы». Убежденный, что большинство районов страны находится под контролем людей, сочувствующих его целям, Карл передал ведение повседневных дел людям, тщательно отобранным по принципу «сдержек и противовесов», а сам мог позволить себе наслаждаться часами досуга в Нью-маркете, Виндзоре и Винчестере, где для него строили новый дворец.

Этот последний проект отнимал у Карла почти все время и свободные деньги. В сентябре 1682 года сэр Кристофер Рен представил архитектурный план здания на 160 комнат с венчающим его изящным куполом. Заказчик, отмечает Ивлин, был «чрезвычайно доволен». Что ж, проект действительно получился роскошный, хотя в действительности эта миниатюрная копия Версаля так и не воплотилась в жизнь. Парадную лестницу должны были украсить мраморные колонны — подарок герцога Тосканского, а близлежащий парк, где король собирался не только гулять, но и охотиться, — большие фонтаны. Предполагалось, что специально проложенная улица соединит дворец с Винчестерским собором, а в расположенных неподалеку портах будет достаточно места для королевских яхт.

Само строительство дворца свидетельствовало, что Карл обрел чувство некоторой внутренней защищенности, и все же более всего его жизнь в эти годы согревали дети. А было их у Карла двенадцать, от семи любовниц. Пятеро от леди Калсман, двое от Нелл Гвинн и по одному от Элизабет Киллигру, Кэтрин Пегг, Молл Дэвис и Луизы де Керуаль. Наконец, Монмат, этот вечный источник разнообразных беспокойств, напоминал о бурном романе с давно покойной Люси Уолтер. Король был равно щедр ко всему своему потомству, независимо от пола. На шестерых сыновей приходилось девять герцогских титулов, и хотя никто из них и приблизиться не смог к отцу по уму и полити-

ческой хватке, кое-кто вполне встал на ноги. Один из сыновей Барбары, герцог Графтон, отличавшийся привлекательной внешностью, сделался моряком. Граф Плимут — солдатом, он умер молодым в Танжере, герцог Сен-Альбанский, сын Нелл Гвинн, тоже очень красивый юноша, получил образование во Франции, а затем воевал с турками в Венгрии.

Но более всего король был счастлив своей близостью с Луизой де Керуаль. По-настоящему глубокая, истинная привязанность не ослабевала никогда и сумела выдержать и пересуды окружающих, и политическое давление, и многочисленные искушения, и конфликты. Во времена папистского заговора Луизе пришлось худо, что в немалой степени объясняется как ее тяжелым характером, так и недостатком ума. Правда, опасения этой женщины — весьма непопулярной в народе королевской любовницы, француженки и вдобавок к тому католички (а ведь в ту пору католицизм воплощал в себе все чуждое английскому образу жизни) — были совсем небезосновательны. Временами ей становилось по-настоящему страшно, и Бариллон писал Людовику, что Луиза предпочла бы покинуть Англию, где при всей привязанности короля она рискует стать жертвой ярости, охватившей «всю нацию».

Насколько велика эта ярость, можно судить хотя бы по тому, что против нее было выдвинуто обвинение в государственной измене. Рассмотреть его должна была палата общин. В подметном письме, послужившем основанием для этого обвинения, Луизу называли иностранной шлюхой, «отравляющей окружающую атмосферу». Казалось, нет такого порока, какому эта женщина не была бы подвержена, ходили слухи, будто она подкупила одного кондитера-француза, чтобы тот изготовил отравленные пирожные, которые она собиралась предложить королю. Кое-кто даже был уверен, что Луиза сыграла решающую

роль в роспуске парламента. Надо полагать, именно это подтолкнуло французов к ложному заключению, будто она играет серьезную роль в английской политике. На самом же деле в политическом плане Луиза была совершенной простушкой, что особенно и привлекало к ней Карла; этим же объясняется и отказ прислушиваться к ее взволнованному кудахтанью во время парламентского кризиса. В общем, королю Луиза никогда не надоедала, напротив, его чувства со временем становились только глубже, нежнее, а готовность выполнить любой каприз еще больше.

Когда Луиза заболела и врачи сочли, что для ее здоровья будет лучше, если она уедет во Францию, Карл настоятельно попросил Бариллона написать своему господину, чтобы тот оказал ей самый достойный прием. И Людовик, и его посол весьма высоко ценили Луизу. «Она верно и неизменно служит интересам Вашего Величества, — писал в Париж Бариллон, — и всегда снабжает меня весьма полезной информацией». В результате возвратившуюся к французскому двору бывшую фрейлину, да еще и без гроша за душой, встретили как королеву. Она приехала от зависимо-го, нищего в ту пору лондонского королевского двора, а теперь была увешана драгоценностями. Она могла себе позволить просадить за игорным столом целое состояние, она разъезжала по Парижу в роскошном экипаже с кучером в ливрее. Словом, Людовик осыпал ее золотом, и в Лондон Луиза вернулась международной знаменитостью, для которой Карл был готов на все, что угодно. Он осыпал почестями сына, которого она ему родила, он уговорил Людовика сделать ее герцогиней. Можно подумать, что Луиза — само совершенство, а если все-таки ей случалось совершить какой-нибудь промах, Карл с готовностью закрывал на это глаза.

Один из таких «промахов» появился в Лондоне в виде француза Филиппа де Вандома. Это был исключительно красивый молодой человек, о сексуальных аппетитах которого ходили легенды; сам же он утверждал, что никогда еще не ложился в постель трезвым. Луизу он чрезвычайно заинтриговал. Но вскоре ей пришлось убедиться, что новое увлечение таит для нее немалую угрозу. Обычно терпимый, Карл на сей раз безумно приревновал возлюбленную, и гнев его пал на тщеславного юношу. Вандому дали понять, что лучше бы ему в апартаментах Луизы не появляться, однако же он с презрением пропустил этот намек мимо ушей. Тогда Бариллону было поручено передать Вандому, что отныне он — нежеланный гость в Англии, но юноша и на сей раз отмахнулся, заметив, что никуда не уедет, пока Карл не отошлет его. Бариллон уговаривал короля дать Вандому аудиенцию. Некоторое время Карл сопротивлялся, не желая опускаться столь низко, но потом все же принял француза. Тот заявил, что не собирается никуда уезжать. И лишь когда в дело вмешался тонкий дипломат Людовик и через брата передал Вандому, что надо возвращаться домой, Луиза избавилась от неловкого положения, в которое попала по собственной вине. Карл вернулся в объятия своей раскаявшейся «толстушки», и в честь этого она заказала медаль с изображением Купидона и надписью: *omnia vincit* (все побеждает).

Сам факт вмешательства Людовика в интимную жизнь Карла свидетельствует о воздействии, которое он оказывал на него и в иных сферах жизни, прежде всего в политике. Та форма финансовой зависимости, которая связывала Карла с Францией, вполне его устраивала, особенно учитывая, что ему удалось избежать участия в бесконечных войнах Людовика. Добиться нейтралитета было нелегко. Самый напряженный момент возник в конце 1681 года, ког-

да французы осадили Люксембург, угрожая таким образом безопасности Вильгельма Оранского. Ясно, что подобная ситуация вынуждала короля-протестанта вмешаться в конфликт, а это, в свою очередь, означало необходимость созыва сессии парламента, ибо только он мог выделить средства на ведение войны. Делать это Карлу очень не хотелось, о чем он прямо и сказал Бариллону: «Это нехристи, которым не терпится покончить со мной». В общем, следовало во что бы то ни стало найти выход из положения, и Карл через Бариллона обратился с просьбой к своему «брату-королю избавить (меня) от неловкости». Осознавая всю деликатность положения, Людовик придумал хитрый дипломатический маневр, при котором Карл становился посредником во взаимоотношениях между испанцами и французами. Суть сделки заключалась в следующем: Испания сохраняла контроль над Люксембургом, но при условии сноса оборонительных сооружений. Участие в осуществлении этой комбинации принесло Карлу новые французские займы, однако Вильгельм Оранский стал доверять ему еще меньше.

С ним Карлу в международной политике дело иметь было труднее, чем с любыми другими правителями. Одна из главных целей Вильгельма заключалась в том, чтобы Англия в борьбе с Людовиком оставалась на его стороне; а одной из основных целей Карла было оставаться нейтральным. Он знал, что у Вильгельма в Англии крепкие связи (хотя, возможно, и не такие крепкие, как ему казалось), и всячески стремился их ослабить. Попытки племянника воздействовать на внутреннее положение в стране донельзя его раздражали, и как-то он дал выплеснуться этому раздражению в беседе с голландским послом, намекнув, что об интригах Вильгельма ему все известно. Во время государственного визита принца Карл прямо сказал, что не го-

тов ни созвать очередную сессию парламента, ни предоставить ему воинские соединения для обороны Фландрии. Англо-голландские отношения дали серьезную трещину, и, когда в 1683 году Вильгельм захотел нанести еще один государственный визит в Англию, Карл, подозревая, что единственная его цель — вовлечь Англию в дорогостоящие военные действия на континенте, решительно воспротивился этому.

Тем временем за праздной жизнью английского двора скрывался возраст всех этих повес и гуляк — они отнюдь не молодели. Вот как в столь характерном для себя стиле описывает один небольшой прием, состоявшийся 1 февраля 1685 года, Ивлин. Дело происходило в воскресенье, и Ивлина неприятно поразили «фантастическая роскошь и распутство», свидетелем которых он стал. Король «развлекается с возлюбленными — герцогинями Портсмутской и Кливлендской, а также Мазарини», — продолжает Ивлин, некогда соперницами, а ныне, судя по всему, добрыми подругами. Собравшихся услаждает любовными песенками какой-то французский юноша, а «около двадцати высоко-родных дворян и других распутников сгрудились за игорным столом, и перед каждым из них не меньше двух тысяч золотом».

Но для Карла это было последним развлечением такого рода. На следующее утро он был бледен и раздражителен. Его стремительная походка уступила место едва ли не шарканью. Вдруг король споткнулся и с трудом удержался на ногах. Он необычно долго сидел у себя в кабинете, а когда наконец вышел в сопровождении Чифинча, речь его была затруднена и невнятна. Отпив небольшой глоток шерри, Карл, по обыкновению, занялся туалетом. Но не успел цирюльник повязать ему на шею льняное полотенце, как он коротко вскрикнул и потерял сознание. При-

творяться, что все в порядке, долее было нельзя. Срочно послали за врачами. Карлу пустили кровь. Одновременно направили депеши герцогу Йоркскому и членам Тайного Совета с просьбой немедленно прибыть во дворец.

В присутствии первых лиц королевства врачи продолжали свои манипуляции. Из безжизненной руки Карла откачали 24 унции крови, и речь к нему наконец-то вернулась. Он попросил позвать королеву. Пока короля перенесли в постель, в Уайтхолле и вокруг него была усилена стража, наложен запрет на швартовку и отплытие кораблей. Лишь Бариллону было позволено послать депешу Людовику XIV. В этот драматический момент равно необходимым представлялось уведомить о происходящем французов и оставить в неведении Монмата и Вильгельма Оранского. Новости неизбежно просочились за стены дворца, и если высокопоставленные горожане отправили верноподданническое послание герцогу Йоркскому, то простые люди «плакали прямо на улице, все были опечалены, а у ворот дворца собралась огромная толпа».

На следующее утро у Карла случился второй удар. В спальне, где обычно щенились королевские собаки, собралось двенадцать докторов, большие часы мерно отсчитывали время. Для спасения жизни больного предлагались и опробовались самые разные средства. Куда только не делались уколы! Клизмы. Рвотное в больших количествах. Чемерица. Соли. Купорос. Сироп из крушины... Что только не прошло через кишки несчастного и в каких сочетаниях! К его наголо выбритой голове прикладывали раскаленное железо, и доктора лишь головами качали, разглядывая чуть ли не кипящую мочу, воспаленный язык и раскрошившиеся во время конвульсий зубы. Тем не менее Карл пытался что-то сказать, но говорить ему не давали.

Луиза де Керуаль рыдала, то и дело теряя сознание, Нелл Гвинн, громко всхлипывая, лежала у двери, ведущей в королевскую спальню. Королеву Екатерину, которая от горя и слова не могла вымолвить, отнесли в ее покои. Королевская приемная была полна народа. В ожидании трагической развязки здесь собрались 75 самых знатных лиц государства. Пятеро из них имели епископский сан, и от имени всех епископ Кентский обратился к королю с просьбой принять причастие и заявить о своей принадлежности к англиканской церкви. Карл с трудом выговорил, что он слишком слаб... да и торопиться некуда. Но ему становилось все хуже. Его сотрясала лихорадка, мучили сильные боли, скорее всего почечные. Епископ Кентский не переставая читал молитвы. Карл слушал его, слушал и герцог Йоркский, но мысли обоих были далеко. Оба были поглощены делом, о котором опасно даже заговаривать, пока не наступят последние минуты жизни короля.

Тем временем Бариллон отправился к безутешной Луизе. Она пожаловалась, что ее фактически не допускают к королю, рядом с ним постоянно королева. Посетовала она и на присутствие англиканских епископов, ибо сердце любящей женщины подсказывало ей, что «в глубине души король — католик». Нельзя ли как-нибудь, хоть тайком, провести к умирающему священника? Бариллон поделился этой мыслью с герцогом Йоркским. Тот спокойно ответил, что времени терять нельзя и он лично «скорее рискнет всем, что у него есть, нежели откажется выполнить свой долг». Но легче сказать, чем сделать. В покоях короля все еще находились епископы и люди в париках, и удалить их оттуда было совсем непросто. Яков склонился над братом. Послышались какие-то нечленораздельные звуки, потом король с трудом выговорил: «Да, всем сердцем». Умирает человек, и этот человек не хочет уйти в вечность во лжи. Умирает

король, но о политике уже можно не думать. Всю жизнь он делал вид, будто разделяет веру большинства своих подданных. Но теперь больше нет необходимости притворяться. Ему нужен священник.

В данном случае, чтобы принять умирающего Карла в лоно католической церкви, решительно не подходили ни исповедники королевы, ни исповедники герцога Йоркского. Первые говорили только по-португальски, вторые вызывали в Англии всеобщее презрение. В надежде на помощь отправили людей к венецианскому послу. Но провидение, видно, распорядилось иначе. Проходя через покои королевы, посланцы столкнулись с тихим, незаметным человеком в священническом облачении, тем самым человеком, который почти тридцать лет назад показывал Карлу небольшую рукописную книгу под названием «Короткий и ясный путь к вере и церкви». Прочитав ее, беглый в ту пору король сказал: «А ведь и впрямь с таким ясным изложением предмета мне еще сталкиваться не приходилось. — Он отложил манускрипт в сторону и продолжал: Аргументы выстроены в четком порядке и настолько убедительны, что не вижу, как бы их можно было опровергнуть». Сейчас король мог бы повторить то же самое.

Добрый отец Хаддлстоун готов был сослужить Карлу последнюю и самую важную службу. Он ждал в небольшом кабинете, примыкающем к королевской спальне, пока искали гостюю*. Оттуда были хорошо слышны повелительные слова герцога Йоркского: «Господа, король желает, чтобы все, кроме графов Бата и Фэвершема, удалились». Эти двое протестантов должны были стать свидетелями того, что Карл переходит в другую веру по собственной воле. Дождавшись, пока комната опустеет, Чифинч провел Хаддлстоуна к королю. Лицо Карла озарилось, и, собрав

* Облатка. — *Примеч. ред.*

последние силы, он проговорил: «Когда-то ты спас мое тело, теперь спасаешь душу».

Священник принял за свое дело. Желает ли король Англии отойти в мир иной, приняв святое причастие и перейдя в римско-католическую веру? Последовал тихий, но ясный ответ: «Да». Желает ли король покаяться в своих грехах? И вновь: «Да». Карл «всем сердцем сожалеет», что так долго откладывал этот высокий миг, и, дождавшись конца исповеди, вручил душу Богу: «Благодарю, о благодарю Тебя, Господи». Священник отпустил ему грехи и спросил, готов ли он к посвящению.

— Если я только его достоин, аминь.

Но гостию еще не принесли, какой-то португальский священник появился со святой облаткой на пороге уже после того, как Хаддлстоун произвел помазание. Карл хотел, как положено, опуститься на колени, но оказался слишком слаб. Хаддлстоун заверил короля, что Всевышний его поймет. Распростертый на кровати, Карл принял первое и последнее в своей жизни католическое причастие. Затем он сжал дрожащими пальцами распятие и замолк в раздумье.

— Моли Господа, — провозгласил Хаддлстоун, — чтобы святая Его кровь пролилась за тебя не даром... И пусть, когда Ему будет угодно забрать тебя из этого тленного мира, дарует Он тебе радостное воскресение и вечную славу в мире ином.

Но пока еще Карл пребывал в этом мире, чьей славой и обманом пользовался столь щедро и столь цинично. Он «умирал слишком долго» и просил за это прощения у тех, кто был вокруг него, — так пишет в своей «Истории Англии» Маколей, хотя скорее всего это плод воображения автора. Король оставался в сознании. Ужасные врачи продолжали мучить его, а часы отсчитывали секунды и минуты, напоминая своим тиканьем, что «дело (мое) вскоре бу-

дет завершено». Пришла попрощаться королева, но, заливаясь слезами, не смогла вымолвить ни слова, и ее увели. Потом она просила передать супругу, что просит у него прощения за все дурное, что ему сделала.

— Бедняга, — прошептал Карл, — и она еще просит у меня прощения! Это я перед ней кругом виноват.

Он попросил прощения у своего рыдающего брата и передал всех своих детей, кроме Монмата, его попечению. Затем, вспомнив о своих возлюбленных, попросил герцога не забывать о Луизе де Керуаль и «не дать бедняге Нелл помереть с голоду».

Бесконечно тянулась ночь. В шесть утра Карл попросил откинуть тяжелые шторы, чтобы в последний раз посмотреть на рассвет. На лицо умирающего упал слабый свет, дух его продолжал сопротивляться. Час проходил за часом. В десять утра Карл впал в кому, а еще через два часа этого человека, которой всегда умел выживать, не стало.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вскрытие показало, что внутреннее кровоизлияние у Карла было таким сильным, что непонятно даже, как ему удавалось столь долго держаться. Но причина смерти была, конечно, далеко не столь важна, как сам факт смерти и его последствия. Король умер, да здравствует король! Не успели еще отдать усопшему последние скромные почести в Вестминстерском аббатстве, как Яков мирно взошел на престол. Само это обстоятельство — то, что смена монарха произошла безо всяких потрясений, — несомненно, заслуга Карла, но ближайшие четыре года показали, что в своей деятельности он всегда ориентировался только на близлежащие цели. Карл выживал благодаря хитроумию и не стремился к крупным переменам, которых жаждала страна. Король усилил монархию, но власть, которой он пользовался так умело, в руках Якова превратилась в инструмент громоздкий и неуклюжий, поэтому кардинальные, государственного масштаба перемены стали неизбежны.

Главным образом и прежде всего Яков думал об интересах своих единоверцев. Он не собирался насаждать католицизм в Англии силой, но был преисполнен решимости убрать с пути папистов такие препятствия, как Акт о присяге и целый ряд карательных законов. Сначала Яков

попытался сделать это при помощи парламентских процедур, но, опьяненный своими добрыми намерениями, оказался не в состоянии понять, что виги и тори, англикане и диссентеры сходились в одном: в яростном противостоянии римско-католической церкви. Папство означает абсолютную власть, и чем настойчивее Яков преследовал свои разрушительные цели, тем больше подозрений вызывали его абсолютистские поползновения.

Среди вигов были и те, кто не остановился бы перед применением силы. Многие из них, жившие в изгнании, рассчитывали, что восхождение на трон короля-католика вызовет в стране такое недовольство, что поддержка им обеспечена. Хронические внутренние склоки, а также простодушное неумение Якова понять истинные настроения людей привели к катастрофе. После полугодовых дискуссий повстанцы пришли к убеждению, что достижению их целей наилучшим образом будет способствовать двойной удар. Граф Аргилл отправится в Шотландию и наберет вооруженные отряды из своих соотечественников-горцев, которых пугает политика нового короля. Ничего из этого не вышло, среди товарищей не было внутреннего согласия, и, вместо того чтобы действовать, они лишь всячески высмеивали друг друга. Но если попытки Аргилла кончились просто неудачей, то действия Монмата привели к трагедии. Понимая, что поход на Лондон — дело слишком рискованное, незаконный сын Карла II направился морем в западные районы страны с их по преимуществу пуританским населением и высадился в Лиме 11 июня 1685 года. Он провозгласил себя королем, поклялся ежегодно созывать парламент, сохранять религиозную терпимость и распустить постоянную армию. Под знамена Монмата стали 4 тысячи человек, но этого оказалось явно недостаточно, чтобы противостоять отрядам местной полиции, которые

полностью разгромили его 6 июля у Седжмура. Монмат был схвачен и доставлен в Лондон; где, несмотря на жалкие попытки оправдаться, его казнили. Последователи Монмата сделались жертвами так называемого «Кровавого суда». Джеффрис проявил себя истинным садистом: убежденный, что Бог на его стороне, он послал на плаху столько сторонников Монмата, что жители Сомерсета, говорят, ходили по щиколотку в крови четвертованных и повешенных жертв.

Эта судебная бойня скорее всего ознаменовала окончательное поражение вигов, однако же отнюдь не способствовала любви к Якову со стороны тори. Он использовал бунт в качестве предлога для значительного увеличения численности постоянной армии, изрядно разбавив при этом ее офицерский состав католиками. Единомышленники Якова начали открыто роптать, и он со свойственной ему политической неуклюжестью распустил на каникулы тот самый явно промонархический парламент, который всего несколько месяцев назад бурно приветствовал его восхождение на трон. Яков решил поменять тактику, но не стиль. Если отказывают в поддержке тори, что ж, их место с удовольствием займут диссентеры. Якову постепенно становилось ясно, что этих добрых людей к мятежу и в сторону вигов подтолкнула столь откровенно третирующая его еретическая англиканская церковь; парламент, состоящий из диссентеров, наверняка провозгласит веротерпимость — ведь речь идет о терпимости по отношению к ним же самим — и далее в знак благодарности королю распространит ее на католиков. Но новые союзники Якова, люди в большинстве своем более чем среднего достатка и общественного положения, не могли тягаться с магнатами из лагеря тори. Ясно поэтому, что им была нужна чрезвычай-

но существенная поддержка, и ее-то Яков решил обеспечить во что бы то ни стало.

Преследуя эту цель, он, в частности, распорядился тщательно рассмотреть сомнительные положения, касающиеся границ королевской власти. Всегда считалось, что в исключительных обстоятельствах король имеет право выводить тех или иных лиц из-под действия существующих законов. Используя в качестве прецедента судебное решение по делу «Годден против Хейлза», Яков решил, что оно дает ему карт-бланш для амнистии уже не отдельным лицам, а всей стране, позволит также не считаться с Актом о присяге. Действие этого акта (как и ряда других, карательных, законов) было приостановлено королевским указом, и столь демонстративное ослабление судебной власти еще сильнее убедило многих в том, что Яков стремится установить в стране абсолютизм. Эти опасения нашли новое подтверждение, когда, допустив к государственным должностям людей, которые вызывали раздражение у большинства населения, Яков начал кампанию по выкручиванию рук и стал прибегать к разного рода предвыборным махинациям, чтобы обеспечить формирование послушного парламента. Но его ждало тяжелое разочарование. Люди, которые, думалось, наверняка поддержат его планы, оказались на редкость неблагодарными. Не менее твердо, нежели англикане, диссентеры были убеждены, что паписты покушаются на самые основы протестантизма, и вскоре стало ясно, что, утратив поддержку среди англикан и тори, Яков отнюдь не приобрел ее в лице скромных и незаметных диссентеров. Неуклюжесть завела его в тупик, что особенно проявилось, когда в конце 1687 года наконец-то забеременела королева.

Народ ждал появления ребенка со всевозрастающей настороженностью. Что, если королева родит сына? Тогда по-

лучается, что от католической заразы уж никогда не избавиться? Подошли сроки, королева действительно произвела на свет сына, и недавние тревожные вопросы обернулись мрачной убежденностью. Факты были настолько ужасны, что люди уговаривали себя, будто стали жертвами какого-то обмана. Мальчик, говорили там и тут, вовсе не сын Якова. Младенца, это всякий знает, подменили и тайком перенесли в Уайтхолл спрятанным в большую кастрюлю. Тревога нарастала с каждым днем, и пусть даже оправдание семерых епископов, арестованных за запрет читать в своих приходах принятую Яковом Декларацию о веротерпимости вызвало всеобщий восторг, выхода из общенационального тупика видно не было. Помощи, если только это вообще возможно, следовало ждать со стороны.

Вот тут-то на сцене и появился, как всегда, наблюдательный Вильгельм Оранский: его позовут достойнейшие, он готов стать спасителем нации и религии. Собственно, еще до этого были предприняты мощные пропагандистские усилия, суть которых сводилась к следующему: если Вильгельму, женатому на английской принцессе, будет предложен трон, то, проявляя терпимость к католикам и иным конфессиональным меньшинствам, он и Мария не подтвердят отмены Акта о присяге. Всем, кто не исповедует англиканской веры, доступ к государственным должностям будет закрыт по-прежнему. Такая позиция встретила широкое одобрение, и взгляды английского истеблишмента с надеждой устремились к Голландии.

К историческому решению лично принять участие в судьбах Англии Вильгельма подтолкнул целый ряд соображений. Конечно, играло свою роль и желание надеть корону, однако Вильгельм Оранский руководствовался не одними лишь персональными амбициями. Он хотел сохранить право за женой на английский трон после смерти Яко-

ва и свободно избранный парламент. Этот последний, как рассчитывал Вильгельм, объявит войну Людовику XIV, который, по его мнению, намеревался захватить Голландию, что, в свою очередь, было элементом общей стратегии покорения всей Западной Европы. Если планы Людовика осуществляются, то он наверняка искоренит на подвластных ему территориях протестантизм, а также перенаправит торговые потоки во Францию. Военные кредиты, за которые проголосует английский парламент, предотвратят эту угрозу, а решение вопроса о престолонаследии само передаст в руки Вильгельма контроль над ресурсами страны.

Баланс сил в Европе достиг критической отметки, когда семеро виднейших вельмож обратились к Вильгельму с посланием, заверяя его, что недовольный народ Англии будет только приветствовать смену власти и что армия Якова не окажет сопротивления. Вильгельм со свойственными ему от природы мужеством и расчетом запланировал высадку в Англии на зиму. Ставки в игре были высоки, выше некуда. Положим, в настоящий момент Людовик занят борьбой с Габсбургами, но он в любой момент может направить армию в Голландию, которая на время лишится своего выдающегося военачальника. К тому же Вильгельм вынужден полагаться на заверение в нейтралитете армии Якова. И наконец, следовало считаться с трудностями ведения кампании в зимних условиях. Ветры дули такие жестокие, что поначалу пришлось даже вернуться в порт, но затем совершенно неожиданно (многие приписывали это воле провидения) направление ветра переменялось, и он бодро понес голландские суда через Ла-Манш. 5 ноября, все в тот же день провала злополучного «Порохового заговора» (самая забытая из всех протестантских дат), голландский флот приблизился к Торбэю.

Ну а суда Якова были заперты в Темзе, и местное дворянство отнюдь не спешило ему на помощь. Королю были обещаны свободный парламент и возвращение законных привилегий. Яков упрямо не желал уступать давлению: в его распоряжении, считал он, была крупная армия. Но когда он попытался повести ее по замерзшей, скользкой дороге на запад, она начала стремительно редеть: утратившие боевой дух солдаты дезертировали. До Якова дошли сведения, что дворянство из северных графств вооружается против него. Он вернулся в Лондон и, чтобы выиграть время, завел для вида переговоры, хотя уже твердо решил бежать. Яков считал, что его жизнь в опасности, и чувствовал, что все планы пошли прахом. И все-таки даже сейчас сдаваться он не хотел. У него есть сын, и дороже жизни и будущего этого мальчика нет ничего на свете. Он укроет его, спасет для счастливой будущности. Мальчик ни за что не станет жертвой англикан. «В моего сына — вот в кого они целят, — говорил Яков, — и именно сына при любых условиях я должен сохранить и спасти». Мальчика с матерью спешно переправили во Францию. Яков намеревался ехать за ними.

Но и тут короля преследовала злая судьба. При попытке бегства Яков был схвачен группой рыбаков, принявших его за иезуита, и возвращен в Лондон. Весь город в течение двух дней сотрясался в антикатолических конвульсиях. Наводя порядок, налаживая контакты с населением и армией, Вильгельм Оранский не забыл о Якове и помог ему бежать. Он тайно распорядился поставить в ночную стражу вокруг Уайтхолла голландцев вместо англичан. Одну дверь, сзади, нарочно оставили без присмотра. Люди Вильгельма пробрались к спящему Якову, разбудили его и передали совет Вильгельма немедленно бежать, если ему дорога жизнь. Яков не стал спорить и высказал желание ехать

через Рочестер. Вильгельм вздохнул с облегчением, выделил ему сопровождающих-голландцев, и в рождественское утро 1688 года Яков достиг берегов Франции. Его неудачное царствование продолжалось, как и предсказывал брат, около четырех лет. Таким образом Карл лишний раз продемонстрировал свою проницательность, но, конечно, он не мог предвидеть — и уж тем более приветствовать — те глубинные перемены, которые породит в системе английской монархической власти бескровная победа Вильгельма Оранского. Победа, которую впоследствии назовут Славной революцией.

Содержание

Предисловие	3
Глава 1. Смуглый младенец	6
Глава 2. Конец мира	32
Глава 3. Принц во Франции и Голландии	60
Глава 4. Бредский договор	83
Глава 5. Падающая корона	106
Глава 6. Беглец	126
Глава 7. Французское изгнание	154
Глава 8. Путник	176
Глава 9. «Король! Король!»	200
Глава 10. Земля обетованная	225
Глава 11. Всадники апокалипсиса	253
Глава 12. Грандиозный замысел	284
Глава 13. Король в деле	303
Глава 14. Сеть затягивается	335
Глава 15. Политика и партии	355
Глава 16. Паписты-заговорщики	378
Глава 17. Годы единоличного правления	421
Послесловие	439

По вопросам оптовой покупки книг
“Издательской группы АСТ” обращаться по адресу:

*Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13*

Книги “Издательской группы АСТ” можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – “Книги по почте”

Научно-популярное издание

Кут Стивен

**Августейший мастер выживания
Жизнь Карла II**

Научный редактор Н.И. Никитенко

Редактор Л.А. Чуткова

Художественный редактор О.Н. Адаскина

Компьютерный дизайн: С.В. Шумилин

Технический редактор О.В. Панкрашина

Младший редактор Е.Н. Белова

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2:
953004 — научная и производственная литература

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г

ООО «Издательство АСТ»

667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ЗАО НПП «Ермак»

115201, г. Москва, 2-й Котляковский проезд, д. 1, стр. 32

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП “Издательство “Самарский Дом печати”
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Карл II.

Король, хорошо известный нам по роману «Десять лет спустя» Александра Дюма...

Но — каким он был не в книгах, а в действительности?

Покровителем наук и искусств, при дворе которого творил Ван Дейк и работал Ньютон?

Любимцем женщин и человеком, ловко использующим своих легендарных фавориток в дворцовых интригах?

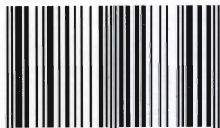
Весьма посредственным военачальником, выигравшим тем не менее множество сражений?

Наконец, единственным из королей Англии, чей двор затмил роскошью и изысканностью даже легендарный Версаль?..

Историческая библиотека

Прочитайте книгу Стивена Кута — и Карл II предстанет перед вами во всем своем блеске и противоречивости.

ISBN 5-17-022734-5

9 785170 227341